

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

38

05
0-23

ОБРАЗОВАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ

И

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАВІЯ.

№ 11.

НОЯБРЬ.

1896.

№ 3060 ж. 41
ЛЕНИНГРАДСКАЯ

Центральная Библиотека

пл.ш. Ласовля, 3.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая 15.

1896.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ 30 Октября 1896 года.

L 51
035
v. 5:11

Правительственныя распоряженія

Опредѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Брошюру: «*К. Келдышъ*. О священномъ коронованіи 14-го мая 1896 года. Владикавказъ. Въ 16-ю д. л., стр. 58. Цѣна не обозначена»—одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для раздачи ученикамъ сихъ заведеній.

— Книгу: «Сборникъ подвижныхъ игръ на открытомъ воздухѣ и въ школѣ. Съ рисунками. Въ двухъ частяхъ. I. Игры большимъ и малымъ мячемъ. II. Школьные игры. Переведены и составлены учительницей гимнастики *С. К. Павловой*. Съ предисловіемъ профессора гигиены *Ф. Ф. Эрисмана*. М. 1896. Стр. IV + 110. Цѣна 1 рубль»—рекомендовать для учительскихъ и ученическихъ библиотекъ всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и учительскихъ институтовъ и семинарій, а равно и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ.

— Книгу: «Самоучитель русской скорописи (стенографія). Составилъ *В. И. Кривошъ*. Петроградъ. 1893. Стр. 128. Цѣна 1 р. 25 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства при обученіи стенографіи.

— Книгу: «Элементарная геометрія для гимназій и реальныхъ училищъ. Составилъ, по сочиненіямъ Руше и Комберуза и другимъ, *Н. Билибинъ*. С.-Пб. 1887. Стр. VII + 421 + 24 таблицы съ 369 чертежами. Цѣна 2 рубля»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «*П. Смирновскій*. Теорія словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 9-е. Цѣна въ переплетѣ 90 коп. М. 1896. Стр. 146 + II»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— «Сочиненія Диккенса. Полное собраніе въ 10 томахъ. Переводъ *В. Л. Рамцова*. Томы I—VII. Изданіе *Ф. Павленкова*. С.-Пб. 1892—

1*

1894»—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: «Капитанская дочка. Историческій романъ *А. С. Пушкина*, иллюстрированный 188 рисунками *М. Е. Малышева*. Изданіе *Ф. Павленкова*. С.-Пб. 1890. Стр. 188. Цѣна 60 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданія *Ф. Павленкова*, подъ общимъ заглавіемъ: «Иллюстрированная сказочная библіотека»: Вып. 1—30. Сказки *Андерсена* въ переводѣ *Б. Порозовской*. С.-Пб. 1894. Цѣна отъ 5 до 18 коп. за выпускъ и вып. 30—36. Сказки *Гауффа* въ переводѣ *Б. Порозовской*. С.-Пб. 1894. Цѣна отъ 10 до 18 коп. за выпускъ»—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «По волнамъ безконечности. Астрономическая фантазія *К. Фламмаріона*. Переводъ съ французскаго *В. Ранцова*. Изданіе *Ф. Павленкова*. С.-Пб. 1894. Стр. 320. Цѣна 80 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Въ небесахъ. Астрономическій романъ *К. Фламмаріона*. Съ 89 рисунками въ текстѣ. Перевелъ съ французскаго *Е. А. Предтеченскій*. 2-е изд. *Ф. Павленкова*. С.-Пб. 1892. Стр. II+324. Цѣна 75 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Исторія культуры. *Ю. Липперта*. Въ трехъ отдѣлахъ. Съ 83 рисунками въ текстѣ. Перевели съ нѣмецкаго *А. Острогорскій* и *И Струве*. Изданіе *Ф. Павленкова*. С.-Пб. 1894. Стр. II+396. Цѣна 1 р. 60 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Матери великихъ людей. Составилъ *М. Блокъ*. Переводъ съ французскаго. Изданіе *Ф. Павленкова*. С.-Пб. 1894. Стр. 146. Цѣна 60 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Музыкальное сочиненіе *А. Манна*. «Коронаціонный гимнъ. Слова *П. Потъгина* — рекомендовать для среднихъ учебныхъ заведеній.

Опредѣленія особаго отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Сочиненія профессора Казанской духовной академіи *Алексѣя Царевского*: 1) «Святая čtyрдесятница. Историко-литургическій очеркъ. Казань. 1891. Стр. (Цѣна не обозначена)». 2) Крестъ Христа и крестъ въ жизни всякаго христіанина. Казань. 1892. Стр. 72. Цѣна 40 коп.». 3) «Дни страданій Спасителя и память ихъ, совершаемая церковію пра-

зославною. (Страстная недѣля). Казань. 1893. Стр. 89. (Цѣна не обозначена)». 4) «Православіе, какъ единая въ мірѣ истинная и спасающая религія. Публичная лекція. Казань. 1894. Стр. 49. (Цѣна не обозначена)». 5) «О христіанской обязанности помогать бѣдствующимъ отъ голода. Публичное чтеніе. Казань. 1892. Стр. 57. Цѣна 40 коп.» 6) «Святый Іоаннъ Дамаскинъ, какъ православный богословъ и церковный христіанскій пѣснопѣвецъ. Казань. 1891. Стр. 32. (Цѣна не обозначена)»—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для учительскихъ бібліотекъ низшихъ училищъ.

— Книжку: «Справочный церковно-славянскій словарь для толковаго чтенія св. Евангелія, Псалтири. Часослова, Октоиха, Ирмологія и другихъ богослужебныхъ книгъ. Составилъ *А. Гусевъ*. Изданіе *А. Д. Ступина*. М. 1896. Стр. 128 in 24. Цѣна 5 коп.»—допустить въ качествѣ учебнаго пособия для начальныхъ училищъ, а также въ ученическія бібліотеки всѣхъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и въ народныя читальни.

— Книжку: «Преподобный отецъ Трифонъ. Вятскій чудотворецъ (родился въ 1543 году, умеръ въ 1613 году, 8-го октября, 70 лѣтъ). Полное жизнеописаніе. Составилъ діаконъ *Мих. Чемодановъ*. Вятка. 1895. Стр. 98. Цѣна 20 коп.»—допустить въ бібліотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

— Книги *Д. И. Тихомирова*: 1) «Вешніе исходы. Первая послѣ азбуки книга для класнаго чтенія и бесѣдъ, устныхъ и письменныхъ упражненій, въ школахъ и въ семьѣ. М. 1896. Стр. 155+III. Ц. 30 коп.» 2) То же. Вторая книга. Стр. VI+244. Ц. 35 коп. 3) «Вешніе всходы. Руководство для учителя къ первой и второй книгѣ для класнаго чтенія и бесѣдъ, устныхъ и письменныхъ упражненій. М. 1896. Стр. VI+96. Ц. 30 коп.»—допустить первую и вторую для класнаго употребленія въ низшихъ училищахъ, а третью («Руководство для учителя») въ учительскія бібліотеки тѣхъ же училищъ, съ тѣмъ, чтобы при печатаніи слѣдующаго изданія названныхъ книгъ были приняты во вниманіе указанія ученаго комитета.

— Книжку: «*М. Васильевъ*. Въ лѣсу и въ полѣ. Разказы и сказки для дѣтей. Съ рисунками въ текстѣ. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1894. Стр. 60. Ц. 30 коп.»—одобрить для ученическихъ бібліотекъ народныхъ училищъ и младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній и допустить въ народныя читальни.

— Книгу: «*В. Самойловичъ* (С. П. Соболева). Девять разказовъ для дѣтскаго чтенія. Съ 10 рисунками академика *М. Клодта*. С.-Пб. 1893. Стр. 262. Ц. 2 р.»—допустить въ ученическія, средняго возраста бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Изданные *В. А. Березовскимъ*, подъ общимъ заглавіемъ «Чтеніе для солдатъ и народа», рассказы *К. Тхоржевскаго*: 1) «Счастливецъ. (Быль). Стр. 12. Ц. 3 коп.» и 2) «Изъ былого. Рассказъ моего пріятеля. Стр. 11. Ц. 3 коп.» — одобрить для ученическихъ бібліотекъ начальныхъ народныхъ училищъ и допустить въ народныя читальни.

— Книжку: «Звѣдочка. Азбука и первая книга для чтенія. Первый годъ обученія въ школахъ молодыхъ солдатъ и взрослыхъ. Составилъ *Н. П. Столмянскій*. Изд. 9-е, исправленное. Издалъ *В. Березовскій*. С.-Пб. 1894. Стр. 64 (Цѣна не обозначена)» — допустить въ качествѣ учебнаго пособія въ начальныя народныя училища.

— Изданія *В. А. Березовскаго*: 1) «Солдатскія прописи. Составилъ *Старый Ротный Командиръ*. Изд. 5-е. С.-Пб. Стр. 16. Ц. 8 коп.» и 2) «Наставленіе къ Солдатскимъ прописямъ». Составилъ *Старый Ротный Командиръ*. С.-Пб. Стр. 4. Ц. 3 коп.» — допустить въ бібліотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

— Изданіе: «Практическая метода русскаго чистописанія въ пяти тетрадахъ, первоначально составленная *Н. Фридманомъ*. Изданіе *М. Ботвинда*. Гродно. 1-я тетрадь, 1893 г., 39-е изд.; 2-я тетрадь 1893 г., 31-е изд.; 3-я тетрадь 1894 г., 41-е изд.» — допустить къ употребленію въ начальныхъ народныхъ школахъ, съ тѣмъ, чтобы продажная цѣна тетрадей, указанная издателемъ въ его прошеніи (по 4 коп. за тетрадь на лучшей бумагѣ, по 3¹/₂ коп. на обыкновенной и по 3¹/₂, безъ обложки), была напечатана на самихъ тетрадахъ.

— Книгу: «Наши солдаты (типы мирнаго и военнаго времени). Сочиненіе *Н. Бутовскаго*. Съ рисунками. С.-Пб. 1893. Стр. 251. Цѣна 1 р.» — допустить въ ученическія бібліотеки мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ бібліотеки учительскихъ семинарій и въ народныя читальни.

— Брошюры *Ө. Ө. Пуцьковича*, подъ общимъ заглавіемъ «Изъ народовѣдѣнія. Чтеніе для народа»: 1) Англичане. 2) Китайцы. 3) Абиссинцы. 4) Болгары. 5) Сербы. 6) Черногорцы. 7) Хорваты. 8) Чехи. 9) Русины. С.-Пб. 1896. По 16 стр. въ каждой. Цѣна каждой 5 коп.» — допустить въ ученическія бібліотеки всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній, въ народныя читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній, съ тѣмъ, чтобы въ брошюрь «Сербы» было выпущено указанное ученымъ комитетомъ мѣсто.

Историческое значеніе царствованія Екатерины Великой.

Когда мы собираемъ во-едино разрозненные обрывки школьныхъ воспоминаній о царствованіи Екатерины II, въ нашемъ воображеніи встаетъ нѣчто блестящее, грандіозное и шумное, въ памяти мелькаютъ громкія имена, картины фантастической роскоши, героическіе подвиги «Екатерининскихъ орловъ». Намъ не обманываютъ школьныя воспоминанія. Да, это была пора пышныхъ плановъ и громкихъ дѣяній. Достаточно вспомнить два, три имени, чтобы тотчасъ представить себѣ весь внѣшній блескъ и этихъ плановъ, и этихъ дѣяній. «Великолѣпный князь Тавриды» съ его эффектными мечтами объ изгнаніи турокъ изъ Европы, съ его гомерическими пирами, на которыхъ дамамъ разносили вмѣсто десерта глубокія тарелки, полныя брилліантовъ, Суворовъ, славный полководецъ,—все это сильные и яркіе образы нашего прошлаго. Наконецъ, сама императрица — необычайное явленіе на престолѣ: коронованная корреспондентка передовыхъ философовъ вѣка, авторъ «Наказа» — блестящей программы преобразованія русской дѣйствительности на почвѣ послѣднихъ выводовъ европейской мысли.

Мы не возьмемъ на себя сложной задачи воспроизвести передъ читателемъ картину Екатерининскаго царствованія. Намъ займутъ въ настоящей статьѣ не отдѣльныя перипетіи, а конечные результаты, общіе историческіе итоги этой замѣчательной эпохи. Мы не будемъ тревожить памяти давно умершихъ историческихъ дѣятелей, мы разсмотримъ то, что осталось отъ ихъ дѣятельности, что перешло отъ нихъ въ наслѣдіе послѣдующихъ поколѣній и о чемъ гораздо меньше говорятъ намъ наши школьныя воспоминанія.

Сводя воедино осязательные конечные итоги Екатерининскаго царствованія, мы должны принять во вниманіе какъ непосредственные практическіе результаты законодательной дѣятельности, такъ и тѣ общіе принципы, которые впервые громко и торжественно были заявлены съ высоты трона.

Слѣдуетъ-ли умалчивать, что между тѣмъ и другимъ не было

полнаго соответствія; что практическіе результаты законодательной дѣятельности—блѣдныя тѣни первоначальной теоретической программы императрицы? Странно было бы умалчивать объ этомъ, такъ какъ предположеніе чего либо иного уличило бы лишь игнорированіе законовъ исторической перспективы. Вдохновленная передовымъ философскимъ движеніемъ вѣка, теоретическая программа императрицы несомнѣнно далеко отражала текущую русскую дѣйствительность, предвосхищала ея отдаленныя будущіе успѣхи и уже потому была обречена на поражение при столкновеніи съ реальными жизненными отношеніями. Это не лишаетъ ее историческаго значенія. Помимо своей практической примѣнимости она важна, прежде всего, какъ краснорѣчивая страница въ исторіи русской мысли. Правда, она не разрѣшала затронутыхъ вопросовъ, и даже не намѣчала надежнаго пути къ ихъ практическому разрѣшенію. За то она *ставила* эти вопросы, притягивала къ нимъ общественное вниманіе, будила общественную мысль.

Можно думать, что эта программа была намѣчена и обдумана задолго до воцаренія. По крайней мѣрѣ, мы находимъ вполне ясное указаніе на ея основное положеніе въ манифестѣ, изданномъ въ свѣтъ всего черезъ какія нибудь двѣ недѣли послѣ іюньскаго переворота 1762 года. Въ этомъ манифестѣ находимъ, между прочимъ, слѣдующія знаменательныя строки: «Наиторжественнѣйшимъ нашимъ императорскимъ словомъ узаконить такія государственныя установленія, по которымъ бы правительство любезнаго нашего отечества въ своей силѣ принадлежащихъ ей границахъ теченіе свое имѣло, такъ чтобъ и въ потомки *каждое государственное мѣсто имѣло свои предѣлы и законы* къ соблюденію добраго во всемъ порядка»... (Соловьевъ, Ист. Росс., т. XXV). Принципъ законности провозглашался здѣсь краеугольнымъ камнемъ предстоящей реформы. Первые самостоятельные шаги на административномъ поприщѣ, первые столкновенія съ будничной обстановкой обычнаго дѣлопроизводства могли только еще болѣе обострить сознанное ранѣе убѣжденіе въ необходимости неотложной реформы. Чтеніе разныхъ прошеній и дѣлъ, сенатскія разсужденія, разговоры съ окружающими, изученія законовъ, наполненныхъ противорѣчіями, все это, по собственному признанію Екатерины, окончательно привело ее къ заключенію, «что образъ мыслей вообще, да и самый гражданскій законъ не можетъ получить поправленія иначе, какъ установленіемъ полезныхъ для всѣхъ въ Имперіи живущихъ и для всѣхъ вообще вещей правилъ, мною писанныхъ и утвержденныхъ. И для того я начала читать, потомъ писать наказъ комиссіи уложенія». (Спб. И. Р. Истор. Общ., т. IV). Такъ возникъ Наказъ, политическое profession de foi Екатерины, продуктъ ея предшествующей теоретической подготовки. Всѣмъ извѣстно, что Наказъ, составленный изъ обширныхъ заимствованій изъ Монтескье и Беккарія, добавленныхъ нѣкоторыми немногими статьями оригинальнаго происхожденія, популяризировалъ идеи тогдашней пресвѣтительной западно-евро-

пейской литературы. Съ этой стороны Наказъ долженъ быть оцененъ какъ замѣчательный литературный памятникъ своей эпохи. Разсматривая его теперь не какъ литературный фактъ, а какъ политическій актъ, мы считаемъ весьма знаменательной тѣсную связь Наказа съ вышеприведеннымъ манифестомъ. Взятый въ цѣломъ, Наказъ являлся детальною разработкою той самой основной мысли, которую мы подчеркнули въ манифестѣ. Царство законности, такъ можно формулировать политическій идеалъ Наказа. Водвореніе законности—единственный путь къ европеизаціи Россіи, составляющей конечную задачу просвѣтительной дѣятельности мудраго правительства (511—512 ст. Наказа). Господство закона неизбѣжное условіе гражданской свободы (ст. 39) и успѣховъ общественной жизни (ст. 57). Чѣмъ гарантируется достиженіе законности, какъ основы государственнаго порядка? Высокимъ развитіемъ гражданскихъ нравовъ. Два фактора, обуславливая доброе состояніе нравовъ, служатъ тѣмъ самымъ лучшимъ оплотомъ законности, раціональное воспитаніе и правильная организація суда. «Правила воспитанія суть первыя основанія, пригото- вляющія насъ быть гражданами» (ст. 348), онѣ доказываютъ основы гражданской нравственности, правильно организованной судъ—прѣдохранительный аппаратъ отъ разрушенія и искаженія этихъ основъ (ст. 146). Вотъ почему авторъ Наказа удѣляетъ такъ много мѣста суду и воспитанію, щедро разсыпая въ относящихся сюда афоризмахъ послѣдніе выводы современныхъ передовыхъ авторитетовъ. Въ итогѣ авторъ Наказа развертывалъ передъ читателемъ идиллическую картину идеальнаго государства, гдѣ добрая нравственность гражданъ соперничаетъ съ мудрой обдуманностью государственныхъ учрежденій.

Екатерина не закрываетъ глазъ на пропасть, раздѣляющую идеи Наказа отъ данныхъ русской дѣйствительности. Въ Наказѣ найдется не мало фактическихъ иллюстрацій русской жизни, достаточно доказывающихъ отсутствіе на этотъ счетъ у императрицы какихъ либо розовыхъ иллюзій. Тѣмъ не менѣе, весь Наказъ построенъ на полной увѣренности въ томъ, что эта пропасть можетъ быть и непременно будетъ заровнена. Учрежденія всегда соответствуютъ «расположенію народа», рассуждаетъ ученица Монтескье.

Россія есть европейская держава, слѣдовательно, въ основѣ ея учрежденій должны лежать общеевропейскія начала. Ходомъ историческихъ событій, «смѣшеніемъ разныхъ народовъ и завоеваніемъ чужихъ областей», къ намъ были пересажены чуждыя начала и несходственные нравы. Смытъ эти чуждые наносы, высвободить изъ подъ нихъ европейскую основу Россіи—вотъ задача политики, задача вполне достижимая, какъ уже показалъ примѣръ Петра I, «который «вводя нравы и обычаи европейскіе въ европейскомъ народѣ, нашель тогда такія удобства, какихъ онъ и самъ не ожидалъ» (ст. 5, 6, 7).

Однако, въ самомъ Наказѣ не сдѣлано попытки не только за-

ровнять эту пропасть, но хотя бы перекинуть через нее на первый случай какойнибудь мостъ. Наказъ намѣтилъ общіе принципы, идеальныя исходныя точки, а затѣмъ—«остається намъ коммиссія: подробности каждыя части законовъ сравнять съ правилами сего Наказа» (ст. 522), такъ заканчивалась послѣдняя глава Наказа. Какъ извѣстно, коммиссія, созданная для выработки проекта новаго уложенія, получившая въ руководство только что рассмотрѣнный Наказъ, не выполнила возложенной на нее задачи, не составила такого проекта. Тѣмъ не менѣе, работы коммиссіи не прошли совершенно безслѣдно для послѣдующаго законодательства, онѣ легли въ основаніе крупныхъ законодательныхъ актовъ Екатерининскаго царствованія; мы разумѣемъ учрежденія о губерніяхъ (1775 г.) и жалованныя грамоты дворянству и городамъ (1785 г.). Если наказъ рисуесть намъ первоначальныя планы и надежды, съ которыми началось замѣчательное царствованіе, то эти акты подводятъ общій итогъ практическимъ результатамъ, достигнутымъ къ концу царствованія и переданнымъ въ наслѣдіе потомству. Если Наказъ отпечатлѣлъ на себѣ вліяніе просвѣтительныхъ идей на складѣ міросозерцанія Екатерины и заявленной ею въ связи съ этимъ міросозерцаніемъ программы, то вышеупомянутыя акты вскрываютъ намъ связь Екатерининской политики съ общимъ ходомъ русской исторической жизни, съ основными историческими процессами, намѣченными нашимъ предшественнымъ развитіемъ. Мы и перейдемъ теперь прямо отъ программы къ ея выполненію, предоставивъ самому читателю звѣситъ затѣмъ сравнительную роль сопоставленныхъ нами реформаторскихъ идей и историческихъ прецедентовъ.

Царствованіе Екатерины II, заявившее съ небольшимъ три десятилѣтія прошлаго вѣка, является однимъ изъ знаменательнѣйшихъ моментовъ нашего историческаго развитія. Въ теченіе этого царствованія находятъ свое окончательное завершеніе и точную законодательную формулировку основныя процессы русской жизни прошлаго столѣтія, процессы, кореннымъ образомъ перестроившіе созданное Петромъ I государственное зданіе. Въ настоящее время историческая наука окончательно выяснила генезисъ и характеръ Петровской реформы. Мы знаемъ теперь, какъ глубоко ушла эта реформа своими корнями въ Московское прошлое, какъ органически связана она съ предшественнымъ ей ходомъ исторической жизни. Обновивъ съ помощью иноземныхъ образцовъ обветшавшія *формы* московскаго государственнаго строя, она спасала тѣмъ самымъ основной принципъ послѣдняго. Уже съ половины XVII-го вѣка на Руси вырастаетъ новое поколѣніе государственныхъ дѣльцевъ, которые разочаровываются въ результатахъ старой разстроившейся государственной машины. Организациа московскаго государства вся была рассчитана на удовлетвореніе потребностей національной самообороны, на непрерывное пополненіе казны и войска. Между тѣмъ, съ половины XVII в. именно въ этихъ отношеніяхъ жизнь представляла кра-

спорѣчивыя доказательства приближающагося кризиса. Казна пустовала, помѣстныя ополченія являли собой печальное зрѣлище. И вотъ, мысль о необходимости реформы дѣлается ходячей. Конецъ XVII в. необыкновенно чреватъ преобразовательными опытами и проектами. Разсматривая тѣ и другіе, мы какъ разъ находимъ ту атмосферу, которая должна была воспитать Преобразователя. Каковъ же общій тонъ этихъ опытовъ и проектовъ? Все твердитъ о негодности существующей системы, но мы нигдѣ не находимъ въ этой настойчивой критикѣ принципиальнаго отрицанія коренныхъ основъ стараго порядка. Старую машину не думаютъ ломать. Стремятся только усовершенствовать ея функционированіе съ помощью западныхъ образцовъ. Петръ и является послушнымъ послѣдователемъ такой политики. Неотрашимые запросы времени властно потребовали прежде всего реформы военнаго дѣла и податной системы. Надвигалась великая сѣверная война. Нужно было во что бы то ни стало поднять на должную высоту боевую силу русскаго войска въ виду скопленія новыхъ грозныхъ тучъ на политическомъ горизонтѣ. Грустные уроки прошлаго показали въ какомъ направленіи вести реформу: предстояло измѣнить прежній способъ отбыванія ратной повинности, двинуть впередъ первобытную технику русскаго военнаго дѣла и, памятуя, что «деньги суть артерія войны», установить инныя основанія податнаго обложенія. Все это было исполнено по западно-европейскимъ образцамъ и въ связи съ этими техническими усовершенствованіями военной и податной системы были введены также необходимыя измѣненія въ организацію общественныхъ классовъ и административныхъ учреждений. И за всѣми этими измѣненіями принципиальныя основы стараго порядка остались нетронутыми. По прежнему въ основу государственнаго строя было положено строгое размежеваніе отдѣльныхъ государственныхъ повинностей между общественными классами, по прежнему все общество сверху до низу было закрѣпощено различнымъ категоріямъ государственнаго тягла, по прежнему на Руси *жить* значило *служить*, и не служить можно было только незаконно, укрываясь отъ зоркихъ глазъ бдительнаго царя. Легко понять, какое тяжелое бремя для населенія представлялъ только что описанный общественный строй. Но при всей его тяжести, онъ заключалъ въ себѣ двѣ черты, способныя вносить примиряющую ноту въ сознаніе тѣхъ умовъ, которые могли-бы возвыситься въ то время до его обобщающей критики: вопервыхъ, общественныя жертвы, вызывавшіяся этимъ порядкомъ, подсказывались неотложной реальной національной потребностью: государственная самооборона была общимъ и насущнымъ интересомъ. Вторыхъ, въ основу системы былъ положенъ принципъ общественной справедливости: бремя порядка пало безъ различья на всѣ общественные элементы.

Эпохой Петра В. въ русской исторіи заканчивается длительный періодъ національной самообороны, тревожной и на-

пряженной военной жизни, которая такъ сильно воздѣйствовала на выработку всего нашего государственнаго строя. Съ Ништадскаго мира Россія достигла своихъ наиболѣе насущныхъ естественныхъ границъ и въ то же время заняла видное мѣсто въ тогдашнемъ европейскомъ концертѣ. Напряженная борьба за политическое существованіе, столь долго сковывавшая естественный внутренний ростъ народныхъ силъ, кончилась. Это неминуемо должно было отразиться на переработкѣ государственно-общественныхъ отношеній. Теперь одностороннее напряжение всѣхъ національныхъ ресурсовъ на нужды государственной обороны, уже не находило прежняго оправданія въ реальныхъ и неотразимыхъ запросахъ жизни. Вотъ почему тяжесть прежняго порядка теперь усугублялась: къ матерьяльной тяжести присоединялась нравственная. Результатомъ такого поворота русской жизни и должно было явиться *раскрѣпощеніе* общественныхъ классовъ отъ государственнаго тягла. XVIII-й вѣкъ и слѣдуетъ разсматривать въ исторіи нашего общества, какъ начальный моментъ такого раскрѣпощенія. Но втеченіе XVIII-го вѣка мы присутствуемъ лишь при первомъ актѣ этого знаменательнаго процесса, растянувшася на цѣлые полтора вѣка. Указъ о вольности дворянства, изданный Петромъ III—вотъ его прологъ, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ царствованіе императора Александра II—вотъ его эпилогъ. Прежде чѣмъ окончательно измѣнить свой старый обликъ, мы пережили долговременный промежуточный фазисъ смѣшаннаго характера. Этого-то промежуточной фазисъ и падаетъ на XVIII-й вѣкъ. Раскрѣпощеніе общества началось съ верхняго *дворянскаго* класса и очень туго просачивалось затѣмъ въ нѣдра низшей массы. Дворянство уже въ XVIII ст. избавилось отъ своего спеціальнаго тягла: обязательной государственной службы. Но добившись свободы, дворянство стало на стражѣ крестьянской неволи. Въ XVIII-мъ вѣкѣ впервые было провозглашено въ русской жизни новое начало: *эмансипація*, но слишкомъ еще былъ узокъ масштабъ его практическаго примѣненія. Новыя вѣянія подернули блестящую поверхность русской жизни, но онѣ еще не были тогда способны взбаламутить ея глубинъ.Екатерининское царствованіе и представило собою завершеніе этого промежуточнаго фазиса разсматриваемаго процесса. Отсюда тѣ рѣзкіе диссонансы и контрасты, которые насыщаютъ атмосферу этого царствованія. Общество стояло тогда на историческомъ перепутьи.

Старина, по прежнему царившая на днѣ народной жизни, моментно просачивалась и на поверхность изъ подъ новыхъ житейскихъ формъ, вкрапливаясь тонкими и неуловимыми струями даже и въ такія отправленія общественной жизни, которыя всецѣло казались на первый взглядъ продуктами самоновѣйшаго прогресса. На всю общественность, на всю нашу культуру разсматриваемой эпохи легла печать этой печальной двойственности. Вотъ почему, когда передъ умственнымъ взоромъ историка вер-

ничей проходить люди и факты этого царствования, пусть онъ не удивляется пестрой смѣнѣ противорѣчивыхъ явленій, пусть онъ не отдается чувству недоумѣнія, когда передъ нимъ въ однихъ и тѣхъ же устахъ фразы Вольтера начнутъ чередоваться съ рѣченіями Домостроя и однѣ и тѣ же руки отъ перелистыванія великой энциклопедіи непосредственно перейдутъ къ патриархальной расправѣ надъ домашней челядью...

Легко объяснимо, почему обнаружившіяся въ обществѣ по смерти Петра исканія новыхъ, болѣе сносныхъ жизненныхъ перспективъ обозначились въ сознательной формѣ въ средѣ высшаго общественнаго класса, въ средѣ дворянства. Здѣсь сказался умственный подъемъ верхнихъ слоевъ дворянства, подготовившій его къ сознательной критикѣ текущихъ жизненныхъ условій и назрѣвшій подъ сильнымъ вліяніемъ Запада. Любопытно, къ какимъ элементамъ западно-европейской общественности наше дворянство оказалось въ этотъ моментъ наиболѣе падкимъ. То были феодально-аристократическія воззрѣнія западно-европейской знати. Подъ совокупнымъ воздѣйствіемъ туземныхъ фактовъ и иноземныхъ идей въ обиходѣ нашей общественной мысли постепенно укореняется къ половинѣ вѣка совершенно новое представленіе о сущности дворянскаго состоянія. Дворянство провозглашается теперь устами своихъ передовыхъ представителей не особымъ общественнымъ классомъ, а *особой породой людей*. Дворянинъ, согласно этому новому воззрѣнію, отличается отъ купца и крестьянина не только кругомъ своихъ обязанностей и правъ, не только обстановкой и содержаніемъ своей жизни, но прежде всего своей физической и духовной организаціей. Дворянинъ, это — бѣлая кость, это — носитель утонченныхъ чувствъ и зрѣлыхъ мыслей, недоступныхъ массѣ. Сословное чувство притупило у представителей дворянства чутье къ родной исторіи. Дворянинъ половины XVIII-го в. рисуется себѣ своего историческаго предка — служилаго человека Московской Руси — самоотверженнымъ героемъ, который на однихъ своихъ плечахъ, движимый высокими побужденіями благороднаго духа, вынесъ на путь славы судьбу родины. «Кто въ гибели твоей, Россія — восклицалъ въ Екатерининской комиссіи для составленія новаго уложенія кн. Щербатовъ — подай тебѣ руку помощи? То вѣрныя твои чада, древніе російскіе дворяне! Они, оставя все и жертвуя жизнью, они тебя освободили отъ чуждаго ига, они приобрѣли тебѣ прежнюю вольность. Вотъ первое право, чтобы *никто съ ними не былъ сравненъ*».

Мы знаемъ, какъ протекала жизнь служилыхъ людей московскаго государства. Это дѣйствительно была сплошная жертва силъ и жизней на алтарь государственныхъ нуждъ. Но мы знаемъ также, что историческая заслуга этихъ жертвъ вовсе не была заслугой одного служилаго сословія. Если уже говорить о герояхъ,

то героємъ долженъ быть признанъ весь русскій народъ, втеченіе двухъ вѣковъ выносившій суровую историческую школу національной самообороны. Между тѣмъ по возрѣніямъ той среды, отъ лица которой ораторствовалъ кн. Щербатовъ, дворянство исторически явилось единственнымъ творцемъ безопасности и величія своей родины, ибо только дворянству, какъ высшему разряду людей, могли быть свойственны необходимыя для этой цѣли высокія качества ума и сердца. Отсюда рождалось требованіе, чтобы дворянство «какъ особливая порода людей содержалась отъ государства въ надлежащемъ почтеніи и консидераціи». Исходя изъ этихъ положеній, въ 30-хъ годахъ столѣтія дворянство обнаружило чрезвычайно обостренный вкусъ къ руководящей правительственной роли въ странѣ. Оно надѣялось, опираясь на политическую власть, окончательно вытти изъ своего закрѣпощеннаго положенія, вполне осуществить свои сословныя притязанія. 30-тые годы прошлаго вѣка—рѣзкій поворотный пунктъ въ исторіи этого движенія. Ходъ событій показалъ вождямъ движенія, что, и при существующемъ режимѣ дворянство можетъ надѣяться на осуществленіе своихъ сословныхъ притязаній. Разгорѣвшаяся было въ дворянской средѣ политическія страсти быстро гаснуть, и текущая политика всецѣло усваиваетъ себѣ дворянскую тенденцію. Тогда то и начинается знаменательный процессъ законодательнаго *раскрѣпленія* дворянства. Сущность этого процесса заключалась въ томъ, что всѣ сословныя притязанія дворянства одно за другимъ постепенно получаютъ законодательную санкцію. Уже въ царствованіе имп. Анны въ этомъ направленіи были сдѣланы весьма крупныя шаги. Такъ, указъ 1736 г. пробивалъ первую законодательную брешь въ старомъ государственномъ зданіи: онъ отмѣнялъ принципъ *пожизненности* обязательной дворянской службы. Каждый дворянинъ послѣ 25-ти лѣтъ службы, получилъ право проситься въ отставку.

Эффектъ этой мѣры былъ поразителенъ. Лишь только вышелъ указъ, правительство было завалено просьбами объ отставкѣ. Другой указъ снималъ вѣчно-обязанный характеръ съ дворянскаго землевладѣнія, уничтожая Петровскій законъ о неотчуждаемости и единонаслѣдіи дворянскихъ земель. Наконецъ въ 30-хъ годахъ дворянство добилось правительственной санкции своимъ сословнымъ притязаніямъ и въ сферѣ образованія. Въ отвѣтъ на настойчивыя заявленія шляхетства въ 1731 г. учреждается *шляхетскій* кадетскій корпусъ, любимое дѣтище Миниха. Центральнымъ пунктомъ намѣтившейся теперь преобразовательной программы все же оставался вопросъ объ *обязательной службѣ*. Дворянство взглянуло на указъ 1736 г., какъ на первый приступъ къ полной отмѣнѣ обязательной службы. То была самая популярная идея среди представителей тогдашняго дворянства. Приближенные къ трону представители этого класса настойчиво проводили ее въ правительственныя сферы. При императрицѣ Елизаветѣ окружавшіе наслѣдника престола вельможи «неустанно

вытверживали» ему о необходимости рѣшительнаго шага въ этомъ направленіи. Наконецъ, 18-го Феврала 1762 г. пробилъ послѣдній часъ дворянскаго закрѣпощенія. Петръ III подписалъ манифестъ «о дарованіи вольности и свободы всему россійскому дворянству». Съ этого момента вступленіе на службу было предоставлено свободной инициативѣ дворянина. Бурное ликование дворянской массы привѣтствовало этотъ манифестъ. «Всѣ вспрыгались почти отъ радости», замѣчаетъ въ своихъ запискахъ современникъ Болотовъ.

Царствованіе Екатерины Вел. явилось временемъ окончательнаго завершенія вновь назрѣвшаго порядка. Екатерина II освящаетъ законодательнымъ путемъ два крупные факта, только что выработанные русскою жизнью: привилегированное положеніе дворянства и крѣпостную зависимость крестьянъ. Въ этомъ отношеніи названное царствованіе лишь подводитъ итогъ предшествующему историческому процессу, забывая жизненные факты въ точныя юридическія нормы. Существуетъ ходячій взглядъ на Екатерину II, какъ на продолжательницу политики Петра I. Это—крупное недоразумѣніе, риторическая фигура, лишённая историческаго содержанія. Екатерина освятила своимъ законодательствомъ процессъ, состоявшій въ разрушеніи созданнаго Петромъ порядка. Что же касается спеціально исторіи дворянства, то въ этой области имп. Екатерина явилась непосредственной продолжательницей не Петра I, которому она воздвигнула памятникъ, а Петра III, котораго она смѣстила съ престола. Указъ Петра III «о вольности россійскаго дворянства», это—какъ разъ прологъ къ такъ называемому вѣку Екатерины. Не мало разнообразныхъ условій опредѣлило такой характеръ Екатерининской политики. Во-первыхъ, для упроченія за собой только что добытаго трона, въ тотъ вѣкъ постоянныхъ дворцовыхъ «пронунціанто», ей необходимо предстояло опереться на наиболѣе сильныя и властные общественные элементы. Вотъ почему, отдавъ дань либеральнымъ порывамъ молодости, Екатерина подчиняетъ затѣмъ свои политическіе планы программѣ руководящаго общественнаго класса. Но этого мало. Если изъ условій русской дѣйствительности Екатерина черпала уроки по части практической политики, то французскіе мыслители съ Монтескье во главѣ воспитали ея теоретическіе общественные идеалы. Многое изъ нихъ потерпѣло затѣмъ крушеніе при встрѣчѣ съ русской дѣйствительностью. Были однако нѣкоторые пункты, по которымъ уроки русской жизни сливались въ своихъ практическихъ выводахъ съ иными положеніями западно-европейской теоріи. Къ такимъ пунктамъ принадлежалъ прежде всего вопросъ о роли дворянства. Монтескье, какъ извѣстно, въ своей политической системѣ отводилъ весьма важную роль привилегированному дворянству, смотрѣлъ на него, какъ на необходимое соединительное звено между монархическимъ правительствомъ и массой остальнаго населенія. Вотъ почему Екатеринѣ еще легче было усвоить и

понять сословныя притязанія дворянства. Эти притязанія звучали ей чѣмъ то знакомымъ, напоминали то время, когда она еще великой княгиней коротала свой обильный досугъ съ твореніями своего учителя—Монтескье.

Рядъ крупныхъ законодательныхъ актовъ явился практическимъ выраженіемъ этихъ господствующихъ идей. Первое мѣсто среди нихъ должно быть отведено «Жалованной грамотѣ» дворянству 1785 г. Это одинъ изъ такихъ памятниковъ нашей исторіи, гдѣ, какъ въ зеркалѣ, отразились руководящи тенденціи соотвѣтствующаго историческаго момента. Здѣсь сведены въ общій итогъ всѣ преимущества дворянскаго класса, создавшія послѣднему надолго привилегированное положеніе въ русской жизни. Краеугольнымъ камнемъ всего памятника является общее опредѣленіе дворянскаго состоянія, которое любопытно разсмотрѣть какъ яркій примѣръ воздѣйствія на законодательство наиболѣе выпуклыхъ общественныхъ теченій того времени. Это опредѣленіе почти дословно заимствовано изъ составленнаго Екатериной «Наказа». Въ «Наказѣ» читаемъ: «Земледѣльцы живутъ въ селахъ и деревняхъ и обрабатываютъ землю, изъ которой произрастающіе плоды питаютъ всякаго состоянія людей. И сей есть ихъ жребій. Въ городахъ обитаютъ мѣщане, которые упражняются въ ремеслахъ, въ торговлѣ, въ художествахъ и наукахъ. *Дворянство есть нарицаніе въ чести, различающее отъ прочихъ тѣхъ, кои онымъ украшены*».

Крестьяне и мѣщане характеризуются здѣсь какъ общественные классы, различающіеся другъ отъ друга образомъ жизни и условіями дѣятельности. Напротивъ, дворяне выдѣляются въ особую группу, какъ носители особой сословной чести. Показателемъ этой чести служатъ особыя заслуги, которыя могутъ истекать лишь отъ существъ, отмѣченныхъ исключительной добродѣтелью. Итакъ, *добродѣтель и истекающая изъ нея заслуга* вотъ что возводитъ людей на степень дворянства. Далѣе, если дворянская честь—не что иное, какъ естественное слѣдствіе извѣстной нравственной природы, отсюда получается тотъ выводъ, что «лишити дворянства никого не можно, кромѣ того, который самъ себя лишилъ онаго своими основанію его достоинства противными поступками и сдѣлался чрезъ то званія своего недостойнъ». Далѣе слѣдуетъ и реестръ недостойныхъ дворянина пороковъ. Итакъ, въ то время, какъ прочіе общественные классы опредѣляются извѣстнымъ объемомъ специальныхъ правъ и обязанностей, дворянство, какъ общественный классъ, опредѣляется извѣстнымъ объемомъ специальныхъ добродѣтелей и пороковъ.

Это совершенно тотъ же самый взглядъ на дворянское состояніе, какъ на особую породу людей, который, какъ мы только что видѣли, громко раздавался изъ среды самаго дворянскаго общества. Исходя изъ этого отправнаго опредѣленія, грамота надѣляетъ затѣмъ дворянъ рядомъ чрезвычайно важныхъ личныхъ и корпоративныхъ привилегій. Всѣ онѣ разбиваются на двѣ кате-

горі: одні представляють дворянамъ новія преимущества, явившіяся результатомъ недавняго раскрѣпощенія этого класса—таковы: свобода отъ обязательной службы и право судебной защитой ограждать неприкосновенность дворянскаго достоинства. Другія освящаютъ на будущее время такія преимущества, которыми дворянство пользовалось и ранѣе и при прежнемъ закрѣпощенномъ режимѣ. Таковы—исключительное право однихъ дворянъ на владѣніе землей и свобода отъ всякихъ личныхъ податей. Но вотъ что чрезвычайно знаменательно. И эти старыя преимущества получаютъ теперь совершенно новую юридическую окраску. Обѣ только что названныя привилегіи являлись раньше естественнымъ послѣдствіемъ обязательной дворянской службы. Теперь служба отпала, но отмѣченныя преимущества остались въ силѣ, превратившись, такимъ образомъ, въ настоящія сословныя привилегіи, основанныя единственно на *достоинствѣ дворянскаго званія*.—Наконецъ, та же грамота создавала губернскія и уѣздныя дворянскія общества, надѣленные въ качествѣ юридическихъ лицъ опредѣленными правами. Провозглашая личныя права дворянина, грамота устанавливала въ то же время корпоративную самостоятельность дворянства въ сферѣ сословныхъ интересовъ. Но и этого мало. Другой законодательный актъ Екатерининскаго царствованія «Учрежденіе о губерніяхъ» предоставилъ дворянству командующую роль и въ сферѣ общегубернской администраціи.—Намъ ясны теперь конечные результаты разсмотрѣннаго процесса дворянскаго раскрѣпощенія.

Дворянство получило руководящее значеніе и въ центрѣ и въ области. Центральное правительство систематически осуществляетъ программу сословно-дворянскихъ притязаній, въ области дворянство дѣлается распорядителемъ крѣпостного народнаго труда и беретъ въ свои руки всю губернскую администрацію.—Въ русской исторіи наступаетъ въ полномъ смыслѣ «дворянская эра».

Намъ пора спросить себя: на чемъ же держалось господствующее положеніе дворянскаго класса, на какіе жизненные ресурсы опиралась его столь внушительная сила? Бокъ-о-бокъ съ усадьбой помѣщика, забывавшаго теперь на лонѣ сельской природы докучливые смотры и экзамены, по прежнему стояла крѣпостная деревня. Что же творилось тамъ, чѣмъ ознаменовался XVIII вѣкъ въ исторіи крѣпостного крестьянства? И здѣсь совершались глубокія перемѣны, и здѣсь жизнь дѣятельно лѣпила новыя формы. Но переходя изъ дворянской усадьбы въ крѣпостную деревню, мы должны приготовиться къ совершенно инымъ впечатлѣніямъ. По мѣрѣ того какъ служилый человекъ постепенно превращался въ свободного члена дворянскаго корпуса, крѣпостной крестьянинъ постепенно превращался въ раба. По смыслу стараго государственнаго порядка крестьянскій крѣпостной трудъ долженъ былъ обеспечивать ратную службу помѣщика въ пользу государства. Съ уничтоженіемъ обязательности дворянской службы, естественно

получался тотъ выводъ, что и съ крестьянъ должноствовало снять обязательный крѣпостной трудъ въ пользу помѣщика.

Этого ждали и сами крестьяне, среди которыхъ тотчасъ по изданіи указа о вольности дворянства пошли настойчивые слухи о близкомъ наступленіи воли. XVIII вѣкъ не дождался этого второго шага и съ этого момента крѣпостной крестьянинъ рѣзко мѣняетъ свою юридическую фізіономію. И раньше крѣпостной крестьянинъ часто фактически становился на одну доску съ рабомъ. Теперь, въ занимающую насъ эпоху онъ сталъ приближаться къ состоянію раба не только фактически, но юридически. Крѣпостной трудъ уже не былъ, какъ прежде, обезпеченіемъ дворянской службы, но крѣпостное право осталось въ силѣ, какъ учрежденіе безъ вызвавшихъ его первоначально мотивовъ, какъ слѣдствіе безъ причины, какъ тяжелый анахронизмъ, тяготѣвшій надъ русской жизнью.

Между тѣмъ, этотъ анахронизмъ давалъ основной тонъ развитію рѣшительно всѣхъ сторонъ нашей тогдашней общественности. Такъ, завершившаяся въ царствованіе Екатерины эмансипація дворянства сыграла крупную роль и въ исторіи крестьянства. Эмансипація дворянства дала одновременный толчекъ двумъ совершенно противоположнымъ явленіямъ въ сферѣ крестьянскаго вопроса: 1) *на практикѣ* крестьяне подвергались теперь полному порабощенію, 2) въ *теоріи* впервые былъ ясно поставленъ вопросъ о неправомѣрности и ненормальности такого явленія. Вѣкъ Екатерины—въ одно и то же время вѣкъ окончательнаго развитія крестьянской неволи и вѣкъ зарожденія освободительныхъ, аболіціонистскихъ движеній въ нашемъ обществѣ и въ нашей литературѣ. Размѣры настоящей статьи, имѣющей цѣлью бѣгло намѣтить основные процессы русской жизни, поскольку они назрѣли ко времени Екатерининскаго царствованія, не позволяютъ намъ остановиться на отдѣльныхъ фактахъ тогдашней рабовладѣльческой практики.— Впрочемъ, намъ достаточно привести только одно имя, чтобы напомнить всѣмъ общій характеръ послѣдней. Это имя Салтычихи. Пусть намъ замѣтятъ, что Салтычиха исключительное явленіе... Мы отвѣтимъ на это: какова же должна была быть та общая жизненная канва, на которой могли вырисовываться такіе ужасающіе отдѣльные узоры!*) Помѣщичій произволь не находилъ сколько нибудь серьезной сдержки въ текущемъ законодательствѣ. Правда, втеченіе Екатерининскаго царствованія было издано нѣсколько указовъ, направленныхъ на смягченіе нѣкоторыхъ частныхъ крѣпостнаго права. Но всѣ эти указы, крайне малочисленные, очень робки, отрывочны и мелочны. Они не могли оставить сколько нибудь ощутительнаго слѣда на бытѣ крѣпостной деревни, а нѣкоторые изъ нихъ прямо явились пла-

*) Яркую картину быта крѣпостной деревни прошлаго столѣтія читатель найдетъ въ извѣстномъ трудѣ В. И. Семевскаго: «Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II».

тоническими законодательными благопожеланіями, не примѣненными на практикѣ. Между тѣмъ, въ перемежку съ этими указами выходили другіе, которыми помѣщики не преминули воспользоваться, какъ лишнимъ удобнымъ орудіемъ для расширенія и укрѣпленія своей владѣльческой власти. Въ царствованіе Екатерины крестьянамъ окончательно было запрещено жаловаться куда бы то ни было на своихъ помѣщиковъ, помѣщикамъ было дозволено сдавать своихъ крестьянъ въ адмиралтейскую коллегію на каторжные работы съ правомъ взять ихъ обратно по собственному усмотрѣнію, во всякое время отдавать крестьянъ въ рекруты въ зачетъ будущихъ наборовъ. Наконецъ, въ царствованіе Екатерины состоялось территоріальное распространеніе крѣпостного права: мы разумѣемъ прикрѣпленіе малороссійскихъ крестьянъ.

Во то же время, однако, быстрое развитіе крестьянской неволи, само по себѣ грозило дальнѣйшей устойчивости крѣпостного уклада. На поверхности русской жизни всплывалъ «крестьянскій вопросъ» во всемъ своемъ объемѣ, во всемъ своемъ грозномъ значеніи. Разъ обозначившись, онъ уже не сходитъ съ очереди вплоть до своего окончательнаго разрѣшенія. Онъ дѣлается однимъ изъ тѣхъ «проклятыхъ вопросовъ», надъ которыми мучительно бьется рядъ поколѣній, одинаково бессильныхъ и разрѣшить, и затупить ихъ. Крестьянскій вопросъ, какъ очередная и основная задача государственной жизни, возникаетъ у насъ именно въ царствованіе Екатерины. Правда, онъ ограничивается въ то время областью теоретическихъ разсужденій, правда даже и эти теоретическія разсужденія за единичными исключеніями за дѣлаютъ вопросъ очень нерѣшительно и осторожно, тѣмъ не менѣе самый фактъ постановки вопроса былъ полонъ знаменательнаго значенія: это было внушительное «*metemento mori*» по адресу торжествующей крѣпостнической партіи.

Борьба загоралась въ три пріема и на трехъ различныхъ аренахъ: въ основанномъ при Екатеринѣ Вольномъ экономическомъ обществѣ, въ тогдашней сатирической литературѣ и въ знаменитой «Коммисіи для составленія новаго уложенія». Не смотря на разность поводовъ и обстановокъ, не смотря на различіе лицъ, выступавшихъ во всѣхъ этихъ случаяхъ отъ лица спорящихъ партій, борьба носитъ все время одинъ общій характеръ. И крѣпостники и эти первые родоначальники русскаго аболуціонизма не отличаются въ то время сложностью и разнообразіемъ своей аргументаціи. Ихъ разсужденія легко свести къ немногимъ общимъ положеніямъ. Если выдѣлить знаменитую книгу Радищева съ его замѣчательнымъ проектомъ освобожденія крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ, книгу, стоящую совершенно особнякомъ, то мы должны будемъ признать требованія застрѣльчиковъ аболуціонизма чрезвычайно умѣренными. Они почти не касаются самаго принципа помѣщичьей власти. Сатирическая литература нападаетъ на однѣ частныя злоупотребленія при его практическомъ

примѣненіи. Она взываетъ не къ законодательной реформѣ, а лишь къ общему подъему рабовладѣльческой этики, разумѣется не указывая никакихъ надежныхъ путей къ такому подъему. А тѣ, кто возлагалъ надежды на законодательныя мѣропріятія, либеральные депутаты Екатерининской комиссіи, тѣ ратовали лишь за извѣстную, довольно скромную регламентацію помѣщичьяго произвола. И все таки крѣпостники подняли вопль. Малѣйшая попытка регламентировать помѣщичій произволъ, приравнивалась ими къ полному отрицанію крѣпостного права, а отрицаніе крѣпостного права объявлялось кощунственнымъ потрясеніемъ государственнаго порядка. — Нѣкоторые, наиболѣе выдающіеся, вожди консервативной партіи не безъ ироніи замѣчали аболуціонистамъ, что проектируемыя ими мѣры не принесутъ никакой осязательной пользы, разъ останется въ силѣ личная зависимость крестьянина. Взглянемъ теперь на литературныхъ представителей крѣпостнической партіи. Защитники существующаго режима разбивались на двѣ группы. Одни доказывали преждевременность реформы, допуская ее, какъ трудно достижимый идеалъ неопредѣленнаго далекаго будущаго, когда крѣпостная масса будетъ подготовлена къ пользованію всѣми благами свободы. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ, напримѣръ, такой выдающійся писатель прошлаго вѣка, какъ Болтинъ. Рекомендовали просвѣщеніе народа, какъ небходимый подготовительный путь къ уничтоженію рабства, забывая при этомъ, что существованіе рабства и являлось какъ разъ главнымъ тормазомъ и матерьяльнаго, и духовнаго прогресса. Другіе являлись безусловными принципиальными сторонниками крѣпостного права. Прежде всего они апеллировали къ исторіи: «всѣ земли и крестьянскія усадьбы—родовое пожалованное или купленное достояніе помѣщиковъ». Эта историческая справка обрывалась на полусловѣ и подтасовывала подлинный историческій фактъ. Вообще крѣпостникамъ Екатерининской формаціи рискованно было становиться на историческую точку зрѣнія въ защитѣ своихъ интересовъ. Мы уже знаемъ, что съ царствованія Имп. Екатерины положеніе дворянства какъ разъ опредѣлилось разрывомъ съ предшествующей исторической традиціей. Помѣстное землевладѣніе, какъ и прикрѣпленіе крестьянъ, создано на почвѣ вѣчно-обязанной дворянской службы, которая теперь была уничтожена. Крѣпостники сами чувствовали недостаточность своего историческаго аргумента и спѣшили перенести обсужденіе вопроса на точку зрѣнія государственныхъ интересовъ. Только существованіе крѣпостного права гарантируетъ, по ихъ заявленіямъ—устойчивость государственнаго порядка и общественное спокойствіе—того самаго крѣпостного права, которое подарило Россію пугачевщиной. Мы легко поймемъ, почему всѣ эти доводы, несостоятельность которыхъ такъ очевидна, удовлетворяли большинство тогдашней публики. Всѣ они не были важны сами по себѣ: за ними крылся другой коренной доводъ, съ наивной храбростью высказанный въ одномъ крѣпостническомъ разсужде-

ни*): «еслибы поселяне по заморскому отъ господъ не зависѣли, такъ бы у иного помѣщика некому было и студено искрошить...» иное дѣло «за моремъ», тамъ можно освобождать крестьянъ: «тамъ не надо ни ложки, ни плошки, понеже, какъ слышно, тамъ въ трактирахъ все сыщешь». Итакъ, съ одной стороны крайняя осторожность и умѣренность аболүціонистическихъ стремленій, съ другой достаточность самыхъ нехитрыхъ и шаткихъ аргументовъ для защиты крѣпостного права въ глазахъ большой публики—вотъ черты, характеризующія постановку крестьянскаго вопроса въ царствованіе Екатерины. И все же эти черты не лишаютъ только что отмѣченную полемику крупнаго историческаго значенія. Такъ или иначе вопросъ былъ возбужденъ. Разъ поднявшись, аболүціонистское движеніе уже никогда не замирало, оно долго просачивалось чрезъ предубѣжденіе массы скромной, но настойчивой струей, пока, дождавшись лучшаго времени, не охватило могучимъ потокомъ и общество и правящія сферы.

Таковы были глубокія социальныя метаморфозы, отмѣтившія царствованіе Екатерины въ исторіи русскаго дворянства и русскаго крестьянства. Намъ остается взглянуть на то, что дѣлалось въ это же время за стѣнами русскаго города.

Съ первыхъ же годовъ XVIII-го столѣтія русскій городъ дѣлается объектомъ весьма многочисленныхъ и разнообразныхъ законодательныхъ экспериментовъ. Обильнымъ дождемъ сыплются на него смѣняющія другъ друга учрежденія и уставы. Вводятся ратуши, ихъ смѣняютъ магистраты, магистраты уничтожены, города по старому попадаютъ во власть воеводъ, возобновляются магистраты, воеводы снова устранены.

Наконецъ, къ концу столѣтія къ магистратамъ присоединяются думы: общая и шестигласная. И все же весь этотъ калейдоскопъ быстро смѣняющихся реформъ бороздилъ лишь поверхность городской жизни, весьма туго воздѣйствуя на ея основныя скрытыя пружины. Русскій городъ упорно хранилъ на себѣ ту рѣзкую печать, которая была наложена на него предшествующимъ ходомъ его исторіи. Можно различить два главные тормоза, выставленные жизнью возможнымъ успѣхомъ городского развитія. Одинъ заключался въ той политической роли, которая еще со временъ московскаго государства была возложена на главную часть города: торгово-промышленный посадъ. То была закрѣпощенность торгово-промышленному *тяглу*, которая присваивала городу исключительно значеніе податной единицы, а всѣ городскія учрежденія превращала почти всецѣло въ органы финансоваго управленія по взиманію съ города государственныхъ сборовъ. Второй тормазъ являлся естественнымъ плодомъ общаго строя тогдашнихъ экономическихъ отношеній. Крѣпостная Россія представляла

*) В. И. Семевскій (Крестьянскій вопросъ въ Россіи т. I) считаетъ это «разсужденіе» сатирической пародіей на доводы крѣпостниковъ. Во всякомъ случаѣ мы находимъ здѣсь отголосокъ крѣпостнической аргументаціи.

собою въ экономическомъ смыслѣ царство *натуральнаго* хозяйства, при господствѣ котораго городъ и не могъ получить значенія самостоятельной экономической силы. Какъ центръ торговаго обмѣна, городъ являлся тогда нѣкоторою трудно окупаемою роскошью, искусственно возвращеннымъ растеніемъ, которое и не могло бы найти въ мѣстной почвѣ достаточно здоровыхъ соковъ для своего питанія. Намъ ясенъ теперь безъисходный трагизмъ въ положеніи тогдашняго русскаго города. Официально городъ разсматривался, какъ вѣчно-обязанный разсадникъ торговли и промышленности, такъ какъ именно на эту торговопромышленную дѣятельность была расчитана присвоенная городу податная роль. Фактически—городъ являлся въ лучшемъ случаѣ большой деревней съ самыми первобытными зачатками торговли и промысловъ. И городъ становился обыкновенно несчастной жертвой этого глубокаго противорѣчія между требованіями системы и данными жизни. Система требовала неукоснительнаго обложенія всякаго хотя бы микроскопическаго прироста городского благосостоянія. Жизнь очень скоро останавливала притокъ дальнѣйшихъ ресурсовъ. Городъ начиналъ исполнять свою податную обязанность форсированно, изъ послѣднихъ средствъ. Въ результатѣ городъ хирѣлъ и чахъ, не смотря на все то вниманіе, которое удѣлялъ законодатель выработкѣ насаждаемыхъ въ городѣ учреждений.

Уже одинъ внѣшній видъ типичнаго города того времени краснорѣчиво свидѣтельствовалъ о трагическихъ судьбахъ его внутренней исторіи. Городскія улицы очень часто живо напоминали по своей благоустроенности захолустные заброшенные проселки. Проѣздъ по нимъ нерѣдко требовалъ отъ путника большого запаса отваги. Деревянные лачуги, часто крытыя соломой, составляли городскія зданія. Иногда даже магистратъ, главное присутственное мѣсто города, стоялъ подъ соломенной крышей. За лачугами тянулись огороды—главный источникъ матерьяльнаго достатка городского населенія. Гуляя по городу того времени, мы тщетно стали бы искать въ немъ всѣхъ тѣхъ учреждений городского благоустройства, пышный списокъ которыхъ стоялъ въ магистратскомъ регламентѣ, всѣхъ этихъ сиротскихъ домовъ «малыхъ школъ», биржъ, аптекъ, госпиталей.

Съ началомъ царствованія имп. Екатерины для города наступала, казалось, новая эра. Извѣстно, какъ сильно занимали императрицу мечты о созданіи въ Россіи «третьяго сословія» на манеръ западно-европейской буржуазіи, первоначально, въ качествѣ отправнаго момента этого созидательнаго процесса, были намѣчены умноженіе и улучшеніе городовъ. Русскій городъ вступилъ въ эпоху строительной горячки. Посыпались проекты о созданіи новыхъ городовъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Къ 80-мъ годамъ прошлаго столѣтія насчитывалось уже 216 городовъ, вновь воздвигнутыхъ втеченіе предшествующаго двадцатилѣтія. Разсматривая обильную литературу градосозидательныхъ проектовъ этого времени, мы готовы отдать справедливость широкому и смѣлому полету вложен-

ной въ нихъ мысли. Передъ нами развертываются грандіозныя перспективы городского прогресса. Мы читаемъ о широкихъ проспектахъ, фонтанахъ съ водопадами, каналахъ, плотинахъ и ботаническихъ садахъ. Вотъ напримѣръ составленный Потемкинымъ проектъ города Екатеринослава. Воображенію автора рисуются «храмъ великолѣпный», «судилище на подобіе древнихъ базиликъ», «лавки полукружіемъ на подобіе пропилей» съ биржею и театромъ по срединѣ, фабрика суконная и шелковая, «университетъ купно съ академіею музыкальною». Намъ достаточно, однако, и этихъ выдержекъ, чтобы предчувствовать практической результатъ пронесшихся надъ городомъ новыхъ вѣяній. Грезы воображенія, а не изученіе потребностей и условий суровой дѣйствительности окрыляли перья усердныхъ авторовъ этихъ проектовъ. Вотъ почему попытки практическаго осуществленія этихъ проектовъ не произвели магическаго превращенія деревянной Россіи въ страну древне-греческихъ пропилей и базиликъ. Такъ напримѣръ, населеніе города Екатеринослава, долго спустя послѣ его постройки, оказывалось настолько малочисленнымъ, что не изъ кого было организовать мѣстную ратушу. Только что избранный путь возрожденія русскаго города приводилъ лишь къ количественному разростанію того самаго зла, съ которымъ думали бороться, къ умноженію полуфиктивныхъ городовъ, почти не имѣвшихъ городского облика.

Уроки жизни не прошли даромъ. Въ прямой зависимости отъ только что полученныхъ разочарованій постепенно назрѣвала новая идея о необходимости реформировать внутренній строй городской жизни, измѣнить общія условія, дотолѣ обрекавшія русскій городъ на грустное существованіе историческаго недоноска. Плодомъ этого новаго теченія, охватившаго руководящія сферы, и явилось «Городовое положеніе» 1785 г.

Этотъ актъ открывалъ совершенно новую страницу въ исторіи города. Онъ впервые возводилъ городъ на степень цѣлой автономической общественной единицы, впервые насаждалъ въ городѣ такія учрежденія, которыя и по своему составу, и по предметамъ своей дѣятельности объединяли разрозненные дотолѣ слои городского населенія. Широкими штрихами рисуются въ томъ законодательномъ памятникѣ права и задачи *градскаго общества*, совершенно въ рендантъ тому, какъ сдѣлала это жалованная грамота дворянству по отношенію къ дворянскому обществу каждой губерніи. Градское общество есть совокупность всѣхъ городскихъ обывателей, всего городского населенія. Оно имѣетъ право собираться каждые три года для разнаго рода выборовъ, выслушанія генераль-губернаторскихъ и губернаторскихъ предложеній, представленія послѣднему о своихъ общественныхъ нуждахъ и пользахъ. Органами этого впервые создаемаго настоящаго городского самоуправленія является избираемая всѣми разрядами городскихъ обывателей—общая дума—и выдѣляемая затѣмъ изъ ея среды шестигласная дума съ характеромъ исполнительнаго органа. Дѣятельность этихъ думъ по смыслу закона должна была

обнимать почти всё стороны городского управления, думы вѣдаютъ благосостояніе и безопасность города въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, на нихъ возложено все городское хозяйство и въ особенности заботы о приращеніи доходовъ въ пользу города.

Впрочемъ, по многимъ причинамъ это крупное завоеваніе въ сферѣ городского развитія въ значительной степени носило чисто теоретическій характеръ. Практика быстро заравнивала бездну, которая такъ глубоко отдѣляла въ области теоріи городъ Екатерининской грамоты отъ его историческихъ предшественниковъ. Чтеніе грамоты оставляетъ насъ подѣ сильнымъ впечатлѣніемъ глубокаго переворота, совершившагося въ жизни города. Но мы тотчасъ поймемъ нашу иллюзію, какъ только оглядимся кругомъ и сопоставимъ грамоту съ другими совершенными ей законоположеніями.

Оказывается, рядомъ съ думами въ городѣ хозяйничаетъ на тѣхъ же правахъ рядъ другихъ учрежденій, выросшихъ на почвѣ стараго пониманія города и городского общества. Мы разумѣемъ созданную уставомъ о благочиніи городскую полицію и Приказы Общественнаго призрѣнія.

Какъ размежевывались между собой эти неожиданные со-трудники?

Законъ хранилъ молчаніе о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Гдѣ молчитъ законъ, тамъ рѣшаетъ жизнь, а жизнь всегда рѣшаетъ односторонне, въ пользу сильнѣйшаго.—И вотъ въ практикѣ городскихъ учрежденій передъ нами опять всплываетъ старое начало, органы городского самоуправления по прежнему должны ограничиться ролью простой передаточной инстанціи въ движеніи не ими опредѣленныхъ и не ими расходуемыхъ городскихъ сборовъ.—Такъ блѣднѣли и вывѣтривались при соприкосновеніи съ дѣйствительностью яркія краски разсмотрѣнной нами грамоты. Торжественно провозгласивъ новыя начала городской автономіи, грамота не создала вполне благоприятной обстановки для осуществленія этихъ началъ, она смѣло вдвинула новыя учрежденія въ среду несогласованныхъ съ ними остатковъ стараго строя, предоставивъ времени примиреніе получившихся въ результатѣ диссонансовъ. Впрочемъ, не эти техническіе недостатки административной реформы являлись основной причиной, тормазившей полный расцвѣтъ новыхъ началъ городской жизни. Эта основная причина крылась все въ томъ же коренномъ устоѣ тогдашней дѣйствительности: въ существованіи крѣпостного права. Господство крѣпостного, натурального хозяйства попрежнему осуждало городъ на второстепенную, маловидную роль среди факторовъ тогдашней общественной жизни и въ свою очередь отнимало у только что разсмотрѣнныхъ преобразованій значительную долю жизненной силы.

Мы можем подвести теперь заключительный итог предшествующимъ наблюдениямъ. Мы не касались въ нашемъ обзорѣ тѣхъ шумныхъ и яркихъ событій, которыя разыгрывались на поверхности тагдашней жизни, составляя ея внѣшнюю блестящую пѣну. Громъ грандіозныхъ войнъ, капризные перепитія дворцовой борьбы, быстрая смѣна внезапно возникавшихъ величій и столь же неожиданныхъ и громкихъ паденій,—все это насыщало тогдашнюю, по крайней мѣрѣ, столичную атмосферу непрерывнымъ рядомъ острыхъ и драматическихъ ощущений. Но мы на мѣрѣнно миновали этотъ нарядный калейдоскопъ скоропреходящихъ явленій. Онъ и безъ того слишкомъ долго заслонялъ отъ глазъ изслѣдователей прошлаго крупные и коренные процессы нашей внутренней исторіи.

Развертываясь медленно и постепенно, подъ шумъ переходящей суеты, эти процессы, между тѣмъ, какъ разъ и опредѣляли собой истинное историческое значеніе занимающаго насъ вѣка. Мы можемъ теперь формулировать вкратцѣ ихъ сущность: вѣкъ Екатерины былъ вѣкомъ дворянскаго раскрѣпощенія, крестьянскаго порабощенія и постепеннаго *нарожденія* города, какъ цѣльной и автономической общественной единицы. Жалованныя грамоты дворянству и городамъ 1875 г. санкціонировали законодательнымъ путемъ освобожденіе двухъ классовъ общества отъ того закрѣпощеннаго положенія, какое было унаслѣдовано ими отъ эпохи московскаго государства. Но роль этихъ двухъ грамотъ была различна. Грамота дворянству подводила итогъ готовому жизненному факту, давно назрѣвшему въ дѣйствительности и сознательно осмысленному въ стремленіяхъ различныхъ слоевъ дворянства. Грамота городамъ наоборотъ предвосхищала дальнѣйшій ростъ городского самоуправленія, указывала новый еще неизвѣданный путь, давала впервые лозунгъ къ предстоящимъ еще завоеваніямъ.

Мы не можемъ указать въ занимающемъ насъ вѣкѣ практическихъ шаговъ по пути освобожденія примѣнительно къ крестьянской массѣ. Напротивъ, крестьянское закрѣпощеніе вступило даже тогда въ дальнѣйшій фазисъ своего развитія: закрѣпощеніе государству смѣнилось порабощеніемъ землевладѣльцу. Но, съ другой стороны, самое это перерожденіе юридическихъ основаній крестьянской неволи впервые тогда же поставило на очередь вопросъ о ненормальности крѣпостнаго права, какъ государственнаго института. Пока крестьянинъ, неся бремя закрѣпощенія, раздѣлялъ въ этомъ отношеніи участь всѣхъ другихъ классовъ общества, его судьба не становилась предметомъ теоретической разработки. Теперь когда крестьянинъ попалъ въ положеніе обдѣленнаго брата общерусской семьи, крестьянскій вопросъ тотчасъ становится острой темой текущей общественной полемики.

Заключимъ: вѣкъ Екатерины—крупный переходный моментъ въ исторіи нашей общественности. То въ формѣ практическихъ

законодательныхъ шаговъ, то въ формѣ теоретическихъ проблемъ этотъ вѣкъ впервые поставилъ ребромъ тѣ вопросы, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ *европеизація* Россіи не только въ смыслѣ усовершенствованія внѣшняго культурнаго лоска жизненныхъ формъ, но и въ смыслѣ преобразованія коренныхъ основъ государственно-общественныхъ отношеній.

Ал. Кизеветтеръ.

Наше воспитаніе по сочиненіямъ М. Салтыкова.

(Окончаніе).

II.

Идеалы.

«Не погрязайте въ подробностяхъ настоящаго, но воспитывайте въ себѣ идеалы будущаго: ибо это своего рода солнечные лучи, безъ ожитворяющаго дѣйствія которыхъ земной міръ обратился бы въ камень». (IX, 59),—таковъ смыслъ всей литературной дѣятельности Салтыкова, по его собственному признанію. По свойству своего таланта, сатирическаго по преимуществу, онъ изображалъ главнымъ образомъ пошлость жизни, ея «мелочи», «призраки», подъ игомъ которыхъ постоянно томится человѣчество. Но какія бы темныя стороны жизни онъ ни открывалъ нашему взору, онъ всегда освѣщалъ ихъ съ точки зрѣнія идеала,—всегда звалъ насъ къ лучшему будущему. И въ этомъ смыслѣ, при всемъ реализмѣ своего художественнаго творчества, Салтыковъ—идеалистъ, чрезъ всю свою жизнь пронесшіи идеалы юности.

Обычный житейскій обиходъ состоитъ изъ подавляющихъ мелочей, рутины, которая съ дѣтства охватываетъ человѣка и держитъ въ своей власти до гроба. Нормальнымъ человѣкомъ признается въ обществѣ тотъ, кто ни въ чемъ не отступаетъ отъ установившагося уклада жизни, какъ бы далека послѣдній ни былъ отъ общечеловѣческой правды. И никакія внѣшнія условія, никакая механическая эволюція не освободятъ человѣчество отъ терзающихъ мелочей. Гдѣ же спасеніе? «Все въ этомъ случаѣ зависитъ отъ *подъема уровня общественнаго сознанія*, отъ кореннаго преобразованія жизненныхъ формъ и, наконецъ, отъ тѣхъ внутреннихъ и матеріальныхъ преуспѣній, которыя должны представлять собой постепенное раскрытіе находящихся подъ спудомъ силъ природы и усвоеніе человѣкомъ результатовъ этого раскрытія» (VIII, 334).

Вотъ ясная и широкая формула прогресса, вотъ краткое выраженіе идеаловъ сатирика. Развивая это положеніе, онъ замѣ-

чаютъ, что ростъ общественнаго сознанія долженъ развивать да-
вающіе человѣчество призраки, пустяки, мелочи и указать новыя
основанія для жизни. Выработка такихъ основаній—задачи вся-
каго общества, желающаго обезпечить себѣ спокойное развитіе
въ будущемъ. Не подлежащая сомнѣнію измѣняемость обществен-
ныхъ формъ даетъ возможность надѣяться на созданіе *modus
vivendi*, при которомъ человѣкъ освобождается отъ теперешнихъ
недостатковъ и раскрываетъ лучшія стороны своей природы.
«Ежели современный человѣкъ золь, кровожаденъ, завистливъ и
алченъ, если высшіе интересы человѣческой природы онъ подчи-
няетъ интересамъ второстепеннымъ, то это еще не устраняетъ воз-
можности и такой общественной комбинаціи, при которой эти свой-
ства встрѣтятъ иное примѣненіе и, слѣдовательно, примутъ иную
складку». Элементы для этого искомаго даны въ человѣческой
природѣ, такъ какъ и теперь одно и то же свойство на разныхъ
степеняхъ общественной лѣстницы проявляется различно, въ за-
висимости отъ окружающей обстановки.

Въ сказкѣ «Добродѣтели и Пороки» находимъ опредѣленное
указаніе, что добродѣтели и пороки не настолько противоположны
другъ другу, какъ принято о нихъ думать,—это свойства чело-
вѣческой природы, разившіяся въ различныхъ направленіяхъ
вслѣдствіе внѣшнихъ условій:—«первоначально-то вы всѣ одина-
ково *своими* были,—обращается къ добродѣтелямъ и по-
рокамъ резонеръ этого разсказа—Иванушка-Дурачекъ,—а это
ужъ потомъ, отъ безалаберности да отъ каверзы людской доб-
родѣтели да пороки пошли. Одни свойства понажали, другимъ
вольный ходъ дали—колесики-то въ машинѣ и поиспортились»...
(VIII, 22). Если одни изъ этихъ свойствъ развились въ «чело-
вѣческое», а другія—въ «гѣенское», то не значитъ, что и всегда
послѣднее будетъ имѣть мѣсто и будетъ даже преобладать надъ
вторымъ. «Человѣческое никогда окончательно не погибало, но и
подъ пепломъ, которымъ временно засыпало его «гѣенское», про-
должало горѣть. И впредь оно не погибнетъ, и не перестанетъ
горѣть—никогда! Ибо для того, чтобы оно восторжествовало, не-
обходимо только одно: *освѣтитъ сердца и умы сознаніемъ*, что
«гѣенство» вовсе не обладаетъ тѣми волшебными чарами, которыя
предписываетъ ему безумный и злой предразсудокъ» (VIII, 120).

Въ этомъ отношеніи Салтыковъ согласенъ съ старинными уто-
пистами, утверждавшими, что, для освобожденія человѣчества отъ
удручающихъ его золь жизни, должны быть даны новыя основа-
нія. «Они наглядно рисовали картины новой жизни, вводили въ
самыя нѣдры ея, показывали ее въ полномъ дѣйствіи». Они оши-
бались только въ мелочахъ, въ деталяхъ будущаго строя, кото-
рыя заранѣе невозможно предвидѣть. Ихъ основныя идеи—о при-
влекательности труда, о гармоніи страстей, объ общедоступности
жизненныхъ благъ, и проч., никогда не теряютъ своего значе-
нія и постоянно будутъ волновать мыслящіе умы. Только къ идеѣ
о необходимости новыхъ жизненныхъ основаній прибавилось те-

перь «еще безспорная истина, что жизнь не может и не должна оставаться неподвижною, какъ бы ни совершенны казались, въ данную минуту, придуманныя для нея формы; что она идетъ впередъ и развивается, вѣрная общему принципу, въ силу котораго всякій новый успѣхъ, какъ въ области прикладныхъ наукъ, такъ и въ области социологии, долженъ принести за собой новыя блага, а отнюдь не новый недугъ, какъ это слишкомъ часто оказывалось доннѣ» (VIII, 334—335).

Люди умѣренные и аккуратные, «пѣнокосниматели» и «каплуны мысли», возстаютъ противъ подобныхъ идеаловъ и презрительно называютъ ихъ утопіями, забывая, что—какъ справедливо замѣчаетъ Ренанъ,—*au fond l'ideal est toujours une utopie*. Салтыковъ не думалъ, конечно, о немедленномъ осуществленіи совершеннаго строя, о скоромъ установленіи между людьми идеальныхъ, основанныхъ на принципѣ правды, отношеній; но онъ настаиваетъ на этихъ идеалахъ потому, что они должны служить для современнаго человѣчества показателями будущаго,—маяками, освѣщающими ему путь среди мрака настоящаго, такъ какъ плодотворное дѣйствіе ихъ «на иниціаторскія силы человѣческаго разума остается внѣ всякаго сомнѣнія». (II, 351) Программа, указываемая нашимъ авторомъ для настоящаго времени, выражается въ трехъ словахъ: свобода, развитіе и справедливость. «Свобода—какъ стихія, въ которой предстоитъ воспитываться человѣку, развитіе—какъ неизбежное условіе, безъ котораго никакое начинаніе не можетъ представлять задатковъ жизненности; справедливость, какъ мѣрило въ отношеніяхъ между людьми» (VIII, 574).

Для торжества «человѣческаго» надъ «гіенскимъ», по Салтыкову, какъ мы уже видѣли, необходимо освѣтить *сердца* и *умы* сознаниемъ. Слѣдовательно, *сознаніе*, которое можетъ освободить человѣчество отъ мелочей, не ограничивается чисто интеллектуальнымъ актомъ, а обнимаетъ всѣ стороны человѣка: мало того, что человѣкъ логически убѣждается въ противорѣчій своей жизни съ высшими требованіями справедливости, критически отнесется къ своему собственному поведенію и къ поведенію другихъ людей; нужно еще, чтобы онъ почувствовалъ это. Несправедливость поступковъ—своихъ по отношенію къ другимъ или другихъ по отношенію къ нему самому—нерѣдко сознается человѣкомъ, но это сознаніе не влечетъ за собой никакихъ результатовъ, такъ какъ не почувствовавшій, а только сознавшій несправедливость, человѣкъ всегда найдетъ достаточное основаніе для оправданія разъ сложившихся отношеній. Эмоціональный элементъ такого «сознанія бываетъ двоякаго рода: *раскаяніе*, сознаніе человѣкомъ собственной виновности, сопровождающее критическое отношеніе его къ своимъ дѣйствіямъ, и *возмущеніе* противъ несправедливыхъ отношеній другихъ къ нему самому, или, употребляя опредѣленіе Н. К. Михайловскаго,—*честь* и *совѣсть*. Человѣкъ уязвленной совѣсти говоритъ: я виноватъ, я хуже всѣхъ; я недостойнъ; че-

ловѣкъ возмущенной чести говорить: передо мной виноваты, я не хуже другихъ, я достоинъ. Работѣ совѣсти соотвѣтствуютъ обязанности, работѣ чести — права» *). Остановимся на случаяхъ пробужденія совѣсти при наличныхъ условіяхъ общественной жизни. «Бываютъ минуты, когда человѣкъ, который долготѣ только существовалъ, вдругъ начинаетъ понимать, что онъ не только воистину живетъ, но что въ его жизни есть какая то язва». Такое внезапное откровеніе, для всѣхъ мучительное, имѣетъ различные результаты, смотря по индивидуальнымъ особенностямъ. Однихъ оно обновляетъ, «воодушевляетъ рѣшимостью начать новую жизнь на новыхъ основаніяхъ», другимъ же приноситъ лишь безполезное страданіе. — «Лишенная воспитательнаго ухода, не видя никакого просвѣта впереди, совѣсть не даетъ примиренія, не указываетъ на возможность новой жизни, а только безконечно и бесплодно терзаетъ» (V, 212). Такъ, ужасная правда вдругъ освѣтила совѣсть Іудушки; но освѣтила слишкомъ поздно для того, чтобы измѣнить его жизнь. Къ такого-же рода пробужденіямъ совѣсти нужно отнести и «просіаніе» старика Разумова... Не останавливаясь на мучительномъ процессѣ освобожденія «отъ подлыхъ мыслей» людей, подобныхъ Іудушкѣ и Разумову-отцу, обратимся къ другимъ случаямъ, — къ случаямъ проснушаго сознанія въ молодомъ поколѣннн. И начнемъ съ самыхъ элементарныхъ, почти инстинктивныхъ стремленій къ правдѣ жизни, — «Дурака» (VIII, 73—80) и Сережи Русланцева (VIII, 132—139),

Тотъ и другой — мальчики съ «золотымъ сердцемъ», ласковые, откровенные и въ высшей степени впечатлительные, воспримчивые къ страданіямъ ближнихъ и всѣхъ живыхъ существъ вообще, съ страстною потребностью утѣшить печальнаго, помочь страждущему. Но окружающая ихъ среда, установившаяся — и всѣми признанная нормальными — житейскія отношенія не благопріятствуютъ развитію добрыхъ влеченій. Въ судьбѣ Дурака, — говоритъ авторъ, — «было нѣчто неопределимое, что фаталистически влекло его къ самоуничженію и къ самопожертвованію, и онъ инстинктивно повиновался этому указанію, не справляясь объ ожидаемыхъ послѣдствіяхъ и не допуская сдѣлокъ даже въ пользу кровныхъ узъ». Его хорошіе поступки — помощь нищему идиоту, спасеніе утопающаго, а также непониманіе такихъ наукъ, какъ наука о накопленіи и распредѣленіи богатства, были признаны окружающими за дурачества. Только одинъ человѣкъ, случайный проѣзжій, понялъ его, сказавъ: «Совсѣмъ онъ не дуракъ, а только подлыхъ мыслей у него нѣтъ: — отъ этого онъ и къ жизни приспособиться не можетъ».

*) См. стр. XXXIII статья *Н. К. Михайловскаго*, приложенной къ 1 тому «Сочиненій Глѣба Успенскаго», Спб. 1889. Ср. его же, — «Щедринъ», стр. 52: — «Въ волкѣ (сказка «Бѣдный волкъ») проснулась совѣсть и измучила его до готовности покончить съ живнью. Баронъ (сказка «Баронъ непомнящій») сталъ такою же жертвою проснувшейся чести».

Въ Серержѣ Русланцевѣ жажда правды сказалась съ особенною силой послѣ хорошей проповѣди сельскаго священника. «Я по правдѣ жить хочу»,—говоритъ онъ матери прислугѣ и священнику, сказавшему проповѣдь о высшей правдѣ. *Жить по правдѣ*—для него значитъ: ближняго отъ обидъ и несправедливостей защищать. Но онъ не встрѣчаетъ сочувствія со стороны окружающихъ—не злыхъ, а самыхъ обыкновенныхъ, пригнетенныхъ мелочами людей. Мальчикъ возмущается, между прочимъ, тѣмъ, что у бѣднаго крестьянина продали за долги послѣднюю корову, а мать старается успокоить его софизмами, ссылаясь на юридическій порядокъ; на мѣсто простого, естественнаго требованія совѣсти, она ставитъ формальныя юридическія нормы. Прислуга на его вопросы отвѣчаетъ: «правда не правда, а такъ исполненіе вѣка идетъ», т. е. оправдываетъ фактъ самымъ фактомъ... Собственно говоря, окружающіе его не сознавали ни правды, ни неправды обычныхъ житейскихъ отношеній, а видѣли только «обыкновенную жизнь», въ тѣхъ формахъ и съ тою подкладкою, въ которыхъ всё искони привыкли». Но не могло примириться съ такою жизнью проникнутое правдой сердце ребенка и разорвалось.

Въ этихъ двухъ сказкахъ выражена авторомъ мысль о двоякой морали: морали высшаго порядка, которая всѣми признается въ принципѣ, но осуществленіе которой въ жизни считается невозможнымъ, а именно—морали евангельскихъ заповѣдей: «возлюби ближняго какъ самого себя», «если у тебя двѣ одежды, то отдай одну нищему» и т. п., и обычной, ходячей, житейской нравственности. Благодаря «всевожможнымъ толкованіямъ и перестановкамъ», которымъ подвергаются интересы высшаго порядка, мораль перваго рода обыкновенно незамѣтно примиряется съ установившейся житейской практикой, и далеко не всѣ замѣчаютъ страшное противорѣчіе между требованіями совѣсти и условной моралью.

Въ молодости, однако, человѣкъ особенно впечатлительнъ, особенно воспримчивъ ко всему, что вноситъ дисгармонію въ отношенія между высшими требованіями справедливости и жизненными фактами. «Въ молодости,—говоритъ авторъ,—человѣкъ болѣе чутокъ къ страданіямъ ближняго, молодое сердце легче раскрывается, молодая мысль быстрѣе усваиваетъ внѣшнія впечатлѣнія» (V. 366).

При общей впечатлительности, свойственной дѣтямъ и юношамъ, пробужденіе въ немъ сознанія, чести и совѣсти, вызывается различными факторами, дающими человѣку нѣчто «свое», опору для разумной жизни и критическаго мышленія. Такимъ факторомъ для alter ego автора, отъ лица котораго ведется разсказъ въ «Пошехонской Старинѣ», было Евангеліе *). «Весь домашній

*) Автобіографическій характеръ этого эпизода удостовѣренъ покойнымъ Г. З. Елисеевымъ. См. «Русское Богатство», 1893 г. № 9, стр. 54—59.

укладъ,—говорить онъ,—такъ плотно сложился и до того пропиталъ атмосферу, что невозможно было, при такой силѣ давленія, выработать что-либо свое. Предстояло жить, какъ живутъ всѣ, дышать какъ всѣ дышуть, идти по той же стезѣ, по какой всѣ идутъ. Только внезапное появленіе сильного и горячаго луча можетъ, при подобныхъ условіяхъ, разбудить человѣческую совѣсть и разорвать цѣпи той вѣковой неволи, въ которой обязательно вращалась цѣлая масса людей, начиная съ всевластныхъ господъ и кончая какимъ нибудь постылымъ Кирюшкой, котораго не нынче—завтра ожидала «красная шапка». Такимъ лучемъ и было для впечатлительнаго мальчика Евангеліе. Когда онъ, будучи 9 лѣтъ, впервые познакомился съ Евангеліемъ, то чтеніе пробудило въ немъ тревожное чувство. Сначала его поразили не столько новыя мысли, сколько новыя слова, которыхъ онъ до тѣхъ поръ ни отъ кого не слышалъ. И только новое, все болѣе и болѣе страстное чтеніе объяснило ему «дѣйствительный смыслъ этихъ новыхъ словъ и сняло темную завѣсу съ того міра, который скрывался за ними». Евангеліе,—вспоминаетъ онъ,—*постыло въ моемъ сердцѣ зачатки общественной совѣсти* и вызвало изъ нѣдръ моего существа нѣчто устойчивое, свое, благодаря которому, господствующій жизненный укладъ уже не такъ легко порабощалъ меня. При содѣйствіи этихъ новыхъ элементовъ я приобрѣлъ болѣе или менѣе твердое основаніе для оцѣнки, какъ собственныхъ дѣйствій, такъ и явленій и поступковъ, совершавшихся въ окружающей меня средѣ. Словомъ сказать, я уже вышелъ изъ состоянія прозябанія и началъ *сознавать себя человекомъ*. Мало того, право на это сознаніе я переносилъ и на другихъ» (IX, 57—58).

Хотя въ данномъ случаѣ чтеніе Евангелія оказало благотворное вліяніе «на весь позднѣйшій складъ міросозерпанія», но такой «жизненный переворотъ», особенно въ столь раннемъ возрастѣ, нужно признать исключительнымъ явленіемъ: обыкновенно онъ не имѣетъ такого значенія, какъ потому, что вся окружающая обстановка сызмала приучаетъ насъ къ двойной морали, такъ и потому, что родители и воспитатели принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы убить въ дѣтяхъ всякое сомнѣніе въ нормальности наличныхъ отношеній. «Сомнѣнія, по общепризанному мнѣнію,—вѣдь это отравя чловѣческаго существованія. Благодаря имъ, чловѣкъ впервые получаетъ понятіе о несправедливостяхъ и тягостяхъ жизни; съ ихъ вторженіемъ, онъ начинаетъ сравнивать, анализировать не только свои собственные дѣйствія, но и поступки другихъ. И горе, глубокое, неизбѣжное горе, западаетъ въ его душу; за горемъ слѣдуетъ ропотъ, а отсюда только одинъ шагъ до озлобленія» (IX, 60).

Между тѣмъ въ этомъ «сомнѣніи», какъ бы ни болелось его общепризанное мнѣніе, единственное ручательство общественнаго прогресса: безъ него, безъ сознанія несовершенства status quo, общество остановилось бы на данной ступени развитія, оцѣнило

бы въ китайской неподвижности. И чѣмъ меньше такого «сомнѣнія», чѣмъ больше самодовольства, тѣмъ слабѣе, дряхлѣе, безжизненнѣе общество. Въ массѣ нашего общества «сомнѣніе» совершенно отсутствовало въ моментъ, предшествовавшій крымской компаніи: тогда общество самодовольно сохранило «гордаго величія покой» и потомъ дорого за него поплатилось... Къ счастью, полное охраненіе молодого поколѣнія отъ «сомнѣнія» невозможно, и, вопреки системѣ, оно рѣдко бываетъ сплошь чуждо того «святого недовольства, при которомъ нѣтъ ни самообольщенья, ни застоя». Если не въ дѣтахъ, которыя рѣдко въ состояніи противопоставить что-нибудь «свое» господствующимъ теченіямъ, то въ юношахъ идеальныя стремленія берутъ верхъ надъ мелочами жизни:—«Кто въ двадцать лѣтъ не желалъ и не стремился къ общему возрожденію, про того трудно даже сказать, что у него было когда-нибудь сердце, способное сочувствовать и сострадать».

Главными факторами, пробуждающими сознаніе юноши, являются общеніе съ критически мыслящими людьми и знакомство съ прогрессивной литературой. Вліяніе этихъ двухъ факторовъ, дѣйствующихъ болѣе или менѣе совмѣстно, часто проявляется въ «кружкахъ», сыгравшихъ вообще немаловажную роль въ исторіи нашей культуры, бывшихъ хранителями и носителями новыхъ, лучшихъ началъ, служившихъ тѣмъ ковчегомъ, въ которомъ спасались принципы правды, честь и совѣсть среди потока безпринципности. Имѣя громадное воспитательное значеніе для своихъ членовъ, кружки, при благопріятныхъ историческихъ обстоятельствахъ, играютъ важную общественную роль: сохраненныя и воспитанныя ими начала широко распространяются въ обществѣ, дѣлаются общественными теченіями и ведутъ къ реформѣ социальныхъ отношеній. *Утопичъ* кружковъ дѣлаются въ такомъ случаѣ конкретными фактами... Особенно это нужно сказать о кружкахъ 1840-хъ годовъ, представлявшихъ прекрасныя оазисы критической мысли среди всеобщей безсознательности. Автора и его сверстниковъ, дѣятелей «эпохи реформъ», можно по справедливости назвать воспитанниками кружковъ,—западниковъ и славянофиловъ, которые въ глазахъ массы общества были одинаково вредными утопистами.

Властителями думъ молодого поколѣнія того времени были западники, съ Бѣлинскимъ и Грановскимъ во главѣ. Послѣдніе, «не будучи учеными въ буквальномъ смыслѣ этого слова, будили общечеловѣческое чувство и въ высшей мѣрѣ обладали даромъ жечь глаголомъ сердца. А для того времени это было всего важнѣе. На призывъ ихъ проповѣди откликнулась безвѣстная масса современной молодежи и, въ свою очередь, сѣяла горячее слово добра, челоѣчности, любви». Благодаря этимъ страстнымъ и убѣжденнымъ людямъ, «во тѣмъ сороковыхъ годовъ просіялъ лучъ свѣта и заставилъ волноваться отзвучившаго сердца. Впервые послѣ многихъ лѣтъ заботности почувствовалось, что доброе и че-

ловѣческое не до конца изгибло, что человѣческой образъ, даже искаженный, не перестаетъ быть человѣческимъ образомъ» (IX, 344).

Правда, при всей нравственной безупречности, и восторженности людей сороковых годовъ, у нихъ не было реальной почвы: вращаясь главнымъ образомъ въ сферѣ искусства, они «за міромъ мысли и слова» часто не видѣли міра практической дѣятельности. Это было результатомъ внѣшнихъ условий: русская дѣйствительность того времени представляла собой «запертую хранину, ключъ отъ которой былъ отданъ въ завѣдываніе табели о рангахъ». При такой оторванности отъ дѣйствительной жизни, въ существованіе отдѣльныхъ личностей вкрадывалось «печальное двоегласіе»: дѣло и убѣжденіе могли не зависѣть одно отъ другого. Такъ, «крѣпостное право было ненавистно, но такихъ героевъ, которые отказались бы отъ пользованія имъ, не отыскивалось. Однажды установившаяся степень довольства и перспектива обезпеченнаго досуга были слишкомъ привлекательны, чтобы въ виду ихъ даже избранникъ рѣшился взять посохъ въ руки и идти въ потѣ лица снискивать хлѣбъ свой» (IX, 345). Это «двоегласіе» сдѣлало возможнымъ появленіе «Печоринныхъ», Бурмакиныхъ и Буеракиныхъ,—вообще «лишнихъ» людей: часть кружка Бѣлинскаго, по энергичному выраженію сатирика, впоследствии обратилась даже «въ стадо свиней».

При всемъ томъ, воспитательное значеніе литературно-общественнаго движенія сороковых годовъ неизмѣримо велико: на общихъ идеалахъ истины, добра и красоты мысль не могла долго оставаться, и, хотя окольнымъ путемъ, должна была придти къ живой дѣйствительности, къ русской жизни. Какъ совершился этотъ переходъ въ лучшихъ изъ людей сороковых годовъ, перешедшихъ въ слѣдующія десятилѣтія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ у Салтыкова въ «Зарубежѣ». Воспитанный на статьяхъ Бѣлинскаго, онъ, какъ и его кружокъ, «инстинктивно прилѣпился къ Франціи». Оттуда лилась на него и его товарищей вѣра въ человѣчество, оттуда возсіяла имъ увѣренность, «что золотой вѣкъ находится не позади, а впереди насъ». Такимъ образомъ въ концѣ сороковых годовъ мысль лучшихъ русскихъ людей «искала пищи въ сферахъ отдаленныхъ, оставаясь совершенно равнодушною къ роднымъ сферамъ... Человѣкъ того времени настолько прижился къ атмосферѣ, насыщенной девизомъ «не твое дѣло», что подлинно ему ни до чего своего не было дѣла... Въ такомъ положеніи насъ застала севастопольская кампанія.—Это было время глубокой тревоги. Въ первый разъ изъ кромѣшной тьмы выдвинулось на свѣтъ Божій «свое» и вспугнуло не только инстинкты, но и умы... Изъ-за прорѣхъ и отребьевъ тлѣнія выступило наружу «свое», вопиющее, истекающее кровью. Вся Россія, изъ края въ край, полна была стонами. Оставаться равнодушнымъ къ этимъ стонамъ, не почувствовать, что стонетъ свое родное, кровное, было немислимо» (VI, 88—92).

Сознаніе своего «затеплилось»; но время войны было то суровое время, когда все напоминающее о сознательности считалось болѣе опаснымъ, чѣмъ самья бѣдствія войны. Тѣмъ не менѣе разъ пробудившееся сознаніе не заглохло, чтò и обнаружилось въ концѣ пятидесятихъ и въ началѣ шестидесятихъ годовъ, когда представилась возможность дѣятельности для людей, поставившихъ задачей своей жизни «быть честнымъ и поступать такъ, чтобы изъ этого выходила наибольшая сумма общаго блага» (VIII, 572).

Такимъ направленіемъ своей дѣятельности эти люди были обязаны не семьѣ, не школѣ, а кружкамъ. Въ «Губернскихъ очеркахъ», т. е. въ сочиненіи, появившемся на зарѣ нашего возрожденія, когда авторъ жилъ въ глухой провинціи, онъ съ большою теплотой вспоминалъ кружокъ, подъ вліяніемъ котораго сложились его убѣжденія:—«Помню долгіе зимніе вечера и наши дружескія, скромныя бесѣды, заходившія далеко за полночь. Какъ легко жилось въ это время, какая глубокая вѣра въ будущее, какое единопдушіе надеждъ и мыслей оживляло всѣхъ насъ! Помню я и тебя, многолюбимый и незабвенный другъ и учитель нашъ». Въ то же самое время въ его воображеніи «угрюмо и непривѣтливо» воскресаетъ школа... (I, 170—171).

Имѣющая «вкусъ къ мышленію», стремящаяся къ идеаламъ молодежь и теперь группируется въ кружки, преимущественно въ большихъ центрахъ, гдѣ, главнымъ образомъ «складывается общественная жизнь со всѣми ея вѣяніями». Провинція же, за весьма немногими исключеніями, «представляетъ совершенно тѣсный и замкнутый кругъ, въ которомъ мысль окончательно теряетъ свою смѣлость и энергію... Мысль ничѣмъ не питается, невольно бросается на мелочи и погрязаетъ въ ихъ» (II, 351).

Изъ такой провинціи прибылъ въ Петербургъ Чудиновъ,— юноша, исполненный смутнаго желанія учиться. Не будемъ останавливаться на грустной исторіи человѣка, «искавшаго свѣта и обрѣвшаго смерть» въ далекомъ отъ его родины Петербургѣ; обратимъ лишь вниманіе на благотворное вліяніе, оказанное на него кружкомъ молодежи, въ который онъ здѣсь попалъ. Чудиновъ явился въ столицу съ инстинктивнымъ стремленіемъ къ свѣту, къ ученю для ученья. Но здѣсь, подъ вліяніемъ окружавшей его молодежи, «онъ началъ понимать, что за ученьемъ можетъ стоять цѣлый разнообразный міръ отношеній; что существуетъ общество, родная страна, дѣло, подвигъ...; что все это неудержимо влечетъ къ себѣ человѣка; что знаніе есть не больше, какъ подготовка, что экзаменами и переходами изъ курса въ курсъ не все исчерпывается». Только теперь занялась для него заря сознательнаго осмысленнаго существованія. Къ нему приближается смерть, но и на краю могилы онъ мечтаетъ «идти туда, гдѣ сгустился мракъ, откуда слышатся стоны, куда до такой степени не проникъ лучъ сознательности, что вся жизнь кажется отданною въ жертву неосмысленному обычаю,—и не слышно даже о стремленіи освободиться отъ оковъ его». Онъ думалъ о деревнѣ, которой желалъ

бы посвятить всю свою жизнь. Здѣсь мы находимъ у Салтыкова очень вѣрное замѣчаніе относительно того, что можно всю жизнь прожить рядомъ съ деревней и не знать ея. Источникомъ свѣдѣній о деревенскомъ бытѣ служили для него бесѣды съ новыми знакомцами по общей квартирѣ, хотя въ представленіяхъ этой молодежи было мало конкретнаго и много романтическаго (VIII, 404—412).

Таково вліяніе на юношество кружковъ позднѣйшаго времени. Сравнивая послѣдніе съ кружками сороковыхъ годовъ, нельзя не замѣтить между ними той существенной разницы, что тогда какъ въ сороковыхъ годахъ мысль юноши прежде всего направлялась къ общечеловѣческимъ идеаламъ, къ далекой отъ русской дѣйствительности жизни западно-европейскихъ народовъ, въ новѣйшее время, при неменьшемъ идеализмѣ и значительной долѣ романтизма, юношество стремится въ народъ, въ деревню...

III.

Отцы и дѣти.

Съ вопросомъ о пробужденіи сознанія тѣсно связанъ вопросъ объ отношеніяхъ между «отцами и дѣтьми». Эти отношенія — «больное мѣсто» нашего общества, особенно давшее себя почувствовать въ шестидесятыхъ и въ семидесятыхъ годахъ, на которое первый обратилъ вниманіе Тургеневъ. Но постановка вопроса въ его романѣ не исчерпываетъ всего явленія, — вѣрнѣе, захватываетъ лишь одну его сторону, ограничиваясь столкновеніемъ между отцами — людьми сороковыхъ годовъ и дѣтьми — начала шестидесятыхъ годовъ. Вопросъ въ такой формѣ вызвалъ со стороны Салтыкова нѣсколько ироническихъ замѣчаній на счетъ «отцевъ». Принадлежа по возрасту и воспитанію къ людямъ сороковыхъ годовъ, онъ все время шелъ вмѣстѣ съ передовой частью русскаго общества и не сталъ въ противорѣчіе съ «дѣтьми», чего не избѣжалъ вполнѣ даже высокогуманный, философски образованный авторъ «Отцевъ и Дѣтей». «Отцы, — говоритъ сатирикъ по поводу этого романа. — народъ чувствительный и вѣрующій во все. Они вѣруютъ и въ красоту, и въ истинну, и въ справедливость, но больше прохаживаются по части красоты... Когда-то они были друзьями Бѣлинскаго и поклонниками Грановскаго, но, по смерти своихъ руководителей, остались какъ овцы безъ пастыря. Очарованія ихъ приняли характеръ беспорядочный, почти растрепанный». Въ этихъ «очарованіяхъ» *Laure am Clavier* перемѣшивается вождельніями слишкомъ практическаго свойства. Въ противоположность отцамъ, дѣти чужды этихъ очарованій, не вѣрятъ въ темныя субстанціи добра, истины и красоты, и прямо предъявляютъ опредѣленные требованія къ реальной жизни. Это раздражаетъ отцевъ, которые называютъ ихъ мальчишками, нигилистами. Но, — спрашиваетъ авторъ, — «давно ли называлось маль-

чиществомъ, карбонарствомъ, волтерьянствомъ все то добро, которое нынѣ воочію совершается?

Опредѣляя взаимныя отношенія между отцами и дѣтьми, какъ они изображены въ романѣ Тургенева, нашъ авторъ замѣчаетъ, что «дѣти не въ отцевъ вышли, и вслѣдствіе этого происходятъ между ними безпрестанные реприманды». Отсюда видно, что онъ не придавалъ особеннаго значенія разногласіямъ между людьми сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ, такъ какъ разница въ теоретическихкихъ воззрѣніяхъ тѣхъ и другихъ не имѣла другихъ послѣдствій, кромѣ «репримандовъ». Тѣмъ не менѣе, вопросъ объ отцахъ и дѣтяхъ нашель у него серьезную разработку, хотя и въ другой постановкѣ. Въ ненормальныхъ отношеніяхъ между старшимъ и младшимъ поколѣніями онъ видѣлъ «заправскую русскую драму», и не разъ на нихъ останавливался. Изображаемая имъ драма имѣетъ своимъ источникомъ пробужденіе сознанія, — критической мысли, стремленія къ правдѣ жизни въ дѣтяхъ, отцы которыхъ прожили свою жизнь по рутинѣ, бессознательно подчиняясь мелочамъ.

Таковъ разладъ между матерью и «непочтительнымъ» Коронатомъ. Мать — «сестрица Машенька», — скупаетъ нужныя крестьянамъ земли, строитъ кабаки и вообще наживаетъ капиталъ на капиталъ. Это женщина съ внѣшностью куколки, «съ ребяческими мыслями въ головѣ и съ пошло-старческими словами на языкѣ; женщина, пораженная недугомъ институтской мечтательности и вмѣстѣ съ тѣмъ по уши потонувшая въ мелочахъ самой скаредной обыденной жизни; женщина, снѣдаемая неутомимую жаждой пріобрѣтенія и въ то же время считающая не иначе, какъ по пальцамъ; женщина, у которой съ первымъ ударомъ колокола къ «Достойно» выступаютъ на глазахъ слезки и кончикъ носа неизмѣнно краснѣетъ, и которая во время проскомидіи считаетъ вполне дозволеннымъ думать: «а что кабы у крестьянъ пустошь Клиницы перебить, да потомъ имъ же и перепродать?» Ея браки съ чиновниками изъ семинаристовъ, Саввой Силычемъ и Филофеемъ Павлычемъ, были школою, въ которой она усвоила массу правилъ прописной морали, — правилъ, въ непогрѣшимости которыхъ она горячо убѣждена и за которыми чувствуетъ себя, какъ за каменной стѣной, обезпеченною отъ всякихъ жизненныхъ случайностей. Главное свойство этихъ правилъ — отсутствіе всякихъ правилъ и совершенная невозможность отдѣлится отъ шелухи ту руководящую мысль, которая послужила для нихъ основаніемъ; но потому-то она и неприступна: на убѣжденія и даже на прямыя опроверженія жизни она твердитъ одно: «у меня свои правила есть». Это и сказалося по отношенію къ сыну.

Когда Коронату было только семь лѣтъ, мать уже жаловалась: — «Короната я боюсь. Думается, что онъ будетъ непочтительнѣе. То-есть не то, чтобы я что-нибудь замѣтила, а такъ по всему видно, что холоденъ онъ къ матери». Забравши себѣ въ голову, что сынъ непочтительнѣе, она позволяла себѣ издѣваться

надъ нимъ, что, въ свою очередь, сдѣлало его необщительнымъ, замкнутымъ въ себѣ. Когда онъ выросъ, его отчужденность получила обдуманнй сознательный характеръ. «Очевидно въ головѣ этого юноши происходила какая то своеобразная работа, но онъ считалъ ее настолько принадлежащею исключительно ему, что не имѣлъ ни малѣйшей охоты посвящать всякаго встрѣчнаго въ ея тайны.—Какъ мальчика скрытнаго и осмотрительнаго, мать заблагоразсудила пустить его по юридической части». Пробывъ, однако, пять лѣтъ въ заведеніи, куда его помѣстили, онъ заявляетъ дядѣ о своемъ намѣреніи поступить въ медицинскую академію. На вопросъ: почему?—онъ отвѣчаетъ вопросомъ же, показывающимъ, что, путемъ серьезной работы мысли онъ пришелъ къ выводу о необходимости перемѣнить дорогу, по которой его произвольно «пустили»... Въ концѣ концовъ, дядя идетъ просить «сестрицу Машеньку», чтобы она дала сыну средства на время академическаго курса. Здѣсь то и выступаютъ на сцену прописныя «правила» матери, увидѣвшей въ желаніи сына перемѣнить специальность явную непочтительность и нарушение правилъ, по которымъ родители должны опредѣлять будущность дѣтей. На благоразумное замѣчаніе, что ея сынъ не чувствуетъ призванія къ назначенной ему карьерѣ, и находитъ болѣе полезнымъ для себя заняться медициной, она восклицаетъ:—«Ахъ, Боже мой! Если онъ желаетъ! если онъ для себя видитъ пользу. Что же, съ Богомъ! Нечего у матери и спрашивать!» Она улыбалась и даже слегка подсмѣивалась, но уже не просто сухость, а злорадство откликнулось въ этомъ смѣхѣ. Злорадство и какое-то торжествующее—идіотское «хоть колъ на головѣ теши». На всѣ убѣжденія дать сыну возможность устроить свою жизнь согласно съ его влеченіями и требованіями совѣсти—Машенька отвѣчаетъ отказомъ, мотивируя послѣдній только тѣмъ, что «ежели родители что желаютъ, то дѣти должны повиноваться и не фантазировать... да, есть такія правила, есть» (V, 499—553).

Разрывъ съ матерью имѣлъ, конечно, болѣе или менѣе печальныя послѣдствія для Короната, который за свое намѣреніе жить согласно съ своими убѣжденіями долженъ былъ терпѣть лишенія во время ученья. Въ кукольной же душѣ его матери не шевельнулось ни одно истинно человѣческое чувство; она защищена отъ чувствъ этого рода крѣпостью прописныхъ афоризмовъ. Но далеко не всегда такіе результаты влечетъ за собой проснувшееся въ дѣтяхъ сознаніе, и эти результаты тѣмъ важнѣе, чѣмъ крѣпче естественная связь между родителями и дѣтьми, чѣмъ сильнѣе они любятъ другъ друга. Такія условія «заправской русской драмы» даны въ разсказѣ «Счастливецъ».

Главный герой этого разсказа—сверстникъ и товарищъ автора по школѣ. Еще будучи юношей, онъ отличался «принципами извѣстной окраски». Сущность этихъ принциповъ выражалась въ словахъ: «быть джентльменомъ» и «высоко держать свое сословное знамя»; благоговѣніемъ къ послѣднему онъ былъ обязанъ се-

мейнымъ традиціямъ. «Онъ былъ счастливъ. Проводилъ время безъ тревогъ, испытывалъ доступныя юношѣ удовольствія и едва ли когда нибудь чувствовалъ себя огорченнымъ... Онъ принималъ жизнь какъ она есть и бралъ отъ нея, что могъ». Всегда довольный собою и своимъ положеніемъ, онъ не чувствовалъ никакой потребности въ анализѣ, въ критикѣ своихъ воззрѣній и поступковъ, равно какъ воззрѣній и поступковъ близкихъ ему лицъ. Впослѣдствіи онъ былъ предводителемъ дворянства и содѣйствовалъ развитію крупнаго землевладѣнія въ ущербъ мелкопомѣстному и крестьянскому. Подъ старость счастье его увеличилось:— «сначала онъ отдался спиритизму; потомъ сдѣлался ревностнымъ редстоквистомъ и, наконецъ, самъ началъ кой-что придумывать».

И вотъ, среди такого умопомраченія и фантастическихъ идеаловъ, въ жизнь «счастливаго» ворвалась настоящая дѣйствительность: онъ испыталъ страшное горе—застрѣлился его младшій сынъ, «прекрасный и многообѣщавшій юноша, которому едва минуло 18 лѣтъ». Еще на школьной скамьѣ въ его существованіе закралась двойственность. «Повидимому, онъ не такъ легко, какъ отецъ и старшій братъ, принималъ на вѣру розказни о свойствахъ знамени, и та обязательность, съ которою послѣдніе принимались въ родной семьѣ, сильно смущала его. Самъ-ли онъ дошелъ до какихъ-то неясныхъ сомнѣній или былъ наведенъ на нихъ постороннимъ вліяніемъ, во всякомъ случаѣ въ немъ совершился внезапный и рѣзкій переломъ. Онъ рано началъ *анализировать* свою жизнь, рано сталъ вглядываться въ ожидавшее его будущее». Въ концѣ концовъ, нервный и впечатлительный юноша не выдержалъ предъ мыслью о разрывѣ съ родной семьей и произнесъ судъ надъ укоренившимися въ ней преданіями, «пославъ себѣ вольную смерть» (VIII, 545—564)

Такую же смерть послалъ себѣ и Степа Разумовъ («Большое мѣсто»). Его отецъ всю свою жизнь «служилъ по сущей совѣсти дѣлу», т. е. добросовѣстно исполнялъ все, что приказано, не отдавая себѣ отчета въ томъ, какого свойства дѣло ему поручено. Это—типъ человѣка, вполне погрязшаго въ мелочи, безъ всякой возможности сознательнаго отношенія къ своей жизни, хотя онъ человѣкъ далеко не глупый; даже, напротивъ, онъ сдѣлалъ себѣ карьеру только благодаря своему уму и трудолюбію; но его умъ былъ направленъ исключительно на развитіе положеній, данныхъ другими. Онъ не анализировалъ этихъ положеній, не вникалъ въ ихъ сущность, но умѣлъ изъ нихъ вывести всѣ логическія послѣдствія; онъ мыслилъ, такъ сказать, за чужой счетъ. Отсутствие самостоятельной мысли, «ясныхъ опредѣленій, помогало ему быть жестокимъ, хотя жестокость не лежала въ его природѣ», и лично онъ былъ человѣкъ добрый, сознательно никого не обидѣвшій. «Незнавшіе—нерѣдко случалось—кляли его и настойчиво утверждали, что онъ, именно, онъ—внушитель тѣхъ обидъ, которыя

обрушивались надъ ихъ головами». Одна обиженная мать въ лицо назвала его «сатаной».

Въ эту бессознательную, заѣденную мелочами, жизнь вдругъ проникло «просіяніе», причиною котораго явился единственный, вѣжно-любимый сынъ Разумова, Степа, «юноша честный, трудолюбивый и притомъ до крайности кроткій, любящій, сердечный». Степа, понявшій, что его отецъ бессознательный злодѣй, сдѣлался укоромъ всей его жизни. «Многіе на его мѣстѣ, — говоритъ г. Арсеньевъ, — выдержали бы испытаніе, «порвавъ» съ прошедшимъ — для него разрывъ невозможенъ, любви къ отцу не можетъ убить въ немъ даже презрѣніе. Любить и вмѣстѣ съ тѣмъ презирать — это непосильно для мягкой природы. Хорошо еще, если бы никто не растревлялъ Степиной раны — но ее задѣваютъ безпрестанно и безцеремонно, ему не даютъ забыть о пей ни на минуту, его насильно толкаютъ на путь, по которому онъ идти не можетъ. Если бы Степа и не поднялъ на себя руку, жизнь отца и сына во всякомъ случаѣ была бы разбита; трагизмъ ихъ положенія заключается именно въ его безвыходности». *) Рѣшившись покончить съ собой, онъ написалъ безсвязное, полное страшнаго горя, письмо «дорогому и доброму другу» — старику-отцу, дѣятельность котораго была причиною его преждевременной смерти. Эта смерть — конецъ мучительной драмы для сына, но не для отца, у котораго не осталось «ни настоящаго, ни будущаго», не осталось даже прошлаго... (VI, 551—544).

Выше мы указали на сходство между Разумовымъ-отцомъ и Молчалинымъ: оба они — представители умѣренности и аккуратности, оба поглощены мелочами, оба бессознательно дѣлаютъ зло, будучи сами по себѣ людьми добрыми; ихъ доброта оказывается совершенно бесполезною не только для общества, но даже для ихъ собственныхъ семействъ, потому что они живутъ и дѣйствуютъ какъ манекены по чужой волѣ, вполне подчиняясь окружающимъ условіямъ и не помышляя о возможности жить сообразно съ своими, а не навязанными извнѣ, принципами. Мѣсто принциповъ у нихъ занимаютъ «правила», т. е. извѣстныя ходячія воззрѣнія, съ дѣтства воспріятыя ими отъ окружающей среды. Если для сестрицы Машеньки «правила» служатъ орудіемъ противъ намѣренія сына устроить свою жизнь согласно съ своими склонностями, то для такихъ любящихъ отцовъ, какими были Разумовъ и Молчалинъ ясно, что эти «правила» не имѣютъ никакого значенія для ихъ дѣтей, начинающихъ жизнь при другихъ условіяхъ и стремящихся устроить ее сознательно... Когда случилась бѣда съ сыномъ Молчалина, Алексѣю Степаничу говорили: — «сами, сударь, виноваты! *правила* настоящихъ не умѣли внушить» (III, 581). Между тѣмъ онъ и не могъ внушить сыну «настоящихъ правилъ», такъ какъ въ глазахъ его дѣтей послѣднія не имѣютъ смысла. Къ нему вполне приложимо сказанное авторомъ о Разумовѣ-отцѣ: —

*) К. К. Арсеньевъ, оп. с., 125—126.

«Какъ ни надумывался Гаврило Степаннчъ, какой совѣтъ высказать сыну—ничего придумать не могъ. Много зналъ онъ «совѣтовъ», полны карманы ихъ были у него, но не рѣшался онъ выговорить эти совѣты. Сказать сыну застарѣлое общее мѣсто *) было совѣстно, а сказать что-нибудь дѣльное и дѣйствительно полезное—онъ не могъ, потому что не зналъ, что по нынѣшнему времени считается полезнымъ и дѣльнымъ»... (VI, 533).

Дѣти «Счастливица», Разумова и Молчалина «не въ отцовъ вышли», слѣдствіемъ чего и была «настоящая, захватывающая духъ драма». Молодое поколѣніе часто воспитывается, помимо семьи и школы, въ другихъ понятіяхъ, чѣмъ тѣ, съ которыми прожили свою жизнь отцы. Оно начинаетъ сознательно относиться къ жизни, увлекаются «утопіями», идеалами общественной справедливости и становятся въ противорѣчіе съ окружающей обстановкой, и прежде всего съ родной семьей. Но было бы большой ошибкой утверждать, что въ новое время преобладаютъ «новые люди», что *сознаме*—удѣлъ поколѣній, воспитавшихся въ перформенное время. Напротивъ, «мелочи» не замедлили войти необходимую составную часть въ обновленную русскую жизнь. Мы видѣли ихъ господство въ обществѣ и въ школѣ. Тоже нужно сказать и о семьѣ, въ которой также живы традиціи крѣпостного права, понимаемаго въ широкомъ смыслѣ. Если сестрица Машенька имѣла «непочтительнаго» Короната, ставшаго, въ силу исключительныхъ условій, въ оппозицію съ матерью и ея воззрѣніями, то вѣдь у ней были и другія, почтительныя дѣти, и въ томъ числѣ легкомысленная и безсердечная Нонночка и кутила Θεогностушка. Изъ семей Молчалиныхъ, Разумовыхъ и Удавовъ обыкновенно выходятъ Молчалины, Разумовы и Удавы, съ небольшими уклоненіями, опредѣляемыми новыми условіями жизни,—и при томъ уклоненіями не всегда къ лучшему. Порфирій Велентьевъ—сынъ своего отца; но онъ уже «хищникъ», а не взяточникъ. Nicolas Персіановъ—сынъ своей матери, но его разсказъ о первой любви превосходитъ цинизмомъ всѣ воспоминанія его развратной матери (IV, 63—90).

Конечно, и семья (какъ и школа) не всегда погружаетъ юношество въ «мелочи», а готовитъ его также и къ сознательной жизни, къ честной общественной работѣ, и Салтыковъ указываетъ на это. Такъ, Юленька въ «Дворянской хандрѣ», ободряющая стариковъ—воспитавшихся на статьяхъ Бѣлинскаго и на лекціяхъ

*) Примѣръ такого общаго мѣста—напутственный завѣтъ отца Мичулину, отправлявшемуся на службу въ Петербургъ:—«Будь ласковъ съ старшими, невысокомѣренъ съ подчиненными, не прекословь, смирайся—и будешь ты вознесенъ премного; ибо ласковое тело двѣ матки сосеть» (I, 505).

Граповскаго, подѣ ихъ же, безъ сомнѣнія, вліяніемъ прониклась стремленіемъ къ свѣту, къ правдѣ (VI, 513). Громадное же большинство героевъ Салтыкова имѣетъ право сказать вмѣстѣ съ поэтомъ:

Въ насъ подѣ кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человѣческой
Плодотворное зерно.

М. Суперанскій.

Мишель Монтэнъ и его «Essais».

Не смотря на то, что 13 сентября 1892 года минуло уже три столѣтія со дня кончины Мишеля Монтэна—этотъ замѣчательный французскій писатель - моралистъ еще до сихъ поръ мало знакомъ русскому читателю. Сравнительно незначительная популярность его у насъ происходитъ вслѣдствіе того, что онъ писалъ на языкѣ еще младенческомъ, образованію котораго онъ самъ способствовалъ, на языкѣ, для русскаго читателя, знающаго современный французскій языкъ, мало понятномъ. Къ тому же въ нашей литературѣ нѣтъ о немъ ни одной серьезной монографіи, и лишь изрѣдка появлялись небольшія замѣтки. Но слѣдуетъ напомнить о писателѣ, по характеру своего дарованія стоящемъ совершенно одиноко въ европейской литературѣ, своеобразномъ и многостороннемъ, объ авторѣ извѣстныхъ «Essais» «Опытовъ», одного изъ оригинальнѣйшихъ изъ литературныхъ произведеній.

Въ произведеніи его рассыпаны мысли, которыя цѣнны сами по себѣ и каждая въ отдѣльности, помимо ихъ общей внутренней связи. Ключъ къ нимъ, общую внутреннюю связь между ними, можно отыскать, лишь ознакомившись хоть отчасти съ той смутной эпохой, въ которую родился и жилъ этотъ великій писатель. Поэтому, слѣдуя мысли Гете, сказавшаго: «*Wer den Dichter will verstehen, muss im Dichters Lande gehen*», мы остановимся не надолго, чтобы изучить ту среду, въ которой зародился и созрѣлъ мощный гоній французскаго философа.

I.

Шестнадцатый вѣкъ ознаменовался въ Франціи двумя великими движеніями въ области мысли: возрожденіемъ классицизма и реформаціей. Сквозь мракъ этой эпохи, запятнанной жестокостями, среди невѣжества и заблужденій, выступили проблески возрожденной цивилизаціи съ ея гуманными началами. Сокровища мысли и слова древняго міра вносятъ новыя формы въ языкъ, политику и науку.

Волны классической эрудиции поднялись и на галльскій Парнасъ, низвергнувъ съ него народныхъ поэтовъ. Послѣ непродолжительной борьбы они были забыты, и такъ называемая «плеяда» новыхъ поэтовъ съ Ронсаромъ и Белле во главѣ воцарилась въ мірѣ французской поэзіи. Хотя Ронсаръ не обладалъ ни геніальностью, ни даже истиннымъ талантомъ, тѣмъ не менѣе онъ въ теченіе полувѣка пользовался славой величайшаго поэта потому только, что вкусъ ко всему, что напоминало античный міръ, охватилъ тогдашнее общество. Даже такіе свѣтлые умы, какъ Л'Опиталь и Монтэнъ, не высказывали сомнѣнія въ «безсмертіи» этого напыщеннаго подражателя классической поэзіи. Французская проза менѣе, чѣмъ стихотворство, подверглась этому стремительному натиску классическихъ образцовъ и развилась болѣе естественнымъ путемъ, лишь постепенно обогащаясь сокровищами мысли и языка великихъ древнихъ писателей. Языкъ французской прозы (благодаря Рабле и Кальвину) оказался болѣе зрѣлымъ и развитымъ, нежели языкъ поэзіи. Этому способствовали умственное и религиозное движенія, которыми ознаменовалась современная имъ эпоха. Въ пылу борьбы партій некогда останавливаться на выборѣ оружія, приходится хвататься за то, которое попадаетъ подъ руку, лишь бы оно могло больнѣе уязвить противника. Въ такихъ случаяхъ языкъ народный всегда даетъ болѣе матеріала, чѣмъ языкъ образованнаго класса. Кровопролитной братоубійственной войнѣ предшествовала страшная борьба французской прозы. Противники бомбардировали другъ друга памфлетами и сатирами, соединяли единомышленниковъ громовыми воззваніями, а миротворцы успокаивали борющихся поученіями. И галльскій заразителный смѣхъ, и аттическая соль, и причудливыя цвѣты римскаго утонченнаго краснорѣчія, и обыденная рѣчь — все пускалось въ ходъ противниками. Потрясенное чувство, взволнованныя страсти создали изъ этой смѣси безсмертныя страницы человѣческаго слова. Живое и безпрестанно повторяющееся явленіе, доказывающее, что лишь глубокія и сильныя чувства создаютъ истинное краснорѣчіе.

Научное движеніе, начавшееся при Францискѣ I, продолжалось. Фернель своими важными открытіями въ точныхъ наукахъ царствуетъ въ медицинѣ. Математика дѣлаетъ быстрые успѣхи; естественныя науки двигаются быстро впередъ. Парацельсъ, оставивъ книги, принялся за непосредственное изученіе природы и находить единство человѣка съ физическимъ міромъ.

Но ясное небо эпохи возрожденія наукъ и искусствъ омрачилось кровавыми жестокостями, какія нерѣдко человѣчество совершаетъ во имя религіи, любви и мира. Въ началѣ XVI вѣка реформація, давно уже подготовленная въ разныхъ краяхъ Европы (Виклефомъ въ Англии, Гуссомъ, Жеромомъ пражскимъ въ Германіи) проникла и во Францію. Итальянскія войны, ознакомивъ французовъ ближе съ Римомъ, сдѣлавъ ихъ очевидцами распущенности нравовъ, господствовавшихъ въ самомъ святилищѣ ка-

толицизма, разрушили очарованіе древней вѣры. Преслѣдованія новыхъ убѣжденій сильно способствовали къ разжиганію ревности прозелитовъ новой вѣры. Борьба партій, кипѣвшая вокругъ престола за власть, тоже содѣйствовала развитію и укрѣпленію новаго ученія. Масса недовольныхъ разнаго рода сплотилась около крѣпкаго и все разраставшагося ядра диссидентовъ. Недовольные всѣхъ классовъ и вѣрованій начали сближаться между собою. Печать, испытавшая свою силу въ дебатахъ по вопросамъ вѣры, подняла свой голосъ въ борьбѣ между политическими партіями. Тщеславіе могущественныхъ Гизовъ, явившихся претендентами на престоль, слабость и пороки послѣднихъ Валуа, религіозная нетерпимость,—худшее и страшнѣйшее изъ общественныхъ бѣдствій—отвлекли силы французскаго народа отъ стремленія къ мирному процвѣтанію и обратили территорію Франціи въ кровавое поле междуусобій, продолжавшихся четверть вѣка. Трудно рѣшить теперь, подъ знаменемъ какихъ, именно, вѣрованій было совершено больше жестокостей. Вся Европа того времени была охвачена заразой нетерпимости, жестокости и насилія. Люди сѣяли смерть и встрѣчали ее съ поразительнымъ хладнокровіемъ. Новое религіозное движеніе подавлялось палачами и кострами. Въ Римѣ даже многіе святыя отцы не были пощажены преслѣдованіями судилищъ, и палачи быстро рѣшали всѣ расчеты между небомъ и землей. Дѣятельность инквизиціи въ этомъ направленіи хорошо извѣстна всѣмъ и считается безпримѣрною. Однако, и преслѣдуемые въ католическихъ странахъ лютеране подвергали не меньшимъ жестокостямъ какъ отступниковъ своего вѣроученія, такъ и католиковъ. Самъ Лютеръ призывалъ къ оружію противъ враговъ его ученія и сектантовъ словами: «Теперь такіа удивительныя времена,—говорилъ онъ, что правители могутъ достигнуть царства небеснаго скорѣе при помощи пролитія крови, чѣмъ при помощи молитвъ». Во Франціи въ царствованіе Генриха II стали принимать строжайшія мѣры противъ всякихъ тайныхъ сборищъ, съ цѣлью ли религіозной или какой бы то ни было другой. Всѣ члены подобныхъ обществъ подлежали смертной казни, точно такъ же, какъ и тѣ, которые, зная о нихъ, не доносили. Реформаторовъ, которыхъ во Франціи стали называть Гугенотами, ежедневно десятками заточали въ тюрьмы. Многіе изъ нихъ скрывались или совершенно оставляли отечество, покидая на произволъ судьбы имущество и дѣтей, «голодный плачъ» которыхъ раздавался по улицамъ. И никто не смѣлъ (такъ это было по крайней мѣрѣ въ Парижѣ) дать имъ убѣжище *). Начались процессы, въ которыхъ многіе гугеноты въ «своей ереси обнаруживали» сатанинскую стойкость и упрямство и «злобное равнодушіе къ смерти». Въ этомъ отношеніи особенно прославился процессъ Anne du Bourg. Самъ Кальвинъ, выступившій защитникомъ христіанства противъ «католическаго язычества», своими ѣдкими на-

*) Martin=Histoire de France.

падками на противниковъ и зажигательными проповѣдями далеко не походилъ на христіанина первыхъ временъ, къ категоріи которыхъ онъ себя причислялъ, на христіанъ временъ, исполненныхъ религіи любви, встрѣчавшихъ со смиреніемъ всѣ муки и умиравшихъ со словомъ прощенія на устахъ. Это былъ истый сынъ того вѣка, вѣка всеобщей нетерпимости, самый подходящій предводитель людей, одушевленныхъ не столько любовью къ своимъ единомышленникамъ, сколько ненавистью къ противнику, не столько рвеніемъ къ своей вѣрѣ, сколько презрѣніемъ къ вѣрованіямъ другихъ. Всякаго, кто не раздѣлялъ его мнѣній, онъ считалъ врагомъ, относительно котораго забывалась заповѣдь: «люби ближняго». Та же нетерпимость проявлялась и въ вопросахъ науки. Примѣромъ тому можетъ послужить курьезный процессъ Пьера Рамюса, котораго притянули къ суду за его трактатъ противъ Аристотеля, причемъ нѣкоторые его противники, называя его «blasphémateur de la belle antiquité» серьезно требовали, чтобы «еретикъ» по меньшей мѣрѣ былъ сосланъ на галеры. И ученые, не меньше фанатиковъ вѣры, обнаруживали «сатанинскую стойкость». Тотъ же Рамюсъ напр. отвѣтилъ своимъ обвинителямъ, что онъ готовъ не только пойти на каторгу, но даже на встрѣчу «славной смерти». По всей Европѣ прошелъ *циклонъ упорной нетерпимости*, закалившій сердца, дѣлавшій людей одинаково склонными какъ къ жестокостямъ такъ и къ мученичеству. Надо было много мужества, чтобы въ это смутное время разнужданныхъ страстей рѣшиться громко проповѣдывать терпимость, милосердіе, прощеніе. Были и тогда люди, которые понимали ясно великую мысль, — что путемъ преступленій и жестокостей не можетъ быть достигнута ни одна благая цѣль. Но одинокіе голоса истинныхъ патріотовъ и мыслителей не могли предотвратить кровопролитія. Напрасно лучшіе люди Франціи скорбѣли о творившихся безобразіяхъ. «Страна» эта, говорится въ одной популярной сатирѣ того времени (*Satyre Menipée*), которая могла бы по прежнему быть садомъ, полнымъ райскихъ наслажденій, превратилась въ обширное кладбище, изобилующее памятниками преждевременныхъ смертей и висѣлицъ». Напрасно стремится канцлеръ Л'Опиталь предупредить смуту, внушая уваженіе къ закону и порядку въ однихъ и милосердіе и прощеніе къ возмутившимся — въ другихъ. Въ рѣчи своей, которою онъ открылъ собраніе въ Орлеанѣ, онъ доказываетъ, что всякая смута губельна, даже и тогда, когда стремленія ея честны, ибо лучше терпѣть всякія потери и лишеныя, чѣмъ вызывать въ странѣ своей междоусобіе. Что касается вѣры, говоритъ онъ далѣе, то намѣревающіеся насадить ее «помощью оружія» дѣйствуютъ противъ самыхъ догматовъ христіанской вѣры, которая учитъ «терпѣть насиліе, но не совершать его».

Не менѣе знаменательны слова этого благороднѣйшаго дѣятеля смутной эпохи, обращенныя къ властямъ. «Подумаемъ о томъ, сказалъ онъ, что злоупотребленія нашей собственной Церкви были

причиной возникновенія ереси, и что можетъ быть реформалія послужить къ уничтоженію ихъ. Мы до сихъ поръ поступали какъ плохіе полководцы, которые идутъ на приступъ позицій непріятеля, оставляя дома свои безъ всякой защиты. Прежде всего намъ слѣдуетъ самимъ запастись добродѣтелями и добрыми нравами и подъ ихъ прикрытіемъ осадить враговъ оружіемъ милосердія, молитвы, слова Божія—единственное оружіе достойное такой борьбы. Правственная жизнь убѣдительнѣе, чѣмъ поученія. Бросимъ всѣ эти діавольскія слова: лютеране, гугеноты, паписты, будемъ называться христіанами».

И вотъ въ то время, когда многіе изъ выдающихся людей ринулись въ борьбу партій, встрѣчаются люди, предпочитавшіе оставаться вдали отъ бурной и кровавой арены и тихо продолжать мирное дѣло цивилизаціи. Однимъ изъ величайшихъ представителей послѣднихъ является Мишель Монтэнъ, который, говоря словами Прево Парадоля *), «спокойно взиралъ на гремѣвшую кругомъ него грозу, изучалъ волны расхоловаго моря, наблюдая опасныя рифы и скалы и освѣщая своимъ могучимъ умомъ измѣнчивую стихію, предостерегая каждого черезчуръ дерзкаго, черезчуръ увѣреннаго въ своихъ силахъ пловца». Мыслитель этотъ, старавшійся смягчить ярость озлобленныхъ сердецъ, напоминалъ имъ, что человѣческія истины не абсолютныя истины, и что поэтому дѣль, къ которой человѣкъ стремится съ такимъ ожесточеніемъ, не стоитъ мира, приносимаго имъ въ жертву химерамъ.

II.

Монтэнъ (1533—1592) обезсмертилъ свое имя единственнымъ сочиненіемъ, которому далъ скромное заглавіе «Essais»—Опыты. Въ сочиненіи этомъ собрана имъ, какъ вся мудрость древняго міра, такъ и мысли и идеи лучшихъ людей его времени. Но, слѣдуя подчасъ по проложеннымъ колеямъ, Монтэнъ, подобно всѣмъ гениямъ, углублялъ ихъ и, указывая новыя пути, далеко опережалъ замѣчательныхъ своихъ единомышленниковъ.

По формѣ своей, Опыты представляютъ простой дневникъ, въ который на ряду съ авто-біографическими замѣтками авторъ заноситъ свои впечатлѣнія, наблюденія и выдержки изъ прочитаннаго, свои мысли о людяхъ, книгахъ, житейскихъ мелочахъ и высочайшихъ проявленіяхъ человѣческаго ума. Изъ этихъ замѣтокъ, написанныхъ съ безпримѣрной искренностью и простотой, создано произведеніе настолько оригинальное, что и до нашихъ дней оно, по словамъ Сентъ-Бева, не поддается никакимъ установленнымъ въ исторіи словесности классификаціямъ **). Причину всѣхъ бѣдствій, обездолившихъ какъ Францію, такъ и другія

*) Prevost-Paradole. Etudes sur les moralistes Français 1873.

***) Sainte Beuve... «Causeries du Lundi».

страны, Монтэнь видѣлъ въ увѣренности человѣка въ силѣ своего разума, въ гордынѣ, вслѣдствіе которой человѣкъ считаетъ себя обладателемъ истины и права; это приводитъ его къ нетерпимости, а нетерпимость въ свою очередь ведетъ къ кровопролитнымъ столкновениямъ. Поэтому прежде всего Монтэнь считаетъ нужнымъ притянуть къ суду этотъ разумъ, въ сущности столь склонный къ роковымъ заблужденіямъ. «Чтобы успокоить страсти и обуздать безуміе человѣка, я считаю вѣрнѣйшимъ средствомъ низвергнуть человѣческую гордыню, растоптать ее ногами, дать человѣку почувствовать его пустоту и ничтожество и вырвать изъ рукъ его хрупкое оружіе разума, заставить его склонить голову къ землѣ предъ величіемъ Бога и вмѣсто увѣренности въ себя и свои силы поселить въ немъ сомнѣнія» *). Монтэнь выполняетъ эту задачу съ такимъ мастерствомъ, съ такою силою анализа, что противники его мысли находятъ въ могуществѣ ума, обнаруженномъ философомъ въ этомъ случаѣ, лучшее опроверженіе ея. «Кто увѣрилъ человѣка, спрашиваетъ Монтэнь, что этотъ восхитительный небесный сводъ, этотъ вѣчный блескъ величественно движущихся надъ нами свѣтилъ, этотъ непрерывный ропотъ безконечнаго моря сотворены и существуютъ столько вѣковъ лишь для него, для его удобствъ и къ его услугамъ. Не смѣшно-ли, что это ничтожное, жалкое созданіе, которое не въ силахъ даже управлять собою, объявляетъ себя господиномъ и властелиномъ вселенной, малѣйшей частицы которой онъ даже не въ силахъ понять, не только что управлять ею. На чемъ основано его убѣжденіе, будто въ этомъ великомъ созданіи одинъ только онъ способенъ понимать всю красоту и сущность, какъ цѣлаго, такъ и составныхъ частей, что онъ одинъ можетъ воздавать хвалу Создателю его... Кто подтвердилъ ему эту привилегію? Пусть онъ намъ покажетъ грамоты, которыми возложены на него эти великія обязанности. Даны ли онѣ только однимъ мудрецамъ и добродѣтельнымъ, или же и безумцы и злые стоятъ того, чтобъ они, самыя низменныя существа вселенной, пользовались такимъ предпочтеніемъ сводить итоги міра? Мало того, если бы это полномочіе дѣйствительно было дано человѣку, оно значило бы еще очень мало, ибо что такое земля наша въ сравненіи со всей вселенной **)? Монтэнь не признаетъ за человѣкомъ права на особенное мѣсто въ природѣ и на презрительное отношеніе къ другимъ существамъ, живущимъ на нашей планетѣ. Онъ опровергаетъ нашу горделивую мысль, будто мы не только выше другихъ созданій, но принадлежимъ къ совершенно исключительной породѣ, не имѣющей никакой связи со всѣми остальными твореніями. «Однако, что знаемъ мы обо всемъ этомъ?» спрашиваетъ Монтэнь. «Кто постигъ тайну этихъ смиренныхъ

*) Essais de Montaigne, livre II chapitre XII Apologie de Raimond Sebond.

**) Essais de M. livre II ch. XII.

существованій? Узналъ ли кто что нибудь достовѣрное о движеніи мысли въ этихъ непроснувшихся умахъ, о границахъ инстинкта—слово, которымъ мы по своей заносчивости обозначаемъ проявленіе подчасъ чудесъ предвидѣнія, изобрѣтательности, преданности и мужества? Съ какой смѣлостью и увѣренностью пускаемся мы въ сужденія о внутренней жизни этихъ существъ, дѣлая изъ нашихъ наблюденій точные выводы. «Когда я играю съ кошкой, кто знаетъ, говоритъ Монтэнъ, не забавляется ли она мною больше, чѣмъ я ею?». Монтэнъ рѣшительно уравниваетъ насъ съ остальными твореніями природы, не оставляя намъ никакихъ преимуществъ передъ ними. Онъ отнимаетъ у насъ даже пресловутое преимущество нашей слабости и безпомощности первыхъ лѣтъ жизни и нѣкоторыхъ страданій, о которыхъ будто бы животныя не имѣютъ понятія. Онъ говоритъ, что это предполагаемое отличіе не что иное, какъ одинъ изъ несостоятельныхъ источниковъ нашего высокоумія, остроумное измышленіе нашего тщеславія. Мы обставляемъ наше происхожденіе какою то тайною, чтобы вѣрнѣе удержать за собою то мѣсто, которое мы настойчиво требуемъ отъ природы. Монтэнъ доказываетъ, что мы рождаемся ни болѣе голыми, ни болѣе безпомощными, чѣмъ многія другія существа. Если бы даже допустить это различіе, то стремленіе восполнить этотъ пробѣлъ въ нашей природѣ—наши открытія, изобрѣтенія, наши искусства и стремленія примѣняться къ условіямъ жизни не что иное, какъ тотъ же даръ природы. — Это стремленіе не представляетъ ли того же инстинкта самосохраненія, уравновѣшивающаго нашу безпомощность и не ставить ли она насъ въ одинаковыя условія сравнительно съ другими твореніями, т. е. въ условія тяжелаго существованія, постоянно угрожаемаго внѣшними силами, но находящаго въ собственной природѣ средства борьбы и поддержку для дальнѣйшаго продолженія жизни?

Но говорятъ, что наша дѣятельность, наши мысли составляютъ наше величіе, наше преимущество передъ животными. Разберемъ, говоритъ Монтэнъ, въ отдѣльности и взвѣсимъ всѣ эти алмазы нашей короны, посмотримъ, не обманчивъ ли ихъ блескъ, не наклонности ли людей къ войнѣ и взаимному истребленію могутъ оправдать нашу гордость? Война дѣйствительно, замѣчаетъ онъ съ глубокой ироніей, самое величественное дѣло изъ всѣхъ человѣческихъ дѣяній. Но если считать взаимное уничтоженіе дѣломъ столь славнымъ, то, вѣдь, и свирѣпость стадныхъ нападеній вовсе не исключительно свойственна человѣку. Два роя пчелъ, спорящихъ изъ за улья, такъ же храбро сражаются, какъ и двѣ нападающія другъ на друга арміи. Два быка такъ же, какъ мы, могутъ бороться и умереть за обладаніе пастбищемъ или самкой. Говорятъ, что наши мотивы болѣе благородны. Въ самомъ дѣлѣ. Вникните въ причины всякой войны, посмотрите поближе, изъ за чего проливается человѣческая кровь, и вы увидите, что причины, вооружающія людей другъ противъ друга и приводящія

ихъ къ взаимному уничтоженію, гораздо болѣе жалкія, гораздо менѣе достойны оправданія, чѣмъ борьба за обладаніе ульемъ или пастбищемъ. У человѣка, говоритъ Монтень, средства вредить ближнему болѣе обширны, чѣмъ у любого животнаго; но, спрашивается онъ, неужели въ такомъ случаѣ наша пресловутая воля, проявляющаяся въ этомъ преимуществѣ для уничтоженія себѣ подобныхъ, можетъ считаться чѣмъ то высокимъ и достойнымъ уваженія? Мы возвеличиваемъ себя, мы стремимся все поглотить, слить границы нашего существованія съ границами міра, но то же стремленіе живетъ и въ другихъ существахъ. На какомъ же основаніи можемъ мы такъ гордиться и объяснять по своему тайное побужденіе природы, выражающееся въ каждомъ ея сознаніи стремленіемъ къ сохраненію своей жизни и продолженію ея въ потомствѣ?

Если «война», словомъ, которымъ Монтень, обозначаетъ совокупность дѣяній, подводимыхъ нынѣ подъ терминъ борьба за существованіе, сама по себѣ, какъ цѣль, не въ состояніи оправдать нашу заносчивость, то, быть можетъ, ее оправдываютъ наши знанія, наука и прочія пріобрѣтенія человѣческаго разума? Безпристрастно и хладнокровно расчленивъ человѣческій разумъ, Монтень приходитъ къ выводу Сократа, по которому человѣкъ можетъ знать только одно: что онъ ничего не знаетъ. Въ этомъ заключеніи нашъ философъ заходитъ еще дальше Эллина, считая что человѣкъ не можетъ и относительно своего незнанія высказаться утвердительно. «Que sais je?» вотъ формула, въ которой онъ выражаетъ свое сужденіе о бессиліи человѣческаго разума. «Нашъ умъ складывается изъ понятій при посредствѣ чувствъ, говоритъ Монтень, понятія начинаются ими и вмѣстѣ съ ними прекращаются... Познаніе—не что иное, какъ ошущеніе». Лишь только прекращается послѣднее, прерывается нить человѣческихъ понятій *). Если же чувства наши, при посредствѣ которыхъ мы сообщаемся съ внѣшнимъ міромъ, обманчивы, если напр., они подвергаются какому либо измѣненію или порчѣ, то и наши понятія и познанія дѣлаются невѣрными, ибо другимъ путемъ они не могутъ достигнуть человѣческаго сознанія. Дѣйствительно ли мы обладаемъ всѣми чувствами, необходимыми для составленія истиннаго понятія о вещахъ или намъ не хватаетъ какихъ нибудь чувствъ, даже изъ тѣхъ, какія существуютъ у животныхъ? А между тѣмъ однимъ изъ внѣшнихъ чувствъ меньше и вотъ другая вселенная. Слепо-рожденный или глухо-рожденный могутъ ли имѣть представленіе,—первый о краскахъ, второй о звукахъ? Поэтому можемъ ли мы сказать, что представляемъ себѣ вещи такими, каковы онѣ въ дѣйствительности, ибо мы не знаемъ, обладаемъ ли мы всѣми чувствами, необходимыми для того, чтобы имѣть вѣрное понятіе о мірѣ. Если при отсутствіи одного изъ пяти чувствъ міръ представляется совершенно инымъ, кто мо-

*) Essais, livre II, ch. XII.

жетъ утверждать, что появленіе въ насъ новаго чувства не сдѣлало бы переворота въ нашихъ познаніяхъ? Правда, основанная на нашихъ пяти чувствахъ, была ли бы правдою шести или восьми чувствъ? *) Кромѣ того сами чувства наши не постоянны и измѣнчивы. На каждомъ шагу они представляютъ намъ невѣрныя изображенія предметовъ и, такимъ образомъ, вводятъ въ обманъ нашъ разумъ. Самое настроеніе духа нашего производитъ измѣненіе въ нашихъ внѣшнихъ чувствахъ, то притупляя, то обостряя ихъ. Намъ слѣдовало бы узнать точно, какимъ міръ представляется сознанію животныхъ. Если бы внѣшнія чувства не были обманчивы, у всѣхъ людей и животныхъ должно было бы быть одно и то же представленіе о внѣшнемъ мірѣ. Между тѣмъ не только у разныхъ животныхъ, у разныхъ народовъ свои міровоззрѣнія. Мы подчинены непрерывному измѣненію и движенію всего насъ окружающаго. Я вчера не думалъ въ томъ порядкѣ, какъ думаю сегодня, а завтра моя мысль будетъ опять новая. Я не тотъ человѣкъ, какимъ былъ годъ тому назадъ, и даже вчера; въ умѣ моемъ течетъ непрерывная волна мыслей, которую оставить я не властенъ, которая разъѣдаетъ и возобновляетъ самое ложе рѣки представленій, пробѣгающей во мнѣ и непрерывно возобновляющейся. Это то же теченіе, которое уноситъ и весь міръ. Нашъ разумъ, какъ и все, что служитъ предметомъ его наблюденія и сужденія, не имѣетъ ничего постояннаго. Все проходитъ, какъ потокъ, и мы не можемъ придавать прочной цѣны нашимъ мимолетнымъ впечатлѣніямъ, ибо и они появляются, чтобы видоизмѣниться и исчезнуть. Къ чему служатъ намъ знанія, какъ не къ тому только, чтобы открыть намъ наше невѣдѣніе и безсиліе ума для проникновенія въ сущность міра!

Измѣнчивость чувствъ и невозможность отысканія абсолютной истины ведутъ къ той шаткости, которая замѣчается въ человѣческихъ поступкахъ и желаніяхъ. «Они такъ противорѣчивы, что иногда кажется невѣроятнымъ, чтобы они могли выйти изъ одного источника (*qu'il semble impossible qu'elles soient parties de même boutique*) **). Каждый день у насъ являются новыя настроенія души, которые съ теченіемъ времени то измѣняются, то повторяются ***). Мы лишены абсолютныхъ, постоянныхъ, свободныхъ желаній. *Nous flotons entre divers avis; nous ne voulons rien—librement, rien absolument, rien constamment* ****). Тамъ, гдѣ человѣкъ въ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется опредѣленными стремленіями, поступки его однообразны. Но предъ лицомъ вѣчныхъ вопросовъ жизни, колебаніямъ его нѣтъ предѣловъ. Человѣкъ мѣняетъ свои мнѣнія о важнѣйшемъ изъ всего,

*) Essais, livre II ch. XII.

**) Essais, L. II ch. 1.

***) Essais, L. II ch. 1.

****) Essais, L. II ch. 1.

что его ждетъ въ жизни, смотря по настроенію, зависящему отъ случайности, иногда отъ состоянія здоровья.

Всѣ вещи имѣютъ свои абсолютныя свойства, но въ нашемъ представленіи они получаютъ тѣ качества, которыя имъ придаетъ наша душа.

Если бы сущность вещей представлялась намъ во всей своей силѣ, всѣ люди имѣли бы о ней совершенно одинаковыя понятія. Между тѣмъ различныя представленія, которыя мы составляемъ объ одномъ и томъ же предметѣ, не доказываютъ ли, что они являются въ нашемъ сознаніи въ зависимости отъ нашего душевнаго настроенія *).

Мысль эту Монтэнь подтверждаетъ, между прочимъ, излюбленными имъ примѣрами изъ исторіи. Смерть, напр., говоритъ онъ, однимъ представляется страшнѣйшимъ изъ всѣхъ земныхъ золь, другимъ кажется единственнымъ вѣрнымъ убѣжищемъ человѣка отъ терзаній жизни, величайшимъ даромъ неба. Цицеронъ страшится ее, Катонъ жаждетъ умереть, а Сократъ относится къ смерти съ полнымъ равнодушіем **).

То же непостоянство мы видимъ во мнѣніяхъ и обычаяхъ страны, въ которой живемъ. Если прослѣдить за ними до самаго ихъ источника, мы увидимъ, какимъ значительнымъ они подвергались измѣненіямъ и какъ они отличаются отъ законовъ и обычаевъ прежнихъ періодовъ. Такое же различіе мы видимъ, если сравнимъ понятія, господствующія въ различныхъ странахъ. То, что въ одной странѣ предписывается, то за предѣлами ея, за какимъ нибудь ручьемъ, опредѣляющимъ границу, почитается за преступленіе. У каждаго народа существуютъ обычаи и права, которые другимъ народамъ кажутся дикими и подчасъ жестокими ***). Подобно тому, какъ не установлена нравственность, которая бы признавалась всѣми, ибо у каждаго народа своя нравственность, не обязательная для другого,—у каждаго человѣка свои понятія о добрѣ и злѣ. Гдѣ же указатели общей абсолютной морали. Можетъ ли совѣсть служить критеріемъ добра и зла? Внутреннее довольство и неудовольствіе собою часто говорятъ намъ о дурныхъ и хорошихъ поступкахъ нашихъ, но и голосъ совѣсти не можетъ указать намъ на абсолютную нравственность, ибо сама совѣсть создается привычкой къ тому или другому образу дѣйствій. Уже потому, что господствующіе обычаи и понятія мы усваиваемъ себѣ вмѣстѣ съ молокомъ матери и что міръ является нашему взору съ ранняго дѣтства, мы унаслѣдовали истины, кажушіяся намъ непреложными.

Привычка до того поробашаетъ человѣка, что пороки пере-

*) Essais livre I ch XL. (Que le goust des biens et des maux depend en bonne partie de l'opinion que nous en avons).

**) Essais l. I ch. L.

***) Essais l. II ch. XII.

стають вызивать угрызения совѣсти *). Но допустимъ, что совершится чудо: всѣ люди когда нибудь постигнуть съ одинаковой ясностью все, что ихъ окружаетъ; что понятія ихъ о сущности вещей будутъ выводомъ всей мудрости, какъ существовавшей у нашихъ предковъ, такъ и той, которая возникаетъ у отдаленныхъ потомковъ; что вмѣсто обширнаго моря, гдѣ волнуются и сталкиваются разнообразныя человѣческія мнѣнія, мы имѣли бы передъ глазами, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, постоянное изображеніе истины, признанной вездѣ и во всѣ времена, человѣческимъ разумомъ. Перестанетъ ли эта постоянная истина, даже въ такомъ случаѣ, быть истиной человѣческой, т. е. спеціальнымъ продуктомъ человѣческаго ума, выраженіемъ отношеній къ предметамъ нашихъ органовъ чувствъ **). Но гдѣ же связь, точка соприкосновения, переходъ отъ этой истины человѣческой къ истинѣ абсолютной, постигнуть которую мы имѣемъ претензію? Гдѣ же признаки, которые опредѣлили бы ея существованіе за предѣлами земли?

Мы можемъ собрать въ одну груду всѣ мнѣнія человѣчества, придать имъ искусственную прочность и обманчивое единство, обозвать изъ нихъ высокую гору, надъ которой мы водрузили бы знамя нашего разума, но ничто не пополнило бы безконечную и непроходимую пустоту, которая раздѣлитъ эту небольшую грудку человѣческихъ истинъ отъ недоступной области, гдѣ царствуетъ истина абсолютная ***).

Кто можетъ утверждать, что законъ, имѣющій цѣну у насъ на землѣ, былъ бы исполняемъ въ какомъ нибудь изъ другихъ міровъ. Достаточно переѣхать въ Индію, чтобъ узрѣть совершенно иное: иную растительность, иныхъ животныхъ и людей, иныя радости, иныя понятія о нравственности и грѣхѣ. И вотъ образецъ проявленія истины, которая на такомъ небольшомъ разстояніи такъ различна, служитъ намъ предувѣдомленіемъ того безконечнаго разнообразія, которое безъ сомнѣнія разлито въ обширной вселенной. Заключенные въ нашемъ тѣсномъ и движущемся обиталищѣ мы вынуждены ограничить наши представленія объ истинѣ, доступной нашей мысли. Мы можемъ сомнѣваться, и сомнѣніе, по мнѣнію Монтэня, конечная ступень нашего разума. Подчиняться этому положенію, смириться—вотъ послѣднее слово нашей мудрости. И такъ, утвердительно мы ни въ чемъ не убѣждены, даже въ нашемъ сомнѣніи. Скажемъ лучше: «Что могу я знать (Que sais-je!)» И чѣмъ съ большей высоты, чѣмъ съ большимъ спокойствіемъ мы будемъ взирать на смѣлыя утвержденія, въ которыя пускаются люди, тѣмъ болѣе мы оградимъ себя отъ порывовъ страстей и самомнѣнія, увлекающихъ людей въ бесплодную борьбу.

*) Essais L. II ch. XII.

**) Essais L. II ch. XII.

***) Essais L. II ch. XII.

III.

Изложенныя, въ извлеченіяхъ, въ предъидущей главѣ, философскія основы Монтэня отнюдь не являются въ его «Essais» въ видѣ систематической доктрины. Подобное представленіе объ «Опытахъ» противорѣчило бы основному характеру его міровозрѣнія, не терпящему никакого утвержденія, доктринерства, противорѣчило бы *forme maitresse* его генія, чуждаго всякой системы, свободнаго и своевольнаго.

Шопенгауеръ справедливо замѣтилъ, что давать извлеченія изъ какого нибудь писателя—то же, что извлекать миндалины изъ торта, не заботясь объ его тѣстѣ. Къ сожалѣнію съ руководящей идеей «Опытовъ» трудно знакомить иначе. Она мелькаетъ въ нихъ подобно золотымъ блесткамъ въ богатой сырой рудѣ.

Книга Монтэня—это самая свободная, самая искренняя и безыскусственная бесѣда, какую только можетъ вести человѣкъ съ своимъ ближнимъ или съ самимъ собою. Она менѣе всего похожа на философскій трактатъ. Вѣроятно по этой причинѣ многіе долго не рѣшаются относиться къ ней, какъ къ серьезнѣйшему философскому творенію. Такъ напр. кардиналъ дю-Перронъ называлъ ее «*le brevière des honnêtes gens*!» а Гюэ (Huet) *la brevière des honnêtes paresseux et des ignorants studieux*: Книга эта, говоритъ Сентъ-Бевъ, послужившая арсеналомъ для множества великихъ и серьезныхъ писателей, по своей формѣ легко можетъ показаться болтовней милаго балагура. Каковъ бы ни былъ вопросъ, который встрѣчается Монтэню на пути, на какую бы тропинку случай не натолкнулъ его,—говоритъ Прево-Парадолъ*) и деть ли дѣло о предметѣ самомъ обыденномъ или о самой возвышенной задачѣ духовнаго міра, онъ не выказываетъ ни одного чувства безъ того, чтобы отъ нихъ сейчасъ же не удалиться въ сторону, чтобы не привести рядомъ съ ними чувства и мнѣнія противоположныхъ. Подобно качанію маятника, который послѣ колебанія приходитъ въ равновѣсіе, умъ его останавливается на одинаковомъ разстояніи отъ двухъ противурѣчивыхъ мнѣній. «Всякая мысль, которая рождается въ его умѣ, похожа на звукъ голоса, которому отвѣчаетъ тотчасъ эхо, не повторяя его, но какъ бы споря съ нимъ». «Кто не помнитъ, говоритъ тотъ же писатель, прекраснаго мѣна о томъ, какъ Язонъ сбѣялъ зубы дракона, тотчасъ выроставшіе въ вооруженныхъ людей, готовыхъ истерзать другъ друга. Полный сомнѣній умъ Монтэня похожъ на это поле битвы: ни одна идея не является у него безъ того, чтобы не возникла вслѣдъ за ней другая готовая во всеоружіи вступить съ ней въ борьбу. Съ первыхъ страницъ чувствуется умъ, исполненный сомнѣній, стремящійся однако скорѣе разсѣять ихъ, чѣмъ утвердиться въ нихъ».

Скептицизмъ Монтэня не есть скептицизмъ абсолютный, без-

*) Etudes sur les moralistes français

поворотный, ведущий человека къ атеизму или къ мрачному отчаянію и непроницаемой стѣной заграждающей ему всѣ иные горизонты. Онъ оставляетъ во всѣ стороны свободныя дороги. Его сомнѣніе открываетъ широкіе пути для пытливаго человѣческаго ума; онъ не удерживаетъ смутныхъ полетовъ человѣческой души къ идеалу, къ тому невѣдомому, но предчувствуемому чело-вѣчествомъ, къ тому, чего оно однако не въ силахъ опредѣлить. Не смотря на то, что Монтень безжалостно низводитъ «человѣческую» истину съ высокаго пьедестала на земной уровень и топчетъ ее ногами, рѣдко кто изъ мыслителей и поэтовъ достигалъ такой силы въ изображеніи этихъ самыхъ «человѣческихъ» истинъ. Страницы, въ которыхъ Монтень сурово караетъ пороки, страницы, въ которыхъ онъ восхваляетъ добродѣтель—это проявленіе «человѣческой» истины—принадлежитъ къ вдохновеннѣйшимъ страницамъ европейской литературы. Въ нѣкоторыхъ главахъ, въ которыхъ Монтень становится на положительную почву, онъ преподаетъ читателю уроки высшей житейской мудрости. Исполненный истиннаго доброжелательства къ людямъ, онъ какъ бы напутствуетъ ихъ, направляя на опасный путь сомнѣнія и отрицанія, имъ самимъ указанный. Въ человѣкѣ онъ выше всего цѣнитъ правду, прямоту, справедливость, гуманность, храбрость и состраданіе.

Лучшимъ средствомъ для того, чтобы вывести человека на нравственный путь, Монтень считаетъ соразмѣрность и сообразованіе нравственныхъ требованій съ природой. «Природа человека, говоритъ Монтень,—вообще устроена такъ, что тѣ дѣйствія, которыя непосредственно возникаютъ изъ стремленія удовлетворить нашимъ потребностямъ доставляютъ намъ наслажденія *). Влеченіе къ послѣднимъ обусловливается произвольнымъ инстинктивнымъ чувствомъ. Разумъ при этомъ является лишь пособникомъ, такъ какъ сама природа требуетъ, чтобы мы употребляли всѣ данныя намъ средства для того, чтобы пользоваться жизнью. **)

Истинными драгоцѣннѣйшими дарами природы справедливо считаются лишь жизнь, спокойствіе и здоровье. ***)

Жизнь должна быть пріятна и мы грѣшимъ противъ природы, если отвергаемъ ея дары, или злоупотребляемъ ими, пользуясь ими въ излишествѣ. «Не ищите и не избѣгайте ихъ». Жить согласно съ закономъ природы—это и составляетъ то, что выражено у нашего моралиста, не требовательнаго къ ближнему, въ афоризмѣ: «Le grand et glorieux chef d'oeuvre de l'homme est de vivre à propos, подразумѣвая подъ этимъ «à propos» то, что предоставляетъ намъ природа. Ничего нѣтъ прекраснѣе и законнѣе, какъ стремленіе быть въ истинномъ смыслѣ человекомъ», de faire bien

*) I. III, ch. XII.

**) I. I, ch. XL.

***) I. I, ch. XLI.

l'homme et duement. Пренебреженіе жизнью одна изъ страшнѣйшихъ болѣзней. Природа дала намъ наслажденія въ противобѣсъ страданіямъ и печалямъ, и неправы тѣ моралисты, которые проповѣдуютъ, что наслажденія нашей физической природы не достойны мудреца. Напротивъ, поддерживать свою жизнь согласно законамъ природы составляетъ признакъ полнаго божественнаго совершенства. Такъ какъ и страданія даны намъ природой, то ихъ мы должны переносить мужественно, изъ чего однако не слѣдуетъ, чтобы мы могли къ нимъ относиться индифферентно или даже искать ихъ. «Бѣднаго человѣка, восклицаетъ онъ, и безъ того природа надѣлила всякими дѣйствительными немощами, къ чему же еще добровольно создавать себѣ воображаемыя. Существованіе человѣка достаточно плачевно, чтобы еще придумывать искусственные способы для ухудшенія его. Tu as des laideurs reelles et essentielles*) à suffisance, sans en forger d'imaginaires. Предоставимъ же себя природѣ, она лучше знаетъ свое дѣло, чѣмъ мы**).

«Подобно тому, какъ по словамъ стоиковъ, пороки существуютъ для того, чтобы добродѣтель получила цѣну, природа создала намъ страданія, чтобы мы могли ощущать наслажденіе и покой. Но удовольствія и наслажденія не продолжительны, если въ нихъ не соблюдается мѣра, и природа ясно учитъ насъ, что неумѣренность въ каждомъ наслажденіи вредитъ человѣку. Границы излишествъ указаны самой природой; переступая ихъ, мы превращаемъ всякое наслажденіе въ страданіе. Даже добродѣтель должна быть заключена въ назначенныя для нея природой границы, ибо перейдя ихъ, она становится безсмыслицей.»***).

Умѣренность во всемъ составляетъ отличительное свойство жизни, подчиняющейся указаніямъ природы. «Je vous conseille, en vos orignons et en vos discours, autant qu'en vos moeurs et en toute autre chose, la maderation et l'attrempance» (Essais L. 11 ch. XII).

Изъ этихъ разсужденій можно заключить, что слѣдованіе по пути добродѣтели не только не трудно, но доставляетъ человѣку наслажденіе, ибо оно вызывается требованіемъ самаго организма. Добродѣтель обитаетъ не на отвѣсной недоступной горѣ, какъ говорятъ ученые (comme dit l'eschole). Тотъ, кому удалось приблизиться къ ней, увѣряетъ, наоборотъ, что она пребываетъ въ прекрасной, цвѣтущей и плодородной равнинѣ, съ высоты которой она взираетъ на все вокругъ, что тому, кто знаетъ ея обитель, возможно достигнуть ее по тѣнистымъ дорогамъ, по цвѣтущимъ и душистымъ лугамъ, по склону мягкому и нѣжному, какъ небесный сводъ. Тѣ-же, которые не посѣщали (hantè) этой добродѣтели высшей, прекрасной, торжествующей, любящей, сладостной и вмѣ-

*) Essais l. III, ch. XIII.

**) « «

***) « «

стѣ съ тѣмъ и мощной, этой непримиримой противницы страданій, скуки, страха и насилій, для которой вождь сама природа, для которой подруги счастье и наслажденіе, тѣ по своей ограниченности, сотворили ее въ образѣ чего то угрюмаго, злобнаго, сварливаго и угрожающаго, помѣстили на недоступной скалѣ среди колючихъ терній, сдѣлали изъ нея пугало для устрашенія людей (*fantôme à étonner les gens*).

Изображая добродѣтель въ видѣ столь доступномъ и пріятномъ, Монтэнъ однако слишкомъ тонкій наблюдатель, чтобы ставить подобную эпикурейскую добродѣтель конечной цѣлью человѣческаго существованія; онъ отмѣчаетъ въ человѣческой душѣ болѣе высокія стремленія. «При ближайшемъ разсмотрѣніи житейскихъ наслажденій,—говоритъ Монтэнъ,—всѣ они оказываются похожими на вѣтеръ.*) Въ человѣческой душѣ живетъ не одно стремленіе къ удовлетворенію умѣренныхъ разумомъ естественныхъ потребностей къ наслажденію. Въ ней зрѣютъ зародыши и болѣе возвышенныхъ чувствъ. Хотя наслажденіе и составляетъ цѣль нашей жизни и хотя добродѣтель даетъ намъ высшую степень наслажденія, но то наслажденіе, которое мы испытываемъ въ удовлетвореніи нашей совѣсти и ради которой человѣку приходится вести борьбу съ низменными страстями гораздо выше того, какое мы испытываемъ, познавая добродѣтель лишь легко достижимую.

Высшая добродѣтель та, которая способна побѣждать страсти. Внутреннее удовлетвореніе совѣсти является наградой такой борьбы **).

Какъ изумительный наблюдатель, какъ знатокъ человѣческой природы, Монтэнъ создаетъ высокій нравственный идеалъ только для избранныхъ и находитъ, что не слѣдуетъ устрашать обыкновеннаго человѣка трудностями пути къ добродѣтели и что для большинства совершенно достаточно быть просто порядочными людьми.

IV.

Церковь, правители, всѣ слои общества, семья, воспитаніе—находятъ въ Монтэнѣ спокойнаго и справедливаго судью. Удалившись въ свой замскъ отъ бушевавшей кругомъ него стихіи страстей, онъ созидалъ наиболѣе вѣрное орудіе для борьбы съ ними, проповѣдуя враждующимъ сторонамъ необходимость взаимной снисходительности и указывая на еле-виднѣвшуюся въ то время на горизонтѣ прогресса терпимость, какъ на лучшую надежду человечества въ будущемъ. Склоняя господствующія партіи къ снисхожденію, онъ старается и протестантовъ удержатъ отъ вражды къ господствующей вѣрѣ и правленію. Слишкомъ опасная дерзость, говорить онъ имъ, высказывать презрѣніе къ

*) *Essais* l. I, ch. XXV.

**) *Essais* l. III, ch. XIII.

тому, въ чемъ мы сами не компетентны, но что мы привыкли почитать.

Мы должны или подчиниться церкви вполнѣ, или же совершенно отрицать ее. Мы не въ силахъ опредѣлить мѣру, въ какой мы обязаны ей повиноваться, часто видимъ мы, говорить онъ въ своей главѣ о свободѣ совѣсти, *) что даже самыя добрыя навлренія, если они не подчиняются разуму, могутъ повести человека къ дурнымъ поступкамъ. Въ этомъ спорѣ, который волнуется теперь Францію междуусобными войнами, поступаетъ хорошо безъ сомнѣнiя лишь тотъ, кто придерживается вѣры своей страны. Но говоря объ истинно вѣрующихъ, я не причисляю къ нимъ нагихъ, которые подъ предлогомъ уваженiя къ вѣрѣ, преслѣдуютъ личныя цѣли, удовлетворяютъ чувство мести, стремятся къ наживѣ и заискиваютъ расположенiя принцевъ, руководителей партiй или толпы. Я говорю о тѣхъ, кто движимъ истиннымъ рвенiемъ къ своей вѣрѣ и кто стремится сохранить миръ и порядокъ въ своемъ отечествѣ. Но и между этими послѣдними, т. е. искренними, говорю я, мы видимъ много такихъ, разсудокъ которыхъ затемняется страстями, приводящими ихъ къ несправедливымъ, насильственнымъ и смѣлымъ рѣшенiямъ... **). «Партiи пользуются законами лишь, какъ прикрытiемъ la loi n'y est pu гесине, пу logée, пу espousée»***). Законъ для нихъ служить тѣмъ, чѣмъ онъ является въ устахъ адвоката, тогда какъ онъ долженъ жить въ сердцѣ каждаго, проникнутаго любовью къ отечеству»****).

Богъ требуетъ отъ насъ религiознаго чувства, а не потворства страстямъ. Люди берутся управлять религiей вмѣсто того, чтобъ она управляла ими». Въ другомъ мѣстѣ мы находимъ у него слѣдующее утверженiе: «Если бы изъ нашей армiи взяты тѣхъ, кто сражается только во имя одного религiознаго чувства— врядъ ли можно было бы составить одинъ военный корпусъ». «Одно мнѣ ясно, говорить онъ, обличая своихъ современниковъ, что мы охотно исполняемъ лишь тѣ религiозныя обязанности, которыя льстятъ нашимъ страстямъ. Далѣе мы находимъ: «наше рвенiе дѣлаетъ чудеса чаще всего тогда, когда оно совмѣщается съ нашей наклонностью къ тщеславию, ненависти и жестокости. Наоборотъ, если дѣло идетъ о снисходительности, умѣренности и милосердiи, у насъ не оказывается за исключенiемъ самыхъ рѣдкихъ натуръ, ни ногъ, ни крыльенъ *****) il ne va pu de pied, пу d'aile. «Мы совершенно забыли, говорить Монтэнъ, что вѣровавiя наши имѣютъ цѣль искобыли, пороки, а не прикрывать, питать и возбуждать ихъ». *****)

Въ этой же главѣ онъ говорить: мы сдѣлали бы лучше, если

*) I. II, ch. XIII.

**) I. II, ch. XIX.

***) I. II, ch. XII.

****) Тоже.

*****) I II, ch. XII.

*****) I II, ch. XII.

бы старались усвоить себѣ божественный законъ, а не навязывать небу наши пороки.

Въ государственномъ строѣ Монтэнъ самый рѣшительный противникъ всякихъ насильственныхъ переворотовъ. Исходя изъ мысли, что при всякой системѣ управления послѣднее всетаки находится въ рукахъ вѣчно измѣняющагося человѣка—«*qui est chose divers et endoyant*», — онъ полагаетъ, что вся задача должна состоять въ усовершенствованіи человѣческой природы.

«Одинъ мудрый законодатель повелѣлъ, чтобы каждый желающій отмѣны стараго закона являлся для защиты передъ народомъ прежняго закона не иначе, какъ съ петлей на шеѣ для того, чтобы въ случаѣ, если законъ этотъ не будетъ признанъ единогласно, внесшій законопроектъ былъ немедленно удаленъ. Монтэнъ, бывшій очевидцемъ плачевныхъ результатовъ «новшествъ», привелъ этотъ примѣръ въ поученіе тѣмъ недобросовѣстнымъ или ослѣпленнымъ страстью новаторамъ, которые, сами, ничѣмъ не рискуя, съ легкимъ сердцемъ сбюютъ раздоры среди своихъ согражданъ, подвергая ихъ страшнымъ послѣдствіямъ междоусобицъ. «Реформа, которая давитъ насъ уже столько лѣтъ, еще не все пожалала, но можно сказать, что она все посѣяла. Всѣ насилія, которыя творятся помимо нея и противъ нея, она сама ихъ вызвала, она виновница ихъ».

Монтэню, живущему за полтора ста лѣтъ до появленія въ свѣтъ «*Esprit des lois*» Монтескье и извѣрившемуся, среди междоусобій своего времени, въ пользу ликвидаціи всего отжившаго, быть можетъ простителенъ его консерватизмъ въ вопросахъ законодательныхъ и религіозныхъ, потому что онъ на опытѣ видѣлъ одинаковыя проявленія нетерпимости, какъ со стороны католиковъ, такъ и со стороны протестантовъ. «Какими нѣжными названіями не окрестили бы истинные поводы всякихъ нововведеній, смуть и гражданской войны, говоритъ М., въ самомъ лучшемъ изъ этихъ поводовъ заключается существенная опасность. Мнѣ кажется, говоря откровенно, безумно, дерзко и эгоистично такъ высоко ставить свои убѣжденія, чтобы для ихъ осуществленія рѣшались смутить общественное спокойствіе». Чтобы рѣшиться вводить въ собственную страну столько неизбежнаго зла и такую страшную порчу нравовъ, являющіеся слѣдствіемъ междоусобныхъ войнъ, нужно обладать гораздо болѣе сильнымъ убѣжденіемъ въ пользѣ реформъ, чѣмъ то, какое имѣется въ наличности. А если убѣжденіе созрѣетъ, то реформа осуществится сама собою» *).

Но если Монтэнъ и проповѣдуетъ родъ «непротивленія злу», говоря, что «привычная хворь все таки болѣе сносна, нежели незнакомая и новая болѣзнь», то съ другой стороны никто изъ его современниковъ съ большею силою не изобразилъ негодности современнаго ему режима и испорченности общества съ верху до низу.

*) *Essais* l. III, ch. IX.

«Несчастье хоть на чтонибудь можетъ быть пригоднo, говорить онъ, представивъ картину современной ему эпохи и порядковъ, существовавшихъ въ его время. Со свойственнымъ ему добродушнымъ юморомъ онъ замѣчаетъ: «Очень выгодно родиться въ безнравственный вѣкъ, ибо при сравненіи съ другими вы можете весьма дешевымъ способомъ прослыть добродѣтельными. Стоитъ только въ наше время не быть отцеубійцей и богохульникомъ, и васъ уже считаютъ человѣкомъ добродѣтельнымъ и честнымъ» *).

Всякій изъ насъ вноситъ порчу въ нравы вѣка. Одни вносятъ измѣну, безбожіе, несправедливость, жестокость, тиранию, жадность, каждый по мѣрѣ своихъ силъ; другіе вносятъ глупость, тщеславіе, праздность» **). Къ числу послѣднихъ авторъ «Опытовъ» причисляетъ и себя. Онъ утѣшаетъ себя однако тѣмъ, что онъ будетъ послѣднимъ, на котораго придется наложить карающую руку, ибо въ такое время, когда всякія злодѣянія стали столь обыкновенны, даже «бездѣліе» можетъ считаться похвальнымъ. «Мнѣ кажется,—замѣчаетъ онъ,—что не стоитъ приниматься за исправленіе мелкихъ недостатковъ режима, когда нашъ общественный организмъ пораженъ глубокими язвами пороковъ». По этому поводу онъ вспоминаетъ доктора Филотимуса, сказавшаго человѣку, обратившемуся къ нему съ просьбою сдѣлать ему перевязку пальца, но по лицу и дыханію котораго врачъ угадалъ тяжелую болѣзнь легкихъ: «Мой другъ, теперь не время тебѣ заботиться о красотѣ ногтей» ***).

Юморъ Монтэня въ изображеніи растлѣнія нравовъ его времени переходитъ подчасъ въ глубокое негодованіе. «Я ничего не имѣю противъ воровъ,—говоритъ онъ, ибо въ такомъ случаѣ мнѣ пришлось бы питать злобу противъ слишкомъ большого числа людей. Воровская совѣсть скрывается подъ разными одеждами и она тѣмъ отвратительнѣе и вреднѣе, чѣмъ трусливѣе и безнаказаннѣе прячется подъ тѣнью закона» ****).

Краснорѣчивыя страницы «Essais», посвященныя недостаткамъ судебныхъ учреждений его времени, не разъ приводились въ юмористическихъ сочиненіяхъ послѣдующихъ эпохъ, и приходится сознаться, что многія изъ его замѣчаній, касающіяся юстиціи, могутъ быть примѣними и къ современнымъ учрежденіямъ.

Монтэнъ находитъ страннымъ, что сословіе судей, которому дана верховная власть надъ нашимъ имуществомъ и жизнью, составляетъ отдѣльное учрежденіе, не имѣющее ничего общаго съ исторически выработавшимися понятіями общества. Отсюда раздвоеніе идеи законности. Законъ судейскій и законъ чести

*) Essais, I III ch. IX.

***) I. III ch. IX.

****) I. III ch. IX.

*****) livre III ch. IX.

во многихъ случаяхъ прямо противоположны другъ другу. Одинъ законъ напимѣръ осуждаетъ, если кто, получивъ обиду, оставляетъ обидчика безъ наказанія, тогда какъ другою законъ осуждаетъ возмездіе за нее; законъ чести обязываетъ отомстить на несшему оскорбленіе вызовомъ на дуэль и т. п., по гражданскому же закону всякая расплата за оскорбленіе подвергается судебному преслѣдованію. Во многихъ извѣстныхъ другихъ случаяхъ по понятіямъ общества обращеніе къ защитѣ суда считается унижительнымъ для достоинства человѣка *).

Рядомъ съ проповѣдью необходимости подчиненія законамъ страны, въ которой человѣкъ родился, Монтэнъ убѣдительно доказываетъ великое значеніе свободы и терпимости къ личнымъ убѣжденіямъ каждаго. «Человѣкъ обязанъ властямъ послушаніемъ,—говоритъ онъ,—но ему нельзя запретить имѣть о нихъ свое мнѣніе, или свободно судить объ учрежденіяхъ страны».

Въ то время, какъ Франція ведетъ борьбу съ внѣшними и внутренними врагами, когда ополчаются другъ на друга не только народы, но и секты и партіи, Монтэнъ смѣло объявляетъ себя гражданиномъ вселенной **) и стоитъ за равенство людей передъ закономъ, считая то государство самымъ справедливымъ, которое стремится сгладить социальное различіе между гражданами. «Если мы сравнимъ, говоритъ онъ,—дворянина съ крестьяниномъ, общественнаго дѣятеля съ частнымъ человѣкомъ, богача съ бѣднякомъ,—различіе сразу бросается въ глаза, но, въ сущности, оно болѣе всего заключается въ манерѣ говорить и въ одеждѣ, т. е. въ тѣхъ наружныхъ признакахъ, измѣнить которые легче всего и вполнѣ въ нашей власти ***).

Сочувствіе Монтэна къ простому люду ничѣмъ не отличается отъ взглядовъ, встрѣчаемыхъ въ литературѣ позднѣйшаго времени, кромѣ развѣ той свѣжести чувства, той искренности, какими дышатъ всѣ разсужденія нашего мыслителя. Въ одной изъ главъ своей книги («О трехъ добрыхъ женщинахъ»), онъ излагаетъ нѣчто въ родѣ притчи, изъ которой можно сдѣлать тотъ выводъ, что ни въ какомъ званіи нѣтъ женщинъ, одаренныхъ такой неизмѣримой добротой сердечной, какъ между простолюдинами. «Обратите ваши взоры на землю, вы увидите множество согбенныхъ надъ своей работою бѣдняковъ, не знающихъ ни Аристотеля, ни Катона, не слышавшихъ ни о какой философіи, и однако они ежедневно даютъ намъ примѣръ такой непобѣдимой честности и такого несокрушимаго терпѣнія, какихъ мы напрасно стали бы искать у тѣхъ, кого мы привыкли почитать со школьной скамьи».

«Эти люди ни на минуту не прерываютъ своего труда и отдыхаютъ только тогда, когда имъ приходится лечь въ могилу».

*) Essais, l. I, ch. IX.

**) Essais l. III, ch. IX.

***) Essais l. I, ch. XLII.

Въ этомъ простомъ описаніи обездоленной жизни простыхъ людей читатель чувствуетъ сердечную простоту отношенія автора къ меньшей братіи. Въ числѣ вопросовъ, занимавшихъ Монтэня, видное мѣсто занимаетъ вопросъ о воспитаніи. Разсѣянные въ разныхъ мѣстахъ «Опытовъ» мысли его о воспитаніи во многомъ опередили Локка, Бэкона, Ж. Ж. Руссо и сохранили великое значеніе и до нашихъ дней.

Въ виду того, что журналъ «Образованіе» далъ своимъ читателямъ за 1891 годъ извлеченіе изъ «Essais» Монтэня объ этомъ важномъ для всѣхъ временъ дѣлѣ—мы не будемъ теперь опять останавливаться на этихъ блестящихъ страницахъ, изъ которыхъ каждый педагогъ нашего времени, даже самый начитанный, можетъ извлечь для себя немало глубокихъ и полезныхъ назиданій.

Скажемъ только, что въ этой сферѣ Монтэнь сохранилъ ту же оригинальность взглядовъ, какая проявлялась у него при обсужденіи иныхъ явленій человѣческой жизни. Какъ философы тщетно стараются приурочить его къ той или другой школѣ, такъ педагоги селятся приклеить ему ярлыкъ, долженствующій опредѣлить его направленіе въ рѣшеніи вопросовъ воспитанія и системъ обученія. Его причисляютъ то къ гуманистамъ, то къ утилитаристамъ, но ни одинъ изъ этихъ трафаретовъ не подходитъ строго къ перигорскому философу, мысль котораго и въ этомъ случаѣ осталась свободной отъ всякихъ педантическихъ путъ.

На педагогическихъ принципахъ Монтэня отразилось вліяніе убѣжденій его отца и характера того воспитанія, которое онъ получилъ самъ, воспитанія, проникнутаго гуманностью, кротостью и свободой.

(Окончаніе слѣдуетъ).

И. Гриневская.

Характеръ и нравственное воспитаніе.

Ф. Кейра.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Неправильные типы.

Характеры, образуемые неправильнымъ и перемежающимся дѣйствіемъ одной или нѣсколькихъ наклонностей:—1. Неустойчивые или безсвязные.—Ихъ спеціальныя черты.—Виллонъ;—Казанова;—другіе примѣры.—2 Нервнительные.—Присущій имъ признакъ.—Кольриджъ.—3. Противорѣчивые.—Портретъ ихъ, написанный Мольеромъ.—Разновидности типа.—Примѣры.

Изученныя нами до сихъ поръ разновидности характера далеко еще не соотвѣтствуютъ той сложности, какую обнаруживаютъ человѣческія индивидуальности. Дѣйствительно, у множества лицъ наклонности не представляютъ единства и постоянства дѣйствія, а проявляются перемежающимся образомъ, замѣщаютъ безпрестанно одна другую, или же непрерывно реагируютъ на внѣшнія возбужденія: все это очень ярко обрисовывается у характеровъ неустойчивыхъ, нервнительныхъ и противорѣчивыхъ.

Къ характерамъ *неустойчивымъ, безсвязнымъ* или импульсивнымъ мы относимъ всю ту массу людей, которые при всемъ своемъ безконечномъ разнообразіи обладаютъ въ большей или меньшей степени слѣдующими чертами: всѣ они капризны и измѣнчивы, беспокойны, попеременно то угрюмы, то веселы, бездѣтельны и порывисты въ зависимости отъ слабости или живости чувствованій;—ихъ поведеніе весьма неровно, такъ какъ они бросаются изъ одной крайности въ другую, не зная мѣры ни въ чемъ; дѣйствуютъ одинаковымъ образомъ при различныхъ обстоятельствахъ и различно при обстоятельствахъ тождественныхъ;—наконецъ, всѣ они легкомысленны, непредусмотрительны, скоро забываютъ печали и ошибки, быстро бросаютъ и чувствуютъ отвращеніе къ тому, чѣмъ сначала увлекались. Они во всемъ противоположны характерамъ *уравновѣшеннымъ*.

У нихъ координація психическихъ элементовъ или единство замѣняется «самостоятельною дѣятельностью» разныхъ элементовъ.

желаній, страстей и вѣрованій, образующихъ человѣческой духъ. Эти элементы, вмѣсто того, чтобы соединяться въ общей гармоніи духа, могутъ дѣйствовать каждый самостоятельно и удовлетворяютъ частные родственные имъ элементы». Отсюда происходитъ, что «импульсивныя натуры легко переходятъ отъ слезъ къ смѣху, отъ гнѣва къ ироніи, веселому настроенію, отъ дружбы къ равнодушію или ненависти. Такъ какъ всякое ихъ чувство или дѣйствіе, даже самое рѣшительное и существенное, часто служитъ проявленіемъ только одной стороны ихъ личности, то по большей части другія чувствованія или противоположныя дѣйствія могутъ зародиться въ ихъ душѣ или исходить отъ нихъ, если обстоятельства сколько нибудь этому содѣйствуютъ. Ихъ настроеніе въ данный моментъ вызывается не всей совокупностью духовной жизни, а только той или другой ея стороною; и это настроеніе, или соотвѣтствующія ему дѣйствія, измѣняются часто и притомъ довольно неожиданно. Несмотря на всѣ ихъ иногда очень выдающіяся качества, люди этого типа не всегда возбуждаютъ полное довѣріе, даже когда, повидимому, все къ этому располагаетъ. Нельзя сказать, чтобы они были «фальшивы», но «подавленные желанія вскорѣ возрождаются съ непреодолимою силою. Малѣйшій поводъ нарушаетъ установленнаго равновѣсія и замѣняетъ его другимъ, не имѣющимъ съ нимъ ничего общаго». Впрочемъ, «они способны на благородныя намѣренія, обрывки хорошихъ чувствъ, мимолетное остроуміе, бесплодные порывы. Если эти субъекты талантливы, то получается представитель богемы, иногда даже на этой подвижной почвѣ, зарождается гениальная натура и тогда получается наиболѣе совершенная форма разсматриваемаго нами типа». Таковъ былъ Виллонъ, который «вель очень безпорядочную жизнь и представлялъ собою странную смѣсь извращенности и туманнаго вдохновенія»... «То, что въ общезжитіи называется *фантазіями* или *странностями*, составляетъ одну изъ формъ проявленія импульсивности или безсвязности, и можетъ быть удѣломъ какъ выдающихся, такъ и обыкновенныхъ людей. Вызывается оно послѣдовательнымъ и рельефнымъ преобладаніемъ разнообразныхъ и нѣсколько безсвязныхъ впечатлѣній» *).

*) Поланъ, *Психологія характера*, стр. 39, 41, 48, 49, 54;—ср. Рибо, *Образованіе*. Январь, 93, стр. 40 и 41.—Лабрюйеръ (*Характеры*, глава XI) удивительнымъ образомъ описываетъ типъ неустойчиваго человѣка. «Неровный человѣкъ, говоритъ онъ, это не одинъ и тотъ же человѣкъ, а нѣсколько: онъ умножаетъ самого себя во столько разъ, сколько у него новыхъ вкусовъ и различныхъ пріемовъ; каждое мгновеніе онъ не то, чѣмъ былъ, черезъ минуту будетъ тѣмъ, чѣмъ никогда еще не былъ: онъ наслѣдуетъ самому себѣ. Не спрашивайте у него, какого онъ характера, но спросите лучше, каковы его характеры; не спрашивайте, каково его расположеніе духа, но сколько у него родовъ расположенія духа. Не обманывайтесь ли вы еще? Къ *Эстетикату* ли вы обращаетесь? Какъ онъ холоденъ къ вамъ сегодня! А вѣдь вчера еще онъ ваяскивалъ передъ вами, ласкалъ васъ, вы возбуждали ревность въ его друзьяхъ. Узналъ ли онъ васъ? Скажите ему свое имя».

Настоящій типъ неустойчиваго характера это—Казанова; всегда онъ въ путешествіи, и всегда неуклонно—Донъ-Жуанъ; онъ является попеременно учащимся, аббатомъ, скрипачемъ, магомъ, мошенникомъ, ханжей, арестантомъ, искуснымъ политикомъ, ловкимъ финансистомъ и т. д., и т. д. *). Чтобы имѣть представленіе о различныхъ степеняхъ проявленія этого типа, упомянемъ о Ватто, который не имѣлъ другихъ враговъ, кромѣ самого себя и известной неустойчивости, преобладавшей въ немъ: не успѣвалъ онъ устроиться въ квартирѣ, какъ уже получалъ къ ней отвращеніе **); о Делакруа, называвшемъ самого себя «измѣнчивымъ, какъ барометръ», который въ декабрѣ 1840 г. писалъ Пьерре, одному изъ своихъ друзей: «Я нахожусь подъ властью перваго чувства, дѣлающаго изъ меня истеричнаго человѣка. Мое уединеніе, свободно витающій умъ и, можетъ быть, я думаю, особенный складъ моего темперамента заставляютъ меня хотѣть и не хотѣть, и представлять себѣ трудными самыя простыя вещи въ свѣтѣ;—упомянемъ еще Эдгара Поэ и реформатора Сенъ Сيمона. Но ярче всего проявился настоящій бесвязный эксцентрическій характеръ въ древности у Діогена, въ новѣйшее время у Донъ Карлоса, сына Филиппа II, у Сантѣла ***), у маркиза де Брюнуа, лорда Эгертона, графа Бриджватера, а въ самое послѣднее время у маршала Кастеллана. Дидро нарисовалъ удивительный портретъ этого характера въ «Племянникѣ Рамо».

*) См. его *Mémoires*.

**) Caylus. *Eloge de Watteau*.

***) Лабрюйеръ описываетъ его такъ (глава XII): «Представьте себѣ человѣка привѣтливаго, мягкаго, уступчиваго, обходительнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ буйнаго, гнѣвнаго, запальчиваго, капризнаго; вообразите себѣ человѣка скромнаго, простодушнаго, довѣрчиваго, шутника, вѣтреника, ребенка съ сѣдыми волосами: но дайте ему собрать свои силы, или скорѣе развернуть свой гений, который дѣйствуетъ, такъ сказать, безъ его участія, и какъ бы безъ его вѣдома: какое вдохновеніе, какая возвышенность, какие образы, какая образцовая латынь! Да одно ли и то же это лицо, спросите вы меня. — Да, одно и то же, это все *Теодасъ*, и только онъ одинъ. Онъ кричитъ, волнуется, катается по полу, поднимается; это громъ и молнія, затѣмъ является свѣтъ, который блеститъ и радуется. Скажемъ прямо: онъ говоритъ какъ безумный, а думаетъ какъ мудрецъ; истину онъ высказываетъ смѣшно, а умныя и рассудительныя вещи—безумно: мы съ удивленіемъ видимъ, какъ у него изъ шутовства, гримасъ и кривлянья рождается и распускается въ полномъ цвѣтѣ здравый смыслъ. Онъ говоритъ и дѣлаетъ вещи лучше, чѣмъ умѣетъ; въ немъ какъ бы двѣ души, которыя не знаютъ другъ друга и не завязать одна отъ другой, имѣя каждая свой кругъ и свои отдѣльныя функціи. Остается прибавить еще одну черту къ этому столь странному изображенію: онъ при всемъ томъ ненасытно жаждетъ къ похваламъ, любить бросаться въ глаза своимъ критикамъ, и въ сущности настолько послушенъ, что пользуется ихъ указааніями. Въ немъ столько противорѣчій, что я самъ, наконецъ, чуть не убѣжденъ, что нарисовалъ портретъ двухъ лицъ, совершенно различныхъ. Но въ *Теодасѣ* можно, пожалуй, было бы найти и еще третье лице: онъ добрый человѣкъ, онъ забавный человѣкъ. и, наконецъ, онъ превосходный человѣкъ».—Прочтите еще въ главѣ XIII портретъ Лифила, любителя пиццъ, который есть не кто иной, какъ тотъ же Сантѣль.

Неръшительные—это тѣ, у которыхъ двѣ или нѣсколько противоположныхъ наклонностей поочередно уравниваются и замѣщаютъ другъ друга. Люди этого типа, предусматривая различныя противорѣчащія другъ другу рѣшенія, и не зная, на что рѣшиться, ждуть, разсчитываютъ, обсуждаютъ и, изъ боязни поступить не такъ, воздерживаются отъ дѣйствія; они долго колеблются, и чаще всего кончаютъ тѣмъ, что совершаютъ глупость. Дѣйствительно, желая изъ самолюбія скрыть свою нерѣшительность и свои сомнѣнія, они, въ концѣ концовъ, принимаютъ первое пришедшее имъ въ голову рѣшеніе, которое, вообще, бываетъ самымъ дурнымъ.

Такой недостатокъ характера можетъ дойти до *абуми* или полной неспособности хотѣть *).

Къ этому типу нерѣшительныхъ мы относимъ людей вздорныхъ, про которыхъ говорятъ, что они не знаютъ, чего хотятъ, а затѣмъ людей боязливыхъ и мелочныхъ, которые вмѣсто того, чтобы идти прямо къ дѣлу, останавливаются на малѣйшихъ частностяхъ, такъ какъ такое изыскиваніе мелочей, въ концѣ концовъ, маскируетъ ихъ колебанія.

Дегушъ вывелъ на сцену одного *Неръшительнаго*, который, побуждаемый своимъ отцемъ къ женитбѣ, останавливается свой выборъ то на одной, то на другой изъ предлагаемыхъ ему дѣвушекъ; наконецъ, когда онъ уже рѣшился жениться на Юліи, то немедленно послѣ этого раскаивается и восклицаетъ:

J'aurais mieux fait, je crois d'épouser Célimène **).

Одинъ этотъ стихъ заключаетъ въ себѣ полный портретъ нерѣшительнаго характера.

Кто не имѣлъ случая наблюдать вокругъ себя такіе же характеры? Полянъ приводитъ въ примѣръ одного молодого человека, которому надо было принять извѣстное рѣшеніе и дать отвѣтъ; онъ отправляется на почту съ двумя письмами, изъ которыхъ одно содержитъ утвердительный, а другое отрицательный отвѣтъ; онъ очень долго колеблется, затѣмъ рѣшается опустить одно изъ писемъ въ почтовый ящикъ, и немедленно послѣ этого отправляется по желѣзной дорогѣ, чтобы дать на словахъ противоположный отвѣтъ.

Англійскій поэтъ Тайлоръ Кольриджъ представляетъ собою замѣчательный образецъ этого типа. «Едва ли можно указать, говорить Карпентеръ, на человека стараго или новаго времени, который превосходилъ бы Кольриджа по рѣдкому сочетанію глубокаго философскаго ума съ поэтическимъ воображеніемъ и вдохновеніемъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ трудно назвать человека, который, при такихъ замѣчательныхъ дарованіяхъ, произвелъ бы такъ мало. Основнымъ недостаткомъ Кольриджа была слабость воли, мѣшавшая надлежащему приложенію его талан-

*) См. по этому поводу Рибо, *Воля*, гл. I.

**) А, кажется, мнѣ лучше было жениться на Селименѣ.

товъ. Передъ его воображеніемъ постоянно носились величественные планы, но онъ никакъ не могъ заставить себя приняться за выполнение котораго нибудь изъ нихъ. Такъ, въ самомъ началѣ своей карьеры онъ познакомился съ книгопродавцемъ, который былъ настолько щедръ, что предложилъ ему тридцать гиней за нѣсколько стихотвореній, прочитанныхъ на память, и обѣщаль выдать всю сумму разомъ при полученіи рукописи. Но Кольриджъ медлилъ, недѣлю за недѣлей ходилъ, выпрашивалъ и занималъ деньги для ежедневныхъ расходовъ, унижаясь такимъ образомъ, пока не выклянчилъ всей обѣщанной суммы, не давъ, съ своей стороны, ни единой строчки. Между тѣмъ, стихи были готовы и ему стоило только переписать ихъ, чтобы избавиться отъ всякихъ обязательствъ *). Карлейль писалъ о немъ **): «Во всей фигурѣ Кольриджа и его внѣшности, впрочемъ пріятной и симпатичной, было что то дряблое, нерѣшительное; она выражала слабость, не исключавшую, однако, возможности силы. Ноги и руки его болтались, колѣни были согнуты, вся фигура сутуловата. Въ его походкѣ было что то нестройное и неправильное, и когда онъ прогуливался по аллеѣ сада, онъ никогда не могъ придерживаться одной какой нибудь стороны, но подвигался зигзагами, пробуя идти то по одной, то по другой... Его рѣчь отличалась, какъ и онъ самъ, нерѣшительностью; она не выносила опредѣленныхъ законовъ, стѣсненій, обязанности; она текла по произволу» — Отмѣтимъ, что его сынъ Гарблей, унаслѣдовавъ умъ своего отца, былъ подверженъ такой же слабости воли.

Послѣдняя, опредѣленно выраженная, форма характера узнается по присущей этому характеру склонности къ противорѣчю. Встрѣчаются люди—мы называемъ ихъ *противорѣчивыми* ***)—которые никогда не согласны съ другими: часто не имѣя своего собственнаго мнѣнія и остерегаясь составить его себѣ, они останавливаются на томъ, котораго не раздѣляютъ другіе. Всякая идея невѣрна, всякое чувствованіе дурно, разъ эти идеи и чувствованія исходятъ не отъ нихъ. Болѣе того, они оспариваютъ

*) Карпентеръ, *Основанія физиологіи ума*, стр. 228.

**) *The life of John Sterling*. гл. VIII.

***) М-ме Ментенонъ, называвшая этихъ людей *взбалмошными* или *противорѣчивыми*, больше всего боялась, чтобы такой характеръ не оказался у которой нибудь изъ ея воспитанницъ Сень-Сира. Разъ ученицы старшаго (bleue) класса просили ее объяснить имъ, что такое превратный умъ, осужденіе котораго имъ часто приходилось слышать. «Превратнымъ умомъ», сказала она, обладаетъ, напримѣръ, тотъ, кто не желаетъ подчиняться правиламъ того дома, гдѣ онъ находится, съ кѣмъ трудно ужиться, кто ничѣмъ не доволенъ, ни людьми, ни даваемыми ему или предлагаемыми вещами, кто постоянно другого мнѣнія, чѣмъ всѣ остальные, и мало заботится объ удовольствіи другихъ, равно какъ и объ ихъ страданіи; это умы противорѣчивые, упорные въ своихъ фантазіяхъ, считающіе себя всегда правыми, и не умѣющіе приспособиться къ склонностямъ, къ нраву тѣхъ, съ кѣмъ имъ приходится жить и все въ этомъ родѣ...—См. Gréard, *M-me de Maintenon: Extraits de ses lettres, entretiens et proverbes sur l'éducation*, стр. 34, 35 и 137.

свои собственные идеи и чувствования, если только эти послѣднія высказаны къ кому нибудь другимъ. Собираясь по своему собственному почину совершить какое нибудь дѣйствіе, они внезапно, въ самый моментъ совершенія, мѣняютъ свое намѣреніе, если на бѣду кто нибудь со стороны предлагаетъ имъ сдѣлать то же самое *). Подобно натурамъ безсвязнымъ, которыя, повидимому, придерживаются правила ничего не дѣлать такъ, какъ всѣ, противорѣчивыя имѣютъ одну только идею: никогда не думать, какъ всѣ. Про нихъ говорятъ, что они одержимы духомъ противорѣчія. Мольеръ оставилъ намъ прелестное описаніе этого типа:

Вѣдь надо-жь возражать! Вы этого не знали?
Нѣтъ, съ большинствомъ Альцестъ не будетъ за одно:
Намъ надо показать, во что бы то ни стало,
Что намъ природою дано
Противорѣчія начало.
Какъ можно думать такъ, какъ думаетъ другой?
Вѣдь это такъ обыкновенно!
Противорѣчить непремѣнно
Намъ должно, чтобы встать надъ глупою толпой.
Противорѣчіе Альцесту такъ пріятно,
Что мнѣніе его, но сказано другимъ,
И ужъ Альцестъ кричить, что мнѣніе превратно **).

У нѣкоторыхъ людей эта склонность къ противорѣчію доходитъ до такой степени, что «съ ними нѣтъ возможности разговаривать; они не согласны ни съ чѣмъ, что бы имъ ни говорили, спорятъ о пустякахъ и становятся завзятыми спорщиками; если къ тому же они не обладаютъ достаточнымъ развитіемъ, то безпрестанно, безпричинно сердятся, и получаютъ прозваніе «бѣшеныхъ». Противорѣчивые характеры оказываются часто очень задорными; они задираютъ перваго встрѣчнаго безъ всякаго повода, и очень похожи на тѣхъ собаченокъ, которыя такъ яростно лаютъ на большихъ, тогда какъ эти смотрятъ на нихъ съ презрѣніемъ» ***).

Къ тому же люди этого рода не только находятъ поводъ къ противорѣчію тамъ, гдѣ другой человекъ его вовсе не нашелъ бы, но эта склонность становится для нихъ настоящей потребностью. «Если проходитъ нѣкоторое время, и мнѣ никто не противорѣчитъ, говоритъ одна изъ такихъ особъ, то иногда мною овладѣваетъ потребность сердиться и хотя бы мысленно бороться противъ другой воли. Мнѣ достаточно малѣйшаго повода. Но если я не нахожу подходящаго, я стараюсь сдержаться, и тогда я вижу ночью во снѣ, что прихожу въ страшный гнѣвъ. Это уже случалось нѣсколько разъ» ****).

*) «Я видѣлъ, какъ одна особа этого типа поспѣшно положила обратно на тарелку взятыя уже ею конфеты, когда ей стали ихъ предлагать». (Поланъ).

**) *Мизантропъ*, актъ II сцена V.

***) Azam, *Le caractère dans la santé et dans les maladies*, стр. 281.

****) Azam *тамъ-же*, стр. 41—См. выше, портретъ M. d'Aube, племянника Фонтенеелля.

Однако, «замѣтимъ, что противорѣчивый типъ, даже въ довольно чистомъ своемъ видѣ, не обусловливаетъ собою сравнительнаго умственного или нравственнаго несовершенства. Напротивъ, люди такого рода иногда воодушевлены прекрасными чувствами и обладаютъ вѣрнымъ сужденіемъ. Въ этомъ случаѣ получаютъ часто весьма забавныя явленія. Человѣкъ, склонный къ противорѣчію, инстинктивно желая быть полезнымъ своему собесѣднику или воздать ему должное, раздражается противъ него, иногда приписываетъ ему странныя мысли или дурныя чувства, чтобы доставить себѣ удовольствіе ихъ опровергнуть. Впрочемъ, грубый и въ то же время добрый человѣкъ—типъ довольно извѣстный»). Старая тетка Гертруда, о которой говоритъ Desnoyers во II главѣ своей книги *Aventures de Robert-Robert*, имѣла «только одинъ недостатокъ: это ея привычка быть всегда противоположнаго мнѣнія съ другими; она довольно нелюбезно оказывала услуги своимъ окружающимъ, хотя охотно пожертвовала бы собой, чтобы избавить ихъ отъ малѣйшей непріятности; наконецъ, у ней была манія постоянно ворчать, о какой бы услугѣ ее ни просили, и клясться про себя, что она ее ни за что не окажетъ, хотя бы въ это же самое время она спѣшила ее оказать».

Къ противорѣчивому типу приближаются тѣ лица, у которыхъ замѣчается наклонность, болѣе или менѣе развитая и чистая, *дразнить* другихъ. Эту наклонность проявлялъ, повидимому, Альфредъ Мюссе, какъ это видно изъ его «*Исповѣди сына вѣка*», гдѣ Октавъ, герой романа, отмѣчаетъ то удовольствіе, какое онъ испытываетъ, когда можетъ высказать своей возлюбленной обидныя для нея вещи: «Сперва я сохранялъ про себя свои наблюденія, но вскорѣ я сталъ находить удовольствіе высказывать ихъ вслухъ Бригиттѣ. «Какое у тебя хорошенькое платье, говорилъ я ей, одна изъ моихъ пріятельницъ имѣетъ, кажется, такое же».

Выше стоитъ типъ противорѣчивый «рыцарскій», характеризуемый наклонностью постоянно жертвовать своими интересами или удовольствіями какому нибудь принципу, въ силу чего получается рѣзкій контрастъ между ихъ настоящимъ поведеніемъ и тѣмъ, что рекомендуетъ благоразуміе **). Вотъ примѣръ, приведенный Легувэ. Шельхеръ составилъ для «Общества отмѣны рабства» выдающейся трудъ «вызвавшій единодушный восторгъ и удивленіе. Ламартипъ всталъ и направился къ нему, протягивая руку: «Милостивый государь, сказалъ онъ, мы не благодаримъ васъ, одинъ Богъ можетъ вознаграждать за такое самоотверженіе.»— «Богъ? Милостивый государь, отвѣчалъ холодно Шельхеръ, я не вѣрю въ Него». Симпатія смѣнилась немедленно чувствомъ не-

*) Поланъ, *Психологія характера*, стр. 31.

**) «Въ своей крайней формѣ разсматриваемый типъ приводитъ индивидуума къ тому, что онъ, не задумываясь, выставляетъ себя противникомъ своего собесѣдника, если въ его интересахъ было бы противоположное, и это съ цѣлью не подать вида, будто бы онъ жаждетъ незаслуженно заручиться его расположеніемъ». (Поланъ, стр. 36).

ловкости и неодобрения. Ламартинъ не отдернулъ руки, но я не протягивалъ ее дольше. Шельхеръ понялъ эту холодность и, конечно, страдалъ отъ нея, такъ какъ былъ очень чувствителенъ къ одобренію людей, которыхъ уважалъ. Почему же онъ такъ отвѣтилъ? Онъ сдѣлалъ это признаніе не только не смотря на то, что оно могло ему повредить, но именно потому, что оно могло ему повредить. Нѣкоторые умы, возвышенные и высокомерные, совершаютъ иногда такіе подвиги утонченности, свидѣтельствующіе, правда, о гордости, но которые мы охотно извиняемъ, такъ какъ чувствуемъ здѣсь боязнь незаслуженно воспользоваться, въ силу умолчанія, чьимъ либо уваженіемъ *).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Типы болѣзненные.

Патологическія формы характера.—1) *Ипохондрія.*—Ея природа—Ж. Ж. Руссо;—другіе примѣры.—2) *Меланхолія.*—Ея природа.—Въ чемъ отличие ея отъ ипохондріи.—Ея жертвы.—Изученіе Мориса де Геранъ.—3. *Истерія.*—Ея природа.—М-ше Бовари.

Эти послѣднія формы характера уже были формами полу-болѣзненными; теперь намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о формахъ дѣйствительно патологическихъ **). Мы сводимъ ихъ къ тремъ: ипохондрія, меланхолія и истерія.

Ипохондрія была названа такъ древними, которые думали, что она имѣетъ свое сѣдалище въ бокахъ подъ ребрами (*hypochondres*).

Она характеризуется боязливой обидчивостью, которую тревожитъ ничтожнѣйшее обстоятельство, печальнымъ духомъ, который доискивается не только въ чужихъ словахъ, но и въ умолчаніи, въ передаваемыхъ поклонахъ или забвеніи ихъ мотивовъ, чтобы считать себя презираемымъ; ипохондрикъ обращаетъ простое замѣчаніе въ горькій упрекъ или оскорбительное осужденіе; неудачу—въ стыдъ или несправедливость.

*) *Soixante ans de souvenirs*, III, стр. 144—145.

**) Мы касаемся здѣсь только общихъ болѣзней характера, тѣхъ, которые,—по выраженію доктора Бурда,—подобно организаціямъ, темпераментамъ, подобно тому, что мы называемъ діатезисомъ, сообщаютъ поведенію спеціальныя замашки, особенный оттѣнокъ, окрашивающій интеллектуальныя, чувствительныя и пластическія функціи и устанавливающій между ними реакціи одинаково болѣзненныя. Слѣдовательно, мы вовсе не предполагаемъ заниматься значительными расстройствомъ характера у умалишенныхъ, расстройствами, которыя зависятъ отъ ихъ психическаго состоянія; изученіе ихъ не имѣетъ отношенія къ занимающему насъ предмету. Равнымъ образомъ, мы только упомянемъ объ измѣненіяхъ кратковременныхъ, или даже и иногда упорныхъ, которымъ характеръ можетъ подвергнуться въ слѣдствіе дѣйствія органическихъ функцій (половой зрѣлости, воспроявленія пищеваренія) и различныхъ болѣзней. См. по этому вопросу Maudsley, *Pathologie de l'esprit*, гл. IX, Рибо, *Болѣзни личности*, Azam и др.

Вотъ какъ описываетъ ипохондрика Бёртонъ, этотъ англійскій Монтэнъ *) «Если, говоритъ онъ, два человѣка, разговаривающіе въ его присутствіи, болтаютъ, шепчутся, шутятъ и рассказываютъ какуюнибудь исторію, онъ немедленно предполагаетъ, что они подразумѣваютъ его, и все относитъ къ себѣ: De se putat omnia dici; или, если они обращаются къ нему, онъ немедленно истолковываетъ въ дурную сторону, придаетъ оскорбительный смыслъ всякому произносимому ими слову, онъ съ трудомъ переноситъ, чтобы ктонибудь смотрѣлъ на него пристально, говорилъ съ нимъ съ нѣкоторою фамиллярностью, или когда въ его присутствіи смѣются, шутятъ, произносятъ гмъ! или указываютъ на него пальцемъ, или кашляютъ, плюютъ и т. д.; онъ думаетъ, что надъ нимъ смѣются, что его презираютъ, что его хотятъ обойти, что имъ пренебрегаютъ. Если только ктонибудь разсматриваетъ его, онъ то краснѣетъ, то блѣднѣетъ; отъ страха и гнѣва у него выступаетъ потъ. Онъ думаетъ объ этомъ оскорбленіи и мучится мыслию, что надъ нимъ хотѣли посмѣяться» **)...

Были знаменитые ипохондрики; между прочими Тимонъ Мизантропъ Свифтъ, Циммерманъ, Бетховенъ, живописцы Франсуа Лемуанъ и Тернеръ. Извѣстенъ примѣръ Ж. Ж. Руссо: «Эта гибельная

*) Съ спеціальной точки зрѣнія докторъ Бурдэ признаетъ за нимъ слѣдующія наклонности. «Общее нервное состояніе, чрезмѣрная чувствительность, въ силу которой больные постоянно жалуются и находятъ удовольствіе въ тоскѣ, оханьѣ и размышленіи надъ болѣзнями, къ которымъ они имѣютъ расположеніе, вотъ что составляетъ характерныя черты ипохондріи на различныхъ степеняхъ ея развитія: причѣмъ чтеніе какихълибо техническихъ мѣстъ, заимствованныхъ изъ медицинскихъ сочиненій, болѣе или менѣе авторитетныхъ, достаточно, чтобы преувеличить болѣзненные ощущенія и умножить число относящихся къ нимъ эмоцій.. Манія глѣтится до такой степени терзаетъ ипохондриковъ, что можетъ считаться однимъ изъ симптомовъ болѣзни, уже съ давнихъ поръ обращавшимъ на себя вниманіе простонародья. Враи ихъ въ эти терапевтическіе пріемы, которые обманываютъ ихъ, не разочаровывая, настолько же абсолютна и наивна, насколько она непостоянна и часто возрождается. Мнимый болной Мольера является лишь слегка преувеличеннымъ типомъ жертвы ипохондріи» (*Les maladies du caractère*, стр. 150 и 160; см. впрочемъ всю IX главу).—Эта чрезмѣрная чувствительность, о которой говоритъ докторъ Бурдэ, дѣлаетъ ипохондрика всегда недовольнымъ своей судьбой: если онъ холостякъ, онъ печалится о своемъ невольномъ одиночествѣ; если онъ женатъ, то охаетъ по поводу семейныхъ расходовъ, которые ему приходится нести, и пр.

**) *Anatomy of melancholy*, by Democritus Junior (Oxford, 1621).—Если такой недостатокъ характера встрѣчается у мыслителя, одареннаго въ то же время большимъ талантомъ къ наблюденію, то онъ немедленно придаетъ этому послѣднее спеціальное направленіе и примѣненіе. «Ипохондрики, говоритъ докторъ Moreau (de Tours), далеко не рѣдки между дѣйствительно гениальными людьми. Ихъ умъ обращается предпочтительно на тѣ предметы, которые могутъ представить имъ случай излить свои горести, выразить свое дурное настроеніе. Они отличаются замѣчательной наклонностью все преувеличивать, какъ это они дѣлаютъ по отношенію къ своему здоровью. Снисходительные къ самимъ себѣ, они находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы разбирать недостатки другихъ. Самая дурная сторона человѣческой природы одна только и привлекаетъ ихъ вниманіе и предпочтительно ими изучается». (*La psychologie morbide, dans ses rapports avec la philosophie de l'histoire*).

недовѣрчивость, эта легкость, съ какой онъ быстро и свободно не только заподозривалъ своихъ друзей, но и считалъ ихъ способными на все самое дурное, малодушное, постыдное, приписывалъ имъ низости, коварства, не имѣя другихъ доказательствъ кромѣ фантазій пылкаго и мрачнаго воображенія, болѣзненно дѣйствовавшего на его несчастную голову, коварное вліяніе котораго разстраивало и отравляло его самыя тихія привязанности; наконецъ, этотъ бредъ недовѣрчиваго, боязливаго ума, испуганнаго несчастіемъ, вотъ что было въ дѣйствительности, говоритъ Мармонтель, болѣзнію Руссо и мученіемъ его мысли. Ежедневно можно было видѣть примѣры того, какъ оскорбительно прерывалъ онъ сношенія съ людьми, наиболѣе ему преданными, обвиняя ихъ то въ томъ, что они разставляютъ ему сѣти, то въ томъ, что они приходятъ лишь съ намѣреніемъ за нимъ шпионить, измѣнить ему и предать его врагамъ. Мнѣ извѣстны поэтому поводу самыя невѣроятныя вещи*)...—«Однажды его навѣстилъ одицъ знакомый изъ провинціи, пользовавшійся извѣстнымъ положеніемъ въ обществѣ, часто бывавшій у Жанъ-Жака и относившійся къ нему всегда съ глубокимъ уваженіемъ и любовью; онъ засталъ Жанъ-Жака въ крайне дурномъ и тяжеломъ, безъ видимой однако причины, настроеніи. «Милостивый Государь, сказалъ Жанъ-Жакъ съ сверкающими глазами, я знаю, затѣмъ вы пришли сюда. Вы пришли, чтобы посмотрѣть, какую низменную жизнь влачу я, какъ ничтожносодержимое моего жалкаго котелка, который кипятится вотъ тамъ. Хорошо, загляните въ него! Тамъ—полфунта мяса, одна морковь и три головки лука, вотъ и все. Идите и расскажите объ этомъ всему свѣту, если вамъ угодно!» **).

Меланхомя узнается по все возрастающей печали, причемъ характеръ получаетъ все болѣе и болѣе мрачный оттѣнокъ. Она обнаруживается главнымъ образомъ у людей деликатныхъ отъ рожденія, но не имѣющихъ энергіи, которыхъ судьба подвергала слишкомъ долгой борьбѣ, незаслуженнымъ несчастіямъ, непрерывнымъ разочарованіямъ, безнадежной страсти. Тогда эти несчастные, убѣдившись въ бесполезности своихъ усилій и переживъ свои иллюзіи, истощаются въ тщетныхъ попыткахъ уйти отъ самихъ себя; ищутъ уединенія и часто не желаютъ ничего, кромѣ смерти.

Докторъ Бурдо прекрасно отмѣчаетъ различіе между состояніемъ духа меланхолика и ипохондрика. «Ипохондрикъ, говоритъ онъ, не легко мѣняетъ свои эмоціи, а наоборотъ замѣчательнѣе тѣмъ упорствомъ, съ какимъ онъ держится идей, порожденныхъ извѣстными впечатлѣніями. Онъ озабоченъ всегда своей эгоистической личностью, и потому ничто не препятствуетъ тому дикому удовольствію, съ какимъ онъ этому предается; онъ безпокоенъ и мраченъ, не будучи печальнымъ или экспансивнымъ... Меланхо-

*) *Memoires*, книга VIII. Въѣмъ хорошо извѣстенъ его поразительный разрывъ съ Юмомъ.

**) Карлейль. *Герои и героическое въ исторіи*, стр. 261.

ликъ не походить на него; онъ одержимъ страданіемъ, которое можетъ разсматриваться, какъ болѣе благородное, если правда, что страданіе, переносимое съ достоинствомъ, облагораживаетъ чело-вѣка; во всякомъ случаѣ его страданіе вызвано причинами менѣе эгоистическими и менѣе органическими, нежели страданіе ипохондрика. Меланхолики широко разстилаютъ покровъ своей привязанности и набрасываютъ его на окружающій ихъ нравственный міръ, а ихъ культивированный умъ даетъ имъ возможность производить въ сферѣ идей прекрасные образцы печальной и сентиментальной литературы, которыми мы восхищаемся *).

Такіе образцы мы имѣемъ въ Гамлетѣ **), Вертерѣ ***), Ренѣ ****), въ Оберманѣ, который не знаетъ, что онъ такое, не знаетъ, что онъ любитъ, чего хочетъ, который стонетъ безъ причины, желаетъ неизвѣстно чего, сознаетъ только одно, что онъ не на своемъ мѣстѣ, и влачитъ свою жизнь среди пустоты и хаоса безчисленныхъ доукъ».

Кромѣ этихъ созданій творчества, исторія сообщаетъ намъ о другихъ знаменитыхъ жертвахъ меланхолии, Юнгѣ, Чаттертонѣ, Вильямѣ Куперѣ, Леопольдѣ Робертѣ, Морисѣ де Геранѣ.

Короткая жизнь этого послѣдняго, конечно, не представляетъ большаго драматическаго интереса, но она раскрываетъ передъ нами весьма типическое психическое состояніе.

Морисъ де Геранъ, послѣдній отпрыскъ, Веняминъ своей семьи, по природѣ деликатный и хрупкій, съ нервами женщины, «былъ слабого здоровья и отличался той безпокойной печалью, которая

*) *Des maladies du caractère*, стр. 183.

**) Въ тотъ моментъ, когда начинается драма, Гамлетъ находится во власти припадка меланхолии: смерть его отца, стремительная свадьба королевы ввергли его въ страшное уныніе. На фонѣ этой печали развиваются въ множествѣ черныя мысли; міръ кажется дурнымъ; жизнь невыносимой. Безъ сомнѣнія еще до смерти своего отца Гамлетъ былъ уже болѣе склоненъ къ анализу, чѣмъ къ дѣйствию; это былъ философъ-резонеръ, обученный въ Виттенбергѣ искусству софистики, какъ это онъ самъ высказываетъ въ разговорѣ съ могильщикомъ; это былъ умъ, неспособный оказывать большаго сопротивленія унынію, которое овладѣвало имъ и убивало его; но со времени смерти короля онъ дѣйствительно боленъ, и меланхолія подавляетъ его тѣло и душу (G. Dumas. *Les états intellectuels dans la mélancolie*, стр. 56—58).

***) Отмѣтимъ, что когда Гете писалъ Вертера, то у него были передъ глазами послѣднія письма и злополучная судьба молодого Иерусалема.

****) «Извѣстенъ, говоритъ Jules Lemaitre, примѣръ Ренѣ и другихъ романтиковъ. Это было въ общемъ чувство болѣзненнаго несоотвѣтствія между волей и стремленіями, сопровождаемое множествомъ грезъ, иллюзій, смутныхъ вѣрованій; то, что называли меланхоліей (*Les contemporaines*, 1 серия, по поводу *Des Esseintes*, de I.-K. Huysmans.)—Ж. Ж. Руссо былъ сперва меланхолическимъ, если судить по слѣдующему мѣсту его *Исторіи*: «Я достигъ такимъ образомъ шестнадцатилѣтняго возраста, одержимый какимъ то безпокойствомъ, недовольный всѣмъ и самимъ собой, не находя прелести въ моемъ состояніи, не имѣя удовольствій, свойственныхъ моему возрасту, пожираемый мечтаніями, объектъ которыхъ оставался для меня невѣдомымъ, плача безъ причины, вздыхая не зная о чемъ, наконецъ, напрасно дѣляя свои химеры, такъ какъ кругомъ не видѣлъ ничего, что могло бы съ ними сравняться».

наблюдается иногда у лицъ, осужденныхъ умереть въ молодыхъ годахъ». Сестра его, Евгенія «изображаетъ его, какъ ребенка умнаго, не по лѣтамъ развитаго, и въ то же время мечтательнаго, съ пылкимъ воображеніемъ. Семейныя несчастія очень рано усилили его нервную чувствительность».

«Шести лѣтъ, пишетъ онъ, я лишился матери. Будучи свидѣтелемъ продолжительной горести моего отца и видя вокругъ себя часто повторяющіяся сцены траура, я, можетъ быть, получилъ привычку къ печали. Удалившись въ деревню съ своей семьей, я провелъ тамъ уединенное дѣтство. Я никогда не зналъ тѣхъ игръ и той шумной радости, которыя являються спутниками нашихъ первыхъ годовъ. Я былъ единственнымъ ребенкомъ въ домѣ, и когда моя душа получала какое либо впечатлѣніе, я не спѣшилъ его утратить или ослабить среди игръ и развлеченій въ обществѣ другого ребенка такихъ же лѣтъ. Но я сохранялъ его въ цѣлости, оно глубоко западало въ мою душу и имѣло время произвести свое дѣйствіе».

«Въ такомъ состояніи духа онъ охотно углублялся въ самого себя, уединялся, укрывался подъ какое нибудь дерево, гдѣ его можно было видѣть созерцающимъ окрестности или небо».

Тринадцати лѣтъ онъ былъ помѣщенъ въ коллегію Станислава. Тѣ немногія свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о его жизни въ коллегіи, рисуютъ его намъ, какъ ученика любознательнаго, серьезнаго и сдержаннаго. Особенно было ему по сердцу изученіе древности. Впрочемъ робость его доходила до того, что онъ терялся въ присутствіи своихъ товарищей и въ силу этого лишился непринужденности рѣчи. Со всѣмъ тѣмъ онъ обладалъ извѣстной долей гордости, а смутное чувство безсилія, испортившее ему впоследствии жизнь, уже и тогда его мучило.

«Я думаю, говоритъ онъ, что причина моихъ страданій лежитъ въ моей гордости... болѣе чувствительной къ презрѣнію, чѣмъ ко всякой другой обидѣ. Но наряду съ этимъ порокомъ, Провидѣніе вложило въ меня другое чувство, такое же сильное и глубокое: это чувство моей слабости и моего ничтожества. И вотъ изъ борьбы между этими двумя противоположными элементами и рождается часть моихъ страданій».

«Никто такъ дурно не думаетъ обо мнѣ, какъ я самъ», прибавлялъ онъ дальше... Его воображеніе, возбужденное работой, часто рисовало ему самыя мрачныя образы. Во снѣ онъ видѣлъ трупы, могилы; на яву боялся поступить дурно, пренебречь своими обязанностями, боялся не удовлетворить себя и своихъ учителей.

«Всѣ эти безпокойства вызвали въ немъ потребность излить кому нибудь свою душу, и онъ вспомнилъ о своей сестрѣ Евгеніи, съ которой онъ не выдался въ продолженіи пяти лѣтъ... Тогда началась между ними переписка, прекратившаяся лишь съ его смертью... Онъ говоритъ ей о своей нерѣшительности, о жизненной борьбѣ, которую онъ не чувствуетъ въ себѣ мужества переносить одинъ. Онъ спрашиваетъ у ней совѣта, проситъ поддержки

и объясняетъ, почему онъ обращается именно къ ней: «Изъ всей семьи ты одна, говоритъ онъ, чей характеръ наиболѣе подходитъ къ моему, насколько я могу судить объ этомъ по твоимъ стихамъ, которые всё несутъ отпечатокъ тихой мечтательности, чувствительности, наконецъ, колоритъ меланхолии, составляющей, какъ я думаю, сущность моего характера.

По выходѣ изъ коллегіи онъ нѣсколько разъ принимался изучать право и опять бросалъ, такъ какъ оно его не удовлетворяло. Когда ему исполнилось двадцать лѣтъ, онъ почувствовалъ сильное влеченіе къ ревностному католицизму аббата Ламенэ; онъ отправился въ La Chénaie, куда явился съ громадной потребностью къ уединенію и спокойствію. Тамъ онъ съ большимъ рвеніемъ принималъ участіе въ обрядахъ религіозной жизни. Впродолженіи девяти мѣсяцевъ онъ велъ жизнь бенедиктинца, состоящую въ созерцаніи и занятіяхъ; выходилъ изъ своей кельи лишь въ часы собраний, и чтобы совершать пѣшкомъ длинныя прогулки по лѣсамъ».

Закрытіе монастыря снова заставило его вернуться въ самый вихрь парижской жизни, онъ принимался то за критику, то за журналистику, не будучи въ состояніи добыть себѣ средствъ для личнаго существованія; получилъ мѣсто помощника профессора, а когда лишился его, то занялся частными уроками. Утомившись отъ этой постоянной борьбы, онъ кончилъ тѣмъ, что переживалъ, какъ говоритъ самъ, «съ тупой покорностью увлеченія и разочарованія столькими надеждами, сначала возбужденными, потомъ обманутыми, и почиталъ себя счастливымъ, если имѣлъ воду для утоленія жажды и хлѣбъ для утоленія голода». Къ тому же онъ находилъ часто въ письмахъ своей сестры Евгеніи нѣжныя и утѣшительныя слова, которыя его ободряли и поддѣрживали. Въ одномъ изъ своихъ писемъ она говоритъ: «Пиши мнѣ, говори, открой свою душу, дай увидѣть тебя, чтобы я знала, что ты страдаешь, и знала, что заставляетъ тебя страдать. Иногда я думаю, что это не что иное, какъ то мрачное настроеніе, которое овладѣваетъ нами и дѣлаетъ насъ такими печальными, когда оно доходитъ до сердца. Необходимо какъ можно скорѣе очиститься отъ него, такъ какъ этотъ ядъ дѣйствуетъ быстро и обратитъ насъ въ сумасшедшихъ или глушцовъ... Всякая страсть дѣлаетъ насъ животными. А печаль является одной изъ такихъ страстей. и она спѣдаетъ, увъ, много жизней. Я считаю почти погибшими тѣхъ, кто одержимъ ею. Это печальные люди, не будемъ ждать отъ нихъ ничего другого, кромѣ того, что захочетъ ихъ настроеніе».

Она попала въ больное мѣсто. Врожденная и непреодолима печаль, вотъ та болѣзнь, которая подтачивала его. Однажды, пытаясь вкратцѣ описать свою жизнь, онъ опредѣлил ее такъ: «Чередованіе восторговъ и унынія, порывовъ воображенія и душевной простраціи, безумныхъ по своей пылкости сновъ и скорбныхъ разочарованій». И это вѣрно: ничтожныя обстоятельства

приводятъ его въ смущеніе, какой нибудь пустякъ стѣснялъ его и разстраивалъ... Безпрестанно жалуется онъ на свое безсиліе...

«Тщедушное дитя охотнѣе другихъ ищетъ объятій своей матери. Прижимаясь къ ея сильной груди, оно чувствуетъ себя болѣе сильнымъ, ему кажется, что часть ея силы переливается въ него. Для Мориса этой матерью была природа; уже съ раннихъ лѣтъ она привлекала его и опьяняла. Никто, можетъ быть, никогда еще не чувствовалъ такъ живо ея восстанавливающихъ силъ... Это великое влеченіе къ природѣ составляло одновременно его безсиліе и его силу: его безсиліе по причинѣ той сладострастной сонливости, въ которую онъ погружался; его силу—такъ какъ она сообщала ему прекрасные порывы страсти. вдохновившіе его однажды написать десять незабвенныхъ страницъ, образцовое произведеніе «*Центавръ*», въ которомъ онъ «сосредоточилъ все, что чувствовалъ, все что зналъ, все, чѣмъ онъ былъ и чѣмъ онъ могъ бы быть. Разъ мысль созрѣла и увидѣла свѣтъ, ему не оставалось ничего болѣе, какъ подобно «цвѣтамъ, плоды которыхъ опали» (его собственное выраженіе), склониться и умереть» *). Дѣйствительно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ, не достигши тридцати лѣтъ, умеръ отъ чахотки, уже давно подтачивавшей его силы.

Вѣрно ли, какъ утверждаютъ, что *истеричный* характеръ является лишь преувеличеніемъ характера женскаго? **) Намъ кажется болѣе справедливымъ разсматривать его, какъ обостреніе типа неустойчивыхъ, подобно тому, какъ ипохондрія и меланхолія суть не что иное, какъ типы эмоциональный и мыслительно-эмоциональный въ преувеличенномъ видѣ. Дѣйствительно, вотъ какъ докторъ Axenfeld и Nuchard описываютъ эту форму характера, которая, впрочемъ, встрѣчается только у женщинъ:

«Первый признакъ ихъ характера это—подвижность. Онѣ съ невѣроятной быстротой переходятъ со дня на день, съ часу на часъ, съ минуты на минуту отъ радости къ печали, отъ смѣха къ слезамъ; измѣнчивыя, капризныя, причудливыя, онѣ въ извѣстные моменты удивительно говорливы, между тѣмъ какъ въ другое время онѣ становятся мрачными, безмолвными, сохраняютъ абсолютное молчаніе, или погружаются въ состояніе мечтательности и психической подавленности. Тогда ихъ охватываетъ смутное необъяснимое чувство унынія, сопровождаемое ощущеніемъ сжатія въ горлѣ, точно тамъ поднимается какой то клубокъ; онѣ раздражаются рыданіями или стараются скрыть свои слезы въ уединеніи, котораго ищутъ и которое представляется имъ

*) Camille Selden, *Eugénie u Maurice de Guérin*.

**) Легкая истерія, пишетъ Шарль Рише, «является разновидностью характера женщины. Можно даже сказать, что истеричныя болѣе женщины, чѣмъ всѣ другія: ихъ чувствованія скоропреходящи и живы, воображеніе отличается подвижностью и яркостью, и при всемъ томъ онѣ безсилны обуздать свои чувствованія и воображеніе при помощи ума и сужденія». (*L'homme et l'intelligence*, стр. 269).

необходимымъ; а другой разъ, наоборотъ, онѣ принимаются не-
удержимо смѣяться, не имѣя на это никакой основательной при-
чины. Онѣ ведутъ себя, говоритъ Рише, какъ дѣти, которыхъ
можно заставить хохотать, когда еще у нихъ на щекахъ не вы-
сохли слезы, только что ими пролитыя.

Ихъ характеръ мѣняется, какъ виды калейдоскопа, и Сай-
денгэмъ справедливо замѣтилъ, что самымъ постояннымъ въ нихъ
является непостоянство. Вчера онѣ были веселы, любезны, при-
влекательны; сегодня онѣ въ дурномъ настроеніи, обидчивы и
раздражительны, сердятся по всякому ничтожному поводу, угрю-
мы, дуются изъ-за пустяковъ, недовольны своей судьбой, ничто
ихъ болѣе не интересуетъ, все имъ наскучило. Онѣ способны
почувствовать сильную антипатію къ лицу, которое еще вчера
любили и уважали, или, наоборотъ, выказываютъ непонятную
симпатію къ какому либо другому; ожесточеніе, съ какимъ онѣ
преслѣдуютъ нѣкоторыхъ людей, равняется той настойчивости,
которую онѣ прилагали, чтобы когда то выразить имъ свою при-
вязанность...

«Иногда ихъ чувствительность возбуждается самыми ничтож-
ными причинами, тогда какъ въ другой разъ она едва затраги-
валась самыми сильными потрясеніями: онѣ могутъ оказаться
почти равнодушными, даже безстрастными, при извѣстіи о на-
стоящемъ несчастіи, и онѣ же проливаютъ обильныя слезы, пре-
даются самому глубокому отчаянію изъ за простого слова, плохо
понятаго, и обращаютъ въ обиду самую невинную шутку. . Онѣ,
говоритъ Moreau (de Tours), попеременно то кротки, то вспыль-
чивы, то милосердны, то жестоки *); впечатлительныя до край-
ности, онѣ рѣдко могутъ совладать со своимъ нервнымъ побуж-
деніемъ и неспособны оказать сопротивленіе самымъ противопол-
ожнымъ по природѣ импульсамъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ равно-
вѣсія между высшими моральными способностями—волей, нрав-
ственнымъ сознаніемъ,—и способностями низшими, инстинктами,
страстями и желаніями.

Эта чрезвычайная подвижность состоянія ихъ духа и аффек-
тивныхъ расположеній, эта неустойчивость характера, недостатокъ
постоянства, отсутствіе стойкости въ ихъ идеяхъ и желаніяхъ
объясняютъ, почему онѣ не могутъ сосредоточить на долгое время
своего вниманія на какомъ либо чтеніи, занятіи или работѣ.

«Всѣ эти перемѣны воспроизводятся съ чрезвычайной быстро-
той. У нихъ импульсъ немедленно переходитъ въ дѣйствіе. Этимъ
объясняются всевозможныя вспышки гнѣва и негодованія, необ-
думаные восторги, приступы отчаянія, взрывы безумной радости,
порывы сильной привязанности, быстрое умиленіе или внезапная

*) «Женщина, которая, охотно пойдетъ посмотрѣть, какъ будутъ каз-
нить или гильотинировать, выкажетъ на другой день высшее самопожерт-
вованіе у постели больного или раненаго. (Azam, *Le caractère dans la santé
et dans la maladie*).

запальчивость, во время которой онѣ, подобно дѣтямъ, топаютъ ногами, ломаютъ мебель и чувствуютъ непреодолимую потребность ударить...

«Истеричныя волнуются, и страсти руководятъ ими. Различныя формы проявленія ихъ характера и психическаго состоянія могутъ почти всѣ быть выражены въ этихъ словахъ: онѣ не умѣютъ, онѣ не могутъ, онѣ не хотятъ желать *). Дѣйствительно, именно въ силу того, что ихъ воля всегда колеблется и отличается слабостью, что она представляетъ всегда неустойчивое равновѣсіе и поворачивается по малѣйшему вѣтру, какъ флюгеръ на крышѣ, въ силу всего этого истеричныя и отличаются подвижностью, непостоянствомъ и измѣнчивостью въ своихъ идеяхъ, желаніяхъ и привязанностяхъ **).

«Не смотря на такую подвижность, такую непреодолимую самопроизвольность, у истеричныхъ замѣчается полное отсутствіе искренности: всѣ онѣ въ большей или меньшей мѣрѣ живы, но только можетъ быть онѣ менѣе способны на ложь корыстную, чѣмъ на изобрѣтеніе лжи безполезной. Онѣ чувствуютъ любовь ко лжи или вѣрнѣе къ обману. Ихъ самое большое удовольствіе вводить въ заблужденіе тѣхъ, кто ихъ спрашиваетъ, рассказывать безусловно ложныя исторіи, не имѣющія даже извиненія въ правдоподобности, перечислять все то, чего онѣ не сдѣлали, а то, что сдѣлали, передавать съ невѣроятнымъ богатствомъ невѣрныхъ подробностей. Эта грубая ложь говорится дерзко, напрямикъ, и съ обезоруживающимъ хладнокровіемъ... ***).

«Изъ этого ясно, насколько истерія отличается отъ безумія. При безуміи глубоко поврежденнымъ является умъ, тогда какъ истерія скорѣе форма характера, нежели болѣзнь ума. Въ этомъ то и заключается психологическій интересъ этого состоянія. Умъ остается блестящимъ, память вѣрной, воображеніе живымъ. Пораженной является одна лишь сторона духа; именно, воля этихъ людей безсильна обуздать страсть. Дѣйствительно, воля представляетъ изъ себя, повидимому, самое нѣжное колесо въ ор-

*) Рибо, *Воля* гл. IV.

***) Axenfeld et Huchard, *Traité des névroses*. 2 изд. стр. 958—971.

***) Прибавимъ къ этому, въ качествѣ послѣдняго штриха въ картинѣ, «преувеличеніе дѣйствительныхъ страданій, придумываніе страданій воображаемыхъ, наконецъ настоятельную потребность заставить сожалѣть о себѣ и возбуждать въ другихъ сочувствіе, пропорциональное обширности тѣхъ бѣдъ, которыя онѣ переносятъ, или думать, что переносятъ». (Jaccoud, *Traité de pathologie interne*, т. I, стр. 492).

Всѣ эти различныя черты, характеризующія истерію, проявляются въ болѣе или меньшей степени у женщинъ, у которыхъ она встрѣчается *въ формѣ болѣе ясно выраженной*; единственно, что насъ интересуетъ въ данномъ случаѣ. Но эти же черты являются рѣзко запечатлѣнными, усложненными анестезіей, частной или полной, конвульсивными припадками и даже бредомъ у тѣхъ несчастныхъ, болѣзнь которыхъ достигла высокой степени развитія; это наблюдается у больныхъ Сальпетриера; онѣ обладаютъ такой нервной восприимчивостью, что гипнотизируютъ самихъ себя при одной только мысли, что ихъ будутъ усыплять.

ганизмъ, и потому, когда какое нибудь ядовитое вещество нарушаетъ интеллектуальныя функціи, оно начинается съ того, что уничтожаетъ вліяніе воли на различныя страсти.*)

Истерія въ своей легкой формѣ встрѣчается весьма часто; именно ее то и подразумѣваютъ, когда говорятъ о *нервахъ* молодой женщины. И потому наши романисты дали намъ цѣлый рядъ описаній этой формы характера, особенно съ тѣхъ поръ, какъ явились попытки смѣшивать искусство съ патологіей; Октавъ Фолье, Альбертъ Дельпи, Гонкуры (*Germinie Lacerteux*) очертили намъ въ точности именно это состояніе.**)

Но изъ всѣхъ истеричныхъ, исторію которыхъ намъ рассказывали, самой живой и настоящей является, конечно, *М-те Бовари*, это замѣчательное созданіе Флобера.— Выросшая въ монастырѣ среди молодыхъ дѣвушекъ, болѣе богатыхъ, чѣмъ она, Эмма Руольтъ выходитъ замужъ за скромнаго деревенскаго врача Шарля Бовари, глупаго малаго; его грубость, скудныя средства порождаютъ въ ней чувство отвращенія. Обманутыя грезы и погибшія иллюзіи вызываютъ въ скоромъ времени симптомы невроза. «Эмма становится требовательной, капризной, она заказываетъ себѣ кушанья и къ нимъ не притрогивается; одинъ день пьетъ только чистое молоко, а на другой день выпиваетъ до дюжины чашекъ кофе. Часто она упорно отказывалась выходить, но затѣмъ задыхалась, открывала окна, надѣвала легкое платье... Она уже не скрывала болѣе своего презрѣнія ко всему и ко всѣмъ; иногда она старалась высказывать странныя мнѣнія, осуждая то, что другими одобрялось, и одобряя вещи дурныя или безнравственныя... Неужели эта нужда будетъ продолжаться вѣчно? Неужели она никогда не освободится отъ нея? А между тѣмъ вѣдь она не хуже тѣхъ, которыя живутъ счастливо, и она проклинала несправедливость. Она прислонялась головою къ стѣнѣ и плакала; она завидовала бурной жизни, маскараднымъ ночамъ, дерзкимъ удовольствіямъ со всѣми ихъ сумасбродствами, которыхъ она не знала, но которыя должны были ихъ сопровождать... Она блѣднѣла, и у ней дѣлались сердцебіенія. Въ иные дни она болтала лихорадочно много; но вдругъ это возбужденіе смѣнялось оцѣпенѣніемъ, во время котораго она не говорила, не двигалась... она купила себѣ готическій молитвенникъ и истратила въ мѣсяцъ четырнадцать франковъ на лимоны, чтобы чистить себѣ ногти; она выбрала себѣ у L'heugueux самый красивый шарфъ, повязывала его вокругъ таліи своего будничнаго платья, и, закрывъ ставни, ложилась на софу въ этомъ смѣшномъ нарядѣ. Она хотѣла выучиться итальянскому языку, купила себѣ словари, грамматику, запасъ писчей бумаги. Она пыталась заняться серьезнымъ чтеніемъ по исторіи и по философіи... У ней были припадки, во время которыхъ ее легко было подтолкнуть на какую угодно

*) Ch. Richet, *L'homme et l'intelligence*, стр. 266—267.

**) См. тамъ же различныя выдержки изъ ихъ сочиненій, стр. 269—273.

дикую выходку. Однажды она поспорила со своимъ мужемъ, что выпьетъ пол-стакана водки, и такъ какъ Шарль имѣлъ глупость усомниться въ этомъ, она проглотила водку почти до конца»*)).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Сравнительная цѣнность различныхъ характеровъ.

Цѣнность, присущая главнымъ типамъ характера. — Достоинства и недостатки типа эмоциональнаго;—типа интеллектуальнаго;—типа волевого.—*Превосходство уравновѣшеннаго типа.*—Идеаль, къ осуществленію котораго долженъ стремиться воспитатель.

Различныя формы характера, не будучи сводимы одна на другую, имѣютъ, однако, какъ мы видѣли, то общее свойство, что всѣ происходятъ отъ преобладанія или комбинацій, въ измѣняющихся степеняхъ, трехъ главныхъ психическихъ элементовъ; чувствительности, ума и воли. Чтобы достигнуть поставленной нами цѣли, именно узнать идеальный характеръ и, слѣдовательно, опредѣлить, къ чему должны направляться усилія воспитателя, намъ надо теперь разсмотрѣть цѣнность, присущую каждому изъ характеровъ, представляющихъ преобладаніе одного изъ этихъ элементовъ, а также сравнительную цѣнность характера, который содержитъ въ себѣ эти элементы почти въ равныхъ степеняхъ.

Прежде всего, чего слѣдуетъ бояться, и обратно, чего ждать отъ характера, гдѣ чувствительность играетъ первую роль? Марионъ даетъ намъ отвѣтъ: «Большая чувствительность, говоритъ онъ, разъ только она не согласуется съ разумомъ, мѣшаетъ намъ поступать правильно. Она удесятеряетъ наши силы, если не на добро, то на зло. Середины нѣтъ: нравственная посредственность не есть удѣлъ лицъ, воспримчивыхъ къ сильнымъ эмоціямъ, способныхъ на великія увлеченія. Я не исключая даже и того случая, когда крайняя подвижность впечатлѣній обуславливаетъ большую трату чувствительности на тысячи пустяковъ, безъ цѣли и послѣдствій: развѣ это не великое нравственное несовершенство?» И этотъ психологъ прибавляетъ: «ничто такъ не искажаетъ разума, какъ сердечныя волненія». Уже Монтэнъ замѣтилъ по этому поводу: «Впечатлѣнія страстей не остаются на поверхности, но проникаютъ до сѣдалища разума, заражая и искажая его» (**).

Недостатокъ мѣры и рефлексіи, вотъ тѣ опасности, которымъ подвергается человѣкъ страстный. Зато, правда, существуетъ возмѣщеніе, которымъ нельзя пренебрегать. «При совершенно одинаковыхъ условіяхъ пылкія, отзывчивыя души болѣе другихъ способны къ совершенствованію. Онѣ стоятъ въ тысячу разъ болѣе, когда увлекутся страстью къ добру. Тогда въ дѣйствитель-

*) I-ая часть, гл. IX и II-я часть, гл. VII.

**) *Опыты* кн. I, гл. XII.

ности оправдывается эта прекрасная мысль Паскаля, что сердце есть родъ чувствительнаго разума, болѣе пронизательнаго и болѣе могущественнаго, чѣмъ самый разумъ» *).—Стюартъ Милль высказывается не менѣе положительно: «Интенсивная чувствительность, говоритъ онъ, есть орудіе и условіе громадной власти надъ самимъ собой, но она должна быть воспитана въ этомъ направленіи. Тогда она формируетъ не только героевъ перваго импульса, но и героевъ воли, обуздывающей саму себя. Исторія и опытъ показываютъ, что самые страстные характеры выказываютъ наиболѣе постоянства и строгости въ своемъ чувствѣ долга, когда ихъ страсть была направлена въ эту сторону» **).

Таковы вкратцѣ достоинства и недостатки характера эмоциональнаго. Параллельно съ этимъ разсмотримъ, какіе доводы можно привести за и противъ интеллектуальнаго типа.

«Все, что сдѣлано въ этомъ мірѣ великаго или прочнаго, пишетъ одинъ пронизательный и оригинальный психологъ, было совершено людьми интеллектуальнаго типа, мыслителями. Плодотворная работа человѣчества была исполнена спокойно, безъ торопливости и треска, этими мечтателями, «которые падаютъ въ яму, заглядѣвшись на звѣзды». Другіе, крикуны, политики, завоеватели, безпокойныя натуры, наполняющіе исторію шумомъ совершенныхъ ими нелѣпостей, имѣютъ, разсматриваемые на разстояніи, весьма посредственное значеніе въ развитіи человѣчества***). Когда исторія, какъ ее понимаютъ въ настоящее время, исторія, представляющая въ сущности лишь собраніе анекдотовъ, предназначенныхъ для удовлетворенія празднаго любопытства такъ-называемой образованной публики, уступить мѣсто исторіи, написанной мыслителями для мыслителей же, тогда насъ поразило, какъ мало измѣненій внесла дѣятельность этихъ «великихъ дѣятелей» въ—широкій потокъ цивилизаціи. Тогда настоящіе герои исторіи, великіе новаторы въ наукѣ, искусствѣ, литературѣ, философіи, въ индустріи займутъ первое мѣсто, принадлежащее имъ по праву. Бѣдный созерцатель, какъ Амперъ, никогда не умѣвшій наживать деньги, надъ которымъ его собственная привратница хохотала до слезъ, произвелъ своими открытіями больше перемѣнъ въ обществѣ и даже въ современномъ военномъ искусствѣ, чѣмъ Бисмаркъ и Мольтке, взятые вмѣстѣ. Жоржъ Виль гораздо больше подвинулъ впередъ и сдѣлаетъ въ будущемъ еще больше для сельскаго хозяйства, чѣмъ пятьдесятъ министровъ земледѣлія подрядъ» ****).

Эти взгляды кажутся намъ какъ нельзя болѣе справедливыми. Однако, вотъ и обратная сторона медали: люди мыслительнаго

*) Marion, *La solidarité morale*, 83—84.

**) *Assujettissement des femmes*, стр. 150 и слѣд.

***) Ср. краснорѣчивое *Introduction* Nourri-son'a въ его *Tableau des progrès de la pensée humaine depuis Thales jusqu'à nos jours*.

****) Payot, *L'éducation de la volonté*, стр. 119; есть русскій переводъ Шашмаревой, *Воспитаніе воли*, С.-Петербургъ. 1896.

типа прежде всего подвергаются той опасности, что въ нихъ гложетъ и даже совсѣмъ исчезаетъ всякая симпатія, всякій интересъ ко всему, что не относится къ предмету ихъ размышленія, такъ что имъ случается сохранять полное безучастіе даже по отношенію къ обязанностямъ, налагаемымъ на нихъ самой жизнью. Бальзакъ представляетъ намъ поразительный примѣръ такого возможнаго эгоизма въ лицѣ Вальтазара Влаеса, который, одержимый единственной страстью, страстью къ наукѣ, дошелъ до того, что забылъ жену, дѣтей, самого себя, истратилъ послѣднія деньги и впалъ въ бѣдность въ *Поискахъ за абсолютнымъ*.

Кромѣ того, мыслительный типъ страдаетъ недостаткомъ энергіи и рѣшительности. Послушаемъ, что говоритъ о Раблѣ одинъ здравомыслящій критикъ. «Казалось, что по мнѣнію этого великаго любителя рукописей, книгопечатанія и «книжной» науки, весь свѣтъ существовалъ для книгъ, а не книги для свѣта; отличительный, глубоко вѣрный, признакъ *отшельническаго* по существу духа, неисправимо обращеннаго на размышленіе и изученіе, неловкаго въ дѣйствиі, чуждаго практической жизни. Когда обожаютъ литературу ради ея самой, то становится довольно индифферентными къ дѣйствительности, искусной копіей которой эта литература является, и зрѣлище человѣческихъ дѣлъ, какое бы оно ни было, кажется всегда забавнымъ въ качествѣ представленія. Вотъ почему Раблѣ находятъ «весьма великолѣпной библіотеку Св. Виктора», долго наслаждается каталогомъ всего этого схоластическаго вздора *), вмѣсто того, чтобы уничтожить его рукою Пантагрюэля, какъ позднѣе рыцарскіе романы были сожжены «мужественнымъ юре Донъ-Кихота», возмущеннымъ тѣмъ зломъ, которое они причиняли. Вотъ почему въ одномъ весьма любопытномъ мѣстѣ книги V, Раблѣ самъ лично противопоставляетъ подъ предлогомъ повинновенія государю, духъ лѣности и бездѣятельности героической ярости своего исключительнаго монаха, этого Донъ-Кихота, вырвавшагося изъ монастыря, кавалера des Entanures. Этотъ храбрый и предприимчивый товарищъ, способный ко всякаго рода дѣятельности, поражаетъ врага, борется съ бурей, «работаетъ, пашетъ, защищаетъ уметенныхъ, вьетъ тетины для арбалетовъ, силки и сѣти для ловли зайцевъ», хочетъ внести огонь и мечъ въ логовище мохнатыхъ кошекъ (des chats-fouges) **) въ подражаніе Геркулесу, который умерщвлялъ разбойниковъ и чудовищъ, чтобы освободить народы отъ тираніи. «Начнемъ», говоритъ онъ, и братъ Жанъ подымаетъ свою руку,

*) Одно изъ главныхъ неудовольствій монаховъ, сотоварищей Раблѣ, противъ него состояло въ томъ, что «вмѣсто того, чтобы отдавать въ пользу монастырскаго стола ежегодные доходы, получаемые имъ отъ евангельской проповѣди, онъ ихъ употреблялъ на содержаніе обширной библіотеки (*l'oguetis Musaei*), гдѣ проводилъ большую часть своего времени, перелистывая книги». (Ant. Leroy, пер. RATHERY).

**) Намекъ на судей, облеченныхъ въ традиціонныя мантии, подбитыя мѣхомъ.

какъ вдругъ брать Франсуа тихонько останавливаетъ его за рукавъ: «Мы имъ воздали бы, можетъ быть, *говорю я*, какъ Геркулесъ, но намъ не достаесть приказа Еврисея». (V, 45). Еврисеей, это Пантагрюэль, который *созерцаетъ все*, иногда съ печалью, чаще съ улыбкой, но проходитъ мимо и не дѣлаесть ничего» *).

Наряду съ людьми идеи неизбѣжно должны существовать и люди дѣла; и эта послѣдняя роль, повидимому, принадлежитъ скорѣе характерамъ энергичнымъ. «Эта сила воли, говоритъ Балзакъ, придающая храбрость въ сраженіяхъ, твердость въ печали, торжествующая надъ всякимъ сопротивленіемъ, не отступающая ни передъ какимъ препятствіемъ, которую не устрашаютъ никакія превратности судьбы и не могутъ сокрушить самыя тяжелыя удары; эта сила воли, которая сегодня та же, какой была вчера и будетъ завтра, безъ которой нельзя довести до конца трудное или продолжительное предпріятіе; эта сила воли, являющаяся отличительнымъ признакомъ людей, оставившихъ свой слѣдъ въ исторіи человѣчества, людей, продолжающихъ жить въ памятникахъ, ими воздвигнутыхъ, въ учрежденіяхъ, ими основанныхъ, въ революціяхъ, ими произведенныхъ, или преградахъ, посредствомъ которыхъ они эти послѣднія предотвратили; эта сила воли, которой обладаютъ основатели имперій, главы сектъ, открыватели новыхъ земель, изобрѣтатели, проводящіе всю жизнь въ погонѣ за какой нибудь идеей, политики, желѣзной рукой отливающіе общества въ новую форму и оставляющіе въ нихъ слѣды, не стираемые вѣками; это сила воли, которая изъ смиреннаго монаха дѣлаесть Сикста V или Хименеса... въ обиденныхъ случаяхъ жизни можетъ и не быть такъ сильно развита; но весьма полезно и даже необходимо обладать ею въ надлежащей мѣрѣ сообразно съ социальнымъ положеніемъ. Нѣкоторые люди обязаны этому дару своимъ превосходствомъ въ управленіи дѣлами, и мы можемъ утверждать, что полное отсутствіе этого качества обнаруживаетъ коренное безсиліе».

Но здѣсь опять камень преткновенія: энергичная воля, неруководимая разумомъ, легко переходитъ въ упрямство—«недостатокъ весьма серьезный, потому что онъ дѣлаесть насъ глухими къ совѣтамъ, поработаетъ насъ нашимъ чувствованіямъ, стра-

*) Stupfer, *Rabelais*, 268—269. Карлейль оригинальнымъ образомъ изображаетъ опасность, къ которой приводитъ излишекъ анализа, расчета, рефлексіи. «Если бы лисица, говоритъ онъ, тратила свое время на меланхолическія и желчныя размышленія о собственномъ злополучіи, о томъ, какъ ее обижаетъ природа, судьба, другія лисицы и т. п. и не имѣла отваги, быстроты, практическаго смысла и другихъ способностей, свойственныхъ лисицамъ, то она не заполучила бы ни одного гуся». (*Герои и героическое въ исторіи*, стр. 150).

**) *L'art d'arriver au vrai*, гл. XXII, § 58 и 59.

стямъ, нашимъ рѣшеніямъ, наперекоръ всякимъ соображеніямъ благоразумія или справедливости». *)

Словомъ, какъ видно изъ предшествующаго, три главныхъ типа характера имѣютъ свою цѣнность и присущія имъ достоинства, но въ то же время не свободны отъ недостатковъ, причѣмъ эти послѣдніе происходятъ или отъ ослабленія, или отъ отсутствія въ каждой изъ нихъ тѣхъ элементовъ, которые необходимо должны явиться полезнымъ дополненіемъ ихъ элемента специфическаго, увеличивая даже его значеніе или служа ему противовѣсомъ. Такимъ образомъ, истинно желательнымъ будетъ, повидимому, тотъ характеръ, въ которомъ встрѣчаются различныя способности, если не въ строго равныхъ доляхъ, *) то по крайней мѣрѣ гармонично скомбинированными, какимъ именно и является характеръ уравновѣшенный.

Полякъ **) прекрасно выставилъ превосходство этого послѣдняго типа: «Самъ по себѣ и при совершенно одинаковыхъ условіяхъ уравновѣшенный характеръ представляетъ собою преимущество, потому что для даннаго психическаго организма онъ обладаетъ въ наивысшей степени относительной систематизаціей, наибольшимъ совершенствомъ, совмѣстимымъ съ его сущностью. Его достоинство будетъ въ значительной степени зависѣть отъ достоинства совмѣщающихся въ немъ стремленій. Прибавимъ еще, что уравновѣшенный характеръ, не встрѣчающійся никогда въ чистомъ видѣ, потому что вполне уравновѣшенныхъ людей не существуетъ, а всякій человѣкъ только болѣе или менѣе уравновѣшенъ, представляетъ много прелести, даже въ томъ случаѣ, когда мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ зауряднымъ. Наоборотъ, по мѣрѣ того, какъ общая гармонія нарушается, превосходство ослабѣваетъ»...

«Общая гармонія стремленій выражается, смотря по обстоятельствамъ, въ разныхъ чертахъ характера. Такъ, напримѣръ, *мягкость* права является результатомъ равновѣсія способностей и чувствъ, насколько она противодѣйствуетъ раздражительности, вспыльчивости, свидѣтельствующихъ о преобладаніи, иногда чисто временномъ, но очень опредѣленномъ, одного какого нибудь чувства или впечатлѣнія. *Прямота въ поведеніи и мысляхъ* служить проявленіемъ того же свойства. *Точность, ясность въ мысляхъ* и чувствахъ противодѣйствуютъ беспорядочности и смятенію, вызываемымъ столкновеніемъ мыслей, плохо усвоенныхъ даннымъ индивидомъ, вкусовъ и пристрастій, которыхъ онъ не въ состояніи примирить.—*Степенность, серьезность* бывають иногда послѣдствіями общаго духовнаго равновѣсія человѣка, который, предвидя будущее и уясняя себѣ возможныя опасности, не легко

*) Дѣйствительно, умъ долженъ играть руководящую роль. По замѣчанію Платона, внутренняя гармонія, согласіе души самой съ собой является результатомъ подчиненія страстей волѣ, а волѣ—разуму, который, въ свою очередь, подчиненъ нравственному закону.

**) *Психологія характера*, стр. 10, 11 и 13.

поддается экспансивности или чувству радости. Съ другой стороны, если опасеній нѣтъ, или если самое стремленіе къ уравновѣженности вызываетъ хотя бы временное ихъ забвеніе, то духовное равновѣсіе, особенно когда оно сопровождается физическимъ, вызываетъ въ человѣкѣ *умѣренную веселость*.—Другія свойства вызываются особенною формой общей гармоніи, въ зависимости отъ стремленій, присущихъ данной личности и болѣе или менѣе одинаково совмѣстимыхъ съ ея единствомъ, каковы: *твердость, правдивость, шибкость* и т. п...»

Теперь намъ осталось рассмотреть, въ какой мѣрѣ воспитатель можетъ надѣяться осуществить въ молодыхъ умахъ столь выгодное равновѣсіе способностей, и какими средствами располагаетъ онъ для этой цѣли.

Пер. Е. Максимовой.

Воспоминанія о занятіяхъ съ рабочими.

Въ Ноябрь 1894 г. я почти случайно попалъ на одно изъ засѣданій комиссіи по техническому образованію, состоящей при Императорскомъ Техническомъ Обществѣ. На засѣданіи этомъ, между прочимъ, было заявлено г. предсѣдательствующимъ, что комиссія въ данный моментъ, не смотря на всѣ старанія, не находитъ никого, кто бы согласился вести занятія по физикѣ съ рабочими Путиловскаго завода. Убѣдительная рѣчь А. Н. Страннолюбскаго, въ которой онъ горячо просилъ присутствующихъ не отказываться отъ случая, когда представляется возможность прийти на помощь жаждущему знанія народу, имѣла послѣдствіемъ то, что я предложилъ комиссіи свои услуги.

Мнѣ ни разу не приходилось еще выступать передъ сколько нибудь значительной аудиторіей, а тѣмъ болѣе предъ людьми, которые имѣли возможность слышать болѣе опытныхъ и талантливыхъ лекторовъ; поэтому я не безъ опасенія взиралъ на предстоящую мнѣ задачу. Кромѣ того, задача эта усложнялась тѣмъ обстоятельствомъ, что я совершенно не зналъ ни состава своихъ будущихъ слушателей, ни умственного развитія ихъ и, поэтому, не представлялъ себѣ ясно, въ какой формѣ, въ какихъ размѣрахъ, какимъ языкомъ, наконецъ, я долженъ буду излагать имъ предметъ. Сверхъ того отдѣлъ электричества изъ всей физики былъ мнѣ наименѣе знакомъ, особенно прикладная сторона дѣла, которая, какъ я ожидалъ, должна была представлять особенный интересъ для моихъ будущихъ слушателей рабочихъ.

На предварительномъ совѣщаніи, въ которомъ принимали участіе А. Н. Страннолюбскій и инспекторъ Путиловской школы Н. В. Гринцвейнъ (Н. В. Гринцвейнъ, сопровождавшій меня во всѣхъ поѣздкахъ на заводъ, оказалъ мнѣ особенное содѣйствіе совѣтами и указаніями), было рѣшено съ цѣлью привлечь болѣе болѣе слушателей, а также для того, чтобы дать мнѣ возможность освоиться съ новымъ для меня положеніемъ, прочесть въ декабрѣ двѣ лекціи по вопросамъ болѣе общимъ и болѣе понятнымъ, чѣмъ явленія электричества, къ курсу котораго предполагалось приступить лишь послѣ новаго года. Обѣ эти лекціи,

изъ которыхъ первая была посвящена разъясненію того, что такое вещество, вторая—что такое сила, обставленная кое какими наглядными опытами, привлекли довольно значительное число слушателей (отъ 40 до 60 чел.), но аудиторія была до такой степени разнообразна, слушатели такъ различно относились къ чтенію, что я не надѣялся привлечь къ дальнѣйшему изложенію болѣе чѣмъ половину изъ нихъ. Въ то время какъ одни, не отводя глазъ, напряженно ловили всякое слово, другіе очевидно менѣе развитые и привлеченные скорѣе любопытствомъ, нежели жаждой знанія и развитія, начинали понемногу дремать и даже засыпали отъ утомленія (лекція по *желанію* самихъ рабочихъ были назначены *вечеромъ послѣ работы*) и отъ непривычнаго напряженія вниманія; они оживлялись только, когда тлѣющая лучина ярко разгоралась въ кислородѣ, или когда кто нибудь задавалъ вопросъ близкій и понятный всѣмъ имъ, и когда лекція прерывалась оживленной бесѣдой, въ которой принимало участіе нѣсколько человекъ.

Послѣ этихъ чтеній слушателямъ было предложено записаться на курсъ электричества. Записалось 18 человекъ. Это и былъ тотъ контингентъ, на который я могъ рассчитывать. Число слушателей однако колебалось и порою весьма сильно: на нѣкоторыя чтенія (напр. о динамо-машинахъ) приходило 25—30 человекъ, причемъ лица нѣкоторыхъ были мнѣ совершенно незнакомы, порою число посѣтителей падало до 5—7 человекъ. Послѣднее явленіе приобрѣло нѣсколько хроническій характеръ лишь въ концѣ курса, въ маѣ мѣсяцѣ, и объясняется, вѣроятно, тѣми-же общими причинами, по которымъ число посѣтителей въ воскресныхъ школахъ сильно сокращается къ веснѣ. Вскорѣ уже изъ числа этихъ 18—20 чел. обрисовывалось то ядро, состоящее изъ 10—12 чел., которое не пропускало, или старалось не пропустить, ни одно чтеніе и если изъ числа моихъ слушателей кто нибудь отсутствовалъ, то я могъ быть твердо увѣренъ, что причиною тому какое нибудь серьезное обстоятельство. Ядро это въ свою очередь распадалось на двѣ части. Половину его составляли рабочіе среднихъ лѣтъ, даже пожилые; у этихъ были совершенно опредѣленные цѣли и опредѣленные требованія. Достигнувъ того уровня развитія, на которомъ я засталъ ихъ, большею частью самобытно, тѣмъ прерывистымъ и запутаннымъ путемъ, которымъ добивается свѣта знанія умъ сильный и твердый, они не умѣли надлежаще оцѣнить знанія общія, теоретическія; ихъ, какъ я замѣтилъ, сильно занимали нѣкоторыя частности и вопросы практическаго характера. Такъ если я объяснялъ имъ какую нибудь химическую реакцію общаго характера, напр. образованіе соли при дѣйствіи кислоты на щелочь (въ гальваническихъ элементахъ) и бралъ при этомъ для при-мѣра тѣ или другія вещества, то они каждый разъ хотѣли знать составъ этихъ веществъ. При объясненіи дѣйствія какой нибудь машины увлекались скорѣе устройствомъ ея и дѣйствіемъ, чѣмъ тѣми явленіями, доказательствами которыхъ служило самое дѣйствіе прибора. При этомъ объясненія общія или поверхностныя ни-

когда не удовлетворяли ихъ, они требовали такихъ, при которыхъ сомнѣнiямъ и неизвѣстности уже не было мѣста. Объясняемое они понимали иногда съ трудомъ, именно вслѣдствiе недостаточнаго запаса общихъ идей, но, уловивши суть дѣла, иногда умѣли освѣтить его лучше меня и не рѣдко такимъ образомъ приходили мнѣ на помощь при объясненiи того-же явленiя другимъ. Слушали они напряженно и жадно, приходили первыми, уходили послѣдними, часто съ лицомъ огуманеннымъ напряженною мыслью. Жажда знанiя, насколько я имѣлъ возможность судить, имѣла у нихъ характеръ чистаго интереса, безъ примѣси какихъ либо утилитарныхъ практическихъ дѣлей. Знанiе интересовало ихъ потому, что оно давало отвѣты на занимавшiе ихъ вопросы, а не потому, что изъ него можно было извлечь тѣ или иныя выгоды.

Вторая половина ядра состояла изъ молодежи отъ 17 до 20 лѣтъ. Они, повидимому, въ дѣтствѣ и юности не были лишены тѣхъ условiй (я подразумѣваю школу), которою люди первой группы могли пользоваться лишь урывками и уже въ зрѣлыхъ годахъ, когда плоды ученiя даются человѣку цѣною упорнаго труда. вмѣстѣ съ тѣмъ они гораздо лучше понимали и цѣнили общiе вопросы, они опускали частности, почти не интересовались ими, больше вѣрили на слово и не придавали большого значенiя той осязательной убѣдительности, которая составляетъ главную силу научныхъ опытовъ и демонстрацiй. Безъ сомнѣнiя свойства эти легко объясняются молодостью ихъ. Остальную часть моихъ слушателей я опять таки долженъ подраздѣлить на двѣ группы, неодинаковыя и неравноцѣнныя: къ первой принадлежали люди разныхъ возрастовъ—были тутъ и молодые и даже старики; они очевидно горячо желали поучиться, но *не могли* вслѣдствiе отсутствiя *всякой* подготовки. Многие упорно ходили до половины курса и затѣмъ, убѣдившись, наконецъ, что мечта ихъ не осуществима, можетъ быть, съ тяжелымъ сердцемъ покидали классъ навсегда, не рѣшаясь болѣе жертвовать дорогими для нихъ часами отдыха. Особенно жалко мнѣ было одного уже очень немолодаго рабочаго: онъ слушалъ съ такимъ жаднымъ пристальнымъ вниманiемъ, такъ старательно наблюдалъ то, что рисовалось на доскѣ, кивая головою, что, когда взглядъ мой случайно падалъ на него, у меня неволью появлялась увѣренность, что ужъ *этотъ-то* навѣрное понимаетъ все. Между тѣмъ, когда онъ однажды рѣшился принять участiе въ возникшей ужъ не помню по поводу чего бесѣдѣ, я съ грустью за него убѣдился, что онъ не понимаетъ ничего, что изъ всего слышаннаго въ головѣ его сложились какiя то смутныя представленiя, которыя онъ и самъ не умѣлъ толкомъ изложить и которыя никоимъобразомъ не въ состоянiи были привести его мысль къ ясности и просвѣтленности. Вскорѣ послѣ того онъ пересталъ ходить, отчаявшись, какъ я рѣшилъ про себя, достигнуть того завиднаго состоянiя, въ которомъ пребывали его болѣе счастливые товарищи. Вторую, и довольно значительную, половину этой группы составляли люди, которыхъ привлекали на

чтенія мотивы совершенно посторонніе: либо нежеланіе отстать отъ другихъ, тщеславіе, либо желаніе какъ нибудь отличиться и показать другимъ (а можетъ быть и мнѣ), что и они кое что знаютъ или преслѣдуютъ какія-то цѣли, что налагало на нихъ печать мнимаго превосходства надъ другими. Одинъ изъ нихъ, напр., задавши какъ-то вопросъ, мало относившійся къ дѣлу, перешелъ сейчасъ-же къ изложенію вороненія стали, причемъ выяснилось, что онъ занятъ изысканіемъ своего способа и, насколько я могъ судить, вель это изысканіе такимъ же путемъ, какимъ, вѣроятно, самый первый изъ алхимиковъ пытался составить философскій камень и... конечно, съ тѣмъ-же успѣхомъ. Этотъ непризнанный гений также пересталъ ходить мѣсяца черезъ два.

Вотъ, стало быть, съ какого рода аудиторіей пришлось мнѣ имѣть дѣло. Конечно, разсмотрѣлъ я ихъ не сразу: лишь постепенно обрисовывалась предомною фізіономія каждой группы и каждаго слушателя, и такъ-же постепенно выяснялся мнѣ путь, котораго я долженъ былъ держаться. Я увидѣлъ, что невозможно было съ тѣмъ запасомъ времени и средствъ, какой находился въ моемъ распоряженіи, удовлетворить всѣхъ: и тѣхъ, которые приходили съ извѣстнымъ запасомъ знаній и ожидали для себя отъ этихъ чтеній серьезныхъ результатовъ, и тѣхъ которымъ надо было выяснитъ самыя элементарныя понятія. Удовлетворяя этихъ послѣднихъ, я рисковалъ упустить первыхъ, ибо, наскучивъ слышать лишній разъ все то, объ чемъ они и читали и слышали и думали, они могли прекратить посѣщеніе моихъ чтеній. Между тѣмъ, по численности, по отношенію къ дѣлу и, наконецъ, по вліянію, которымъ эти рабочіе въ качествѣ болѣе развитыхъ, по видимому, пользовались въ своей средѣ, они представляли именно элементъ, который, какъ мнѣ казалось, слѣдовало во что бы то ни стало привлечь и удержать. Я такъ и поступилъ, стараясь дать понять слушателямъ второй группы, что трудности, встрѣчаемыя ими, не такъ ужъ непреодолимы, но что имъ слѣдуетъ предварительно, подобно своимъ товарищамъ, поучиться грамотѣ, ариеметикѣ и всему прочему, чему учатъ въ воскресныхъ школахъ, и что немислимо безъ этого никакое дальнѣйшее обученіе.

Занятія наши происходили каждый вторникъ отъ 7 до 9 ч. вечера; обыкновенно впрочемъ они начинались получасомъ позже вслѣдствіе того, что приспособленіе и предварительное испытаніе самодѣльныхъ приборовъ часто затягивалось. Большою ошибкою было также то, что чтеніе длилось безъ перерыва $1\frac{1}{2}$, 2 часа, а это было утомительно и для меня и для нихъ; я замѣчалъ, какъ къ концу чтенія вниманіе измѣняло нѣкоторымъ изъ этихъ людей, проработавшихъ цѣлый день за станкомъ и не привыкшихъ къ продолжительному умственному напряженію: вѣки слипались и усталыя головы клонились внизъ. Особенно жалко было мнѣ одного молоденькаго рабочаго: онъ ходилъ на каждое чтеніе; по отвѣтамъ его на вопросы съ моей стороны видно было, что онъ понималъ превосходно, но очевидно неразвившійся еще до полныхъ силъ

организмъ его не выносилъ двойнаго напряженія. Однако всякій разъ, какъ я предлагалъ своимъ слушателямъ сдѣлать перерывъ, чтобы они могли отдохнуть и покурить, они отвѣчали просьбой продолжать—очевидно имъ хотѣлось съэкономить время и для занятій и для отдыха. Чтенія я по возможности старался разнообразить опытами, рисунками на доскѣ, эпизодами, даже анекдотами изъ исторіи науки.

Иногда ктонибудь задавалъ вопросъ, за однимъ вопросомъ слѣдовали другіе, и возникалъ оживленный «обмѣнъ мнѣній». Случалось, и не разъ, что я не въ состояніи былъ дать имъ надлежащаго разъясненія, въ чемъ прямо сознавался, и не замѣтилъ, чтобы это производило на нихъ непріятное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что еще приступая къ занятіямъ я предупредилъ ихъ, что я не специалистъ электротехникъ и многого въ этой области не знаю. Иногда возникали пренія между самими слушателями, которыя давали мнѣ возможность наблюдать за тѣмъ, насколько они понимали и усваивали пройденное. Никакой самостоятельной работы я, конечно, отъ нихъ не требовалъ, я старался только при всякомъ случаѣ вкратцѣ повторить то, о чемъ уже была рѣчь раньше, по возможности забираясь въ области сосѣднихъ отдѣловъ физики (въ механику, тепло, свѣтъ, въ химию). Такъ я разъяснилъ имъ атомистическую гипотезу, буквами писалъ на доскѣ формулы состава различныхъ веществъ и объяснялъ имъ нѣкоторыя простыя реакціи. Дѣлалъ я это для того, чтобы расширить кругозоръ ихъ мышленія и чтобы дать имъ возможность лучше узнать, какихъ именно знаній имъ не достаетъ болѣе всего. На плохое пониманіе моихъ слушателей я пожаловаться не могу, напротивъ, многіе схватывали мысль на лету, не смотря на то, что изложеніе мое не отличалось ясностью и простотою.

Особенно хорошо они понимали устройство приборовъ, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе частаго обращенія со всякими инструментами, машинами и частями машинъ; обыкновенно въ этомъ случаѣ достаточно было двухъ-трехъ словъ, иногда они даже выручали меня. Помню, какъ разъ въ неудачный для меня день (я очень усталъ) я, между прочимъ, объяснялъ устройство электрическаго звонка. Спустя нѣкоторое время, я перешелъ къ описанію прибора, въ который, въ качествѣ составной части, входитъ электрическій звонокъ, и тутъ кто-то попросилъ у меня разъясненій о дѣйствіи его; я началъ объяснять снова и вдругъ, потерявъ на мгновеніе всякую способность пониманія, запутался на чемъ-то: звонокъ у меня въ рукахъ, я смотрю на него и... ничего не понимаю. И вотъ тутъ-то мнѣ явилась помощь со стороны. «И чего спрашиваешь, кажется ясно», замѣтилъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ посѣтителей чтеній, бѣлокурый рабочій съ замѣчательно мягкимъ, добродушнымъ выраженіемъ лица, «вотъ пружинка, вотъ якорѣкъ»... и въ двухъ словахъ объяснилъ вопрошавшему нехитрое устройство этого прибора. Онъ прямо таки спасъ меня отъ посрамленія. Опыты интересовали ихъ чрезвычайно. Объяс-

неніе опыта, какъ бы подробно оно ни было, не удовлетворяло, всегда слѣдовало множество вопросовъ, иногда самаго детального характера, которые относились часто не къ самому опыту, т. е. не къ тому, доказательствомъ чего служилъ этотъ опытъ, а къ условіямъ его, предметамъ и веществу; если растворъ соли,—то какой соли, какой крѣпости растворъ, нельзя-ли другой соли и т. д. Къ сожалѣнію постановка опытовъ была у меня весьма неудовлетворительна, отчасти вслѣдствіе отсутствія разныхъ приборовъ (хотя небольшой кабинетъ, устроенный при школѣ, благодаря стараніямъ Н. В. Гринцвейна, по сравненію съ подобными же кабинетами въ другихъ школахъ, былъ очень хорошо обставленъ), которые приходилось дѣлать самому и дѣлать плохо, отчасти потому, что опыты съ электричествомъ (именно отдѣлъ статическаго электричества) вообще капризны и требуютъ особенной тщательности, т. е. затраты труда и времени на подготовку.

Кульминаціоннымъ пунктомъ всего курса были чтенія, предметомъ которыхъ были динамо-машины. Генераторы, какъ производители электрической силы въ большихъ размѣрахъ и съ обширнымъ примѣненіемъ, интересовали моихъ слушателей особенно живо. Помню, что на первое же чтеніе привалило неожиданно гораздо больше народу, чѣмъ ходило на предыдущія чтенія, появилось даже нѣсколько совѣтъ незнакомыхъ лицъ. На изложеніе устройства и дѣйствія динамо-машинъ пошло 2 чтенія, т. е. 4 часа, и все-таки предметъ не былъ исчерпанъ съ надлежащею ясностью. Дѣло въ томъ, что я хотя готовился по нѣсколькимъ спеціальнымъ сочиненіямъ (Кадія и Дюбость, Жуберъ, Боравичъ и пр.), однако практически съ машинами не былъ знакомъ, между тѣмъ какъ они видѣли машины въ дѣйствиіи, вѣроятно расспрашивали механиковъ, состоящихъ при нихъ, относительно устройства, дѣйствія и управленія машиной, такъ что въ этотъ разъ мнѣ было задано всего болѣе такихъ вопросовъ, на которые я не имѣлъ возможности надлежащимъ образомъ отвѣтить.

Къ тому-же на это чтеніе пришелъ какой-то рабочій, работавшій прежде на заводѣ, гдѣ приготавлились трансформаторы; пришелъ онъ, повидимому, съ тѣмъ, чтобы похвастать своимъ познаніями, а можетъ быть и съ тайною цѣлью сбить съ толку «ученаго». Онъ зналъ названія частей, нѣкоторые приемы, но, какъ вскорѣ-же выяснилось, объ устройствѣ и дѣйствиіи машины не имѣлъ никакого, даже смутнаго понятія. Не смотря на нѣкоторую назойливость, которую онъ проявилъ съ видомъ превосходства, вмѣшиваясь въ пренія, аудитория быстро произвела ему надлежащую оцѣнку. Вскорѣ выяснилось, почему динамо-машины занимали такъ сильно моихъ слушателей; оказалось, что двое изъ нихъ уже давно заняты постройкой небольшой машины, но приборъ не дѣйствовалъ, потому что вопреки всѣмъ стараніямъ справиться съ трудностями дѣла самостоятельно, они ихъ осилить не могли. Чтенія очевидно помогли имъ разобраться въ этомъ дѣлѣ, такъ что на второмъ чтеніи машина была уже де-

монстрирована: она работала очень бойко къ величайшему восхищенію творцовъ ея и на удовольствіе всей аудиторіи, включая, конечно, и меня. Это было самое осязательное доказательство тому, что потраченные съ обѣихъ сторонъ время и трудъ не пропали даромъ. Меньше интереса вызвали аккумуляторы и гальванопластика, тѣмъ болѣе, что на дворѣ стоялъ уже мѣсяць май. Разставаясь съ ними по окончаніи послѣдняго чтенія, я не могъ не сознаться, что чтенія эти обязаны нѣкоторымъ своимъ успѣхомъ имъ: ибо они своимъ вниманіемъ, своимъ превосходнымъ отношеніемъ къ дѣлу и ко мнѣ возбуждали и прищипывали меня; трудно себѣ представить ту деликатность и мягкость, съ которыми они неизмѣнно относились къ многочисленнымъ недостаткамъ моего изложенія, мягкость, которая выступала особенно рельефно на фонѣ темныхъ блузъ, рукъ и лицъ, покрытыхъ рабочимъ потомъ и испачканныхъ пылью и копотью мастерской.

Чтенія по электричеству выяснили отчасти, какихъ знаний имъ не достаётъ. Съ одной стороны (напр. при изложеніи гальваническихъ элементовъ) выяснилось, что они недостаточно знакомы съ природой и поэтому желали бы узнать кое что изъ химіи. Съ другой стороны имъ стало ясно, что прочныя и годныя для примѣненія въ практикѣ знанія трудно пріобрѣсти безъ элементарныхъ свѣдѣній изъ математики. Такъ, напримѣръ, имъ очень хотѣлось ознакомиться съ электрическими единицами (омъ, амперъ, вольтъ и т. д.), но сдѣлать это было невысказано, потому что всякія формулы, за отсутствіемъ знаний по алгебрѣ, не могли быть ими поняты. Поэтому, наряду съ желаніемъ познакомиться съ химіей, возникло желаніе поучиться алгебрѣ. Съ элементарной ариметикой большинство было уже болѣе или менѣе знакомо.

Пробѣгая въ воспоминаніи впечатлѣнія, вынесенныя изъ этого краткаго опыта, я невольно прихожу къ нѣкоторымъ соображеніямъ и выводамъ, дѣлать которые я, можетъ быть, не вправѣ, именно по причинѣ кратковременности моихъ наблюденій. Думаю, однако, что многое въ этой области такъ наглядно ясно, что невольно поразить даже посторонняго наблюдателя, не прикованнаго къ предмету особымъ интересомъ.

Прежде всего поражаетъ ничтожное число желающихъ учиться. Изъ многихъ тысячъ рабочихъ, составляющихъ заводъ, находится лишь около 20 человекъ, у которыхъ умственные запросы настолько сильны, что они рѣшаются ради удовлетворенія ихъ жертвовать двумя часами своего свободнаго времени въ недѣлю. Большихъ усилий съ ихъ стороны не требуется. Можно ли сравнить эту затрату времени и труда съ тѣми усиліями, съ какими, какъ мы много разъ читали, гениальные самоучки выбивались изъ тьмы окружавшаго ихъ невѣжества. Можно ли ихъ сравнить съ тѣми даже, во что обходится образованіе ученику University Extension въ Англій, а между тѣмъ число послѣднихъ еще въ 1889 г. достигло 40.187 чел. при 380 различныхъ курсахъ. Въ чемъ-же причины столь малой успѣшности развитія любви къ

знаніямъ и просвѣщенію въ средѣ нашихъ рабочихъ? Не рѣшаюсь говорить утвердительно, но думаю, что главныхъ причинъ, такихъ, которыя бросаются въ глаза при самомъ первомъ знакомствѣ съ дѣломъ, двѣ. Одна та, что рабочій день слишкомъ продолжителенъ, мышечныя усилія въ теченіи этого срока утомляютъ человѣка средней силы настолько, что у него не остается нисколько ни физической силы, ни нервной энергіи на какое либо занятіе, требующее и того и другого.

Я уже упоминалъ выше, что къ концу чтеній многіе изъ моихъ слушателей клевали носомъ, и я видѣлъ, какихъ усилій имъ стоило поддерживать себя въ бодрствующемъ состояніи. А вѣдь это былъ отборный народъ, цвѣтъ заводской массы, какъ по интеллигентности, такъ и по матеріальному положенію, они были квалифицированные рабочіе, зарабатывавшіе не какихъ нибудь 15—20 руб. въ мѣсяцъ, а куда больше.

Вторая причина заключается въ томъ, что, какъ вообще въ массѣ русскаго народа, такъ и въ рабочей средѣ, отсутствуетъ еще надлежащее представленіе о знаніи, уваженіе къ знанію и убѣжденіе въ необходимости и пользѣ, проистекающей отъ знакомства съ нимъ. Польза, пожалуй, имъ понятна изъ наблюденій надъ окружающимъ ихъ внѣшнимъ прогрессомъ, но они не могутъ не видѣть, что *пока* знанія эти полезны и выгодны главнымъ образомъ другимъ, а не имъ. Въ массѣ обыкновенно каждая единица руководится желаніемъ собственной выгоды, составляющей идеалъ грубаго счастья, однако приобрѣтеніе знаній съ цѣлью извлекать изъ нихъ тѣ-же выгоды, какими пользуется образованный классъ, сопряжено для рабочаго съ такими трудностями, что преодолеваютъ ихъ лишь, отмѣченные печатью исключительной талантливости. Но трудности эти не останавливаютъ тѣхъ, кто стремится къ знанію съ болѣе идеальными цѣлями, привлекаемые лишь самымъ высокимъ, самымъ благороднымъ наслажденіемъ, доставляемымъ имъ. Такихъ идеалистовъ однако мало, школа же обладаетъ еще недостаточнымъ вліяніемъ, чтобы пробуждать это стремленіе въ душѣ тѣхъ, у которыхъ оно находится въ зародышѣ.

Уничтожить первую изъ причинъ, препятствующихъ болѣе широкому распространенію знаній въ рабочей средѣ, разумѣется, не по силамъ отдѣльнымъ лицамъ. Это задача правительства, и намъ остается только убѣждать, напоминать и настаивать на необходимости разрѣшенія ея. Что же касается второй причины, то, находясь въ зависимости отъ общаго хода просвѣщенія въ странѣ, она въ значительной степени поддается вліянію каждой мѣстной школы.

Для того, чтобы привлечь людей къ ученію, необходимо предлагать имъ въ началѣ знанія въ самой привлекательной и занимательной формѣ, а именно въ видѣ систематическихъ чтеній съ туманными картинами по самымъ разнообразнымъ предметамъ. Чтенія, поднимая умственный уровень массы вообще, могли бы

доставлять матеріалъ для двухъ слѣдующихъ ступеней: одной элементарной, съ курсомъ воскресной школы, другой организованной на подобіе народныхъ университетскихъ курсовъ въ Англіи. Нельзя отрицать, что какъ и во всякой средѣ, такъ и среди народа, хотя не рѣдко, но все-же ясно, обособляются два слоя: аристократія ума и таланта и сѣрая толпа съ пониманіемъ и уровнемъ развитія средняго человѣка. Запросы, предъявляемые школь представителями обоихъ слоевъ, конечно, одинаковы, но имѣютъ одинаковое право на удовлетвореніе. Аристократія малочисленна, но она вліятельна и составляетъ во всѣхъ отношеніяхъ переходъ отъ образованныхъ классовъ къ народу; въ этомъ цѣнность ея. Насколько я успѣлъ убѣдиться, элементарное изложеніе предмета не удовлетворяетъ интеллигентныхъ рабочихъ, представителей этой аристократіи. Они требуютъ гораздо большаго, они хотятъ знать предметъ такъ-же, какъ знаемъ его мы, и мнѣ кажется, что при надлежащей постановкѣ элементарнаго преподаванія, цѣль эта не является недостижимой.

Н. Березинъ.

Критика и библиографія.

Собрание сочинений Фридриха Шпильгагена. Изд. товарищества „Общественная Польза“. Спб. 1896.

Новый переводъ романовъ Шпильгагена едва ли встрѣтитъ въ настоящее время то сочувствіе, съ которымъ публика относилась ко всакому произведенію нѣмецкаго романиста лѣтъ 10—15 тому назадъ. Тогда Шпильгагенъ былъ оразителемъ общественныхъ идеаловъ, волновавшихъ умы, въ настоящее же время романы его представляютъ лишь историческій интересъ. Уже тотъ фактъ, что романистъ пережилъ свою славу еще при своей жизни и совершенно забыть даже на своей родинѣ, является характернымъ для оцѣнки литературнаго значенія писателя. Въ русскомъ переводѣ, предпринятомъ товариществомъ „Общественная Польза“, собраны всѣ романы, составлявшіе въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ славу Шпильгагена: „Загадочныя натуры“, „Одинъ въ полѣ не воинъ“, „Между молотомъ и наковальней“ и др. Читая ихъ теперь, когда исчезло прежнее обаяніе имени Шпильгагена, всякій сможетъ убѣдиться, до чего прозрачна была эта слава и до чего самый жанръ тенденціозныхъ романовъ, въ которому несомнѣнно принадлежатъ всѣ произведенія Шпильгагена, не имѣетъ и не можетъ имѣть прочнаго литературнаго значенія.

Шпильгагенъ принадлежитъ къ поколѣнію, создавшему революцію 1848 года. Онъ былъ воодушевленъ идеей равенства общественныхъ классовъ, и эту идею положилъ въ основу всѣхъ своихъ романовъ — результаты показали, что этого еще не достаточно для созданія прочныхъ художественныхъ произведеній. Половина дѣйствующихъ лицъ у Шпильгагена — представители нѣмецкой знати, и всѣ они одинаково ограничены, развращены и тупы въ своихъ кастовыхъ предрасудкахъ. Имъ противопоставляются свѣжія умственные и душевныя силы бюргеровъ, ненавидящихъ аристократическое общество и почему-то ровнымъ образомъ стремящихся жить въ аристократической средѣ. Столкновения неминуемы, потому что авторъ ихъ всегда устраиваетъ, и побѣда всегда на сторонѣ бюргеровъ уже потому, что они надѣлены всѣми добродѣтелями въ противоположность своимъ врагамъ.

Къ этому основному элементу — изображенію борьбы классовъ — присоединяется въ романахъ Шпильгагена другой — стремленіе рисовать не

типы, въ которыхъ воплощаются идеальныя стремленія самого автора. Шпильгагенъ написалъ теорію романа и является въ немъ сторонникомъ такъ называемаго „існ гоман'а“, въ которомъ повѣствованіе ведется въ первомъ лицѣ и такимъ образомъ ярче высказывается единеніе автора съ его героями. Послѣдніе объективируютъ лишь, по мнѣнію Шпильгагена, извѣстныя душевныя состоянія автора, его собственныя воззрѣнія на жизнь и задачи жизни, а не самую дѣйствительность. Вѣрный этой теоріи въ своихъ романахъ, Шпильгагенъ воспроизводитъ реалистически только рамки дѣйствія и второстепенныхъ лицъ, наполняющихъ романъ. Самое же дѣйствіе и лица, стояція въ центрѣ его, являются отраженіемъ идей и субъективныхъ чувствъ автора. Такого рода пониманіе задачи романиста представляетъ большую опасность, и этой опасности Шпильгагенъ не сумѣлъ избѣгнуть. Его герои принадлежатъ къ категоріи *prinzipreiter*'овъ, одностороннихъ представителей той или другой идеи или же задуманнаго авторомъ типа и лишены той психологической разносторонности, которая необходима для того, чтобы произведеніе художника казалось живымъ лицомъ. Въ романахъ Шпильгагена слишкомъ рѣзко выступаютъ намѣренія автора, слишкомъ неправдоподобно представлены подробности дѣйствія, слишкомъ уготовленъ путь героямъ для совершенія ихъ назначенія—все это вмѣстѣ лишаетъ романы художественнаго значенія. И теперь, когда идеи Шпильгагена сдѣлались общимъ мѣстомъ, выведенныя имъ лица представляются уже не загадочными, какими онъ хотѣлъ сдѣлать, и не смѣлыми общественными реформаторами, а претенціозными фразерами. Нужно имѣть въ виду историческую перспективу, чтобы понимать, чѣмъ эти романы нравились лѣтъ 20 тому назадъ.

Лучшими романами Шпильгагена считаются „Загадочныя натуры“, „Одинъ въ полѣ не воинъ“ и „Между молотомъ и наковальней“. Первый изъ нихъ основанъ на Гетевскомъ опредѣленіи загадочныхъ натуръ, т. е. такихъ, которыя не могутъ приспособиться ни къ какому жизненному положенію. Но глубокое изреченіе Гете иллюстрируется Шпильгагеномъ на очень узкомъ примѣрѣ молодого и „очаровательнаго“ бюргера, попадающаго учителемъ въ аристократическій домъ и одерживающаго побѣду надъ предрассудками среды. Потомъ уже оказывается, что, самъ не зная того, Освальдъ Штейнъ (такъ зовутъ учителя) принадлежитъ по рожденію къ ненавистой ему аристократіи. Загадочнаго въ натурѣ Штейна весьма мало. Это обычный типъ человѣка, влюбляющагося поочередно въ каждую красивую женщину, которую онъ встрѣчаетъ, и забывающаго ее при видѣ болѣе красивой. У Шпильгагена не замѣтно къ тому же желанія болѣе глубоко заглянуть въ психологію донъ-жуанства и философски объяснить неудовлетворенность своего героя. Онъ называетъ его загадочной натурой, такъ же, какъ и другихъ сталеживающихся съ нимъ лицъ, отличающихся то своимъ эпикурейскимъ отношеніемъ къ жизни, то своей разочарованностью. Отдавши эту дань психологіи, онъ уже не сходитъ съ своего конька, и пространно изображаетъ отношенія „знатныхъ“ и „простыхъ“. То же самое мы видимъ въ романѣ „Между молотомъ и наковальней“. Тамъ проповѣдуется незатѣйливое ученіе о томъ, что не должно быть ни притѣснителей, ни притѣсняемыхъ, что каждый человѣкъ въ своей жизни долженъ быть и молотомъ, и наковальней, т. е. пользоваться

другими и служить имъ. Подтверженіемъ этой истины должна служить полная всякихъ небылицъ жизнь Георга Гартвига, строптиваго сына таможеннаго чиновника. Онъ убѣгаетъ изъ дому, становится наковальной въ рукахъ взбаломшнаго аристократа, къ которому онъ почему то привязанъ, попадаетъ въ смиренное заведеніе, и оттуда подь вліаніемъ философа директора выходитъ, понявъ значеніе труда въ жизни. Счастье ему везетъ, какъ всѣмъ героямъ Шпильгагена. Даже семилѣтнее тюремное заключеніе превращается для него въ пребываніе подь дружескимъ кровомъ директора. Въ послѣдующей жизни ему все удается; онъ даже приобрѣтаетъ и капиталъ, и самую красивую и богатую изъ имѣющихся въ романѣ дѣвиць; другія же, менѣе прекрасныя, но возвышенныя душой, дѣвушки только томятся безнадежною любовью къ идеальному герою.

Въ романѣ „Одинъ въ полѣ не воинъ“ въ героѣ представленъ идеализированный образъ Фердинанда Лассала, причемъ фантазія романиста дѣлаетъ его совѣтчикомъ короля. Въ этомъ романѣ больше возвышенныхъ словъ и головного энтузіазма, чѣмъ въ другихъ, и это, быть можетъ, причина наибольшаго успѣха его въ свое время. Впрочемъ, и въ этомъ романѣ Шпильгагенъ не исполняетъ всего, что обѣщаетъ замыселъ. О Лео Гутманѣ постоянно говорится, какъ о блестящемъ ораторѣ и убѣдительно проповѣдникѣ, но читатель не видитъ образчиковъ этихъ талантовъ ни въ бесѣдахъ Лео съ королемъ, ни въ его отношеніяхъ къ рабочимъ.

Во всякомъ случаѣ, въ этихъ и еще нѣсколькихъ лучшихъ романахъ сказались лучшія стороны дарованія Шпильгагена, если не въ идеяхъ и герояхъ, то во второстепенныхъ типахъ и въ описаніяхъ среды. Много эпизодовъ чисто бытового характера съ интересомъ читается и теперь, не смотря на шаржъ, въ который часто впадаетъ Шпильгагенъ. Таковы, напр., описанія литературныхъ и эстетическихъ кружковъ въ „Загадочныхъ натурахъ“ или описанія быта контрабандистовъ въ „Между молотомъ и наковальной“ и т. д. Позднѣйшіе романы Шпильгагена гораздо слабѣе и, собирая всѣ ихъ въ своемъ изданіи, русскіе переводчики едва ли содѣйствовали возобновенію интереса къ Шпильгагену въ русской публикѣ.

Новый переводъ романовъ производитъ хорошее впечатлѣніе и читается легко. Переводы, помѣщенные во второй серіи, отличаются большей точностью, хотя и грѣшатъ такими неловкими выраженіями, какъ, напр.: „Мальчики сидѣли, склонившись надъ своими Софоклами“, или переводомъ слова „бюргеръ“ русскимъ словомъ „мѣщанинъ“, что вовсе не одно и то же. Въ первой же серіи встрѣчаются истинные курьезы, свидѣтельствующіе о недостаточномъ знаніи нѣмецкаго языка. Такъ, напр., извѣстное опредѣленіе дѣвочекъ-подростковъ словомъ „Backfisch“ спокойно передается переводчикомъ буквально „жаренныя рыбы“ и т. п.

Зин. Венгерова.

П. Миллюковъ. Очерки по исторіи русской культуры.

Ч. I. Населеніе, экономическій, государственный и сословный строй.
2-е изд. редакціи журнала „Мірѣ Божій“. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Русское общество не знаетъ русской исторіи. Мы смѣло дѣлаемъ это заявленіе, не боясь упрековъ въ безосновательномъ оклеветаніи русскаго общества. Присмотритесь къ господствующимъ въ такъ называемой большой публикѣ понятіямъ о главнѣйшихъ явленіяхъ нашего прошлаго, вы безъ труда отмѣтите двѣ характерныя особенности. Прежде всего—необыкновенную архаичность этихъ понятій. Нельзя сказать, конечно, чтобы ученые изысканія специалистовъ детально освѣтили намъ всѣ глубины пережитого нами историческаго процесса, напротивъ, здѣсь на каждомъ шагу встрѣчается еще очень много неяснаго и спорнаго, на каждомъ шагу открывается обширное поле для дальнѣйшихъ научныхъ изысканій. И все таки „большая публика“ страшно отстала отъ поступательнаго движенія русской исторической науки. И теперь еще не рѣдкость встрѣтить самыя наивныя представленія о наиболѣе крупныхъ, центральныхъ явленіяхъ нашей исторіи, безъ должнаго пониманія которыхъ нѣтъ никакой возможности составить себѣ приблизительно правильный взглядъ на общій ходъ русской исторической жизни.

Прямымъ слѣдствіемъ этой отсталости историческихъ воззрѣній является, далѣе, отсутствіе живого интереса къ родной исторіи.

Не общество виновато, конечно, во всѣхъ этихъ печальныхъ заблужденіяхъ. Правда, специалисты могли бы противопоставить апіорнымъ обвиненіямъ русскаго прошлаго въ отсутствіи всякаго живаго захватывающаго интереса, всякаго яркаго драматическаго движенія одно простое и вѣское соображеніе: не шумныя сцены, не эффектныя позы создаютъ истинный интересъ историческаго развитія, кромѣ внѣшняго драматизма громкихъ событій есть другой *внутренній* драматизмъ въ процессѣ исторіи, слагающійся изъ постепенной и послѣдовательной смѣны основныхъ формъ народной жизни. Загляните глубже, прослѣдите многовѣковую исторію *общихъ условій* народнаго развитія и, можетъ быть, передъ вами развернутся тогда совершенно неожиданныя и полныя поучительности картины. Такъ могъ бы сказать специалистъ, но затѣмъ ему тотчасъ же пришлось бы умолкнуть. Въ самомъ дѣлѣ, къ какимъ вниманіямъ, къ какимъ пособіямъ отъ отослалъ бы читателя-дилетанта, требующаго законнаго удовлетворенія исторической любознательности? Частью сырые матерьялы, частью отдѣльныя, разрозненныя монографіи по спеціальнымъ вопросамъ, изъ которыхъ только очень опытная рука сумѣетъ слѣпить стройную картину, вотъ все, что можно было предложить ищущимъ знакомства съ общимъ ходомъ русской исторіи. Не было ни одной книги, на страницахъ которой читатель нашелъ-бы компетентное научно-популярное изложеніе общихъ итоговъ научной разработки русской исторіи.

Кто знаетъ истинную цѣну исторической науки въ общей системѣ образованія, кто понимаетъ насущную необходимость изученія *отечественной* исторіи для сознательнаго критическаго отношенія къ окружающей современности, тотъ признаетъ вмѣстѣ съ нами что заполненіе этого

пробъла нашей литературы являлось общественной потребностью перво-степенной важности.

Книга П. Н. Милюкова „Очерки по исторіи русской культуры“, первая часть которой вышла теперь отдѣльнымъ изданіемъ, идетъ на встрѣчу этой потребности. Эта превосходная книга начинается собою новую посылу въ нашей историографіи.

Она даетъ намъ первый опытъ истиннаго научно-популярнаго изображенія всего пережитого нами историческаго процесса, она перекидываетъ первый мостъ между уединенной лабораторіей русскаго историка и его многотысячной неофициальной аудиторіей. Можно указать, конечно, и на другія попытки научной популяризаціи въ сферѣ русской исторіи. Тѣмъ не менѣе, П. Н. Милюковъ является положительнымъ новаторомъ въ этой области. Популяризація у насъ понималась очень часто въ смыслѣ пониженія требованій отъ предмета изложенія, въ смыслѣ не только количественнаго, но и качественного отбора сообщаемаго матеріала путемъ выдѣленія болѣе легкыхъ, доступныхъ, несложныхъ сторонъ. Въ частности, подъ популярной исторіей разумѣлось обыкновенно собраніе занимательныхъ разсказовъ и очень упрощенное, и потому и невѣрное, объясненіе нѣкоторыхъ наиболѣе элементарныхъ обще-историческихъ процессовъ.

Авторъ „Очерковъ по исторіи русской культуры“ поступаетъ иначе, онъ смѣло вводитъ своего читателя въ самыя нѣдра очередныхъ научныхъ проблемъ, выкладываетъ передъ нимъ безъ утайки всѣ секреты своей ученой лабораторіи. Его цѣль—поставить читателя на уровень тѣхъ выводовъ, которыхъ достигла современная историческая наука путемъ долговременныхъ и настойчивыхъ усилій. Конечно, въ книгѣ сгруппированы одни *концы* предшествующей ученой работы, изложеніе вездѣ безусловно догматично, но сообщая результаты ученыхъ изслѣдованій, авторъ неизмѣнно совмѣщаетъ доступность и общепонятность литературной формы съ строгой научностью содержанія.

Авторъ мастерски справился съ своей отвѣтственной задачей. Разносторонняя эрудиція, замѣчательное искусство выпуклой группировки историческихъ данныхъ, простое, и въ то же время чрезвычайно живое и легкое, изложеніе помогли ему восторжествовать надъ трудностями такой сложной работы, какъ сжатый сводъ основныхъ выводовъ всей предшествующей историографіи.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ работа автора еще болѣе осложнялась. Разбираемая книга, блистательно разрѣшая задачу научной популяризаціи, въ то же время какъ нельзя лучше объясняетъ намъ позднее появленіе перваго опыта этого рода. Взявъ на себя „роль посредника между спеціальной наукой и обширнымъ кругомъ образованной публики“, авторъ нѣсколько разъ долженъ былъ посредничать между публикой и самимъ собой, опираться на свои собственныя научныя изысканія. Можно, пожалуй, упрекнуть автора за то, что и въ этихъ случаяхъ онъ нисколько не смягчаетъ догматической формы своего изложенія (этотъ упрекъ особенно примѣнимъ къ III главѣ III-го очерка, гдѣ авторъ излагаетъ свою гипотезу эволюціи центральныхъ учреждений XVI вѣка, гипотезу, вызвавшую въ литературѣ нѣсколько контргипотезъ и скорѣе поставившую,

чѣмъ закрывшую спорный вопросъ), но нельзя не признать, что это введение изслѣдовательнаго элемента въ книгу, суммирующую результаты ученой разработки, вызвано было неизбѣжной необходимостью. Такъ мо-лода еще русская историческая наука!

Въ связи съ основной задачей автора стоитъ и своеобразный планъ его сочиненія. Въ рядѣ очерковъ авторъ перебираетъ одинъ за другимъ основные процессы нашей исторіи, слѣдя за ходомъ каждаго на всемъ пространствѣ нашего историческаго прошлаго. Въ составъ перваго выпуска вошли четыре очерка: населеніе, экономическій бытъ, государствен-ный строй (войско, финансы, учрежденія) и сословный строй. Съ особен-ной подробностью авторъ останавливается на первоначальныхъ стадіяхъ каждаго процесса, стараясь вскрыть его основные историческіе корни, затѣмъ, мастерски группируя факты, подчеркиваетъ основной тонъ и темпъ его дальнѣйшаго хода и въ заключеніе опять съ особенной обстоя-тельностью устанавливаетъ его конечныя слѣдствія или запоздалыя переживанія въ ряду явленій новѣйшаго времени. Такъ поставленное, изло-женіе автора получаетъ двойной интересъ и двойное значеніе. Историче-скіе экскурсы превращаются подъ перомъ П. Н. Милюкова въ живой историческій комментарий переживаемой нами современности. Если при-бавить къ этому, что каждый очеркъ сопровождается поучительной ана-логіей съ соотвѣтствующими явленіями западно-европейской жизни, мы поймемъ, какой разносторонній притягательный интересъ должно возбу-ждать чтеніе разбираемой книги. Въ авторѣ совсѣмъ не замѣтно архео-логическихъ вкусовъ, историческое явленіе интересуетъ его, не какъ мерт-вая реликвія угасшаго прошлаго, а какъ одно изъ звеньевъ непрерывнаго историческаго процесса, обнимающаго собой и воспоминанія прошлаго и злыбы настоящаго и идеалы будущаго. Въ изложеніи автора трепещуть, соперничающа другъ съ другомъ, неподкупное безпристрастіе ученаго и жи-вое гражданское чувство общественнаго дѣятеля.

Систематическое параллельное разсмотрѣніе отдѣльныхъ сторонъ исто-рическаго процесса на всемъ пространствѣ русской исторіи позволяетъ автору яснѣе и отчетливѣе представить каждую изъ этихъ сторонъ въ отдѣльности; въ то же время, изображая данное отдѣльное явленіе, авторъ всегда возводитъ его объясненіе къ общимъ условіямъ русскаго истори-ческаго развитія и вотъ почему читатель получаетъ въ концѣ концовъ не разрозненные фрагменты какого то подразумеваемаго цѣлаго, а наобо-ротъ, весьма законченную общую картину историческихъ судебъ нашей родины. Эта картина, строго научно обоснованная, наводитъ читателя на рядъ глубокопоучительныхъ размышленій. Мы усердно рекомендуемъ каж-дому читателю внимательно взглянуть въ очертанія этой картины и вду-маться въ ея смыслъ.

Авторъ подмѣчаетъ въ развитіи отдѣльныхъ сторонъ русской истори-ческой жизни нѣкоторыя общія тенденціи, вытекающія изъ основныхъ особенностей русскаго историческаго процесса и положившія рѣзкую и своеобразную печать на всѣ частности общественнаго и государственнаго быта. Совокупность этихъ общихъ тенденцій и необходимо имѣть въ виду для правильной оцѣнки любого эпизода какъ нашего прошлаго, такъ и

нашей современной общественности. Мы бѣгло пересмотримъ сейчасъ эти тенденціи.

1) Основной чертой, пронизывающей всѣ отдѣльныя стороны нашего развитія, является прежде всего *запоздалость историческаго процесса*. Эта черта одинаково свойственна какъ доисторической эпохѣ, такъ и послѣдующимъ моментамъ нашей исторіи. Гораздо позднѣе западной половины Европы русская равнина освобождается отъ сплошнаго ледяного покрова и дѣлается ареной устроительной дѣятельности человѣка. Такимъ же замедленнымъ темпомъ идетъ затѣмъ уже при свѣтѣ исторіи формированіе главнѣйшихъ племенныхъ элементовъ русскаго населенія. Наша исторія только начинается въ то время, какъ Западная Европа успѣла уже закончить процессъ передвиженія этнографическихъ массъ и „уѣлась на мѣстѣ“, по выраженію автора (VIII—IX вв.).

2) Эта запоздалость историческаго процесса объясняется взаимодействіемъ цѣлаго ряда роковыхъ *жесткихъ* условий. Русскому народу слишкомъ часто выпадало на долю не столько наступательная, сколько оборонительная роль по отношенію къ творящимъ силамъ исторіи. Намъ пришлось потратить въ прошломъ слишкомъ много времени и силъ не столько на поступательное развитіе народныхъ способностей и потребностей, сколько на разрушеніе тяжелыхъ послѣдствій неблагоприятнаго сплетенія историческихъ условий. Съ особенной яркостью отразилась эта особенность нашего развитія на основномъ фактѣ русской исторіи: на ходѣ колонизаціи русской земли. Исторія колонизаціи—скорбная лѣтопись вѣковыхъ усилій народа и государственной власти привести размѣщеніе народонаселенія хотя бы въ нѣкоторое соотвѣтствіе съ естественными условіями почвы и климата. Чтобы понять истинные размѣры этихъ усилій, достаточно спросить себя: достигнуто ли вполнѣ это соотвѣтствіе даже въ настоящее время?

3. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ выше отмѣченныхъ особенностей является *элементарность* выработанныхъ съ такими усиліями *историческихъ формъ*. Краснорѣчивой иллюстраціей этой элементарности служатъ данныя, собранныя во II очеркѣ и рисующія эволюцію экономической жизни. Лишь очень поздно земледѣльческая культура приходитъ на смѣну первобытной эксплуатаціи природныхъ, преимущественно зоологическихъ, богатствъ страны; при томъ и само земледѣліе носитъ рѣзко экстенсивный характеръ, ограничиваясь замѣной прежняго расхищенія зоологическихъ богатствъ, расхищеніемъ почвенныхъ силъ. Столь же рельефными показателями низкаго уровня экономическаго развитія являлись въ древней Россіи: исключительно домашній характеръ промышленности, первобытное состояніе путей сообщенія, караванный и ярмарочный характеръ внутренней торговли, подавляющее господство иностранныхъ капиталистовъ въ области торговли внѣшней, полная неразвитость кредита. Младенческое состояніе экономической жизни совмѣщалось съ такою же уѣченностью соціальнаго развитія. Жизнь древней Россіи не создала какихъ-либо прочныхъ основъ, на почвѣ которыхъ могли бы сложиться устойчивыя и сильныя общественныя соединенія. Общественная организація отличалась такой же элементарностью своего состава, такой же малорасчлененностью своихъ частей.

Таки слабы и ничтожны были первоначальные задатки нашего экономического и социального развития. Ихъ дальнѣйшій ростъ былъ задержанъ еще одной характернѣйшей особенностью нашего историческаго прошлаго:

4. Рѣзкой *непропорциональностью* роста государственныхъ потребностей съ естественными результатами экономического и социального развитія. Неотложныя и серьезныя государственныя потребности нависли надъ страной гораздо раньше, чѣмъ жизнь успѣла выработать надежныя средства къ ихъ естественному удовлетворенію. Эти потребности явились прежде всего въ видѣ насущной задачи военной самообороны. Бѣдной, еле оперившейся странѣ пришлось выдерживать многолѣтнюю натискъ сильныхъ внѣшнихъ враговъ, окружившихъ ее со всѣхъ сторонъ сплошнымъ кольцомъ. Народныя силы цѣликомъ уходили на удовлетвореніе самой примитивной потребности самосохраненія, эксплуатація народныхъ силъ получила такой же рѣдко экстенсивный характеръ, какъ и эксплуатація русскихъ природныхъ богатствъ.

Формы государственной и сословной организаціи явились продуктомъ принудительнаго созданія правительственной власти. Въ основу этихъ организаціи по необходимости былъ положенъ принципъ *закръпощенія* общественныхъ классовъ различными категоріямъ государственнаго тягла. Конечной задачей этихъ организаціи было поставлено не дальнѣйшее изощреніе народныхъ силъ и народнаго благосостоянія, а мобилизація всѣхъ *наличныхъ* силъ въ видахъ созданія необходимаго для самообороны войска и финансовыхъ средствъ.

Вотъ тѣ условія, которыя составили основной фонъ нашей исторической жизни и надолго затормозили успѣхи нашего матеріальнаго и интеллектуальнаго развитія. Съ половины настоящаго столѣтія картина быстро мѣняется. Послѣ крайне медленнаго роста въ теченіе вѣковъ Россія какъ бы слышитъ наверху упущенное время, „сразу двигается съ такою быстротой, которой нѣтъ ничего подобнаго въ прошломъ“. Совершается полное измѣненіе всѣхъ условій экономического быта, завершается раскрѣпощеніе общественныхъ классовъ и полное уравненіе гражданскихъ правъ и обязанностей различныхъ слоевъ населенія, перестраивается областная администрація съ передачей нѣкоторой части областныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе всесословнаго мѣстнаго самоуправления, въ кругъ управления влючаются болѣе широкія государственныя задачи подъема и развитія внутреннихъ силъ страны.

Этотъ поворотъ, знаменующій собою начало новой эры русской исторіи, какъ нельзя лучше доказываетъ намъ, что выше отмѣченныя черты нашего „старога порядка“ являлись переходящими продуктами текущихъ историческихъ условій, а не какими-либо вѣковѣчными спутниками неизмѣннаго „національнаго типа“ историческаго развитія.

Мы отмѣтили общія рамки разбираемаго труда. Нашъ очеркъ даетъ намъ лишь блѣдный намекъ на тотъ богатый матеріалъ, который ожидаетъ читателя въ самой книгѣ. Мы думаемъ, что эта замѣчательная книга является лучшимъ противовѣсомъ всѣмъ тѣмъ предубѣжденіямъ противъ интересности и поучительности русской исторіи, о которыхъ такъ часто говорятъ. Правда, она вся посвящена безшумнымъ и малозамѣт-

нымъ на первый взглядъ процессамъ народной жизни; правда, она раз-
вертываетъ передъ нами большей частью грустныя и малоутѣшительныя
картины. Тѣмъ не менѣе, пристальное изученіе этой книги должно будить
въ концѣ концовъ, на нашъ взглядъ, здоровое, бодрящее чувство.

Добросовѣстно ставя безощадный историческій діагнозъ различнымъ
недочетамъ и пробѣламъ нашего развитія, авторъ доказываетъ намъ тѣмъ
самымъ полную невозможность возрожденія стараго порядка съ исчезно-
веніемъ взрастившей его исторической основы, полную бесплодность въ
будущемъ какъ бессознательныхъ переживаній, такъ и сознательныхъ ча-
стичныхъ реставрацій этого порядка.

Книга П. Н. Милюкова оажетъ, повторяемъ, двойную услугу чи-
тающей публикѣ: освѣщая историческія судьбы русскаго народа, она
устанавливаетъ въ то же время солидную научную основу для критиче-
ской оцѣнки нашей текущей современности.

Вотъ почему, не сомнѣваясь въ широкомъ распространеніи этой за-
мѣчательной книги, мы вдвойнѣ привѣтствуемъ ея появленіе и какъ цѣн-
ный вкладъ въ нашу историческую литературу и какъ крупный фактъ
общественнаго значенія.

Ал. Кизеветтеръ.

**Культурно-историческая бібліотека. I. С. Р. Гардинеръ. Пу-
ритане и Стюарты. 1603—1660. П. О. Эйри. Реставрація Стюартовъ
и Людовикъ XIV. Отъ Вестфальскаго до Нимвегенскаго мира. Перев.
съ англ. А. Каменскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1896. Ц. 1 р. 75 к.**

Названныя два сочиненія охватываютъ болѣе трехъ четвертей XVII
вѣка, взаимно пополняя другъ друга. Этотъ историческій періодъ полонъ
глубокаго интереса и весьма поучителенъ. Это эпоха кризиса въ развитіи
англійскаго государственнаго строя. Въ наукѣ уже давно установился
взглядъ на англійскую конституцію, какъ на первоисточникъ государствен-
наго строя и политическихъ идей Западной Европы, а въ разсматривае-
мую эпоху, какъ эпоху кризиса, скрытые и неясные элементы должны
были выйти наружу и пріобрѣсти болѣе опредѣленные и рельефныя очер-
танія, а потому—представлять значительныя удобства для изученія. Великія
эпохи выдвигаютъ и великихъ людей, которые какъ бы воплощаютъ
въ себѣ характеръ времени. „Я не могу восхвалить такую добродѣтель,—
говоритъ суровый боецъ эпохи, гениальный творецъ „Потеряннаго Рая“,—
которая прячется въ своей кельѣ, ни чѣмъ не обнаруживая себя, которая
никогда не выходитъ навстрѣчу врагу, но убѣгаетъ отъ тяжелой борьбы,
награждаемой безсмертными лаврами. Именно въ такой борьбѣ, состав-
ляющей законъ жизни, и сказывается нравственное совершенство, а не
въ самосозерцаніи достигнутыхъ успѣховъ“. (Гардинеръ, стр. 172). Раз-
сматриваемая эпоха выдвинула рядъ замѣчательныхъ историческихъ фигуръ.

„Политическія учрежденія, парламенты и суды,—говоритъ Гардинеръ,
выясняя смыслъ событій,—не вырастаютъ случайно. Они существуютъ,
потому что имѣли возможность привести извѣстную пользу народу въ
предыдущіе періоды его исторіи. Такъ какъ каждое новое поколѣніе всегда
нуждается въ томъ, чего для его предшественниковъ еще не требовалось,

то возможно, что лица, облеченныя властью, будутъ сопротивляться такой перемѣнѣ или не сумѣютъ осуществить ее. Тогда является необходимость нѣкоторыхъ измѣненій въ учрежденіяхъ управленія, которыя и совершаются мирнымъ или форсированнымъ путемъ.

„Для прочности каждаго правительства,—если оно не держится, подобно древнему греческому деспотизму, только тѣмъ, что среди невооруженнаго населенія одно обладаетъ оружіемъ, или, подобно новѣйшему азіатскому деспотизму, благодаря полному равнодушію къ какой бы то ни было перемѣнѣ какъ со стороны правителей, такъ и управляемыхъ,—необходимо соблюденіе двухъ условій. Во первыхъ, долженъ существовать способъ, помощію котораго народъ могъ бы доводить до свѣдѣнія властей о своихъ желаніяхъ; и во вторыхъ, правительство должно осуществить желаемыя перемѣны.

„Цѣль нашихъ новѣйшихъ конституціонныхъ учрежденій заключается въ томъ, чтобы привести во взаимодѣйствіе народныя желанія и практическія способности правителей, но не путемъ грубой силы, а путемъ обсужденія и соглашенія“ (стр. 7—8).

Англійская исторія не знала совмѣщенія всей совокупности власти въ одной особѣ короля. Рядомъ съ прерогативами короны возвышались права парламента. Политическія смуты XV вѣка, междоусобныя войны, страшныя опустошенія и экономическія неурядицы, отразившіяся на государственномъ строѣ и потрясшія его, вызвали необходимость сильной центральной власти, осуществившейся въ монархіи Тюдоровъ, правившихъ почти съ авторитетомъ автократовъ. Генрихъ VII обходился безъ помощи парламента, хотя не посягалъ принципиально на значеніе этого учрежденія. Генрихъ VIII, отличавшійся замашками восточнаго деспота и напоминающій, во многихъ отношеніяхъ, нашего Ивана Васильевича Грознаго, силою обстоятельствъ былъ вынужденъ опираться на авторитетъ парламента, и ужъ, конечно, въ силу одного этого не могъ отрицать его. Королева-Дѣвственница была и того дальше отъ войны съ народнымъ представителемъ. Это былъ тонкій, умный дипломатъ, весьма искусно проводившій свою систему, состоявшую въ томъ, чтобы, удовлетворяя предудредительно народнымъ запросамъ, не допускать народъ до открыто выражаемыхъ желаній и требованій, и, не давая чувствовать давленія власти, ловко направлять политическую жизнь страны въ наиболѣе желательную сторону. Кто плыветъ по теченію, тотъ господинъ рѣки. Правительство Елизаветы было сильнымъ и имѣло деньги, но и парламентъ чувствовалъ себя на мѣстѣ. Жизнь страны пришла уже въ равновѣсіе, государственный строй упрочился. Сильной центральной власти не требовалось, и эта законмѣрность государственной жизни дисциплинировала политически гражданъ. Уважающіе себя, свою неприкосновенность, они привыкли заботиться о нуждахъ не только своего частнаго, но и общаго, государственнаго хозяйства. Они привыкли строго относиться къ нему и не могли допустить, чтобы кто либо, какими бы титулами онъ ни прикрывался, небрежно, а тѣмъ болѣе недобросовѣстно, обращался съ общественнымъ достояніемъ. Всякій плательщикъ (налоговъ) имѣетъ право и обязанъ знать, куда и какъ тратятся его деньги, — этотъ принципъ приобрялъ прочную осѣдлость въ сознаніи англичанъ. Между тѣмъ, въ на-

чалъ XVII столѣтія династія Тюдоровъ угасла, и на престолъ взомель родственный домъ шотландскихъ Стюартовъ, въ лицѣ Іакова I. Исторія допустила въ его лицѣ одинъ изъ нерѣдкихъ своихъ парадоксовъ. Богословъ, не лишенный способностей, извращенныхъ однако буквѣдствомъ, явившійся для политической борьбы, шотландскій принцъ съ претензіями автократа, не знакомый ни съ исторіей страны, которою былъ призванъ править, ни съ духомъ ея учреждений; человѣкъ, желавшій во все вникать и все вершить, и лишенный всякаго практическаго чутія и подготовки, и въ довершеніе всего наклонный къ фаворитизму,—вотъ бѣглый портретъ новаго короля. Началась борьба самодержавнаго принципа и народнаго представительства, приурочившаяся къ вопросамъ о субсидіяхъ, смѣняемости судей, экстраординарныхъ судахъ, отвѣтственности совѣтниковъ короля предъ представителями народа, и цѣлому ряду болѣе мелкихъ вопросовъ. Своеобразную окраску этой борьбѣ придавала религіозная нетерпимость перваго Стюарта. Палата вотпировала королямъ субсидіи; вопросъ о субсидіяхъ игралъ роль оружія въ рукахъ парламента. Іаковъ сдѣлалъ фаворитизмъ орудіемъ управленія; общины вопросъ объ отвѣтственности совѣтниковъ короны сдѣлали мишенью въ борьбѣ. Это были капитальные конституціонные вопросы. Только парламентъ дѣлаетъ налоги,—но король безъ денегъ можетъ быть лишь поворнымъ слугою народа. Совѣтники короны отвѣтственны, король же „не можетъ дѣлать зла“ и неотвѣтственъ, но это значить, что король лишается дѣйствительной власти; истиннымъ королемъ является парламентъ: отвѣтственное предъ нимъ министерство сдѣлаетъ одинъ шагъ, чтобы стать исполнительнымъ комитетомъ парламентарнаго большинства. Такова была политическая дилемма. Роспускъ парламента и самовольное взыскиваніе субсидій были средствами Іакова въ борьбѣ. Парламентъ велъ себя настойчиво и непреклонно. Борьба королевскаго правительства, терявшаго самообладаніе, приобрѣтала какой-то лихорадочный характеръ, выразившійся, между прочимъ, въ политическихъ авантюрахъ правительства Бѣкингамъ. Положеніе обострялось, но Іаковъ умеръ, и на престолъ взомель его сынъ, Карлъ I. Это былъ любопытный образецъ человѣка, который можетъ вырасти изъ среды, изъ которой явился Карлъ. Отъ отца онъ унаслѣдовалъ высокое представленіе о своемъ достоинствѣ. Въ то время, какъ въ умахъ его подданныхъ уже бродило представленіе о королѣ, какъ главѣ и представителѣ націи, Карлъ былъ склоненъ смотрѣть на народъ лишь какъ на поставщика денегъ и на объектъ для осуществленія прерогативъ своей выше данной власти. Никакихъ договоровъ, условій между королемъ и народомъ не можетъ быть. Этимъ воззрѣніемъ для Карла оправдывалось игнорированіе нравственныхъ обязательствъ передъ народомъ. Онъ споконво давалъ свое королевское слово, напередъ рѣшаясь не исполнять его, и съ холодной, мстительной жестокостью устранялъ всѣхъ, становившихся на его пути. Это не значить, что Карлъ отличался исключительной жестокостью; напротивъ, Карлъ былъ очень сдержанный, молчаливый человѣкъ, даже мнительный и нелюдимый. Легкомысленный, безпринципный Бѣкингамъ сдѣлался фактически правителемъ страны; дипломатическія и политическія авантюры продолжались;

денегъ требовалось много. Общины ихъ зря не хотѣли давать и вели настойчивую атаку противъ „совѣтниковъ“ короля, злоупотребляющихъ его довѣріемъ. Бекингамъ былъ убитъ и этимъ спасся отъ вѣроятнаго обвиненія. Замѣнившій отчасти его Строффордъ былъ даровитый честолюбецъ и черствый человѣкъ; стремленіе къ проявленію себя и презрительное недовѣріе къ народу обусловили его политическое міросозерцаніе, гласившее: все для народа, ничего черезъ народъ, а средствомъ ставили политику съ девизомъ „напроломъ“ (thorough). Карль, „ненавидѣвшій самое имя парламента“, и Строффордъ съ его девизомъ, конечно, не хотѣли уступить; но послѣднихъ не хотѣлъ, да и не могъ допустить парламентъ. Карль былъ нерѣшителенъ и эгоистиченъ. Обманывая на каждомъ шагѣ противниковъ, запутываясь въ интригахъ, онъ, въ критическую минуту, не постѣснился, въ видѣ уступки, отправить на эшафотъ даровитаго и преданнаго своего слугу, Страффорда. Король шелъ все далѣе и далѣе въ борьбѣ; и вражда разрѣшилась междуусобной войной. Народъ былъ разоряемъ и ожесточился. Общее раздраженіе вылилось въ рѣшеніе „призвать кровожаднаго человѣка Карла Стюарта къ отвѣту за пролитую имъ кровь и за большое зло, причиненное имъ дѣлу Божію и народу Божіему въ этой несчастной странѣ“ (стр. 184). Карль погибъ. Сильная власть Кромвеля была призвана упрочить завоеванія парламента. Эпоха реставраціи, не смотря на ужасы реакціи, безнравственность двора и продажность чиновничества (даже депутатовъ), въ сущности, лишь сузивъ на время сферу политической самодѣятельности и свободы, упрочила и распространила наличныя пріобрѣтенія. Это черта реакціонныхъ эпохъ, когда уровень передовой части общества понижается, какъ бы принося жертву за отсталость остальной массы. Революція 1688 года устранила недоразумѣнія, и развитіе англійской конституціи было поставлено на надежный и мирный путь.

Книга Эйри посвящена внѣшней политической и дипломатической исторіи Запада XVII вѣка; она, дополняя Гардинера, читается съ интересомъ и удовольствіемъ. Къ сожалѣнію, русскій переводъ весьма оставляетъ желать лучшаго: онъ сдѣланъ небрежно. Даже орографія не выдержана: Бекингамъ называется и Букингамомъ и Букингэмомъ, Венъ-Ваномъ; Вайтъ-Голь-Витголь, Вайтголь; bill of attainder передается на невозможномъ языкѣ *билль-Аттаиндер'а*. Переводчикъ не могъ по русски передать понятіе о *диспенсивной* власти короля, говоря о *личной*, или, какъ на стр. 102 (Эйри) переведа *dispensing power*—„властью въ его примѣненіи“ (?), что едва ли удобопонятно, и въ томъ же родѣ многое другое. Но во всякомъ случаѣ, изданіе заслуживаетъ вниманія читателей.

Ник. Козьминъ.

Г. Гиббинсъ. Промышленная исторія Англій. Перев. А. В. Каменскаго. Изд. О. Н. Поповой Спб. Ц. 80 к.

Небольшая книжка Гиббинса даетъ сжатое, но въ высшей степени содержательное, изложеніе промышленной исторіи Англій, начиная съ господства англо-саксовъ и вторженія нормановъ и кончая сороковыми

годами, когда опредѣлился современный экономическій строй Англии. Читатель имѣетъ возможность прослѣдить въ ней, какъ въ послѣдовательной смѣнѣ историческихъ періодовъ изъ страны по преимуществу земледѣльческой съ преобладаніемъ домашней системы производства Англія обратилась въ средоточіе всемірной торговли и фабричнаго капитализма.

Въ первыхъ главахъ авторъ характеризуетъ зачатки англійскаго экономическаго строя—систему помѣстій *маноровъ*, которые находились во власти „державшаго“ ихъ отъ короля или черезъ вторыя руки норманскаго лорда и были населены различно обязанными поселянами. Далѣе проходитъ передъ нами въ связи съ политическими и военными событіями XIII—XV вѣковъ ростъ городовъ и торгово-промышленнаго класса, раскрывается социальнo-экономическая основа той жизни средневѣковыхъ городовъ, которая въ такихъ яркихъ краскахъ находитъ себѣ изображеніе въ романахъ Вальтеръ-Скотта. Въ разныхъ промышленныхъ центрахъ организуются мануфактуры, регулируемыя гильдіями. Въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, основою народнаго богатства была шерсть, которая вывозилась сперва въ сыромъ видѣ, а потомъ стала перерабатываться въ издѣлія, что сдѣлалось источникомъ еще большихъ богатствъ для страны. Параллельно съ тѣмъ обрисовывается обезземеленіе крестьянства и его борьба за свои земельныя права. Вообще въ теченіе всего очерка исторія промышленности дополняется параллельнымъ описаніемъ положенія земледѣлія и сельскаго хозяйства. Получивъ новый толчекъ во время морскихъ открытій елизаветинскаго періода, англійская внѣшняя торговля быстро развивается, и вотъ къ началу XVIII вѣка, благодаря учрежденію большихъ торговыхъ компаній и выросшихъ изъ ней колоній въ Америкѣ и Индіи, Англія считается первою коммерческою страной въ мірѣ.

Такъ приходимъ мы къ моменту той промышленной революціи, которая замѣнила ручной трудъ и домашнее производство трудомъ машиннымъ и системою фабрично-заводской промышленности. Безспорно, этотъ моментъ въ промышленной исторіи Англии, которому къ тому же авторъ посвящаетъ особенно много мѣста и вниманія, имѣетъ для насъ особенный интересъ. Въ современной русской экономической дѣйствительности, несмотря на всю разницу социальнo-политическихъ условій обѣихъ странъ и историческихъ моментовъ, мы находимъ не мало аналогичныхъ явленій. И хотя это не даетъ еще намъ основанія, въ виду указанной разницы, предполагать какую либо тождественность въ процессѣ экономическаго развитія Англии и Россіи, но несомнѣнно освѣщаетъ намъ неясныя еще стороны нашей экономической жизни. Такъ, мы наблюдаемъ въ описываемый моментъ англійской промышленной исторіи преобладаніе начала *домашняго производства*, при которомъ мануфактурное дѣло велось множествомъ мелкихъ хозяевъ, выдававшихъ работу на домъ своимъ рабочимъ, которые при этомъ часто занимались и земледѣліемъ. Явленіе, которое со всѣми присущими ему признаками, застаемъ мы въ настоящее время въ крупнѣйшихъ промышленныхъ районахъ нашей Московской и Владимірской губерній. Этотъ порядокъ былъ сметенъ въ Англии вновь открытою силою пара. Авторъ описываетъ этотъ переходъ отъ

системы домашняго производства къ новѣйшей системѣ машинной индустрии, какъ совершившійся съ крайней быстротою и рѣзкостью. Великія техническія изобрѣтенія такъ быстро слѣдовали одно за другимъ, условія внѣшнихъ рынковъ были столь благоприятны, что прежнее медленное промышленное развитіе Англій смѣнилось лихорадочнымъ порывомъ впередъ, въ корнѣ измѣнившимъ экономическую жизнь страны. Процессъ обезземеленія крестьянства сталъ совершаться еще стремительнѣе, но и положеніе рабочаго класса, временно въ началѣ промышленной революціи улучшившееся, въ послѣдствіи ухудшилось на столько, что авторъ не находитъ достаточно фактовъ и описаній для характеристики всей глубины постигшихъ его бѣдствій и нищеты. И только послѣдующій культурный ростъ страны и развитіе политическаго самосознанія въ рабочихъ массахъ внесло въ ихъ положеніе значительное улучшеніе. Авторъ заканчиваетъ свою книгу указаніемъ на необходимость изученія экономической стороны исторіи. Но съ другой стороны все его изложеніе показываетъ, какъ много мѣста отводитъ онъ обратному вліянію политическихъ, національных и прочихъ причинъ на явленія жизни экономической, что съ одной стороны освобождаетъ его трудъ отъ всякаго упрека въ односторонности, съ другой дѣлаетъ его еще болѣе интереснымъ и поучительнымъ.

Т. Хиггинсонъ. Здравый смыслъ и женскій вопросъ.

Перев. и изд. Д. М. Муратова М. 1895. Ц. 1 руб. (10% съ объявл. цѣны— въ фондъ Женск. Врачебн. курсовъ).

Защита образовательныхъ, семейныхъ и общественныхъ правъ женщины противъ установившихся традиціонныхъ ограниченій и существующихъ предубѣжденій, притомъ защита, опирающаяся преимущественно на доводы здраваго разсудка,—вотъ цѣль автора разсматриваемой книги. Авторъ—американецъ и сочиненіе его относится къ 70-мъ годамъ. Съ тѣхъ поръ положеніе американской женщины значительно измѣнилось: успѣхи, сдѣланные ею въ области высшаго образованія, въ занятіи самыхъ разнообразныхъ либеральныхъ профессій, таковы, что самая необходимость отстаивать нѣкоторыя положенія, выставляемая авторомъ, падаетъ сама собою. Но для насъ его трудъ далеко не потерялъ еще своей жизненности. Развѣ среди насъ не имѣютъ обращенія доводы, опирающіеся якобы на научную почву физиологій: женщина существуетъ лишь для одной цѣли: для рожденія и вскармливанія дѣтей? Да, отвѣчаетъ авторъ, мы не должны забывать, что женщина имѣетъ организацію, отличающуюся отъ мужской, но не должны также и преувеличивать значеніе этого факта. Законы пола господствуютъ, но господствуютъ они въ своемъ собственномъ царствѣ, всегда подчиненномъ болѣе обширному царству жизненныхъ функцій. Умственные и нравственные законы затрогиваютъ насъ прежде всего и главнымъ образомъ какъ человѣческихъ существъ. Девять десятыхъ существованія обоихъ половъ одинаковы и лишь одна десятая различна. Если женщины созданы для продолженія человѣческаго рода, то, вѣдь, и мужчины созданы для этой цѣли *какъ таковыя*.

Среди разсматриваемыхъ возраженій, идущихъ со стороны противниковъ расширенія общественныхъ правъ женщины, читатель найдетъ не

мало других не менѣ ему знакомыхъ. Мы не имѣемъ возможности ихъ всё перечислить и отсылаемъ къ самой работѣ Т. Хиггинсона. Нѣкоторую долю вниманія авторъ посвящаетъ и историческимъ основаніямъ современнаго подчиненнаго положенія женщинъ, но экскурси его въ эту область даютъ отрывочный и легковѣсный матеріалъ. Можетъ быть, авторъ полагалъ, что съ доводами, исходящими отъ здраваго смысла, слѣдуетъ бороться доводами исключительно того же порядка. Но это не совсѣмъ вѣрно. Именно мнѣнія, опирающіяся якобы на здравый смыслъ, а на самомъ дѣлѣ на укоренившіяся привычки и заблужденія, ничѣмъ такъ не могутъ быть поколеблены, какъ указаніемъ на ихъ источникъ. Вообще къ недостаткамъ разсматриваемаго сочиненія слѣдуетъ отнести его резчуръ легкой тонъ. Аргументація черезъ посредство анекдотическихъ ссылокъ и цитатъ изъ разныхъ авторовъ не всегда бываетъ убѣдительно, тѣмъ болѣе, что на всякій анекдотъ и цитату можетъ быть найдена противуположная. Авторъ непрерывно ведетъ свою аргументацію, прибѣгая къ примѣрамъ, уподобленіямъ, ссылкамъ: тутъ вы найдете и школьница, и взламывателя дверей, и знакомую даму изъ Бостона и утокъ съ птичьего двора и проч. и проч.; нѣкоторые примѣры не лишены остроумія, но многіе имѣютъ довольно отдаленное отношеніе къ предмету, да и вообще не отвѣчаютъ его серьезности и значенію. Оттого же происходитъ растянутость всего сочиненія и встрѣчающіяся повторенія (такъ обычай на Азорскихъ островахъ, описанный на стр. 28, приведенъ вновь на стр. 161, какъ обычай, существующій у португальцевъ на островѣ Файаль; гл. III и XIV совершенно разнозначущи по затрагиваемой ими темѣ равенства, если не преимущества нравственной силы женщинъ по сравненію съ мужчинами). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изложеніе автора страдаетъ отъ недостатковъ перевода. Но за всѣмъ тѣмъ переводъ книги Т. Хиггинсона заслуживаетъ распространенія: въ легкомъ изложеніи она даетъ вѣрную оцѣнку многихъ предразсудковъ и заблужденій, не выдерживающихъ критики даже съ точки зрѣнія простаго, только не предубѣжденнаго, здраваго смысла.

М. Плотниковъ.

Эволюція и прогрессъ человѣка. Генри Друммонда. Переводъ съ англійскаго приватъ-доцента Московскаго Университета Н. А. Иванцова. Москва. Изданіе 2-е книжнаго магазина М. В. Клюкина. 1897 г. Цѣна 2 р. 25 к.

Ученіе объ эволюціи принадлежитъ всецѣло нынѣшнему времени. Хотя нѣкоторые выдающіеся умы прежнихъ вѣковъ, быть можетъ, и дѣлали въ своихъ произведеніяхъ нѣкоторыя догадки о подвижности существующаго міра, но они дѣлали это настолькоъ слабо и мимоходомъ, что догадки такъ и оставались догадками. Это, конечно, вполне естественно. Антиэволюціонная легенда о золотомъ вѣкѣ, извѣстная людямъ еще во времена Гезіода, до того укоренилась въ человѣческомъ мозгу, что и въ наше время нерѣдко приходится слышать, что „въ старину живали дѣды веселѣй своихъ внучатъ“, что въ старину и солнце ярче свѣтило и малина по воробю была, или же что міръ какимъ былъ, такимъ и остался, и

что плетью обуха не перешибешь. Чѣмъ люди менѣе культурны, тѣмъ меньше ихъ способности въ критику и тѣмъ охотнѣе они считаютъ міръ такимъ, какимъ онъ представляется при поверхностномъ наблюденіи.

Возрѣніе на міръ, какъ на нѣчто неподвижное, законченное, было настолько прочно, что первая попытка эволюціонистовъ выкинуть свое знамя окончилось полнѣйшей неудачей. Знаменитый Кьюве въ своемъ спорѣ съ Жофруа Сентъ-Иллеромъ выдвинулъ такую массу фактовъ противъ юной теоріи измѣняемости видовъ, что пионеры эволюціонизма были разбиты. Но прошло сравнительно немного времени, и естественныя науки развились настолько, что эволюціонисты снова подняли головы и изъ побѣжденныхъ сдѣлались побѣдителями. Дарвинъ и Уоллесъ независимо другъ отъ друга и одновременно подмѣчаютъ рядъ фактовъ и создаютъ блестящую теорію происхожденія видовъ животнаго и растительнаго царствъ. Несмотря на взрывъ негодованія, который раздался изъ лагеря обскурантистовъ, считавшихъ эту теорію богохульной, а ея творцовъ за крайнихъ нечестивцевъ, идея эволюціонизма не ограничилась тѣсными рамками, отведенными ей въ началѣ, но, развиваясь съ каждымъ годомъ завоевывала все новыя и новыя области. Совершалась, такъ сказать, эволюція теоріи эволюціи.

Но по мѣрѣ торжества эволюціи, въ самой средѣ ея приверженцевъ стали возникать споры. Царство науки черезъ чуръ велико, чтобы возможно было всюду сохранить согласіе. Разсматривая различныя области мірозданія, ученые всегда наталкивались на множество новыхъ фактовъ, которые требовали объясненія и поправокъ къ прежнимъ теоріямъ.

Въ настоящее время намъ приходится имѣть дѣло, именно, съ однимъ изъ такихъ ученыхъ, извѣстнымъ англійскимъ профессоромъ Генри Друммондомъ. Русскою читающей публикѣ Генри Друммондъ извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ авторъ маленькой брошюрки подъ названіемъ „Самое великое въ мірѣ“. Эта брошюрка представляетъ собой восторженный и вдохновенный гимнъ въ честь альтруизма. Отголоски этого гимна звучать и въ лежащей передъ нами книгѣ. Это составляетъ ея привлекательную сторону и вмѣстѣ съ тѣмъ ея недостатки.

Истинный ученый, наблюдая факты въ изучаемой имъ области, старается находить имъ объясненіе и создаетъ теорію, основанную на сдѣланныхъ имъ наблюденіяхъ. Если какіе-либо замѣченные факты являются необъяснимыми или возникшіе въ умѣ вопросы не находятъ отвѣта, — истинный ученый отвѣтитъ безъ колебанія: я этого не знаю, или я не могу это объяснить. Но сознаваться въ своемъ незнаніи представляетъ не малый подвигъ для человѣческаго самолюбія. На этомъ пути cadaquo человекъ сторожитъ сильное искушеніе создать хоть какую-нибудь, хоть самую шаткую, теорію, лишь бы она объяснила необъясненные факты. Еще сильнѣе бываетъ искушеніе, когда приходится отстаивать какую-нибудь излюбленную теорію, которую хотятъ подточить и разрушить волны новыхъ фактовъ.

Такое искушеніе выпало на долю Генри Друммонда, и онъ оказался недостаточно сильнымъ, чтобы противостать ему. Эволюціонизму былъ поставленъ вопросъ, какъ объяснить появленіе моральныхъ идей, идей, которые дерзаютъ вмѣшиваться и измѣнять общій строй жизни, основанный,

какъ говорятъ, всецѣло на борьбѣ за жизнь. На такой вопросъ наука отвѣчала незнаніемъ. Но Генри Друммондъ считаетъ, что отговариваться незнаніемъ уже нельзя, что существуютъ факты, которые служатъ отвѣтомъ на поставленный вопросъ. Затрудненіе въ отвѣтѣ, по мнѣнію Друммонда, происходитъ только потому, что въ основаніи эволюціи органическаго міра кромѣ борьбы за жизнь лежитъ еще одинъ факторъ, до сихъ поръ незамѣченный учеными. Присутствіе этого фактора и объясняетъ вполне появленіе моральныхъ идей и ихъ внимательство въ судьбу міра. Этотъ могучій и до сихъ поръ незамѣченный факторъ есть *борьба за жизнь другихъ*.

Дѣло въ томъ, что этико-религіозные взгляды Друммонда не позволяли ему примириться съ борьбой за жизнь, какъ съ единственной силой, движущей міръ. Несмотря на всѣ придуманныя добрыми людьми смягченія рѣзкихъ красокъ этой батальной картины, борьба за жизнь однимъ своимъ названіемъ тревожила идиллически настроенное сердце мирнаго ученаго. Его мозгъ работалъ надъ еще большимъ смягченіемъ этой картины, и въ результатъ появилось дѣтище очень пріятное, но подозрительнаго происхожденія, появился новый факторъ эволюціи „борьба за жизнь другихъ“.

Для того, чтобы поставить рядомъ съ такимъ могучимъ факторомъ эволюціи, какъ борьба за жизнь, поставить „борьбу за жизнь другихъ“ и сказать, что эти факторы равносильны, — для этого надо имѣть не мало смѣлости. Но сказать еще не значитъ доказать. Для доказательства одной смѣлости недостаточно, и Друммондъ употребляетъ всѣ свои далеко не малыя силы, чтобы заставить читателя повѣрить, что эгоизмъ и альтруизмъ близнецы и что вліяютъ они на міръ одинаково сильно. Доказываетъ это Друммондъ не всегда одинаково успѣшно. Самый благорасположенный къ автору читатель не можетъ не усумниться въ справедливости мнѣній автора, когда прочтетъ, что въ сѣмянной шелухѣ выражается борьба за жизнь другихъ въ растительномъ царствѣ; т. е. что растеніе борется за жизнь своихъ сѣмянъ. Прибѣгая къ подобнымъ натяжкамъ, авторъ старается подкупить читателя своимъ искреннимъ пафосомъ и пламеннымъ краснорѣчіемъ. Можетъ быть, это ему и удается, хотя и пафосъ и краснорѣчіе не спасутъ черезъ чуръ смѣлыхъ парадоксовъ.

Странное впечатлѣніе производитъ III глава введенія „почему эволюція была избрана способомъ творенія“? Вопросъ „почему“ не совсѣмъ то подходитъ для ученаго. Но этотъ вопросъ намъ станетъ понятенъ, если мы вспомнимъ склонность англичанъ къ теологіи. „Отвѣтъ современной естественной теологіи, говоритъ Друммондъ, былъ тотъ, что эволюціонный способъ является безконечно болѣе достойнымъ. Мгновенный актъ отзывается волшебствомъ: какъ простое проявленіе силы онъ указываетъ на низшую природу; между тѣмъ какъ процессъ роста внушаетъ разуму представленіе о работѣ интеллигентнаго ума“. Какъ-то даже странно читать у солиднаго профессора такія дѣтскія и не идущія къ дѣлу разсужденія. Между тѣмъ въ книгѣ почтеннаго автора внимательный читатель можетъ найти много вполне вѣрныхъ и оригинальныхъ мыслей и мѣткихъ сравненій.

Въ одномъ изъ тургеневскихъ стихотвореній въ прозѣ говорится, что любовью и голодомъ создается и управляется земная жизнь. Друммондъ вы-

ражаетъ приблизительно эту же мысль, говоря, что „двѣ главныя дѣятельности всего живущаго суть питаніе и воспроизведеніе“. Питаніе это эгоизмъ, воспроизведеніе — альтруизмъ, и на этой канвѣ, пользуясь своими глубокими познаніями въ области естественныхъ наукъ и съ помощью недюжиннаго краснорѣчія, авторъ выводитъ желательные ему узоры, рассказываетъ исторію развитія человѣческаго тѣла и ума и, прослѣдивъ за первыми проблесками общественности, онъ искусно сплетаетъ ученіе объ эволюціи съ христіанствомъ и старается доказать, что „христіанство не началось въ христіанскую эру, что оно такъ же старо, какъ природа“. Такимъ путемъ можно, конечно, доказать, что угодно; назвать вещь не своимъ именемъ и производить дальнѣйшія логическія выкладки. Только если этимъ путемъ и можно кого-нибудь убѣдить, то только на очень короткое время.

Несмотря на перечисленные нами недостатки книги Друммонда, чтеніе ея не лишено интереса: обширная эрудиція автора заставляетъ читателя относиться со вниманіемъ даже къ парадоксамъ, а краснорѣчіе и страстность, съ которой авторъ доказываетъ свои положенія, держатъ мозгъ читателя въ постоянномъ возбужденіи. Читая Генри Друммонда, нужно постоянно быть на сторожѣ, чтобы не поддаться убѣдительнои силѣ его разсужденій. Между строкъ всюду чувствуется благородная, страстно увлекательная личность автора съ его порывами, идеалами и ошибками. Но, сколько бы онъ не ошибался, чтеніе его произведеній будетъ всетаки не бесполезно, какъ не бесполезно изученіе ошибокъ крупнаго ума.

Лучше быть съ умнымъ, хотя и ошибающимся, человѣкомъ, чѣмъ съ безошибочной посредственностью. Что касается перевода, то онъ, къ сожалѣнію, заставляетъ желать очень многого.

А. Хирьяковъ.

Джонъ Леббокъ. Начало цивилизаціи и первобытное состояніе чело-
вѣка. Умственное и общественное состояніе дикарей. 2-е изданіе
(М. Ледерле) исправленное и дополненное по 5-му англ. изд. подъ
ред. Д. Коропчевскаго. Стр. 369, ц. 2 р. 50 к.

Что такое цивилизація и что такое ея начало? Цивилизація есть та сложная сѣть взаимныхъ отношеній между людьми, въ петли которой мы попадаемъ противъ собственной воли уже при самомъ появленіи на свѣтъ; въ теченіи собственной жизни мы нечувствительно и большею частью безознательно воспринимаемъ разныя „блага“ ея и даже въ силу неизбѣжнаго закона сами способствуемъ дальнѣйшему росту и усложненію ея отношеній. „Блага“ эти одни благословляютъ, а другіе проклинаютъ, но благословляющіе обыкновенно лишь пользуются ими, не производя ихъ, а проклинающіе по большей части лишь производятъ ихъ и въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ возможности наслаждаться ими. Свой сомнительный характеръ цивилизація сохраняетъ для чело-
вѣка до сихъ поръ, и вѣроятно еще долго „блага“ ея будутъ представлять собою спорный вопросъ. Самые замѣчательные мыслители и социальныя реформаторы пытались разрѣшить смыслъ ея и опредѣлить, насколько чело-
вѣкъ подвластенъ ея стихійному теченію, насколько онъ

господить надъ создающими ее условіями, и въ какой мѣрѣ въ правила нравственной нравственности можетъ быть внесенъ элементъ разумности. Попытки осмыслить цивилизацію или разныя системы цивилизацій исходятъ обыкновенно изъ представленія о высшей дѣятельности, о высшемъ назначеніи, о великой цѣли, къ которой направлена жизнь міра и дѣятельность человѣка. Въ этомъ случаѣ человѣкъ исходитъ изъ своего внутренняго міра: прислушиваясь къ тихому голосу совѣсти, къ смутнымъ чувствованіямъ, которыя заложены въ его душу невѣдомыми ему силами, человѣкъ пытался возвести требованія ихъ въ универсальное правило, въ теорію общечеловѣчности и государственности. При этомъ онъ иллюстрировалъ свои ауриорныя положенія ссылками на природу и на дикаго человѣка, состояніе котораго онъ почему то представлялъ себѣ чѣмъ то особымъ, чѣмъ то естественно противоположнымъ состоянію человѣка цивилизованнаго. По мѣрѣ развитія знаній, опредѣляющія жизнь природы и человѣка нормы постепенно передвигались, пока не оказалось, что онѣ лежатъ не внутри, а внѣ его, что предполагаемая власть разума распадается въ прахъ предъ всевластными велѣніями чего то такого, что не есть природа, что не представляетъ собою матеріальнаго предмета, что хотя создается человѣкомъ, однако ускользаетъ отъ вліянія каждой отдѣльной личности. Это нѣчто и есть цивилизація. Но лишь только попытались опредѣлить сущность составляющихъ ее элементовъ, какъ оказалось, что цивилизація вовсе не начинается съ того момента, какъ Аѳина подарила человѣку масличное дерево, какъ Церера научила его земледѣлію или когда Нума Помпильій писалъ свои законы подъ диктовку нимфы Эгеріи. Оказалось, что начало цивилизаціи скрыто во мракѣ прошлаго за тою непроницаемою завѣсью, за которой человѣкъ совершилъ свое превращеніе изъ животнаго въ горворящее и болѣе или менѣе разумное существо. Человѣческія отношенія въ настоящее время въ основныхъ своихъ чертахъ болѣе или менѣе ясны намъ. Мы сознаемъ и ужасаемся при видѣ нашего положенія, при видѣ нашей цивилизаціи, которая пользуется тысячами людей съ такимъ же хладнокровіемъ, съ какимъ она заставляетъ служить себѣ миллионы тоннъ желѣза въ видѣ фабричныхъ машинъ, желѣзныхъ дорогъ, мостовъ и тому подобныхъ орудій прогресса. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, какъ измѣнить къ лучшему матеріальное и нравственное состояніе своихъ ближнихъ, обратимся лучше къ тому, каковымъ образомъ объяснить себѣ развившееся могущество цивилизаціи.

Появленіе ея весьма скромное. Она начинается въ области біологій, начинается съ умѣнія обхватывать предметъ пальцами руки, пользоваться имъ въ качествѣ орудія или оружія; она начинается со скромнаго желанія украсить свое голое тѣло какими нибудь бездѣлушками въ родѣ палочекъ въ ноздряхъ, разныхъ затѣпливыхъ шрамовъ на щекахъ, на груди, съ желанія заставить на себя работать женщину или захваченнаго у сосѣдняго племени раба. Изъ семейныхъ отношеній, если только этимъ именованъ можно назвать институтъ первобытнаго брака, вырастаютъ разныя иныя. Привычка быть вмѣстѣ приводитъ къ безсознательному усвоенію различныхъ правилъ поведения, разныхъ обычаевъ, закрѣпляемыхъ сперва привычкою, языкомъ, а затѣмъ и физиологическимъ процессомъ наслѣдственности. Личность и включающая ее общественная

группа живутъ пока въ полномъ и глубокомъ мирѣ. Главную роль, не смотря на силу, доставляемую принципомъ ассоціаціи, все еще играетъ личность. Она вноситъ свои индивидуальныя черты, свои открытія въ области техники жизни въ общую сокровищницу и слабо пока чувствуетъ надъ собою гнетъ общества, ибо общество невелико, привычки жизни несложны, а кругомъ простирается гостепріимная природа, готовая принять въ свое лоно отщепенца индивидуалиста-дикаря. Но съ теченіемъ времени картина измѣняется. Общества становятся многочисленнѣе: имѣтно, они живутъ другъ возлѣ друга точно многогранныя клѣтки каковой нибудь ткани, сдавленной тѣснымъ объемомъ своего распространенія. Давленіе это распространяется вглубь каждой общины и приводитъ къ разнообразнымъ и глубокимъ метаморфозамъ, въ результатѣ которыхъ путемъ гибели множества недѣлимыхъ создаются такія прочныя отношенія, разорвать или осмыслить которыя не по силамъ среднему индивиду. Чѣмъ далѣе, тѣмъ усложненіе растетъ все сильнѣе и сильнѣе, темпъ жизни становится напряженнымъ, и формы борьбы при вѣшнемъ благоприличіи достигаютъ наибольшей силы своего истребительнаго дѣйствія. И нельзя сказать, чтобы мотивы борьбы были всегда непохвальными — жаль только, что объ этомъ не въ состояніи судить принесенные ей въ жертву люди. Такъ, Американская междоусобная война между Сѣверными и Южными Штатами обошлась Америкѣ въ миллионъ человѣческихъ жизней, не считая миллионновъ долларовъ, затраченныхъ на войну. Но что эти жертвы въ сравненіи съ освобожденіемъ нѣсколькихъ миллионновъ людей отъ рабства, если только неправы многіе пессимисты, утверждающіе, что свобода рабовъ стояла здѣсь на второмъ планѣ, а что суть заключалась въ томъ, что Сѣверные Штаты не могли выносить соперничества рабскаго труда и потому силой заставили своихъ соперниковъ прибѣгнуть къ инымъ приемамъ производства. Съ объективной точки зрѣнія трудно судить, чѣмъ эта трехлѣтняя бойня отличается отъ стычки дикарей, пришедшихъ во взаимное столкновеніе вслѣдствіе нѣсколько неопредѣленнаго желанія ихъ вождя отвѣдать человѣчьяго мяса или приобрести себѣ еще одну жену.

Итакъ, начало и конецъ цивилизаціи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходны, въ другихъ несходны: и тамъ и здѣсь борьба за личныя блага; тамъ борьба слабоорганизованная, здѣсь борьба пускаетъ въ ходъ всѣ изобрѣтенія мысли. Тамъ личность сидитъ рыло среди остальныхъ себѣ подобныхъ, здѣсь она стиснута до потери всякаго представленія о собственномъ состояніи. Тамъ вопросы цѣлаго существуютъ въ качествѣ потенциальныхъ задачъ будущаго, здѣсь будущее подвергается разграбленію въ цѣляхъ обогащенія настоящаго, ибо что такое всѣ наши общественныя займы, какъ не взваливаніе расплаты на имѣющихъ появиться въ будущемъ людей, которымъ въ добавленіе ко всѣмъ приобрѣтеннымъ цивилизаціей капиталамъ предлагаются на разрѣшеніе вѣчно отодвигаемые въ сторону вопросы всеобщаго благополучія.

Биологія и социологія весьма важны для уясненія всей совокупности общественныхъ явленій.

Только изученіе генезиса явленія способно открыть намъ возможность понять его современную сущность и опредѣлить, хотя бы въ са-

мыхъ общихъ чертахъ, его предполагаемыя контуры въ будущемъ. Въ „этомъ отношеніи изученіе быта дикаго человѣка прямо неопѣнимо. Мы непосредственно наблюдаемъ у нихъ происхожденіе или зародышъ всякаго общественнаго фактора, приобретающаго современнымъ непостижимо громадное значеніе. Такъ, мы живемъ семьями, мы имѣемъ родственниковъ, но вѣдь и первобытный человѣкъ жилъ семьей, живетъ ею и дикарь; спрашивается, каковыя же измѣненія подверглись эти приемы жизни въ процессъ своего развитія и каковыя отвѣтвенія дали они отъ себя во всѣ стороны. Вѣдь судъ, государственная власть, религія—словомъ все росло такимъ же образомъ, и какъ же понять ихъ прошлое и будущее, если не имѣть подъ руками достаточный матеріалъ.

Много такого матеріала доставляетъ намъ книжка Леббока. Она посвящена главнымъ образомъ описанію состояній дикарей, причѣмъ многочисленные примѣры иллюстрируютъ мнѣнія автора о происхожденіи того или иного явленія. Для читателя, желающаго ознакомиться съ первобытнымъ состояніемъ человѣка, она составляетъ весьма полезное руководство, ограничиться которымъ однако не слѣдуетъ въ виду существованія многихъ спорныхъ вопросовъ, на которые другіе ученые (напр. Магъ Леннанъ, о порядкѣ развитія формъ брака) смотрятъ нѣсколько иначе.

Н. Березинъ.

А. Ломанъ. Современное ученіе о государственной власти. Москва. 1896. 58 стр. Ц. 50 к.

Характеръ настоящей книги выясняется читателю съ первыхъ же страницъ ея: пренебрежительное отношеніе къ ученымъ, которымъ человѣчество обязано глубокими и плодотворнѣйшими идеями (напр. къ Монтескье, стр. 5), почти всегда бездоказательность сужденій, неточность или невѣрность тѣхъ немногихъ фактовъ, на которые ссылается авторъ (напр. на той же стр. неизмѣняемость конституціи Соед. Штатовъ Сѣв. Америки).

Первое впечатлѣніе, производимое книгою, на столько рѣзко, что дочитать ее до конца можно заставить себя только ради того, чтобы познакомиться съ книгою на столько, чтобы имѣть право говорить о ней и предостеречь отъ нея тѣхъ, кто бы могъ прельститься интересомъ, представляемымъ вопросомъ, которому посвящена настоящая книга, или ея доступною цѣною.

Общій планъ книги довольно строенъ: авторъ сначала подвергаетъ критическому обзору ученія, существующія въ настоящее время по вопросу о государственной власти, и потомъ развиваетъ свою собственную теорію.

Но читатель напрасно надѣялся бы вынести изъ этого разбора какія либо свѣдѣнія о томъ, какія существуютъ научныя теоріи по этому вопросу, и которыя изъ нихъ пользуются теперь наибольшимъ признаніемъ. Имена ученыхъ представителей разбираемыхъ теорій обыкновенно не приводятся. Всего цитировано около 12 именъ; причѣмъ тѣмъ немногимъ ученымъ, которые упоминаются въ книгѣ, зачастую приписываются мнѣнія или прямо обратныя тѣмъ, которыя ими были высказаны (Лабандъ и Иеллинекъ—стр. 52—по вопросу о возможности ограниченія госуд. власти),

или мнѣнія, просто не имѣющія ничего общаго съ ученіемъ даннаго лица (М. Зейделю приписано ученіе о томъ, что государство создается путемъ общественнаго договора, стр. 17). Всѣ разсматриваемыя теории разбиты авторомъ на 6 группъ. Не будемъ останавливаться на неясности той точки зрѣнія, исходя изъ которой, авторъ построилъ свою классификацію, или на неполнотѣ этой послѣдней, но, чтобы дать представленіе о критическихъ достоинствахъ книги, выпишемъ цѣлкомъ то, что говорится о какой нибудь одной изъ указанныхъ группъ. „4. Другая неясность въ понятіи о государственной власти вызывается тѣмъ, что ее отдѣляютъ отъ государства и переносятъ на одинъ какой либо изъ элементовъ, входящихъ въ составъ государства, т. е. государственную власть переносятъ на князя или на народъ, или дѣлятъ ее между тѣмъ и другимъ, или, наконецъ, ищутъ ее внѣ государства въ какомъ нибудь этическомъ или релігиозномъ принципѣ. Такъ нерѣдко трактуютъ о власти князя, народа, о власти справедливости, совѣсти, человѣчности, права, *iusfragio univergalis* и т. п. Лишеніе государства принадлежащей единственно ему власти въ угоду извѣстнымъ элементамъ и принципамъ простительно развѣ потому, что теоретики эти не вѣдаютъ, что творятъ. Болѣе серьезные изъ указаннаго ряда взглядовъ принадлежатъ къ области спекуляціи, имѣющей своею цѣлью вставить въ матеріальные предѣлы государственную власть. Менѣе серьезные—не имѣютъ никакой цѣли, а просто обнаруживаютъ непониманіе государственной власти. Какъ тѣ, такъ и другіе не подлежатъ здѣсь критикѣ“. (Стр. 11—12).

Сомнѣваясь въ существованіи языка, на которомъ возможно было бы выраженіе *iusfragio univergalis*, мы утверждаемъ, что нѣтъ научныхъ теорій, согласно которымъ государственная власть принадлежала бы справедливости, совѣсти, человѣчности. Что же касается теорій ученыхъ Франціи и Соед. Штатовъ Сѣв. Америки, которые обыкновенно приписываютъ государственную власть народу, или теоріи М. Зейделя, выдающагося и, пожалуй, наиболѣе уважаемаго публициста Германіи, который считаетъ, что госуд. власть принадлежитъ государю, то для пониманія этихъ теорій приведенная выдержка не даетъ ничего ровно.

На какомъ основаніи этому „роду взглядовъ“ приписана цѣль „вставить въ матеріальные предѣлы государственную власть“, и что это за цѣль, намъ совершенно непонятно.

Мы не станемъ слѣдить за развитіемъ авторомъ его собственной теоріи. По нашему мнѣнію, она сама интереса не представляетъ, связь между отдѣльными мыслями автора читателю не всегда ясна (стр. 42—43.), и самыя мысли его формулированы имъ не всегда удобопонятно. Напр. „правовое государство“ одно изъ понятій, представляющихъ для теоріи автора особое значеніе, опредѣлено такъ: „правовымъ государствомъ можетъ считаться государство, связь эгоизма котораго обусловливается волею и чистымъ разумомъ, развившимся изъ инстинкта и практическаго ума, а не всякое государство, въ которомъ есть парламентъ, созданный теоретиками“ (стр. 34). Напомнимъ читателю, что на самомъ дѣлѣ правовымъ государствомъ называется такое, организациа котораго обезпечиваетъ права гражданъ отъ нарушенія не только частными лицами (посредствомъ гражданскаго, уголовного суда и полиціи), но и самими органами

власти (посредствомъ ответственности чиновниковъ, административной юстиціи).

Мы думаемъ, что не заслужимъ упрека въ несправедливомъ отноше-
ніи къ разбираемой книгѣ, если скажемъ, что помимо непонятности изло-
женія, она абсолютно безсодержательна для человѣка, изучавшаго во-
просъ, которому она посвящена, и что затѣмъ книга эта способна вну-
шить самыя превратныя представленія о современныхъ теоріяхъ государ-
ственнаго права читателю, съ ними до того не знакомому.

Н. Лазаревскій.

Народный театръ. Сборникъ. Изд. Е. Лавровой и Н. Попова. М.
1896 г. Ц. 2 руб.

Русская интеллигенція очень странно относится къ народу. Одна часть, не порвавшая еще вполне съ привычками временъ крѣпостного права, относится къ нему пренебрежительно, какъ къ черной кости, другая, до-
вольно сходная съ первой, по своимъ тенденціямъ, проповѣдуетъ, что на-
родъ избаловался, что его надо подтянуть, пошире распространивъ на
него вліяніе отеческой власти, наконецъ, третья, и къ счастью самая
большая, часть, напротивъ того, признаетъ въ немъ себя подобнаго, ищетъ
сближенія съ нимъ. Но и среди этой категоріи русскихъ интеллигентовъ
есть много фракцій. Мы не будемъ здѣсь перечислять ихъ: всѣмъ извѣстны
пресловутыя хожденія въ народъ, преображенія европейскаго человѣка
въ тулунника, проливаніе слезъ умиленія при словѣ народъ и т. п. край-
ности, вытекавшія прежде всего изъ совершеннаго непониманія народа,
его нуждъ и интересовъ. Эта пора прошла, смѣнившись стремленіемъ по-
ближе узнать русскаго крестьянина и придти ему на помощь дѣятель-
нымъ, безъ примѣси сентиментальности, отношеніемъ къ его жизни. Это
теченіе несомнѣнно характеризуетъ девяностые годы. Но проявленія
его тѣмъ не менѣе недостаточно сильны, даже скорѣе слабы. Они носятъ
на себѣ всѣ характерные признаки славянской природы и русскихъ условій.
Въ большинствѣ случаевъ дѣло помощи народу ограничивается одними
сѣтованіями и разговорами, особенно въ области удовлетворенія духов-
ныхъ нуждъ русскаго народа. Со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы на
ужасающее невѣжество народа, его повальное пьянство, бѣдность, про-
исходящую отъ темноты, отсутствія средствъ бороться съ этой умствен-
ной тьмой. Но стеченіе многихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ,
индифферентизмъ тѣхъ, которые могутъ многое сдѣлать, неумѣніе или не-
возможность взяться за дѣло тѣхъ, кто можетъ и хочетъ что нибудь сдѣ-
лать, и въ результатѣ все по прежнему: —заграницей народъ приобщается
къ университетской наукѣ, у насъ онъ не знаетъ грамоты, тамъ на каж-
домъ шагѣ къ услугамъ народа бібліотеки, читальни, клубы, общенія, вся-
кія развлечения—театры, концерты, у насъ многое изъ этого совсѣмъ от-
сутствуетъ, а что есть, то насчитывается единицами или сотнями, вмѣсто
тысячъ и десятковъ тысячъ. Открытіе каждой жалкой бібліотеки мы от-
мѣчаемъ какъ радостное событіе: и не мудро: врагъ такъ силенъ, а сила
для борьбы съ нимъ такъ мало. Среди такихъ средствъ борьбы съ народной
темнотой въ послѣднее время особенно пропагандируется народный театръ.

И съ этимъ нельзя не согласиться. Нашъ народъ страдаетъ не только отъ отсутствія грамотности, но и отъ совершенной неустроенности его жизни, отъ невозможности удовлетворить естественной потребности отдохнуть, провести время послѣ тяжелой и изнурительной работы. Пока для русскаго крестьянина одна дорога—кабакъ, куда онъ и преисправно направляется каждый праздникъ, каждую свободную минуту. Кабакъ—это его наибольшая отрада, но и наибольшее несчастье. Здѣсь увеличивается его невѣжество, его бѣдность—и онъ не рѣдко доходитъ подъ вліяніемъ этого увеселенія до озвѣрѣнія и нищеты. Какъ велико бѣдствіе, представляемое для русскаго народа кабакомъ, конечно, нѣтъ надобности говорить. Съ нимъ необходимо бороться всевозможными способами. Однимъ изъ такихъ способовъ, на нашъ взглядъ, весьма дѣйствительнымъ представляется театръ и потому именно, что онъ въ то же время можетъ быть и развлеченіемъ, и просвѣтительнымъ орудіемъ. Нельзя, конечно, къ труженику-крестьянину или рабочему подходить съ «поученіями», когда онъ ищетъ отдыха и удовольствія. Народъ, какъ и всѣ мы, нуждается въ развлеченіяхъ. Задача интеллигенціи въ томъ и заключается, въ этомъ отношеніи, чтобы доставить народу здоровыя, разумныя развлеченія. Что театръ, при правильной его постановкѣ, можетъ быть разумнымъ развлеченіемъ, можетъ быть великой школой жизни, объ этомъ, конечно, нѣтъ спору. Спорнымъ можетъ быть лишь для нѣкоторыхъ вопросъ, въ состояніи ли выполнить всѣ эти задачи театръ для народа.

Вполнѣ утвердительный, серьезный и всесторонній, отвѣтъ на этотъ вопросъ, даетъ предлагаемая вниманію читателя книга «Народный театръ». Она явилась вполнѣ своевременно, потому что есть почва, на которой можно сѣять и есть что сѣять. Единичныя попытки, дѣлавшіяся въ послѣднее время, въ области устройства народнаго театра, обратили на это большое дѣло вниманіе общества,—поле подготовлено,—но этихъ попытокъ еще мало, сочувствіе къ нему еще не достаточно распространено, поле народнаго театра еще довольно пустынно, нужны энергичные и умѣлые сѣятели, чтобы получилась сейчасъ хоть какая нибудь, а въ будущемъ обильная, жатва.

Разсматриваемая нами книга и можетъ сослужить большую службу. Она обратитъ вниманіе на народный театръ тѣхъ, кто съ нимъ не знакомъ, придастъ бодрости и духу тѣмъ, кто ему сочувствуетъ и двинетъ на дѣло тѣхъ, кто имѣетъ возможность и желаніе имъ заняться. Но и тутъ, какъ и во всякомъ дѣлѣ, мало желанія, добраго намѣренія, нужно умѣнье какъ за него взяться, какъ къ нему приступить. И съ этой точки зрѣнія названная книга будетъ чрезвычайно полезна, такъ какъ заключаетъ въ себѣ богатый матеріалъ по исторіи народнаго театра въ Россіи (Первая выставка народнаго театра. Обзоръ выставки. Первый народный театръ въ Одессѣ), даетъ много цѣнныхъ практическихъ указаній (какъ была поставлена комедія Мольера «Жоржъ Дандень» Е. Лавровой) выясняетъ точку зрѣнія на то, что должно служить содержаніемъ для репертуара народнаго театра (въ весьма обстоятельной статьѣ Н. Попова, о репертуарѣ народнаго театра). Нельзя не упомянуть также о весьма цѣнной сторонѣ сборника—именно о библиографическомъ его отдѣлѣ, въ которомъ приведенъ указатель статей и книгъ о народномъ театрѣ, дешевыхъ и народныхъ изданій театра.

блаженной памяти схоластики съ ея вычурными приемами мышления и изложения, во-вторыхъ разныхъ сортовъ и видовъ „диркуляры“, — этотъ могучій двигатель всего вообще и образовательнаго дѣла въ частности. Чтобы не ходить далеко, мы дадимъ примѣры того и другого. Прямо изъ „тетрадокъ“ взято, по нашему мнѣнію, слѣдующее (стр. 5): „Существуетъ мнѣніе, отрицающее нужду въ раздѣленіи цѣлей обученія на формальную и матеріальную и находящее это раздѣленіе устарѣлымъ. Но оно стоитъ въ связи съ исключительными (?) психологическими теоріями и имѣетъ подъ собою въ основаніи или матеріалистическое отрицаніе души человѣка, всю душевную жизнь производящее изъ внѣшняго ощущенія, или то мнѣніе Локка, что душа наша не имѣетъ въ себѣ никакихъ прирожденныхъ, самому существу ея природы принадлежащихъ свойствъ и есть сама по себѣ *tabula rasa*... Такъ какъ нельзя согласиться ни съ матеріалистическими сужденіями объ основахъ душевной жизни человѣка, ни съ устарѣвшею уже Локковскою теоріею о природѣ души, которая не можетъ же быть лишена всякихъ прирожденныхъ свойствъ, разъ она субстанціональна, то само собою слѣдуетъ, что и цѣли обученія могутъ быть двойкія!.. По истинѣ глубокомысленно и, главное, совершенно очевидно. Но схоластики, кромѣ глубокомыслия (очевидности и наглядности у нихъ было маловато), отличались еще добросовѣстностью: въ своихъ дѣленіяхъ, различеніяхъ они доходили до такихъ тонкостей, съ величайшей внимательностью предусматривали такіе оттѣнки мысли, которые теперь считаются совершенно неважными и безразличными. Въ доказательство прямо выдающейся добросовѣстности автора, предусматривающаго, какъ и подобаетъ схоластику, то, на что современный человѣкъ не обращаетъ особаго вниманія, мы сошлемся на нѣкоторыя части его теоріи „предметосообразности въ преподаваніи; „это—одинъ изъ лучшихъ алмазовъ въ схоластической коронѣ автора. Вотъ какъ онъ ее излагаетъ: (стр. 15 и сл.). Изъ числа предметовъ „начальной школы одни представляютъ собою сплошную нить извѣстнаго порядка явленій и предметовъ, связанныхъ въ органическое цѣлое, а слѣдовательно и въ изложеніи своемъ — сплошную нить выражающихъ эти предметы и явленія представлений и понятій; въ другихъ, напротивъ, реальныя данныя, изъ которыхъ слагается извѣстный предметъ, дробятся на отрывочныя сравнительно части, соединенныя между собою вмѣстѣ лишь съ извѣстною цѣлью, и, сообразно съ этимъ, представленія и понятія, имъ соответствующія, имѣютъ характеръ болѣе или менѣе отрывочныхъ соединеній. Какъ на образецъ предметовъ первой категоріи, слѣдуетъ указать на исторію-священную и церковно-гражданскую: здѣсь и каждое событіе, которое излагается въ исторіи, въ отдѣльности взятое, представляетъ собою нить послѣдовательно связанныхъ между собою явленій, и всѣ они находятся въ органической связи между собою, развивая и разъясняя одно другое въ послѣдовательной своей смѣнѣ, такъ что вслѣдствіе этого и самое изложеніе ихъ, какъ въ отдѣльныхъ частяхъ взятое, такъ и въ общей послѣдовательности разсматриваемое, представляетъ собою сплошную нить послѣдовательно связанныхъ между собою представлений и понятій, сужденій и умозаключеній. Образцомъ втораго рода предметовъ является катехизисъ, въ которомъ, для цѣлей религіознаго поученія и нравственнаго воспитанія, соединено

все существенное изъ христіанскаго вѣроученія и нравоученія, что необходимо знать всякому христіанину, какъ руководство въ религіозной и нравственной его жизни: эти догматическія и нравственныя положенія, хотя и представляютъ своею совокупностью одно цѣлое, тѣмъ не менѣе опредѣленное сочетаніе ихъ обусловлено въ строгомъ смыслѣ не столько послѣдовательнымъ соотношеніемъ элементовъ реальной дѣятельности, сколько догматическою и этическою важностью ихъ для духовно-нравственной жизни христіанина и его спасенія. Затѣмъ идетъ самое любопытное практическое примѣненіе соотвѣтственно только что изложенному различію, предметы перваго рода надо излагать учителю и отвѣчать ученикамъ *въ сплошной рѣчи, монолитически*; предметы втораго рода—*въ вопросо-отвѣтной отрывочной формѣ*. Съ этихъ точекъ зрѣнія авторъ разсматриваетъ и „другіе предметы, поименованныя въ программахъ начальныхъ школъ“. Вотъ что говоритъ г. Тихомировъ о русскомъ и церковно-славянскомъ чтеніи и „ознакомленіи съ началами грамматики“. „Этотъ предметъ представляетъ собою совокупность весьма разнородныхъ съ разсматриваемой точки зрѣнія частей; но въ общемъ преобладаютъ въ немъ отрывочныя сочетанія передъ сплошными. Такъ, весь процессъ предварительныхъ упражненій при обученіи чтенію русскому и славянскому, а равно и первые моменты въ чтеніи требуютъ вопросо-отвѣтной рѣчи наставника, дѣйствія котораго только съ методологической стороны должны представлять сплошную нить преемственныхъ моментовъ, но не таковы они, разсматриваемыя сами по себѣ, безъ отношенія къ ихъ методической системѣ“ и т. д. Опять и коротко и совершенно ясно! Но пойдемъ далѣе. Вотъ какъ авторъ устанавливаетъ способъ преподаванія ариеметики и письма. Ариеметическія дѣйствія представляютъ собою сплошную нить преемственныхъ моментовъ, связанныхъ между собою по существу; слѣдовательно, такова же должна быть и передача формы проработки (!) ихъ—какъ со стороны наставника при объясненіи, такъ и со стороны учениковъ при отвѣтѣ. Отступленія отъ этого могутъ и должны быть допускаемы только съ педагогической цѣлью (т. е. съ точки зрѣнія принципа природосообразности)—въ видахъ лучшаго объясненія ученикамъ и усвоенія ими отдѣльныхъ моментовъ дѣйствій. Но кромѣ ариеметическихъ дѣйствій, въ собственномъ смыслѣ и въ системѣ разсматриваемыхъ, въ начальной ариеметикѣ допускается при преподаваніи элементарное ознакомленіе съ ними по частямъ. (Вотъ здѣсь, пожалуй, читатель попеняетъ автору за его излишнюю увѣренность въ читательской понятливости!) Здѣсь уже нѣтъ полной системы, а потому удобною при обученіи является только форма вопросо-отвѣтной рѣчи. То же слѣдуетъ связать о другихъ упражненіяхъ, входящихъ въ начальную ариеметику, а также и относительно изученія нумераціи. Но вотъ истинный перлъ авторскаго принципа „предметосообразности“: „обученіе письму представляетъ собою совокупность отрывочныхъ дѣйствій (!) наставника, соединенныхъ въ одно цѣлое только съ методологической (?) стороны; слѣдовательно, форма рѣчи наиболѣе приличная этому предмету,—*вопросо-отвѣтная*“...

И это называется „указаніемъ имѣющихъ дидактическое значеніе свойствъ предметовъ элементарной школы“! Эти „геркулесовы столбы“ формализма, регламентаціи того, что по самому существу своему наиболѣе

подвижно, наименѣ ей поддается,—*формы речи* учащаго и учащагося. Страшно подумать, что можетъ произойти (да, очевидно, и происходить), если эти правила начать примѣнять на практикѣ, если начать взыскивать съ учителей, если они осмѣлятся преподавать ариметику въ диалогической или письмо въ монологической формѣ.

Въ области практическаго (въ видѣ „циркуляровъ“) приложения своихъ педагогическихъ воззрѣній авторъ имѣлъ уже предшественника— въ лицѣ извѣстнаго „директора народныхъ училищъ Тульской губерніи“ г. Яблочкова. Разница, повидимому, въ томъ, что г. Яблочковъ болѣе, такъ сказать, наивенъ, прямолинеенъ; г. же Тихомировъ—болѣе глубокъ. болѣе сдержанъ, менѣе деталенъ (о покроѣ одежды, о фасонахъ прически учителей и учительницъ и т. п., чѣмъ прославился г. Яблочковъ, у него ничего нѣтъ). Такія произведенія лицъ, по своему положенію, являющихся руководителями дѣла народнаго образованія, очень любопытны, какъ непреложныя свидѣтельства той пропасти, которая раздѣляетъ въ этой области общественное сознаніе съ его выраженіемъ въ литературѣ отъ практики канцелярій, насущные запросы жизни—отъ болѣе или менѣе могущественныхъ „системъ“.

Что касается основныхъ „принциповъ воспитывающаго обученія“, то ихъ перечень у г. Тихомирова кажется намъ не полнымъ; наряду съ принципами „природосообразности“, „предметосообразности“, религиозности и національности, есть, по нашему мнѣнію, другіе принципы (если уже слѣдовать подобнаго рода ихъ классификаціи) не менѣе важные. Такъ, мы можемъ указать на принципы: общественности, гражданственности, которые отнюдь не исчерпываются принципомъ „національности“. и особенно важны для *общественной* и *государственной* школы, а затѣмъ принципы уваженія къ человѣческой личности, къ человѣческому достоинству учащихся и учащихся, принципы, завѣщанные лучшими представителями практическаго идеализма, требовавшими, чтобы въ человѣкѣ всегда видѣли только человѣка, чтобы человѣкъ былъ всегда только цѣлю и никогда не былъ средствомъ для какой бы то ни было другой цѣли.

В. Ивановскій.

Зернышко. Вторая послѣ азбуки книга для чтенія, письма и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ. Годъ второй. Составилъ Т. Лубенецъ. Изданіе пятое, значительно дополненное. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1896 г. Цѣна 40 к.

Одинъ изъ современниковъ Петра Великаго, говоря о его многосторонней дѣятельности, выразился такъ: „На что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣеть“, и затѣмъ прибавилъ, что „долго еще изъ сего источника черпать будутъ“. Мы знаемъ, что такъ и было, и послѣдующіе государственные дѣятели долго питались мыслями Великаго Преобразователя. Дѣйствительно, каждый замѣчательный реформаторъ даетъ столько новаго матеріала въ своей области, что тѣмъ по неволѣ надолго лишаетъ своихъ преемниковъ возможности быть оригинальными: имъ приходится только разрабатывать доставшееся имъ богатое наслѣдство. Конечно, сравненіе не есть причина, но такая аксіома невольно при-

ходить на мысль при разсматриваніи многихъ новыхъ руководствъ по русскому языку: такъ или иначе, но всѣ они болѣе или менѣе повторяютъ Ушинскаго, этого отца русской педагогики. Чѣмъ-то знакомымъ поэтому повѣяло на насъ и отъ книги „Зернышко“—знакомыя рубрики, знакомыя приемы. Мы вовсе не ставимъ этого въ упоръ составителю: почему и не подражать прекрасному образцу тѣмъ болѣе, что, благодаря такому подражанію, явилась новая хорошая хрестоматія для народной школы? Но такъ какъ со времени знаменитой педагогической реформы Ушинскаго прошло тридцать лѣтъ, то многое и въ его методикѣ подлежитъ нѣкоторому измѣненію. Надо помнить, что во время новаторской дѣятельности Ушинскаго онъ имѣлъ въ виду не только народныя школы, тогда только что нарождавшіяся такъ же, какъ и земство, но и дѣтей образованныхъ классовъ, росшихъ на французскомъ языкѣ и не знавшихъ, какъ слѣдуетъ, своего родного. Ради нихъ онъ ввелъ въ свое „Родное Слово“ скороговорки, которыя должны были приучить офранцуженныхъ дѣтей къ чисто русскимъ звукамъ, сочетаніямъ и побороть ихъ иностранный акцентъ, ради нихъ онъ, можетъ быть, и ввелъ въ свою извѣстную книгу для чтенія перечисленія видовъ пицци, частей жилища и т. д. Кромѣ модныхъ тогда крайностей нѣмецкой педагогики, которыми увлекался и Ушинскій, здѣсь видно также желаніе научить дѣтей составлять на родномъ языкѣ сначала хотя бы простѣйшія фразы въ родѣ: „стулъ—мебель“, „тетрадь учебная вещь“ и т. п. Теперь это лишне, и потому г. Лубенецъ совершенно напрасно помѣщаетъ въ своемъ сборникѣ такія всѣмъ извѣстныя вещи, что къ кушаньямъ принадлежатъ щи, борщъ, каша, супъ и т. п. Это тѣмъ страннѣе, что руководство предназначено для второго года въ начальной школѣ. Отдѣляваясь постепенно отъ крайностей прежней педагогической системы, которая, начиная дѣло обученія съ архи-извѣстнаго, была исторически понятна, какъ реакція противъ старинной схоластики, составителямъ подобныхъ книгъ такъ же необходимо распрощаться съ этимъ устарѣвшимъ приемомъ. Затѣмъ можно было бы смѣло обойтись безъ такихъ плохихъ стиховъ, какъ „Три пары и одинъ“ (взято изъ книги Паульсона). Вотъ что мы здѣсь читаемъ: „Рукъ двое, а ротикъ одинъ. Вотъ это-то лучше всего: работать-то двое готовы, кормить же имъ лишь одного“. Впрочемъ, такихъ неудачныхъ стиховъ не много; большинство же взято авторомъ изъ нашихъ лучшихъ поэтовъ. Замѣтимъ, кстати, что у Некрасова встрѣчается особенно много стиховъ, удобныхъ для школьнаго и народнаго чтенія, а что до поэтовъ славянофильской школы (за исключеніемъ Ив. Аксакова), то они едва ли въ большинствѣ случаевъ могутъ быть понятны и дѣтямъ, и народу (мы не говоримъ о нѣсколькихъ отдѣльныхъ стихотвореніяхъ Хомякова, красующихся во всѣхъ хрестоматіяхъ), можетъ быть, потому, что по горькой ироніи судьбы наши славянофилы были выкормлены нѣмецкой философией. Какъ бы то ни было, но мы находимъ стихотвореніе Хомякова „Звѣзды“ (см. стр. 118), не смотря на всю его звучность, ни по формѣ, ни по содержанію недоступнымъ для дѣтскаго пониманія. Что касается прозаическихъ статей книги, то онѣ отличаются энциклопедическимъ характеромъ; этой стороною трудъ г. Лубенца напоминаетъ извѣстную книгу барона Корфа: здѣсь мы встрѣчаемъ географическія, и истори

ческія статейки, краткія свѣдѣнія по физиологій, очерки нѣкоторыхъ производствъ и т. п. Но эта пестрота статей необходима въ подобныхъ изданіяхъ: большинство учениковъ народной школы только ею и заканчиваетъ свое образованіе, стало быть, выходить въ жизнь съ тѣмъ багажемъ, который данъ имъ училищемъ; кромѣ того у насъ въ Россіи курсъ народной школы особенно кратокъ, и въ него входятъ лишь Законъ Божій, русскій языкъ и ариметика, такъ что на урокахъ родного языка народный учитель стремится сообщить учащимся возможно болѣе полезныхъ свѣдѣній, а составитель хрестоматіи по той же причинѣ старается уложить ихъ въ свою книжку. Жаль было бы выпускать дѣтей изъ школы только съ грамотностью и привычкой къ счету. Еще недавно дирекціями народныхъ училищъ было разъяснено учителямъ, что желательно было бы на урокахъ объяснительнаго чтенія знакомить учениковъ хоть немного съ географіей и исторіей, почему и требованія по правописанію въ недавнее время понижены. Каждый разумный педагогъ, конечно, согласится съ этимъ, а желать приношенія дѣтей въ жертву орфографіи можетъ развѣ тотъ учитель, у котораго, говоря словами Щедрина, „на лицѣ ничего не выражается, кромѣ неудержимой страсти къ правописанію“.

Возвращаясь къ хрестоматіи „Зернышко“, мы должны сказать, что авторъ удовлетворительно толкуетъ дѣтямъ объ окружающихъ ихъ житейскихъ явленіяхъ, о томъ, что такое сельскій сходъ, бумажныя деньги и т. д., говоритъ онъ и о войнѣ и, разъяснивъ, насколько нынѣшняя военная служба легче прежней солдатчины, неожиданно приводитъ такой афоризмъ: „Побѣдить войско, любящее свою родину, государство и свою вѣру нельзя“. Что же скажутъ ученики, если, проникшись этимъ убѣжденіемъ, они на третій годъ обученія услышатъ о Севастопольской войнѣ; и о томъ, что герои-севастопольцы, не смотря на свою любовь къ родинѣ, государству и вѣрѣ, были, однако, принуждены сдать Севастополь? Подобныхъ ложныхъ взглядовъ, отзывающихся шовинизмомъ, совсѣмъ не слѣдуетъ внушать дѣтямъ.

Вообще, въ сборникѣ полезныя статьи преобладаютъ надъ повѣствовательными, но такъ какъ послѣднія необходимы, чтобъ приучить дѣтей, къ устному и письменному изложенію, которому онѣ легче поддаются то въ слѣдующемъ изданіи не мѣшало бы увеличить ихъ число, а также очистить слогъ ихъ отъ нѣкоторыхъ провинциализмовъ, а то попадаются такія выраженія: „онъ имъ сталъ *въ большой пригодъ*“, знахарка не дастъ *рады* (т. е. помощи)“. Школа должна приучать дѣтей къ правильной и общепонятной рѣчи, и книга для класнаго чтенія имѣетъ въ виду учащихся различныхъ мѣстностей.

Въ концѣ книги приложена краткая церковно-славянская хрестоматія, и это очень удобно для учениковъ, такъ какъ церковно-славянское чтеніе входитъ въ программу народной школы.

Слѣдуетъ прибавить, что трудъ г. Лубенца одобренъ Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, въ качествѣ уч. пособія въ начальныхъ школахъ вѣдомства, и допущенъ Мин. Нар. Просвѣщенія въ народныя училища для класнаго употребленія.

Н. Леонтьева.

Разказы о Восточной Сибири, т. е. о губерніяхъ Енисейской и Иркутской, обь области Приморской и обь округахъ (?) Якутскомъ и Забайкальскомъ. Составилъ Ф. Девель. Съ рисунками и картою Сибири. Изд. „Посредника“ № 223. Москва. 1896. Стр. 126, Ц. 20 к.

Названная книжка относится къ серіи изданій, имѣющихъ задачей познакомить народъ съ разными частями нашего обширнаго отечества. Литература предмета особеннымъ богатствомъ не отличается, не обильна она и для интеллигентныхъ читателей. Поэтому особенныхъ требованій, а тѣмъ болѣе—упрековъ авторамъ и издателямъ предъявлять не приходится. Правда, Сибирь принадлежитъ къ числу областей, гдѣ до извѣстной степени пробужденъ былъ интересъ къ мѣстной жизни цѣлымъ рядомъ дѣйствовавшихъ тамъ областныхъ дѣятелей, талантливыхъ изслѣдователей, весьма много сдѣлавшихъ для изученія края; а въ лицѣ покойнаго областного патріота („сибирофила“), Н. М. Ядринцева, была даже сдѣлана капитальная попытка систематизировать наличный матеріалъ (его книга „Сибирь какъ колонія“, въ изданіяхъ 1882 и 1892 годовъ). Но что такое самая Сибирь? Страна, по пространству превосходящая въ нѣсколько разъ свою метрополию, и тысячеверстныя разстоянія, безъ сомнѣнія, раздѣляютъ части весьма отличныя одна отъ другой. Весьма не малая доля остается вовсе не изслѣдованной, или изслѣдованной недостаточно. За послѣднее время притокъ матеріаловъ усилился, особенно по отношенію къ наименѣе изслѣдованному сѣверо-востоку (напр., капитальное изслѣдованіе г. Сѣрошевскаго „Якуты“), но это только матеріалъ, ждущій еще систематизатора. Для автора же чтеній для народа, въ родѣ г. Девеля, пользоваться этимъ богатствомъ не только затруднительно но и прямо невозможно. Ждать же изданій „мѣстныхъ“ силъ—рѣшеніе рискованное. Между тѣмъ, книжка г. Девеля составлена, съ литературной стороны, удовлетворительно, хотя изложеніе портитъ тенденція автора поддѣлываться подъ народную рѣчь, что совсѣмъ излишне тѣмъ болѣе, что, г. Девель не избѣгаетъ темныхъ для читателя изъ народа разсужденій. Рисунки оставляютъ желать лучшаго. На стр. 121 буряты не типичны; это скорѣе—аномалія; на стр. 36 являются татары, когда рѣчь идетъ о тунгусахъ; непонятно, почему изъ представителей сибирской фауны удостоились чести попасть на рисунокъ пеструшки (стр. 109), между тѣмъ болѣе характерныя не представлены. Разказывая о сибирскомъ крестьянинѣ, авторъ пользовался, повидимому, сочиненіемъ Астырева („На таежныхъ прогалинахъ“). Это источникъ неудачный. Сочиненіе Астырева весьма односторонне и проникнуто той публицистической тенденціей, которая пользуется фактами лишь для пропаганды извѣстной *идеи*, и въ виду послѣдней *подбираетъ* эти факты. Когда же приходится говорить не о злѣ, огравляющемъ крестьянскую жизнь, не о несостоятельности нормъ общественной жизни, а характеризовать самихъ крестьянъ, надо обращаться къ другимъ источникамъ. Сибирскій крестьянинъ, по увѣренію г. Девеля, „дѣлнвѣе русскаго крестьянина,—никогда такъ рано (sic) не встанетъ въ трудовой день; вставши, напьется чаю, какъ говорится, съ толкомъ и разстановкой и не торопясь выѣзжаетъ на работу“ (стр. 72). Русскаго крестьянина обвиняютъ въ колоссальной, чудовищной, можно сказать, ти-

танической дѣли,—что же, если сибирскій *еще льютъ!* Но это неправда. Упомянутый же Астыревъ находилъ, что сибирякъ слишкомъ много работаетъ, что всё его усилія устремлены на созиданіе матеріальнаго благополучія, что онъ—матеріалистъ... Извѣстенъ анекдотъ, рассказанный Астыревымъ. Последній спросилъ крестьянина, зачѣмъ онъ столько сѣна накапливаетъ, что отнимаетъ массу труда; крестьянинъ отвѣтилъ, что держать много лошадей, надо прокормить, и на вопросъ, зачѣмъ такая уйма лошадей, простодушно замѣтивъ, что какъ же онъ сvezетъ свое сѣно иначе... Трудъ обусловливается необходимостью удовлетворять потребности; разъ онѣ удовлетворены, или трудъ этой дѣли не достигаетъ, по какимъ нибудь причинамъ,—работа становится безцѣльной и бессмысленной. Поэзія труда (физическаго) доступна лишь представителямъ непродуцибельныхъ классовъ, устраняемымъ условиями общественной жизни отъ возможности найти приложеніе своихъ силъ и потребности труда. „Говорятъ, что сибирякъ не такъ добродушенъ, какъ русскій крестьянинъ“, передаетъ г. Девель и подтверждаетъ анекдотомъ не особенной убѣдительности (крестьянинъ изъявилъ желаніе, чтобы издохшій, по слухамъ, жеребецъ оказался не его, а сосѣдскимъ). Затѣмъ передаются такіе анекдоты, что читатель останется въ убѣжденіи, что въ Сибири такое „звѣрье“ живеть, что не приведи Богъ!.. Авторъ, озаглавившій книжку рассказами о Восточной Сибири, почему то оставилъ безъ вниманія сибирскій *городъ*, не рассказавъ объ администраціи, судѣ и т. п., а такія свѣдѣнія были бы не лишни. Вообще подборъ матеріала страдаетъ случайнымъ характеромъ. Въ заключеніе мы считаемъ нужнымъ коснуться той части книжки, которая трактуетъ о сибирскихъ инородцахъ; мы не считаемъ себя въ этнографіи компетентными, но позволимъ себѣ замѣтить, что утвержденіе объ американскомъ происхожденіи чукчей и коряковъ (смѣсь съ монголоидами)—гипотетично и едвали поучительно настолько, чтобы имъ рисковать; наконецъ, въ книжкѣ г. Діонео („На крайнемъ сѣверо-востоку“) сообщаются новыя любопытныя свѣдѣнія, съ которыми было бы необходимо свести счеты и принять во вниманіе (напр.. фактъ исчезновенія многочисленнаго племени юкагировъ и т. п.). Всѣ эти указанные недостатки не нарушаютъ, впрочемъ, общаго хорошаго впечатлѣнія, и книжка, вѣроятно, прочтется не безъ удовольствія читателями. Самому же предпріятію распространить среди народа географическія свѣдѣнія можно лишь сочувствовать и пожелать успѣха и все большихъ улучшеній.

Ник. Козьминъ

Книги для дѣтей.

Мячикъ. Фантастическій рассказъ для дѣтей А. Терешкевича
Москва, 1896. Стр. 35. Ц. 50 к. Изданіе Д. Тихомирова.

Фантастическій рассказъ г. Терешкевича—Мячикъ, изложенный простымъ и понятнымъ для малышей языкомъ, навѣрно прочтется или прослушается ими съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что и содержаніе его, вполне для нихъ доступное, способно заинтересовать маленькихъ читателей: Царская дочь, Эльфа, играя въ саду мячикомъ, спитымъ для нея нянею

изъ разноцвѣтныхъ тряпочекъ, нечаянно уронила его въ прудъ и, желая достать его со дна, потянулась къ нему и свалилась съ мостика. Когда царевну вытащили изъ воды, то оказалось, что она не умерла, а только заснула, и, по предсказанію одного мудреца, сонъ ея долженъ быть продолжаться до тѣхъ поръ, пока ей не принесутъ мячика, который бы прыгалъ, и катился, и въ водѣ не тонулъ. Такой мячикъ и былъ скорѣй доставленъ Эльфѣ однимъ живописцемъ, который случайно пришелъ въ то мѣсто, гдѣ расло каучуковое дерево и изъ сока его приготовилъ царевнѣ резиновый мячикъ, возвратившій ее къ жизни. Сообщенное такимъ путемъ свѣдѣніе о происхожденіи резинового мячика безъ сомнѣнія надолго удержится въ памяти ребенка и послужитъ къ удовлетворенію его стремленія узнать, какъ и изъ чего дѣлаются окружающіе его предметы и игрушки.

Изъ жизни русской природы. Зоологическіе очерки и рассказы
М. И. Богданова. Изданіе третье А. С. Суворина. СПб. 1897.
Стр. 45⁹.

Первое изданіе этой книги вышло въ свѣтъ въ 1888 году, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ смерти Мод. Ник. Богданова, такъ много сдѣлавшаго для русскихъ дѣтей въ смыслѣ популяризаціи для нихъ науки. „Изъ жизни русской природы“ содержитъ въ себѣ тридцать зоологическихъ очерковъ и рассказовъ, то есть все, что было написано покойнымъ авторомъ для дѣтей, за исключеніемъ очерковъ, вошедшихъ въ составъ книги „Мірскіе Захребетники“, о которой мы въ свое время давали отчетъ.

Рассказамъ предшествуетъ біографическій очеркъ, составленный г. Вагнеромъ, другомъ покойнаго профессора; этотъ очеркъ даетъ возможность читателю хотя нѣсколько ознакомиться со свѣтлой личностью человѣка, всѣмъ сердцемъ любившаго свою родину и не щадившаго ни силъ, ни здоровья для изученія родной природы. Помимо пользы, которую несомнѣнно принесетъ дѣтямъ чтеніе этой книги, она доставитъ имъ и громадное удовольствіе, т. е., по справедливымъ словамъ г. Вагнера, „почти въ каждомъ очеркѣ мы видимъ живую, прочувствованную картину, пережитую авторомъ и переданную съ этимъ живымъ чувствомъ читателю“. Музыкальный, пѣвучій слогъ произведенія, нерѣдко переходящій въ стихи увлекаетъ читателя, который съ глубокимъ интересомъ сопровождаетъ автора въ его странствованіяхъ по лѣсамъ, дугамъ, степямъ и болотамъ обширнаго отечества, получая отъ него неоцѣненные свѣдѣнія изъ жизни родной природы.

А. П. Михневичъ. Рассказы маленькимъ дѣтямъ изъ естественной исторіи. СПб. 1896. Изданіе М. М. Ледерле. Стр. 119 Ц. 30 к

Намъ искренно жаль автора, положившаго столько труда и старанія на составленіе своихъ „Рассказовъ по естественной исторіи“, которые — увы, мы принуждены отнести къ числу слабѣйшихъ произведеній современной дѣтской литературы. Книжка предназначена для маленькихъ дѣтей,

съ которыми автору, очевидно, приходилось рѣдко имѣть дѣло, иначе онъ не сталъ бы говорить восьмилѣтнему Сашѣ подобныя, хотя, впрочемъ, весьма справедливыя сентенціи: „Чтобы возвыситься надъ грубыми животными и высоко летать своею мыслью, надо много и много учиться, милый Саша! чтобы, по возможности, узнать тайны природы (Разсказъ первый: Крапива-жгучка стр. 15) или еще раньше, стр. 4: „Будь впередъ осторожнѣе и зорче гляди вокругъ себя, тогда ты не натолкнешься въ жизни на неожиданныя неприятности“. Не смотря на всѣ полезныя свѣдѣнія, касающіяся произростанія и пользы крапивы, а также превращенія червяка въ куколку, ребенокъ мало вынесетъ изъ этого разсказа, такъ какъ всѣ эти свѣдѣнія навязываются ему насильственно въ формѣ какихъ-то поученій, чего дѣти обыкновенно терпѣть не могутъ. То-же самое можно сказать и о другомъ разсказѣ: Маусъ и Пупа, въ которомъ повѣствуется объ укушеніи змѣей маленькаго мальчика, ушедшаго съ семилѣтней сестрой въ лѣсъ за ягодами, причемъ Пупа, слышавшая отъ дяди-учителя о томъ, что змѣинный ядъ можно высосать, и тогда рана становится неопасной, рѣшается спасти брата цѣною собственной жизни, восклицая: „Что-жъ, я умру за брата“!.. А не хотѣлось бы умирать! Все вокругъ такъ прелестно!—Божій міръ такъ прекрасенъ! И вдругъ умереть, навѣки покинуть все это изъ за проклятой змѣи?!—Въ то время, какъ Пупа, высосавъ кровь изъ ранки Мауса (такъ звали мальчика) снѣгла съ нимъ надъ обрывомъ передъ убитою змѣей, является дядя-учитель и, увидя убитую змѣю успокаиваетъ дѣтей, говоря, что это ужъ, а не гадюка и тутъ же вмѣсто того, чтобы отвести взволнованныхъ дѣтей домой, начинаетъ читать имъ цѣлую лекцію о различіи ядовитыхъ змѣй отъ неядовитыхъ, къ окончанію которой нога бѣднаго мальчика такъ распухла, что его нужно было вести домой на телѣгѣ, а домастрогій отецъ подвергнувъ сына такому тѣлесному наказанію, что Маусъ нѣсколько дней не могъ показываться на улицу.

Не правда-ли какъ все это поучительно и педагогично!

Что касается остальныхъ разсказовъ, то мы не знаемъ даже причеиъ тутъ естественная исторія, развѣ только при томъ, что изъ разсказа „Каменная борода“ пустой безсодержательной сказки про царя Анооса, недовольнаго своей бородой, дѣти узнаютъ, что укусъ растворяетъ мраморъ, а изъ сказки „Дѣдушка Морозъ“ о существованіи клеста, или чухонскаго попугая; такъ право изъ за этихъ сообщеній не стоитъ мучить ихъ чтеніемъ книгъ, не удовлетворяющихъ никакимъ ихъ дѣтскихъ потребностямъ.

Драма на дворѣ. Повѣсть И. Н. Потапенко. Библиотека „Дѣтскаго Чтенія“. Москва, 1896. Стр. 140. Ц. 60 к.

Въ одно прекрасное лѣтнее утро все населеніе птичьяго двора пришло въ страшное негодованіе отъ только что услышаннаго приговора, произнесеннаго хозяйкой надъ престарѣлой дряхлой собакой Медвѣдкой, мирно доживающей свои дни въ старомъ сараѣ; приговоръ этотъ состоялъ въ разрѣшеніи, данномъ хозяйкой дворнику Антону „покончить“ съ Медвѣдкой. Негодованіе, вызванное такимъ жестокимъ рѣшеніемъ, раздѣляли

не только птицы, но и все домашнія животныя, причемъ собаки рѣшили во что бы то ни стало спасти Медвѣдку и уговорили ее перейти на жителство къ цѣпной собакѣ Рычагѣ, любезно предложившей ей гостеприимство въ своей конурѣ, къ которой она обыкновенно не любила подпущать никого изъ людей. Медвѣдка, сначала не допускавшая и мысли о томъ, чтобы хозяйка, чью дочь ей удалось однажды спасти отъ смерти и которой она столько лѣтъ служила вѣрой и правдой, могла поступить съ ней такъ жестоко, все же въ концѣ концовъ скончалась на увѣщаніе друзей и съ помощью ихъ перебралась въ будку къ Рычагѣ, гдѣ и осталась до тѣхъ поръ, пока собственными ушами не услышала подтвержденіе своего приговора. Оскорбленная собака рѣшилась тогда сама оставить тотъ домъ, гдѣ за ея вѣрную службу ей собирались отплатить такую черною неблагодарностью. Она выползла изъ будки и доплелась до ближайшаго оврага, гдѣ вскорѣ и издохла на глазахъ хозяйскихъ дѣтей, нѣжно ее любившихъ и ничего не подозревавшихъ о грозившей ей участи.

Такова вкратцѣ фабула этой оригинальной повѣсти, написанной живымъ, образнымъ, полнымъ юмора слогомъ. Читается она съ захватывающимъ интересомъ и безъ сомнѣнія увлечетъ дѣтей.

О. Лорисъ-Меликова.

Книги поступившія въ редакцію.

Новыя изданія Ф. Павленкова:

Летурно Шарль. Соціологія по даннымъ этнографіи, пер. подъ ред. проф. А. Трачевскаго. Ц. 1 р. 50 к.

Его-же. Философія страстей. Пер. съ франц. В. Святловскаго. Ц. 1 р.

Крживицкій Л. Антропологія. Пер. съ польскаго С. Д. Романовскаго-Романько подъ ред. Сементковскаго. Ц. 1 р. 50 к.

Г. Гроссъ. Экономическая система Карла Маркса съ научной стороны. Перев. и предисловіе Н. Рашковскаго. Ц. 20 к.

Сіязовъ М. Краткій курсъ ботаники. Съ 120 рис. въ текстѣ, 2-ое изд. Ц. 50 к.

Мантегацца П. Счастье и трудъ. 3 изд. Ц. 50 к.

Пименовъ Э. К. Францискъ Ассизскій, его жизнь и общественная дѣятельность. Ц. 25 к.

Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ составленная кружкомъ преподавателей подъ ред. проф. П. Г. Виноградова. Вып. I. Ц. 1 р. 50 к. Москва. 1896.

Классенъ В. Жизнь Ф. Лассаля въ связи съ его научной и общественной дѣятельностью. Изд. М. О. Ватсонъ. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Тэйлоръ Э. Первобытная культура. 2-ое изд. исправлен. и дополненное подъ ред. Д. А. Корочевскаго въ двухъ томахъ. Т. I. Изд. О. Н. Поповой Спб. 1896 г.

- Немировичъ-Данченко.** Волчья съть, романъ. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 1 р. 50 к. Спб. 1896.
- Сперанскій Николай.** Очерки по исторіи народной школы въ Западной Европѣ. Москва. Ц. 2 р.
- Бартепевъ В.** На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири. Очерки Обдорскаго края. Спб. 1896. Ц. 80 к.
- Ибсенъ Г.** Собрание сочиненій, т. III. Изд. I. Юровскаго. Ц. за 6 т. 3 р. 50 к. Спб. 1895.
- Литвинскій П.** Домашній уходъ за учащимся ребенкомъ. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.
- Демянскій В.** О первоначальномъ преподаваніи игры на фортепiano въ семьѣ. Спб. 1896. Ц. 20 к.
- Памяти К. Д. Ушинскаго.** По случаю 25-лѣтія со дня кончины Спб. 1896. Ц. 50 к.
- Что читать дѣтямъ** дошкольнаго возраста. Руководящая статья и каталогъ, составленные особой комиссіею.—Родительскій кружокъ при Педагог. музеѣ В. У. З. въ Спб. Ц. 30 к. 1896.
- Библиотека дѣтскаго чтенія.** Ручей и его исторія Д. А. Копчевскаго, съ рис. Ц. 60 к.—Драма на дворѣ. И. Потапенко, съ рис. Ц. 60 к.—Васька-горнистъ. Г. А. Мачтета, съ рис. Ц. 20 к. Москва. 1896.
- Догановичъ А.** Въ кругу дѣтей.—Разсказы для дѣтей съ рис. Изд. М. В. Ключина. Москва. 1897. Ц. 40 к.
- Радецкій И.** За дѣтей. Скромные труды въ дѣлѣ возрожденія. Одесса. 1896. Ц. 1 р. 30 к.
- Михайловъ П.** Роль и значеніе первобытной женщины. Спб. 1896.
- Кайгородовъ.** Проф. Лепестки. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Спб. 1896.
- Семеновъ Ив.** Исторія культуры съ 20 рис. Изд. М. В. Ключина. Москва. 1896. Ц. 75 к.
- Мельшинъ Л.** Въ мѣрѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжаника. Изд. ред. журн. «Русское Богатство». Ц. 1 р. 50 к. Спб. 1896.
- Вахтеровъ В. П.** Внѣшкольное образованіе народа. Москва. 1896 Ц. 1 р.
- Гардинеръ С.** Пуритане и Стюарты. **Эйри. О.** Реставрація Стюартовъ. Людовикъ XIV. Пер. съ англ. Каменскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб, 1896. Ц. 1 р. 75 к.
- Исторія Греціи** со времени Пелопонесской войны. Сборникъ статей. Вып. II. (Библиотека для самообразованія). Москва. 1896. Ц. 1 р. 75 к.
- Гофштеттеръ I.** Доктринеры капитализма. Спб. 1896. Ц. 30 к.
- Фламмаріонъ.** Что такое небо. Изд. А. Суворина. (Дешевая библиотека). Ц. 20 к. Спб. 1896.
- Эсхиль.** Орестейя. Трилогія. Вып. I, пер. съ греч. В. Алексѣева. (Дешевая библиотека А. С. Суворина.) Ц. 20 к.
- Даниловъ Ф.** Самовозгараніе угля, хлопка, замасленнаго тряпья, сѣна, табака и проч., съ 6 рис. Ц. 20 к. Москва. 1896.
- Отчетъ о дѣятельности общества попеченія о народномъ образованіи въ г. Красноуфимскѣ и его уѣздѣ. Пермь. 1896.

Общество попеченія о начальномъ образованіи въ г. Барнауль. Отчетъ а 1896 г.

Отчетъ о дѣятельности комитета по устройству сельскихъ библиотекъ и народныхъ читаленъ въ г. Харьковѣ за 1895 г.

Отчетъ симбирской бесплатной народной библиотеки и читальни въ память И. А. Гончарова за 1895 г.

Орелкинъ, П. Изъ жизни пчелъ. Чтеніе для юношества и народа съ рис. 2 испр. изд. Ц. 15 коп. Спб. 1897.

Тихомировъ, Д. Вешние всходы. Третья и четвертая книга. Ц. 60 к. М. 1897.

Изданія М. М. Ледерле.

Коростовецъ, И. Китайцы и ихъ цивилизація. Спб. Ц. 4 руб.

Немировичъ-Данченко. Просвѣтъ. 4 рассказа. Ц. 1 руб.

И. Ѳеоктистовъ. Анекдоты и преданія о Петрѣ Великомъ Ц. 1 р.

О. Мижуева. Луи Пастеръ и его научныя открытія. Ц. 20 к.

Н. Кузнецовъ. Въ странѣ льдовъ. Иллюстрированная естественно-научная библиотека. Вып. V. съ 18 рис. Ц. 40 к.

А. Михневичъ. Рассказы маленькимъ дѣтямъ изъ естественной исторіи. Ц. 30 к.

И. Щегловъ. Пленный турокъ. Шутка въ 1 дѣйстви. Ц. 40 к.

М. Литвиновъ. Исторія крѣпостнаго права. Вып. I—III. (Общепользная библиотека) Изд. М. В. Клюкина. М. 1897.

Изданія „Посредника“.

И. Горбуновъ-Посадовъ. Русскій сельскій календарь на 1897. Ц. 20 к.

Бичеръ Стоу. Хижина дяди Тома, изложила Е. Б. Ц. 30 к.

Кайгородовъ проф. Дерево и его жизнь. Народное чтеніе. Ц. 6 к.

С. Сутуловъ. Картофель. Какую онъ приноситъ пользу и способы посѣва, сохраненія и лѣченія болѣзни его. Ц. 3 к.

И. Горбуновъ-Посадовъ. Милосердные звѣри. Рассказы. Ц. 1½ к.

В. Величко. Княжна Нина. Ц. 1½ к.

Изданія К. И. Тихомирова.

Ростовцевъ проф. Картофельная болѣзнь съ рис. Ц. 15 к.

З. Савелова. Вышиваніе по канвѣ. Ц. 15 к.

Ея-же. Кройка и шитье, съ франц. Ц. 20 к.

Ѳ. Шуваловъ. Руководство по переплетному мастерству. Ц. 15 к.

И. Селивановскій, Петруша-плетенщикъ. Руководство по выдѣлкѣ соломенныхъ издѣлій артелью. Ц. 15 к.

С. Григорьевъ. Доступные опыты. Воздухъ и его свойства. Ц. 35 к.

Международная библиотека: Тень: О методѣ критики и объ исторіи литературы. Ц. 20 к.— К. Беллэгъ. Музыка съ социологической точки зрѣнія. Ц. 20 к. Изд. I. Юровскаго. Спб. 1896.

К. Келлеръ. Жизнь въ морѣ въ 2 ч., пер. В. Шацкаго подъ ред. А. Никольскаго. Изд. П. Сойкина.

И. Святскій. Пѣвчія птицы съ 22 рис. Цѣна 50 к. Изд. П. Сойкина. Спб. 1896.

Екатерина II какъ писательница.

«Я не могу видѣть чистаго пера безъ того, чтобы не пришла мнѣ охота обмакнуть онаго въ чернила; буде же еще къ тому лежитъ на столѣ бумага, то, конечно, рука моя очутится съ перомъ на этой бумагѣ».

Этой шуткой Екатерина вѣрно охарактеризовала свое увлеченіе книжными занятіями и склонность къ авторству, развитую въ ней съ малыхъ лѣтъ усвоенной привычкой къ чтенію. Впечатлительная и талантливая дѣвушка, уже въ раннюю пору юности предоставленная самой себѣ и пріучившаяся вдумчиво всматриваться въ окружающее, жадно набрасывалась на произведенія писателей, имена которыхъ гремѣли тогда по всей Европѣ, со всѣмъ пыломъ молодого ума, передъ которымъ внезапно открываются неизвѣданныя области и заманчивые, уходящіе вдаль горизонты, отдавалась она обаятельному влиянію просвѣтительной философіи XVIII столѣтія и любила уходить въ міръ идей отъ скучной, однообразной, дѣйствительности, отъ фальшивой придворной жизни мелкопомѣстнаго нѣмецкаго княжества, среди которой она росла. Росла—но не воспитывалась, потому что въ этой средѣ воспитательный элементъ совершенно отсутствовалъ,—и если воспитаніе будущей Екатерины II дало положительные результаты, то лишь постольку, поскольку ей не мѣшали самой себя воспитывать. Зачитываясь книгами Бэйля, Монтескье, Дидро, Вольтера, она впитывала въ себя «умоначертаніе» этихъ провозвѣстниковъ новаго слова, проникалась ихъ мыслями, училась по нимъ судить о жизни,—и новый духъ невидимо и незамѣтно овладѣвалъ ею. Проповѣдь энциклопедистовъ, ловкая, остроумная, блестящая,—ихъ искусство даже самыя слезные и трудные вопросы представлять въ легкой и пріятной формѣ, умѣнье спускаться, когда нужно, до уровня самой невысокой интеллигенціи,—все это не могло не дѣйствовать самымъ увлекательнымъ образомъ на чуткую и воспріимчивую молодую натуру,—и Екатерина увлекалась этими писателями до обожанія. «Духъ Законовъ» Монтескье, по ея словамъ, былъ для нея «молитвенникомъ»; Вольтера она называла своимъ учителемъ и считала себя обязанной ему всѣми своими знаніями, прямымъ, здравымъ взглядомъ, вкусомъ, благороднымъ честолюбіемъ и

любовью къ прекрасному. «Его произведенія развили мой умъ и мою голову», говорила она. «Когда я была моложе, мнѣ пріятно было ему нравиться. Я не могла одобрить ни одного поступка своего, если онъ не былъ достоинъ сообщенія ему, и тотчасъ его увѣдомляла о сдѣланномъ»... «Дайте мнѣ сто полныхъ экземпляровъ новаго изданія сочиненій моего учителя, чтобы я ихъ размѣстила вездѣ, вездѣ», пишетъ она своему комисіонеру-корреспонденту Гримму, получивъ извѣстіе о смерти фернейскаго мудреца (1778): «я хочу, чтобы они служили образцами; я хочу, чтобы ихъ изучали, твердили наизусть, чтобы умы питались ими. Это образуетъ гражданъ, геніевъ, героевъ и писателей; это разовьетъ сто тысячъ талантовъ, которые иначе потеряются во тьмѣ невѣжества», и проч. Разумѣется, эти восторженные слова нельзя принимать иначе, какъ *sous toutes réserves*, и трудно представить себѣ, какая участь ожидала бы сотню экземпляровъ Вольтера, если бы Гриммъ понялъ слова императрицы, какъ буквальное приказаніе... Но фактъ рѣшительнаго увлеченія Вольтеромъ остается, всетаки, несомнѣннымъ. Сочиненія Дидро, какъ и самъ авторъ ихъ, также пользовались, пожалуй, не меньшимъ вниманіемъ и расположеніемъ Екатерины. Эти духовные руководители опредѣляли ея міросозерцаніе, устанавливали ея умственный кругозоръ.

Просвѣтительную философію XVIII вѣка принято обвинять въ поверхностности, легкомысліи, безнравственности, въ отсутствіи пониманія прошлаго и уваженія къ историческому развитію, въ томъ, что она, потакая сильнымъ міра и поощряя «просвѣщенный деспотизмъ», съ презрѣніемъ относилась къ толпѣ, къ народу, видя въ немъ не болѣе, какъ человѣческое стадо; наконецъ, и въ томъ, что судя обо всѣхъ вещахъ съ точки зрѣнія общечеловѣческой, эта философія совсѣмъ не знала и знать не хотѣла началъ національныхъ. Эти обвиненія, въ значительной долѣ справедливыя, нуждаются, однако-же, въ нѣкоторыхъ поправкахъ. Легкомысліе, поверхностность, какъ и внѣшній блескъ изложенія, были необходимымъ условіемъ занимательности, о которой особенно заботились просвѣтительные писатели, назначавшіе свои сочиненія не для специалистовъ, а для широкаго круга публики; при большемъ глубокомысліи и ученой серьезности ихъ, конечно, никто не сталъ бы и читать, и ихъ книги только и ходили бы, что отъ одного письменнаго стола къ другому. Безнравственность, и даже цинизмъ,—вовсе не исключительное свойство «просвѣтителей», вина которыхъ только въ томъ, что они, идя впереди своего вѣка, всетаки, не могли стать выше его, по извѣстной пословицѣ: «выше себя не прыгнешь». Понятія XVIII вѣка о нравственности были далеко не похожи на нынѣшнія, и многое такое, что теперь тщательно укрывается отъ общества въ потайныхъ уголкахъ, тогда творилось открыто, передъ всѣми, и нимало никого не конфузило. Выше ли старыхъ нынѣшнія понятія *по существу*,—этого вопроса здѣсь касаться не мѣсто; но не слѣдуетъ забывать, что каждая эпоха смотритъ на вещи съ своей точки зрѣнія, и что эту общую точку зрѣнія нельзя ставить въ вину от-

дѣльными личностями, въ которыхъ только отразился духъ времени. Точно также, съ исторической точки зрѣнія, не вполне справедливыми представляются и обвиненія въ недостаточномъ разумѣннн прошлаго и въ презрѣннн къ народу. XVIII вѣкъ, какъ и предшествовавшн вѣка, не зналъ народа и народности: онъ зналъ только человѣка вообще. Тогдашняя наука, въ лицѣ Локка и его послѣдователей, имѣвшихъ такое рѣшительное вліяніе на французскую философію, отрицала существованіе врожденныхъ идей и видѣла въ ребенкѣ—бѣлый листъ, на которомъ воспитатель можетъ написать все, что ему будетъ угодно,—кусокъ мягкаго воска, изъ котораго можно вылѣпить какую вздумается фигуру. «Народъ», т. е. непросвѣщенная чернь, состоящая изъ рабовъ, обязанныхъ безпрекословнымъ послушаніемъ, приравнивался къ дикарямъ,—«дѣтямъ природы», а эти послѣдніе—къ малымъ ребятамъ, изъ которыхъ, по теоріи, воспитатель могъ сдѣлать все, что только ему заблагоразсудится. Такимъ воспитателемъ и являлся, въ отношеніи къ народу, его правитель; такимъ образомъ, «просвѣщенный деспотизмъ» былъ логическимъ результатомъ понятія о народѣ—ребенкѣ, какъ о *tabula rasa*. Само собою разумѣется, что въ этомъ кругѣ идей не было и не могло быть мѣста понятію о національности: XVIII вѣкъ и не зналъ ея,—онъ былъ вполне космополитиченъ. Ни Вольтеръ, ни Руссо и никто другой никогда не согласились бы признать, что между русскимъ, французомъ, англичаниномъ и т. д., въ отношеніи къ воспитанію, можетъ и должно существовать серьезное различіе, обусловленное историческимъ развитіемъ народа и «национальнымъ характеромъ»; этихъ словъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы употребляемъ ихъ теперь, тогда вовсе и не знали. Такимъ образомъ, эти отрицательныя стороны просвѣтительной философіи не составляютъ ея исключительной особенности, а являются только выраженіемъ вообще господствовавшихъ въ то время понятій.

Гораздо болѣе серьезнымъ представляется другой упрекъ, который съ большимъ правомъ можно поставить на счетъ этой философіи, именно—упрекъ въ теоретичности и разобщеннн съ жизнью. Не только для учениковъ и почитателей Вольтера, но и для него самого теорія была сама по себѣ, а жизнь—сама по себѣ, и то, что осуждалось въ теоріи, нерѣдко оправдывалось на практикѣ. Въ этомъ отношеніи у философіи XVIII вѣка были двѣ мѣрки: одна—для себя, а другая—для «непросвѣщенной черни», которая не доросла еще до здравыхъ понятій, а потому, до поры до времени, должна жить по старому. Просвѣщенный человѣкъ отрицаетъ суевѣріе, но считаетъ необходимымъ тѣмъ же суевѣріемъ вліять на чернь, чтобы «держатъ ее въ уздѣ»; для себя онъ стремится къ равенству и свободѣ, но въ примѣненнн этихъ понятій къ черни отыгрывается софизмами, говоря, напр., что «вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ» или что «если вы нуждаетесь въ парѣ сапогъ, то, конечно, не пойдете за нею къ просвѣщенному человѣку; слѣдовательно, равенство—въ одно и то же время — и самая естествен-

ня вещь, и самая неосуществимая мечта» *)... Люди, чуждые доска изящныхъ искусствъ, настолько же заслуживаютъ вниманія, какъ свиньи и ослы, около нихъ живущіе... Масса людей была и еще долго будетъ безмысленной и глупой... *Mundus vult decipi; ergo decipitur*. Такимъ образомъ, просвѣтительная философія была лишена прочной нравственной основы и своею двойственностью вносила въ нравственныя понятія смуту и распущенность. Вольтеръ, съ такою ѣдкою ироніею нападавшій на правительства и придворную систему, на религіозныя понятія и обряды, на всякаго рода предрасудки, въ дѣйствительной своей жизни, какъ извѣстно, былъ очень далекъ отъ тѣхъ правилъ, которыя проповѣдывалъ на словахъ,—и это двоевѣріе отразилось, въ большей или меньшей степени, на всѣхъ его поклонникахъ и послѣдователяхъ.

При этомъ не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что каждый чловекъ извлекаетъ изъ обстоятельствъ, изъ чтенія, изъ столкновеній съ людьми только то, что сообразно съ его собственнымъ характеромъ и настроеніемъ. Оттого и Екатерина, называвшая Вольтера «божествомъ веселости», всего болѣе понимала и цѣнила въ его произведеніяхъ ту легкомысленную шутиливость, въ которую онъ такъ часто облакалъ свои идеи, и ту подвижность ума, которая давала ему возможность не задумываться и не останавливаться передъ сложными и трудными задачами. Таково же было ея отношеніе и къ прочимъ литературнымъ свѣтиламъ своего времени: и въ ихъ произведеніяхъ она черпала и усвоивала только то, что звучало согласно съ ея собственною природою и настроеніемъ. Оттого въ ея сочиненіяхъ являются передъ нами, съ одной стороны, общія положенія просвѣтительной философіи со всѣми ихъ достоинствами и недостатками, а съ другой—отголоски личныхъ воззрѣній императрицы и преобладающихъ качествъ ея характера.

Рядъ литературныхъ произведеній Екатерины открывается знаменитымъ «Наказомъ» Коммиссіи для составленія новаго уложенія (1766). Наказъ дошелъ до насъ не въ первоначальной своей формѣ, а въ значительно измѣненной редакціи, потому что Екатерина давала его своимъ приближеннымъ на просмотръ и позволяла имъ «херить». По собственнымъ ея словамъ, прежде чѣмъ издать узаконеніе, она прислушивается къ мнѣнію «просвѣщенной части народа», одобреніе которой принимаетъ за «общенародное одобреніе». Такимъ образомъ, вполне согласно съ философами XVIII вѣка, составительница Наказа въ народѣ знаетъ и цѣнитъ только «просвѣщенную часть», отождествляя ее съ дворянствомъ и совершенно забывая, что въ дѣйствительности у этой части тогдашняго нашего общества «просвѣщенія» было гораздо меньше, чѣмъ пудры на парикахъ...

Какъ извѣстно, въ основу Наказа положень *Esprit de lois* Монтескье

*) Нѣсколько наивнѣе и грубѣе, но зато откровеннѣе говорилъ Сумароковъ. «Если у насъ не будетъ крестьянъ, то откуда же мы будемъ брать поваровъ?»

и трактатъ Беккариа о преступленіяхъ и наказаніяхъ. Оригинальнаго, собственно самой составительницы принадлежащаго, здѣсь очень немного, — до такой степени немного, что она и сама, по поводу этого своего произведенія, шутливо сравнивала себя съ «вороной въ павлиньихъ перьяхъ». Не смотря на всѣ исключенія и поправки, сдѣланныя «просвѣщенными» цѣнителями и судьями, Наказъ представляетъ собою явленіе столько же замѣчательное, сколько и неожиданное въ официальной русской средѣ того времени. Искусная группировка и талантливое повтореніе гуманныхъ и либеральныхъ идей, высказанныхъ признанными духовными руководителями тогдашней Европы, восторженное провозглашеніе человѣческихъ правъ и обѣщаніе служить имъ, ясно выраженное стремленіе къ коренному преобразованію общественнаго строя (созданіе «третьяго чина», равенство всѣхъ передъ закономъ и пр.)—все это доставило Наказу громкую европейскую славу, усердно распространявшуюся заграничными панегиристами Екатерины и особенно — Вольтеромъ, возводившимъ Екатерину на степень классическаго божества. Гуманная сторона европейской философіи и литературы, такъ ярко выразившаяся въ Наказѣ, увлекла всѣхъ лучшихъ людей екатерининскаго вѣка; въ сочиненіяхъ, какъ самой императрицы, такъ и другихъ писателей того времени, мы постоянно встрѣчаемъ новыя идеи гуманности, вѣротерпимости, свободы совѣсти, разумнаго отношенія къ вопросамъ общественнымъ, педагогическимъ, законодательнымъ, административнымъ. «Но»—говоритъ историкъ нашей литературы *)—«проводимыя въ книгахъ, составлявшія предметъ разговоровъ въ обществѣ, бывшія темой разсужденій и рѣчей въ ученыхъ и другихъ собраніяхъ,—эти идеи, однако же, плохо усвоивались умомъ и сердцемъ и туго проникали въ жизнь практическую. Какъ въ древнія времена русскій народъ долго не могъ забыть старыхъ своихъ боговъ, такъ и въ новыя времена поклоненіе новымъ просвѣтительнымъ идеямъ не только не уничтожало господства стараго невѣжества, старыхъ предразсудковъ и пороковъ, но и легко мирилось и уживалось съ ними. Тѣ же самыя лица, которыя читали либеральныя сочиненія и въ разсужденіяхъ и разговорахъ произносили громкія фразы о равенствѣ, братствѣ и свободахъ, въ практической жизни обнаруживали грубый произволъ, самовластіе и всякаго рода притѣсненія и несправедливости къ своимъ ближнимъ. Особенно рѣзко это противорѣчіе сказывалось въ области крѣпостнаго права. Тѣ же лица, которыя ѣздили на поклонъ къ Вольтеру и предлагали Руссо и Гельвецію любезное гостепріимство въ своихъ помѣстьяхъ,—не могли отказаться отъ рабовладѣнія... И послѣ Наказа, какъ и прежде, люди, читавшіе либеральныя сочиненія, продолжали покупать и продавать крестьянъ...»

Эти слова, вѣрныя сами по себѣ, всетаки недостаточно правильно освѣщаютъ настоящее положеніе дѣла: выходитъ, что вся вина въ неуспѣхѣ просвѣтительной философіи на русской почвѣ падаетъ исключительно на

*) *Порфирьевъ*, Истор. рус. слов. ч. II, отд. II, стр. 250.

тогдашнее наше общество, которое, по невѣжеству своему, не досрочно до высокихъ идей Наказа. Выше мы видѣли, что указываемое авторомъ «двоевѣріе» лежало въ основѣ самой просвѣтительной философіи,—что и для Вольтера, какъ и для другихъ представителей просвѣщенія, книжная проповѣдь и практическая жизнь далеко не были однимъ и тѣмъ же. На русской почвѣ, вслѣдствіе ея особенныхъ условий, этотъ коренной разладъ долженъ былъ проявиться еще рѣзче. У насъ литература, только что начинавшаяся, была явленіемъ чуть не случайнымъ,—достоинствомъ очень небольшого интеллигентнаго кружка, считавшаго ее вовсе не серьезною общественною силою, а только забавою, какъ «праздное время, въ пользу препровожденное».

„Поззія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ».

Въ этихъ словахъ Державина сказанъ не личный его взглядъ на литературу, а общее возрѣніе эпохи. Сама Екатерина говорила: «На мои сочиненія смотрю, какъ на бездѣлки. Я люблю дѣлать опыты во всѣхъ родахъ, но мнѣ кажется, что все написанное мною довольно посредственно, почему, кромѣ развлеченія, я не придавала этому никакой важности». Такимъ образомъ, у насъ книга была дальше отъ жизни, чѣмъ гдѣ бы то ни было; оближеніе литературы съ дѣйствительностью было еще впереди; путь къ этой идеальной, лишь смутно мелькавшей въ отдаленномъ туманѣ, цѣли только еще начинался робкими, невѣрными, дѣтскими шагами... Путь этотъ, и безъ того нелегкій, становился подчасъ не менѣе труднымъ, чѣмъ путь царевича Хлора «на ту высокую гору, гдѣ роза безъ шиповъ растетъ»,—съ тою только разницею, что Фелица Хлора поддерживала, а юную словесность оставляла «между Лѣнтягомъ и Брюзгой». Если бы новая эпоха принесла съ собою дѣйствительный просторъ знанію; если бы прѣсвѣтительный вѣкъ въ Россіи былъ такимъ не на бумагѣ только, а на самомъ дѣлѣ; если бы, наконецъ, Екатерина усвоила правило Фридриха Великаго, говорившаго: «Самое лучшее, что я сдѣлалъ для литературы, было именно то, что я предоставилъ ее самой себѣ»,—то результаты этой эпохи были бы, по всей вѣроятности, иные. Среди ничтожной горсти образованныхъ русскихъ людей того времени были и такіе, которые хорошо понимали потребности общества и готовы были служить ему въ духѣ гуманной программы Наказа; но въ глазахъ Екатерины, взявшей заботу о преобразованіи общества исключительно на себя, такіе люди являлись непризванными дѣятелями, «мрачными меланхоликами», «худителями», которыхъ нужно было держать подале, и всякій разъ, когда въ литературѣ начинали слышаться серьезные общественные запросы,—ей тотчасъ же указывали «предѣлы» и заставляли держаться въ кругу безобидной забавы и пиццеварительныхъ идей. Новиковъ, Фонвизинъ и другіе не разъ испытали это на себѣ... Государыня давала тонъ литера-

турѣ, была дирижеромъ этого немногочисленнаго оркестра, въ которомъ торжественныя звуки державинской оды смѣнялись, для пріятнаго отдохновенія, пьесками «въ забавномъ русскомъ слогѣ» или въ стилѣ Вольтера, насколько фернейскій мудрецъ представлялся только «забавникомъ» (а мы видѣли выше, что именно въ «милой шуткѣ» Екатерина полагала главное его достоинство). Всякіе другіе мотивы, какъ непріятный диссонансъ, должны были ступшеываться и умолкать...

Въ самую либеральную пору своего царствованія, вслѣдъ за изданіемъ Наказа, Екатерина основываетъ (1769) сатирической листокъ «Всякая Всячина», бывшій, какъ тогда говорили, «прабабкою» цѣлаго поколѣнія сатирическихъ журналовъ, послѣдніе голоса которыхъ смолкли только пять лѣтъ спустя. Этотъ родъ литературы, бывшій за полвѣка передъ тѣмъ въ большой модѣ въ Англіи, гдѣ его культивировали Аддисонъ и Свифтъ, въ значительно измельчавшемъ и опошленномъ видѣ появился потомъ въ Германіи, въ изданіяхъ Геллерта, Рабенера и др. У насъ переводы изъ этихъ писателей и подражаній имъ помѣщались еще въ журналахъ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія; но только примѣру Екатерины обязана наша литература появленіемъ журналовъ, всецѣло посвященныхъ юмористическому правоописанію. Добролюбовъ, въ прекрасной статьѣ своей объ этихъ журналахъ, показалъ, что наша сатира того времени не имѣла остраго жала, и что вообще жало ея чаще всего обращалось не впередъ, а назадъ,—не къ современности, а къ прошлому, и притомъ—такому, которое было уже осуждено административными распоряженіями, такъ что осужденіе его въ сатиру являлось косвеннымъ панегирикомъ этимъ распоряженіямъ, искоренявшимъ пороки и насаждавшимъ добродѣтели. Словомъ, сатирическіе журналы, въ сущности, такъ же усердно славилъ «златый вѣкъ российской Астреи», какъ и торжественныя оды,—только, такъ сказать, съ другой стороны. Такъ оно и должно было быть по мысли «Всякой Всячины», которая затѣмъ и основана была, чтобы давать надлежащій тонъ слѣдовавшему за нею потомству: она требовала отъ сатиры, во-первыхъ, веселости и забавной шутливости, для прогнанія «черной меланхоліи», во-вторыхъ—обличенія пороковъ *вообще*, безъ всякаго отношенія къ личностямъ, и въ-третьихъ—снисходительности. «Кто только видитъ пороки, не имѣвъ любви, тотъ неспособенъ подавать наставленія другому... Нашъ полетъ по землѣ, а не на воздухѣ, еще же менѣе на небеси; сверхъ того, мы не любимъ меланхолическихъ писемъ»... «Меланхолія» нужна въ трагедіи, а въ сатиру должно быть веселье. «Добросердечный сочинитель, во всѣхъ намѣреніяхъ, поступкахъ и дѣлахъ котораго блистаетъ красота души добродѣтельнаго и непорочнаго человѣка, изрѣдка касается къ порокамъ, чтобы тѣмъ подъ примѣромъ какимъ не оскорбить челоѣчества; но, располагая свои другіе наставленія, поставляетъ примѣръ въ лицѣ человѣка, украшеннаго различными совершенствами, т. е. добронравіемъ и справедливостью... присовокупляетъ къ тому пользы, изъ того проистекающія, и

сладкое сіе удовольствіе, какое чувствуетъ хранящій добродѣтель... Вотъ славный способъ исправляти слабости человѣческія! А «изо всего составлять поношеніе», «бранити всѣхъ» есть—«предметъ злонравнаго чело-вѣка...» Эти основныя понятія о значеніи и задачѣ сатиры, высказанныя въ полемикѣ «Всякой Всячины» съ Новиковымъ, требовавшимъ строгаго обличенія пороковъ, подробнѣе и опредѣленнѣе были развиты Екатериною впослѣдствіи, 13 лѣтъ спустя, въ ея фельетонахъ, печатавшихся въ «Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго Слова» (1783) подъ заглавіемъ: «Были и Небылицы». Здѣсь писателямъ даются, между прочимъ, такіе совѣты: «Скуки не вылетать нигдѣ, наипаче же умничаньемъ безвременнымъ. Веселое всего лучше; улыбателное же предпочесть плачевнымъ дѣйствіямъ. Проповѣдей не списывать и нарочно оныхъ не сочинять. Гдѣ индѣ коснется до нравоученія, тутъ оныя смѣшивать наипаче съ пріятными оборотами, кои бы отвращали скуку... Балагуры бывають не скучны, когда къ словоохотию присоединяють природный умъ, или знаніе пріобрѣтеннаго смысла, либо знаніе старины или что ни есть подобное, а скучны лишь Мареміаны плачущія и о всемъ мірѣ криво и косо пекущіяся, отъ коихъ обыкновенно въ десяти шагахъ слышенъ уже духъ скрытой зависти противъ ближняго», и т. д.

Изъ этихъ объясненій очевидно, какая роль считалась возможною и допустимою для литературы. Екатерина чѣмъ дальше, тѣмъ строже охраняла указанные ею предѣлы и, ограничивая сатиру «улыбательнымъ» нравоученіемъ, то намекала Новикову, что за его рѣзкія обличенія въ прежнее время его услали бы за тридевять земель, то давала рѣзкую отповѣдь «свободоязычію» Фонвизина, по прочтеніи которой писателю оставалось только извиняться и оправдываться, то, наконецъ (въ послѣдніе годы царствованія) переходила отъ журнальной полемики къ мѣрамъ уже вовсе не литературнымъ (Новиковъ, Радищевъ, Бяжнинъ). Но въ то же время, проводя въ своихъ сатирическихъ сочиненіяхъ мысль о томъ, что при ней въ Россіи все стало гораздо лучше, чѣмъ прежде, Екатерина постоянно указывала и на прогрессъ въ области мысли и слова. «Въ прежнее время люди охотнѣе упражнялись нынѣшняго въ разговорахъ, касающихся поправленія того-сего; разговоры же сіи вели вполголоса или на ушко, дабы лишней какой бѣды оные кому изъ насъ не нанесли; слѣдовательно, громогласіе между нами рѣдко слышно было; бесѣды же получали отъ того нѣкоторый блескъ и видъ вѣжливости, которой слѣды не столь примѣтны нынѣ: ибо разговоры, смѣхъ, горе и все, что вздумать можешь, открыто и громогласно отправляется... Мысли и умы, долго бывъ угнетены подъ тягостію тайны, вдругъ, яко плотина отъ сильной водополи, прорвались». «Держитесь принятаго вами единожды навсегда правила», говорится въ одномъ изъ писемъ къ издателямъ «Собесѣдника»,— «не воспрещать честнымъ людямъ свободно изъясняться. Вамъ нѣтъ причины страшиться гоненій за истину подъ державою монархини,

„Qui pense en grand homme et qui permet qu'on pense“ *).

Это свободолюбіе Екатерины высоко превозносилось всёми стихотворцами ея времени, которые, дѣйствительно, были до извѣстной степени правы (какъ Державинъ въ «Фелицѣ»), сравнивая настоящее съ недавно минувшимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по усвоенной ими манерѣ выражаться, и значительно преувеличивали, тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли выше, свободолюбіе чаще всего выражалось только на словахъ; когда же «честные люди» начинали «свободно изъясняться» о такихъ сторонахъ русской жизни, изображеніе которыхъ могло набросить тѣнь на блестящую виѣшность эпохи и смутить ея веселье и жизнерадостную роскошь,— тогда эти «изъясненія» останавливались на первомъ же словѣ... Во всякомъ случаѣ, такіе писатели никогда не пользовались вниманіемъ Екатерины, выражавшимся въ поощреніяхъ и наградахъ,—а эти послѣднія очень много значили въ то время, когда достоинство человѣка опредѣлялось чаще всего по его формулярному списку...

Требуя сатиры только «улыбательной», Екатерина являлась выразительницею той практической философіи XVIII вѣка, для которой идеаломъ служилъ гораціевскій эпикуреизмъ, съ его совѣтами пользоваться жизнью, какъ «мгновеннымъ даромъ небесъ» и не омрачать ея никакими непріятными впечатлѣніями. «Не моему перышку передѣлать, перемѣнить, переложить, убавить, исправить и пр. и пр., что въ свѣтѣ водится», писала Екатерина. «Я изъ тѣхъ людей, для которыхъ *свѣтъ поди, какъ можеть*, а жить въ ономъ,—*какъ опредѣлено*». Выводъ ясенъ: жизни не передѣлаешь, а потому слѣдуетъ смотреть на нее снисходительно и не видѣть пороковъ тамъ, гдѣ существуютъ только слабости; безгрѣшныхъ людей нѣтъ; суровая мораль ведетъ только къ озлобленію; «живи—и жить давай другимъ». Само собою очевидно, что въ обществѣ, еще только слегка затронутомъ умственною культурою, это правило могло получить только одностороннее толкованіе, которое чаще всего приводило къ нравственной распущенности. Сатирическое изображеніе жизни, ставившее своею задачею «чистить нравы», обращалось въ плоскую и скучную шутку или впадало въ бесплодное резонерство; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ литература не приближалась къ дѣятельности, не отвѣчала на ея запросы, не «запускала руку глубоко въ жизнь», по извѣстному выраженію Гете, а только слегка скользила по ея поверхности.

Сказанное о сатирическихъ статьяхъ Екатерины вполне примѣнимо и къ ея комедіямъ. Эти пьесы, сочиненныя по французскому образцу, съ неизмѣнно резонирующими субретками и слугами, которые оказываются далеко умнѣе и нравственнѣе своихъ придурковатыхъ господъ, замѣчательны только легкостью (для того времени, конечно) разговорной рѣчи и попыткою обрисовать комическими чертами, довольно, впрочемъ, грубыми, нѣсколько типовъ, бывшихъ въ тѣ времена, такъ сказать,

*) Стихъ Вольтера въ посланіи къ Екатеринѣ II.

ходячею монетою въ литературѣ. Всѣ эти ханжи, пустосвяты, невѣжды, взяточники, русскіе «парижанцы» и т. п. были очень хорошо знакомы читающей русской публикѣ еще со временъ Кантемира и Сумарокова и, являясь лишній разъ на сцену въ комедіяхъ императрицы, не приносили съ собою ничего новаго. Педагогическая цѣль комедій,—«чистить нравы» при такихъ условіяхъ достигалась такъ же мало, какъ и цѣль собственно-педагогическихъ сочиненій Екатерины—укоренять «добродравіе», которое въ воспитаніи какъ личномъ, такъ и общественномъ поставлено было на первый планъ. Въ обществѣ незрѣломъ и далеко еще необразованномъ проповѣдь исключительнаго благонравія и благочинія, предпочитавшагося образованію и уму, могла быть понята, какъ и проповѣдь снисхожденія къ порокамъ, только односторонне и приводила чаще всего къ морали чичиковскаго учителя. Когда и въ книгѣ, и со сцены повторяли, что «умъ, если онъ только умъ—сухая бездѣлица» и что «просвѣщенный разумъ становится вреднымъ для того, у кого съ юныхъ лѣтъ не вкоренена въ сердце добродѣтель»,—тогда, естественно, среди людей, не сильныхъ образованіемъ, возбуждалось скорѣе пренебреженіе, чѣмъ стремленіе къ нему, и все больше и больше получали права гражданства насмѣшки надъ «умниками» и «умничаньемъ», которое «не доводитъ до добра». Запрещеніе сочиненій Вольтера,—того самаго Вольтера, о которомъ вѣкогда Екатерина отзывалась такъ восторженно и въ которомъ, лѣтъ десять спустя, она увидѣла только автора «вредныхъ и развращеніемъ наполненныхъ» книгъ, гоненіе на масоновъ, судьба Радищева и Бяжнина и приснопамятная дѣятельность Шешковскаго служили, въ глазахъ тогдашняго общества, сильнымъ практическимъ аргументомъ въ пользу предпочтенія благонравія умственной дѣятельности и, конечно, не могли содѣйствовать особенному развитію этой послѣдней...

Такимъ образомъ, талантъ, при отсутствіи оригинальности и вдумчиваго отношенія къ жизни, оказался лишь поверхностнымъ, и далеко недюжинная литературная сила размѣнилась на мелкую монету подражательнаго остроумія и отвлеченнаго резонерства.

II. Морозовъ.

Исторія древнихъ религій.

(Окончаніе) *).

Какую роль играла первобытная религія въ жизни первобытныхъ людей? Каковъ ея характеръ и каково отношеніе ея къ нравственности?

Отвѣтъ на эти вопросы, который мы находимъ у Мензиса, сводится приблизительно къ слѣдующему. Прежде всего первобытная религія представляетъ крайне важную часть общественнаго служенія. Вождь племени, или одинъ изъ его членовъ, или всѣ поочереды обязаны были зорко слѣдить за поддержаніемъ добрыхъ отношеній съ божествомъ. Ни одного важнаго шага не предпринимало племя, не посоветовавшись предварительно съ божествомъ, которое считалось господиномъ и отцомъ племени. Но разъ племя исполняло все, что требовалось отъ него божествомъ, оно всегда могло рассчитывать на поддержку. Отдѣльное лицо могло также обращаться къ божеству съ своими личными горестями и нуждами; но божество считалось съ нимъ лишь какъ съ членомъ племени. Такъ какъ племя всегда было увѣрено въ благосклонности своего божества, связаннаго съ нимъ кровными узами родства, то первобытная религія имѣетъ довѣрчивый и жизнерадостный характеръ. Жертвоприношеніе—это веселая трапеза, на которой присутствуетъ божество и его родное племя. Трапеза эта нерѣдко сопровождается пѣніемъ и пляской, которая можетъ доходить до неистовства. Огромное нравственное значеніе первобытной религіи заключается въ томъ, что она способствовала ослабленію излишествъ личнаго характера въ младенческой періодъ существованія человѣчества, подчиняя всякія личныя проявленія общественнымъ интересамъ. Всѣ обычаи и постановленія племени получали санкцію божества, и всякій не исполнявшій ихъ, могъ быть всегда отторгнутъ отъ божества и отъ племени. Но то, что было хорошаго въ первобытной религіи, составляло въ то же время и ея слабую сторону. Она, можно сказать, въ корнѣ уничтожала личную инициативу. Всѣ дѣйствія и поступки были заранѣе предписаны обычаями и постановленіями племени. Она не способна была создать такую нравственность, при которой поступки и дѣйствія опредѣляются внутрен-

*) См. Образованіе № 10.

ними побужденіями чловѣка. Въ этомъ сказался ея крайне консервативный характеръ. Дѣло освобожденія личности въ нравственномъ отношеніи стало осуществляться лишь тогда, когда на первый планъ выступили культъ великихъ и благихъ небесныхъ силъ.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію великихъ религіозныхъ системъ, Мензисъ разбираетъ существовавшія въ разное время классификаціи религій. Въ основаніе своей классификаціи Мензисъ кладетъ соціологическій признакъ и раздѣляетъ всѣ религіи на племенные и національныя. Переходъ отъ племенной религіи къ національной совершается тогда, когда подъ давленіемъ тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ нѣсколько племенъ сливаются между собой и образуютъ національное государство, и представляетъ огромный шагъ впередъ въ развитіи религіи. Новая религія отличается отъ старой не только количественно, но и качественно. Во-первыхъ, одно изъ божествъ выступаетъ на первый планъ и дѣлается главнымъ божествомъ всей націи; вокругъ него группируются божества всѣхъ слившихся племенъ и возникаетъ іерархія боговъ: боги образуютъ или монархію, или семью съ единымъ главой. Во-вторыхъ, характеръ соціальныхъ отношеній значительно измѣняется: въ то время какъ связь между членами племени основана на кровномъ родствѣ и поддерживается поклоненіемъ одному и тому же божеству, представляющему собою родоначальника племени, связь между членами націи имѣетъ болѣе духовный и возвышенный характеръ, такъ какъ они поклоняются одному главному божеству націи, которое родственно лишь одному племени, а для всѣхъ прочихъ племенъ является какъ бы могущественнымъ покровителемъ. Въ-третьихъ, само главное божество дѣлается лучше и выше всѣхъ племенныхъ божествъ. Правда, что оно отстоитъ дальше отъ своихъ поклонниковъ, нежели племенное божество; но съ другой стороны оно въ одинаковой степени заинтересовано въ благополучіи всѣхъ членовъ націи, къ какому бы племени они ни принадлежали, а потому оно гораздо гуманнѣе и справедливѣе, нежели племенное божество. И чѣмъ болѣе это главное божество возвышается надъ міромъ, тѣмъ болѣе оно обнаруживаетъ вниманія къ нуждамъ и горестямъ каждаго отдѣльнаго чловѣка, усиливая такимъ образомъ значеніе отдѣльной личности и стремясь сдѣлаться идеаломъ доброты и правосудія. Такова существенная разница между племенной и національной религіей. Кромѣ того, всякая національная религія представляетъ опредѣленную систему и, забывъ свое истинное происхожденіе, провозглашаетъ себя религіей откровенія. У нея нерѣдко есть какой-нибудь основатель. Прекрасную иллюстрацію ко всему этому читатель найдетъ въ книгѣ Мензиса въ описаніи любой національной религіи; но въ особенности можно рекомендовать въ этомъ отношеніи изложеніе религій Израиля, Греціи, Рима, браманизма и буддизма: по ясности и по живости изложенія очерки этихъ религій не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Мы закончимъ наше изложеніе краткимъ очеркомъ индусской религіи.

Гимны Ведъ, представляющіе одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ религіозной литературы, въ поэтической формѣ изображаютъ первоначальныя религіозныя вѣрованія древнихъ индусовъ. Религія Ведъ имѣетъ уже вполне національный характеръ, хотя черты первобытной религіи сказываются въ ней во многихъ мѣстахъ. Она, повидимому, окончательно сформировалась къ тому времени, когда индусы, отдѣлившись отъ персовъ, съ которыми они вмѣстѣ жили въ Иранѣ, поселились въ Пенджабѣ, отѣснивъ туземцевъ къ югу и къ морскимъ побережьямъ. Мензисъ смотритъ на эту религію какъ на разновидность индо-иранской религіи, которая въ свою очередь представляетъ разновидность типической религіи древнихъ арійцевъ, сохранившейся въ наиболѣе чистой формѣ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ древнихъ германцевъ. И въ самомъ дѣлѣ, религія Ведъ имѣетъ много точекъ соприкосновенія какъ съ религіей древнихъ персовъ, такъ и съ религіей древнихъ германцевъ. Максъ Мюллеръ видитъ въ этой религіи прекрасный образецъ того, какимъ образомъ возникаютъ религіозныя понятія у первобытнаго человѣка. Но большинство ученыхъ смотритъ на нее иначе. Необходимо имѣть въ виду, что индусы, ко времени возникновенія священныхъ гимновъ Ведъ, достигли уже высокой культуры. У нихъ были уже значительные города и письменность, они раздѣлялись на касты и имѣли вполне опредѣленную общественную организацію съ строгимъ раздѣленіемъ труда. Гимны, возникшіе въ этотъ періодъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ отражать въ себѣ представленій и вѣрованій первобытной религіи. Но бесспорно, что древняя индусская религія въ томъ видѣ, какъ она изображается въ ведійскихъ гимнахъ, ближе къ первобытной религіи, чѣмъ какая бы то ни было другая національная религія. Своеобразный интересъ придаетъ этой религіи то обстоятельство, что она начинается съ простыхъ религіозныхъ понятій, развивается въ формѣ браманизма въ обширный жреческій культъ, мало по малу переходитъ въ мистицизмъ и аскетизмъ и наконецъ доходитъ въ буддизмъ до отрицанія всякихъ боговъ и обрядовъ, превращаясь въ систему спасенія личной достойною жизнью. Это развитіе индусской религіи Мензисъ изображаетъ съ такою полнотою, какая только возможна въ популярномъ руководствѣ.

Первую ступень индусской религіи представляетъ религія Ведъ. Какъ уже было сказано, Веды—это собраніе священныхъ гимновъ, гдѣ въ поэтической формѣ повѣствуется о дѣяніяхъ различныхъ великихъ небесныхъ божествъ и дается ихъ характеристика. Эти гимны, повидимому, написаны въ то время, когда арійцы поселились въ Пенджабѣ, между XVIII и XV столѣтіями до Р. Хр. Изъ четырехъ Ведъ Ригведа самаго древняго происхожденія и служитъ главнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о первоначальной религіи индусовъ. Ведійскіе боги это различныя болѣе или менѣе уже олицетворенныя части природы. О каждомъ изъ нихъ существуетъ одинъ или нѣсколько мѣвовъ. Агни, олицетвореніе огня, одно изъ главныхъ божествъ Ригведы. Это создатель и жрецъ боговъ, гость и

другъ семьи, вообще доброе и дружеское существо. Агни олицетворяетъ собою не какой-либо особенный огонь, а огонь какъ космическое начало. Онъ зарождается на небѣ и воспламеняется (каждый день на землѣ во время жертвоприношеній, когда трутся два куска дерева. Поэтому про Агни говорится, что онъ вѣчно пожираетъ своихъ родителей. Онъ проникаетъ всю природу, и въ немъ первоисточникъ всякой жизни и энергіи. Другое главное божество Ригведы—это Сома, олицетвореніе сока растенія сомы и вообще жидкой части всякой жертвы. Сома также всемірное начало: онъ питаетъ всѣ растенія, вдохновляетъ поэтовъ и сообщаетъ молитвѣ горячность. Вмѣстѣ съ Агни онъ зажигъ солнце и звѣзды. Оба эти божества вполне еще связаны со своей естественной основой. Национальнымъ божествомъ того періода, когда создавались гимны, является Индра. Это вождь, стоящій на колесницѣ, запряженной двумя конями. Онъ ведетъ вѣчную борьбу съ чудовищами зноя и засухи за освобожденіе коровъ и небесныхъ водъ, которыхъ они держатъ въ плѣну. Индра окруженъ Марутами, божествами грозы. Но самое высокое положеніе среди ведійскихъ божествъ занимаетъ Варуна, ясное и лучезарное небо. Во многихъ гимнахъ Варуна является также солнечнымъ божествомъ. Кромѣ него, назовемъ еще Яму—бога загробнаго міра, утѣшающаго умершихъ: тамъ за однимъ столомъ съ богами засѣдаютъ питры или предки, которыхъ отводитъ туда Агни, и наслаждаются вѣчнымъ блаженствомъ. Всѣ почти ведійскія божества служатъ олицетвореніемъ различныхъ сторонъ природы. Только Браманоспати, богъ молитвы, представляетъ собою божество совершенно иного типа. Но всетаки уже въ ведійскихъ божествахъ сказывается созерцательный характеръ индульской религіи. Этотъ характеръ значительно усиливается на слѣдующихъ ступеняхъ развитія. Замѣчательно, что ни одно изъ многочисленныхъ ведійскихъ божествъ не имѣетъ достаточно опредѣленнаго личнаго характера, чтобы сдѣлаться верховнымъ божествомъ. Въ тотъ періодъ, о которомъ теперь идетъ рѣчь, главнымъ національнымъ божествомъ считается повидимому Индра; но вообще такое положеніе занимаютъ то Агни, то Варуна, то богъ солнца Митра и др. Это еще катенотенстическая стадія религіи или такой монотеизмъ, главное божество котораго постоянно мѣняется. Необходимо замѣтить, что въ индульской религіи на самыхъ раннихъ ступеняхъ ея развитія обнаруживается стремленіе создать единство между многочисленными богами, которое выражается въ понятіи о Ритѣ или порядкѣ, управляющемъ физическимъ и нравственнымъ міромъ, но не связанномъ ни съ какимъ спеціальнымъ божествомъ. Такое стремленіе индульской религіи находитъ себѣ исходъ на слѣдующихъ ступеняхъ развитія въ пантеизмъ, при которомъ всѣ божества служатъ лишь проявленіями единого всеобщаго начала. Это совершенно естественный исходъ для религіи, имѣющей созерцательный характеръ. Уже въ Ригведѣ часто встрѣчается выраженіе: «Агни есть всѣ боги». Религія Ведъ по своему доврѣчивому и жизнерадостному характеру сильно еще напоминаетъ

первобытную религію. Ведійскія божества въ большинствѣ случаевъ существа благія и свѣтлыя. Жертвоприношенія имѣють характеръ трапезъ, на которыхъ присутствуютъ божество и его поклонники. Предметами жертвъ служатъ молоко, сыръ, сома—сокъ растенія сомы, опьяняющій напитокъ въ родѣ вина, сура—напитокъ въ родѣ пива. Сомы излюбленный напитокъ боговъ, укрѣпляющій ихъ силы. Въ особенности любитъ сому Индра: она придаетъ ему бодрость и силу въ борьбѣ съ врагами индусовъ. Иногда приносятся въ жертву животныя и въ особо важныхъ случаяхъ конь. Необходимую часть всякаго жертвоприношенія составляетъ гимнь, въ которомъ восхваляются разныя качества божества и въ которомъ приносящій жертву молить божество объ удовлетвореніи тѣхъ или другихъ его нуждъ. Большинство гимновъ Ригведы написаны для цѣлей жертвоприношенія. Но на этой ступени религіи нѣтъ еще ни храмовъ для жертвоприношеній, ни опредѣленныхъ формъ жертвоприношенія для отдѣльныхъ боговъ. Классъ жрецовъ уже существуетъ, но жертвоприношеніе можетъ совершаться и безъ жреца: жертву можетъ приносить всякій, кто видитъ въ этомъ для себя надобность, и всякій самъ опредѣляетъ, къ какому божеству ему надлежитъ обратиться. Огромныя перемѣны, наступившія въ этомъ отношеніи, принадлежатъ слѣдующей ступени развитія индусской религіи.

Эпоха Ведъ смѣнилась періодомъ войнъ и смуть, и побѣдоносное племя арійцевъ распространилось далѣе на востокъ отъ Инда и расселилось по рѣкѣ Гангу и его притокамъ. Перемѣна, наступившая въ социальныхъ отношеніяхъ, сводится къ окончательному установленію кастоваго строя. Въ зачаточной формѣ касты существовали, повидимому, и раньше: во-первыхъ, подобіе кастъ было у персовъ того періода, который предшествовалъ отдѣленію индусовъ; во-вторыхъ, въ Ригведѣ есть мимъ, объясняющій происхожденіе различныхъ группъ людей тѣмъ, что все люди произошли отъ различныхъ частей чудовища Пируши. Перемѣны въ социальныхъ отношеніяхъ связались на духовной физиономіи народа и повлекли за собою значительное измѣненіе первоначальной жизнерадостной религіи Ведъ—въ томъ смыслѣ, что въ ней съ одной стороны получили широкое развитіе обрядность и всякія внѣшнія формы, а съ другой все сильнѣе сталъ проявляться созерцательный духъ, который и привелъ къ мистицизму и самоотреченію. Когда прошло нѣсколько столѣтій послѣ возникновенія Ведъ, ихъ перестали понимать и начали смотрѣть на нихъ, какъ на нѣчто священное, данное свыше путемъ откровенія. Къ гимнамъ Ведъ потребовались толкованія. Толкователями явились браманы, члены самой могущественной индусской касты. Уже само названіе брамана указываетъ на его назначеніе: первоначально браманъ было именемъ божества, служившаго олицетвореніемъ всякаго роста и развитія, а потомъ—благочестія и молитвы; браманъ обозначаетъ тексты къ гимнамъ, имѣющіе отношеніе къ обрядамъ культа; наконецъ, браманъ—это названіе лица, употребляющаго и создающаго эти тексты и принадлежащаго къ высшей кастѣ индусскаго обще-

ства. Религія очутилася въ рукахъ этой касты, члены которой считались святыми по праву рожденія и стояли выше членовъ всѣхъ другихъ кастъ. Такимъ образомъ въ индусскомъ обществѣ возникаетъ настоящая іерократія. Повидимому, каста брамановъ не сразу заняла такое могущественное положеніе, а должна была выдержать упорную борьбу съ классомъ воиновъ или правителей, которые и вошли потомъ въ составъ второй касты индусскаго общества—кшатріевъ. Третью касту составили вайсіи или земледѣльцы. Четвертую, низшую касту составляли судры, которые должны были служить тремъ высшимъ кастамъ. Прежде всего этотъ періодъ знаменуется возникновеніемъ новой религіозной литературы—браманъ или трактатовъ объ обрядахъ, написанныхъ въ прозаической формѣ и разъяснявшихъ смыслъ различныхъ ведійскихъ гимновъ. Каждая самхита или собраніе гимновъ имѣла свою браману, а иногда даже нѣсколько браманъ. Съ теченіемъ времени святость текста перешла на его толкованіе: браманы стали также считаться вдохновенными свыше писаніями и даже болѣе святыми, чѣмъ самый текстъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Наконецъ былъ еще одинъ разрядъ вдохновенныхъ свыше писаній: это упанишады или умозрительные трактаты. Въ составъ «Ведъ» въ обширномъ смыслѣ и вошли всѣ эти священныя писанія. Впослѣдствіи Веды стали до такой степени святыми, что ихъ стали даже обоготворять: ихъ ставили въ связь съ сотвореніемъ міра и приписывали имъ сверхъестественную силу. Само собою разумѣется, что классъ людей, взявшійся за истолкованіе Ведъ, долженъ былъ пользоваться огромнымъ авторитетомъ. Про того, кто приступаетъ къ изученію Ведъ, говорилось, что онъ приноситъ полную жертву, приобретаетъ для себя непреходящій міръ и соединяется съ Брамой. Ни одно жертвоприношеніе, какой бы характеръ оно ни носило, семейный или общественный, не могло обходиться безъ брамана со времени возникновенія этой касты. Съ этихъ поръ происходитъ самая детальная разработка разныхъ сторонъ жертвоприношенія. Дѣло наконецъ доходитъ до того, что внѣшняя обрядовая сторона религіи окончательно поглощаетъ ея содержаніе: жертвоприношеніе, слова молитвы и различныя дѣйствія жреца до такой степени приковываютъ къ себѣ вниманіе приносящихъ жертву, что они забываютъ самое божество. Первоначальныя естественныя божества вытѣсняются новыми съ другимъ характеромъ. Брама, служившій сначала олицетвореніемъ молитвы въ связи съ жертвоприношеніемъ, дѣлается верховнымъ божествомъ и приобретаетъ нѣсколько иныхъ качества. Обоготворяется триада: Агни (огонь), Вайу (воздухъ) и Сирія (солнце). Дуализмъ, незнакомый религіи Ведъ, сказывается на этой ступени въ распадѣнн всѣхъ божествъ на два класса: одинъ классъ образуютъ девы или благія божества, а другой—ассуры или злыя божества. Новая религія становится убѣжищемъ множества предрассудковъ и суевѣрій, отъ которыхъ была совершенно свободна первоначальная религія, и вмѣшивается въ практическую жизнь индуса вообще, а въ частности брамана, подчиняя ее безчисленнымъ правиламъ и предписаніямъ. Всѣ эти

правила и предписанія изложены въ самой полной книгѣ индусскихъ мудрецовъ, въ такъ называемыхъ законахъ Ману, мнѣческаго родоначальника людей. Въ законахъ Ману подтверждается святость и превосходство касты брамановъ передъ другими кастами. Но съ другой стороны жизнь брамана съ его рожденія и до смерти подчинена самымъ строгимъ предписаніямъ и раздѣляется на четыре части. Первую часть своей жизни юный браманъ посвящаетъ изученію священныхъ гимновъ Ведъ подъ руководствомъ испытаннаго и стараго брамана. Послушаніе—это первая обязанность ученика по отношенію къ своему учителю. Ради учителя должно быть забыто все на свѣтѣ, должны быть оставлены всякія личныя привязанности, какъ семейныя, такъ и товарищескія. Всякое ученіе начинается съ такъ называемаго стиха Савитри: «Дай намъ размышлять объ этой великолѣпной славѣ божественнаго животворителя. Да просвѣтитъ онъ наше разумьніе». Всякій разъ въ концѣ этого стиха произносится мистическій слогъ Омъ, который значить «да» или «аминь», но въ самомъ отвлеченномъ и общемъ смыслѣ, въ смыслѣ подтвержденія чистаго и вполне свободнаго существованія. Когда ученіе кончается, браманъ приноситъ свою первую жертву, женится и предается своимъ домашнимъ дѣламъ. Онъ можетъ существовать тогда трудомъ своихъ собственныхъ рукъ, но можетъ и пользоваться услугами другихъ и даже существовать подаяніемъ. Въ этомъ состоитъ вторая часть его жизни. Выростивъ и воспитавъ сына, браманъ покидаетъ свою семью и дѣлается отшельникомъ, вступая такимъ образомъ въ третью часть своей жизни, которая состоитъ въ созерцаніи и умерщвленіи плоти. Наконецъ, четвертая часть жизни проводится въ состояніи полнаго аскетизма, въ состояніи бхикку или санніасина. Достигшій вполне зрѣлаго возраста браманъ раздаетъ все свое имущество, освобождается отъ исполненія всякихъ обрядовъ и отказывается отъ всякаго человѣческаго общества. Онъ существуетъ только подаяніемъ. Онъ предается созерцанію, пытаясь освободиться отъ всякихъ желаній, чтобы такимъ образомъ слиться съ верховной душою и достигнуть единенія съ Брамой и окончательнаго освобожденія. Предписанія Ману, касающіяся этого періода жизни брамана, приницнуты высоко-нравственнымъ духомъ. Онъ долженъ постоянно заботиться о томъ, чтобы такъ или иначе не обидѣть ни одного живого существа. Онъ долженъ постоянно размышлять о верховной душѣ, которая присутствуетъ во всѣхъ организмахъ, какъ въ малыхъ, такъ и въ большихъ. Онъ не долженъ оскорблять оскорбляющаго его. Онъ не долженъ быть ничьимъ врагомъ ради преходящаго своего тѣла. Онъ долженъ благословлять, когда его проклинаютъ. Такимъ то путемъ, освобождаясь отъ всякихъ ощущеній, онъ даже въ этомъ мірѣ можетъ достигнуть полной свободы и покоя и соединиться съ великимъ духомъ. Этого уже достаточно, чтобы видѣть, что въ браманизмѣ параллельно съ развитіемъ вѣншей обрядовой стороны шло и развитіе стремленія къ внутреннему совершенствованію. Спасенія достигалъ не только тотъ, кто строго исполнялъ всѣ обряды, но и тотъ, кто достигалъ полнаго господства надъ всѣми своими

страстями. Часто указывалось, что это стремление къ совершенствованію путемъ подавленія всякихъ желаній и путемъ удаленія отъ всякихъ житейскихъ дѣлъ имѣеть слишкомъ пассивный и слишкомъ личный характеръ, а потому эгоистично. Не смотря на это, въ браманизмѣ проявляется гуманный и серьезный человѣческій духъ и та возвышенная нравственность, которая исходитъ изъ внутреннихъ побужденій человѣка. Слабую сторону браманизма составляетъ его отношеніе къ судрамъ, которые ни въ какомъ случаѣ и никогда не могли выйти изъ своего низменнаго состоянія и достигнуть спасенія.

Но индусская мысль этого періода останавливается не на однихъ только нравственныхъ вопросахъ. Она пытается создать единство между многочисленными богами и отвѣтить на вопросъ о томъ, что такое міръ и каково его происхожденіе. Работа мысли въ этомъ послѣднемъ направленіи изложена въ «Упанишадахъ» или «Сообщенныхъ ученіяхъ». Брама окончательно поглощаетъ всѣхъ боговъ, которые становятся съ этихъ поръ лишь его проявленіями, и приобретаетъ чисто духовный характеръ. Брама—мыслитель, познающій, «Маганъ Атма» или великій духъ, возсѣдающій въ непоколебимомъ покоѣ надъ всѣми переменами и смятеніями во вселенной. Міръ же есть не что иное, какъ порожденіе Майи или иллюзіи. Онъ возникъ вслѣдствіе того, что въ Брамѣ, который проявляется въ безконечно разнообразныхъ формахъ, по ошибкѣ былъ сдѣланъ переходъ отъ единого къ многому, и въ этомъ переходѣ скрывается начало и причина всего зла и всѣхъ страданій во вселенной. Нѣкоторые же приписывали происхожденіе міра не тому, что Брама сдѣлался предметомъ иллюзіи, а тому, что во взглядахъ и мысляхъ человѣка на міръ скрывается иллюзія. И если бы человѣкъ могъ освободиться отъ козней Майи и понять, что міръ лишь иллюзія, то этимъ онъ не только спасъ бы себя, но и не мало сдѣлалъ бы для уничтоженія мірового страданія. Отсюда происходятъ два крайне важныхъ въ практическомъ смыслѣ слѣдствія: чтобы спастись, во-первыхъ, необходимо во что бы то ни стало избавиться отъ всякаго вліянія этого міра, а во-вторыхъ, необходимо стремиться къ полному сліянью съ Брамой, съ этимъ великимъ духомъ, часть котораго присутствуетъ въ каждомъ живомъ существѣ, даже въ каждомъ предметѣ окружающаго міра. Но это ученіе не имѣло никакого успѣха въ народѣ въ силу своего крайне отвлеченнаго характера; мало того, оно способствовало даже пониженію народной религіи, являясь религіей аристократіи и содѣйствуя еще большому раздѣленію различныхъ классовъ индусскаго общества. Къ этому же времени въ браманизмъ проникло и вѣрованіе въ переселеніе душъ, которое, по мнѣнію большинства ученыхъ, было занесено откуда-то извнѣ. Это вѣрованіе не могло возникнуть внутри самого браманизма, такъ какъ представленіе о душѣ имѣеть слишкомъ мало общаго съ представленіемъ объ «атма», или «дыханіи», или «я», составляющемъ неотъемлемую часть каждаго существа и въ то же время тождественномъ съ «Маганъ Атма» или съ великимъ духомъ. Вѣра въ переселеніе душъ объясняла

также учение о преемственности страдания. Душа во всѣхъ послѣдующихъ формахъ своего существованія страдаетъ за ошибки прегрѣшенія, содѣяныя въ предыдущихъ формахъ существованія. Но разъ это такъ, разъ мои страданія происходятъ не изъ моихъ дѣйствій того существа, въ которомъ пребывала моя душа до меня, то правой жизнью я могу подготовить блаженное существованіе моей души въ послѣдующихъ ея формахъ. Эти два положенія служатъ исходнымъ пунктомъ буддистскаго ученія. Изъ боговъ, которымъ поклонялся народъ въ это время, необходимо упомянуть Брамю, Вишну и Сиву, образующихъ браманскую троицу. Первый изъ этихъ боговъ считался творцомъ всего существующаго, но ему поклонялись мало, такъ какъ у него не было опредѣленнаго личнаго характера. Особеннымъ поклоненіемъ пользовались Вишну, божество неба, солнца и воздуха, поддерживавшій порядокъ во вселенной, и Сива—злое, всеокрушающее божество. Къ этому же времени относится и возникновеніе ученія о воплощеніи, которое состоитъ въ томъ, что Вишну, воплощаясь въ десяти человѣческихъ формахъ, можетъ спускаться на землю и болѣе непосредственно вмѣшиваться въ человѣческія дѣла всякій разъ, когда это бываетъ необходимо. Въ этомъ ученіи находило себѣ удовлетвореніе желаніе человѣка быть въ болѣе близкихъ и непосредственныхъ отношеніяхъ съ божествомъ. Доктрина о воплощеніи нашла себѣ мѣсто и въ буддизмѣ.

Основателемъ буддизма считается Гаутама, сынъ одного изъ индусскихъ раджей (царей). Полагаютъ, что онъ жилъ за 500 съ чѣмъ-то лѣтъ до Р. Хр. Имя, данное ему при рожденіи, было Сиддарта; но впоследствии, когда онъ уже позналъ истину, онъ сталъ называться Буддой, т. е. «познавшимъ». 19-ти лѣтъ онъ женился и занялся потомъ дѣлами управленія племени сакиевъ, къ которому принадлежалъ. Но проживъ съ женой 10 лѣтъ въ любви и согласіи и приживъ съ ней сына, онъ внезапно бросилъ свою семью и дѣла, и поступилъ въ ученики къ браманамъ. Говорятъ, что къ этому его побудило убѣжденіе во всеобщности человѣческаго страданія и страстное желаніе найти какой нибудь путь для облегченія этого страданія. Изучивъ всю священную литературу, онъ сдѣлался аскетомъ и провелъ шесть лѣтъ самой суровой жизни, предаваясь посту и молитвѣ и вообще всячески умерщвляя свою плоть. Но этимъ путемъ ему не удалось познать истину. Тогда онъ рѣшилъ избрать свой собственный путь. Онъ пересталъ суровыми мѣрами умерщвлять свою плоть, отказался отъ всякихъ внѣшнихъ дѣйствій и всецѣло отдался внутренней работѣ надъ собою, вполне убѣжденный, что такимъ путемъ скорѣе всего можно постигнуть истину. И онъ постигъ эту истину. Въ словахъ, которыя онъ произнесъ, когда внезапно былъ просвѣтленъ свыше и достигъ познанія всѣхъ вещей, заключаются основныя положенія его ученія. Вотъ эти слова: «Въ поискахъ за создателемъ этого шатра, я долженъ пройти черезъ множество рожденій, до тѣхъ поръ, пока не найду его; а всякое новое рожденіе связано со страданіемъ. Но теперь, создатель шатра, тебя узрѣли; ты не будешь снова

раскидывать этого шатра. Всѣ твои стропила обрушились; твои жерди поломаны; духъ, приближаясь къ вѣчному, достигъ уничтоженія всѣхъ желаній». Необходимо имѣть въ виду, что самъ Будда ничего не написалъ и, подобно Сократу, излагалъ свое ученіе устно. Такъ называемая палийская біблія, въ которой излагается ученіе Будды и описывается его жизнь, возникла повидимому лишь сто лѣтъ спустя послѣ смерти Будды. Кромѣ того, въ послѣднее время возникъ споръ о томъ, существовали-ли на самомъ дѣлѣ Будда; многіе ученые отказываются видѣть въ буддизмѣ дѣло одной личности и смотрятъ на него какъ на систему, выработанную самымъ просвѣщеннымъ классомъ индусскаго общества. На чей сторонѣ тутъ правда, это можетъ показать лишь будущее.

Вышеприведенныя слова Будды показываютъ, что универсальность страданія представляетъ исходный пунктъ буддизма. Первая проповѣдь, которую произнесъ Будда въ Бенаресѣ, касается причинъ мірового страданія и указываетъ пути, посредствомъ которыхъ можно избѣжать страданія. Въ то время какъ христіанство считаетъ причиной страданій данной личности ея собственныя страсти, желанія и дѣйствія, Будда усматриваетъ причину человѣческаго страданія въ исторіи человѣческой личности, какъ ее понимаетъ индусская мысль. Человѣкъ страдаетъ, ибо рождается вновь, а причина его возрожденія заключается въ тѣхъ желаніяхъ, которыя онъ чувствовалъ въ предшествующемъ своемъ существованіи. Эту мысль о желаніи, какъ о причинѣ человѣческаго страданія, Будда высказываетъ въ связи съ ученіемъ о человѣческой жизни и о воздѣйствіи одного поколѣнія на другое, другими словами, въ связи съ открытой имъ цѣпью существованія или съ закономъ причинности явленій. Началомъ этой цѣпи существованія служитъ незнаніе; отъ незнанія происходятъ разные виды творенія, а отъ этихъ послѣднихъ въ свою очередь—сознаніе, внѣшнія чувства, соприкосновеніе, желаніе и т. д. вплоть до рожденія и всѣхъ мученій жизни. Если уничтожить незнаніе, то уничтожатся и всѣ его послѣдствія, а стало быть и міровое страданіе. Но ученіе о законѣ причинности явленій отличается неясностью, такъ какъ оно пытается объединить два противоположныхъ взгляда на природу человѣческой личности. Будда какъ бы самъ чувствовалъ, что открытый имъ законъ причинности не будетъ какъ слѣдуетъ понятъ людьми, а потому долго не рѣшался проповѣдывать своего ученія, пока его не побудилъ къ этому самъ Брама. Дѣло въ томъ, что буддизмъ первоначально отрицалъ человѣческое «я» и смотрѣлъ на человѣка какъ на агрегатъ различныхъ атрибутовъ и чувствованій. Подъ различными дѣйствіями и проявленіями человѣка нѣтъ постоянного субстрата личности, какъ нѣтъ телѣги въ придачу къ колесамъ, оглоблямъ, гвоздямъ и т. д., хотя каждая телѣга и складывается изъ всѣхъ этихъ частей. Это такъ называемое ученіе о скандахъ; оно заключаетъ въ себѣ отрицаніе души и прямо вытекаетъ изъ ученія Будды о всеобщемъ разрушеніи. Но это ученіе трудно мирится съ всеобщностью и неумолимостью страданія.

Разъ все такъ или иначе подвержено разрушенію, то очевидно, что часъ смерти представляетъ въ то же время и часъ освобожденія. Тѣмъ не менѣе Будда не могъ этого думать, такъ какъ въ Индіи была тогда сильна вѣра въ переселеніе душъ. Вѣра эта съ одной стороны придавала печальный и безысходный характеръ мировому страданію, но съ другой стороны она подтверждала долговѣчность и постоянство одной лишь души, считая все прочее случайнымъ и временнымъ. Какимъ же образомъ Будда примирилъ эти два противоположныя другъ другу ученія? Онъ достигъ этого, выставивъ ученіе о ниданѣхъ или о цѣпи существованія, ученіе довольно запутанное. Хотя душа представляетъ лишь случайное соединеніе элементовъ и не можетъ поэтому передаваться, но нравственное вліяніе предыдущихъ жизней передается послѣдующимъ. Какимъ же образомъ разрывать эту цѣпь существованія, какъ избѣжать постояннаго возрожденія то въ видѣ животныхъ, то въ видѣ людей и освободиться отъ страданія? Для этого прежде всего необходимо освободиться отъ невѣдѣнія, необходимо познать четыре великія истины, высказанныя Буддою въ первой его проповѣди въ Бенаресѣ. Первая изъ этихъ истинъ содержитъ въ себѣ перечисленіе различныхъ видовъ страданія (рожденіе, смерть, разрушеніе, болѣзнь, присутствіе ненавистныхъ предметовъ, отсутствіе любимыхъ предметовъ, невозможность осуществить какое нибудь желаніе и т. д.). Вторая истина касается причинъ страданія и называется три самыя главныя изъ нихъ: жажду удовольствія, жажду жизни, жажду счастья. Третья истина гласитъ о томъ, что страданіе прекращается съ прекращеніемъ всякаго желанія и всякой страсти. Наконецъ, четвертая истина указываетъ тотъ путь, который приводитъ къ прекращенію страданія. Этотъ путь заключается въ восьми видахъ работы надъ собой: въ правой вѣрѣ, въ правомъ стремленіи, въ правой рѣчи, въ правомъ поведеніи, въ правыхъ средствахъ жизни, въ правомъ стараніи, въ правой памяти и въ правомъ размышленіи. Будда отвергаетъ суровые приемы брамановъ, считая ихъ одною изъ двухъ крайностей: «Одна крайность — это жизнь, посвященная удовольствіямъ и наслажденіямъ; она унижательна, чувственна, низменна, бесполезна. Другая крайность — жизнь, исполненная умерщвленій самого себя; она мучительна, низка и бесполезна». Избѣгая этихъ двухъ крайностей, Будда достигъ познанія средняго пути, неизбѣжно приводящаго къ пониманію, къ мудрости, къ покою и къ Нирванѣ. Итакъ, чтобы избѣжать кары или нравственнаго возмездія, безопасно вызывающаго въ одной жизни результаты того, что накоплено въ предыдущихъ жизняхъ, необходимо тщательно и непрерывно работать надъ собой, избѣгать всякихъ крайностей и съ полнымъ самообладаніемъ проводить въ жизнь добродѣтели, поименованныя въ четвертой великой истинѣ. На этомъ пути необходимо пройти четыре степени, необходимо возродиться четыре раза, но всякій разъ въ болѣе чистой и возвышенной формѣ. Четвертая степень называется арахатъ и уже не требуетъ возрожденія. Но арахатъ, будучи самъ спасенъ, не можетъ спасти дру-

гихъ и этимъ онъ отличается отъ Будды, который, благодаря своему совершенному познанію, можетъ спасти другихъ. Слово Будда, какъ уже говорилось, значитъ «познавшій» и принадлежитъ періоду, предшествовавшему буддизму. Вообще въ то время было распространено мнѣніе, что иногда «просвѣщенный и просвѣщающій», всевѣдущій и совершенный учитель посѣщаетъ міръ. Такихъ учителей было 24, Гаутама двадцать пятый, но не послѣдній изъ нихъ. Это мнѣніе повидимому находится въ связи съ браманскимъ ученіемъ о воплощеніи, такъ какъ и Будда является въ одно и то же время и человѣкомъ, и божествомъ. Впослѣдствіи возникла даже легенда о томъ, что Будда изъ состраданія къ людскому горю добровольно возродился въ человѣческомъ образѣ. Такъ какъ такимъ путемъ устанавливаются самыя тѣсныя отношенія между учителемъ и его учениками, то этимъ отчасти объясняется успѣхъ буддизма. Но главнымъ образомъ успѣхъ буддизма обуславливается его возвышеннымъ нравственнымъ характеромъ. Провозглашая равенство всѣхъ людей, онъ стоитъ гораздо выше браманизма. Кромѣ того, буддизмъ предписываетъ самую широкую терпимость ко всѣмъ существамъ и ко всѣмъ мнѣніямъ. Онъ требуетъ любви ко всякому живому существу. Въ чистомъ буддизмѣ нѣтъ никакихъ боговъ и никакого культа. Желая спастись, человѣкъ долженъ полагаться лишь на самого себя и искать спасенія внутри самого себя: никакіе боги и никакія силы не могутъ помочь ему въ этомъ. Но буддизмъ никогда не могъ сдѣлаться міровой религіей и мало способствовалъ движенію цивилизаціи, потому что онъ представляетъ самую личную религію. Онъ не стремится къ достиженію царствія Божія общими усиліями всѣхъ вѣрующихъ, а имѣетъ въ виду лишь спасеніе отдѣльныхъ личностей, которыя самымъ актомъ своего спасенія удаляются отъ міра. Все, что тутъ можетъ одинъ человѣкъ сдѣлать для другого, сводится лишь къ тому, чтобы открыть глаза для истиннаго познанія, просвѣтить и направить на путь, ведущій къ спасенію или къ нирванѣ, т. е. къ такому состоянію, гдѣ уже нѣтъ ни страстей, ни желаній и гдѣ человѣкъ окончательно сливается съ безконечностью. Слабая сторона буддизма заключается именно въ его пассивности, въ томъ, что онъ не провозгласилъ дѣятельной нравственности. Хотя буддизмъ пользуется огромнымъ распространеніемъ, но въ чистой своей формѣ онъ никогда не имѣлъ успѣха въ народныхъ массахъ.

Если читатель желаетъ получить болѣе полную и ясную картину развитія индусской религіи, онъ найдетъ ее въ книгѣ Мензиса. Мы же закончимъ нашъ и безъ того уже затянувшійся очеркъ указаніемъ на то, что изложенію различныхъ религій Мензисъ всегда предпосылаетъ характеристику той расы или той группы народовъ, среди которой возникла та или другая религія и старается такимъ образомъ объяснить ее особенности. Такъ напр. крайне дѣятельный характеръ семитскихъ религій и въ особенности религіи евреевъ и сильное развитіе въ нихъ монотеистической идеи онъ объясняетъ особымъ душевнымъ складомъ семитовъ.

Утилитарный характер римской религии находит себѣ объясненіе въ практической жилкѣ, присущей римлянамъ въ высокой степени. Эстетическія способности грековъ отразились и на ихъ религии, которая обнаруживаетъ сильное стремленіе въ красотѣ и гармоніи въ статуяхъ боговъ и въ изящныхъ великолѣпныхъ храмахъ. Но наряду съ расовыми вліяніями Мензисъ всегда указываетъ и болѣе могущественныя социальныя вліянія, способныя создавать въ религіяхъ гораздо большія отклоненія. Такъ, консервативный характеръ религии египтянъ онъ объясняетъ социальными условіями. Несмотря на самое полное развитіе нѣкоторыхъ сторонъ религии, какъ напр. ученія о загробной жизни, египтяне оказались неспособными дойти до монотеизма. Дуализмъ въ религии персовъ представляетъ отраженіе условій жизни преобладавшаго въ Персіи земледѣльческаго класса, которому приходилось бороться не только съ природой, но и съ набѣгами пограничныхъ хищныхъ племенъ: божества этихъ пограничныхъ племенъ и стали считаться у персовъ злыми. Наряду съ этими достоинствами «Исторія религии» Мензиса отличается такой живостью изложенія, что врядь ли много найдется книжекъ, подобныхъ ей въ этомъ отношеніи. Намъ думается, что съ этимъ согласится всякій, кто найдетъ возможность прочесть эту книжку *). Прочтется же она съ удовольствіемъ и съ пользою хотя бы уже потому, что касается наиболѣе возвышенныхъ проявленій человѣческаго духа, послужившихъ толчкомъ для множества чудныхъ произведеній поэзіи и искусства и не мало посодѣйствовавшихъ упорной работѣ человѣческой мысли въ отысканіи истины и всеобщаго счастья.

В. Чепинскій.

*) Это теперь и не трудно, такъ какъ она появилась на русскомъ языкѣ въ изданіи Ф. Павленкова и стоитъ 1 рубль.

Война и цивилизація.

Статья Ле-Сюера.

Событія недавних мѣсяцевъ въ области международной политики, способныя внушить опасенія, способствовали въ то же время выясненію противорѣчій между идеею войны и нравственнымъ сознаниемъ нынѣшняго вѣка. Слухи о войнѣ носились въ воздухѣ, и во многихъ цивилизованныхъ государствахъ народныя страсти дошли до весьма опасной точки; и все таки война не разразилась, несмотря на ярость демагоговъ, несмотря на требованія раздраженной черни. Небо было обложено черными грозowymi тучами, но грозы не произошло. Было бы слишкомъ опрометчиво утверждать, что отнынѣ война между цивилизованными народами невозможна, — въ виду обширныхъ и все болѣе разрастающихся приготовленій къ войнѣ, какія мы видимъ у большинства цивилизованныхъ націй за послѣднія десять или двадцать лѣтъ, а также въ виду того, что многія государства, повидимому, наиболѣе склонныя къ миру, стали въ послѣднее время проявлять воинственныя чувства. Въ то же время ненавистники войны могутъ извлечь надежду и утѣшеніе изъ того факта, что въ настоящее время война, повидимому, совершенно невозможна. Пусть легкомысленные люди говорятъ, что имъ угодно, но въ наши дни чрезвычайно велики нравственныя затрудненія для войны между двумя цивилизованными странами. Мы не говоримъ, что трудности эти не могутъ быть побѣждены, что проводникъ электричества не можетъ лопнуть отъ внезапнаго и огромнаго накопленія силы; но мы утверждаемъ и утверждаемъ съ радостью, что напряженіе должно быть огромнымъ, а обстоятельства должны сложиться роковымъ образомъ для того, чтобы былъ достигнутъ подобный результатъ.

Мы охотно допускаемъ, что, становясь на теоретическую точку зрѣнія, очень трудно представить себѣ полное прекращеніе войны или полное прекращеніе военныхъ приготовленій. Въ своемъ знаменитомъ сочиненіи о войнѣ Де-Квинсей (De Quinsey) прежде всего высказываетъ убѣжденіе, что война не можетъ быть уничтожена, а затѣмъ говоритъ, что она и не должна быть уничтожена. Онъ считаетъ войну во-первыхъ, «необходи-

мою по законамъ природы, проистекающею изъ природы человѣка, изъ взаимодействія его природы и его положенія», а во-вторыхъ, «необходимо и въ духовномъ смыслѣ, такъ какъ она влечетъ за собою благодѣтельные результаты, постоянно скрывающіеся въ томъ, что всѣми признается за зло». Война должна существовать, по его мнѣнію, какъ нѣчто уравновѣшивающее противоположныя стремленія еще болѣе опаснаго характера, какъ ядъ, служащій противоядіемъ отъ еще болѣе смертоноснаго яда». Де-Квинсей краснорѣчиво развилъ это положеніе; но мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, что онъ доказалъ его, а это главное. Отвергнувъ мысль, что войны часто возникали по пустяшнымъ поводамъ, какъ, напр., изъ за ссоры въ будуарѣ или изъ за дурнаго настроенія короля, срывающаго гнѣвъ свой на своемъ министрѣ иностранныхъ дѣлъ, который въ свою очередь задѣваетъ сосѣднюю націю,—онъ утверждаетъ, что истинныя причины войны кроются «въ системѣ національнаго соперничества, въ общей политической системѣ, въ которой отдѣльныя націи неизбѣжно являются партіями, не имѣющими внутренняго принципа для приведенія своихъ силъ въ равновѣсіе, не имѣющими также верховнаго Ареопага или судилища для рѣшенія своихъ споровъ». Онъ указываетъ также—и въ этомъ отношеніи онъ вполне правъ—что война, ведущаяся отвѣтственными державами по общепризнаннымъ правиламъ, лучше ничѣмъ не регулируемыхъ столкновеній и стычекъ вдоль границъ сосѣднихъ государствъ; но, такъ какъ подобныя столкновенія могутъ быть предупреждаемы полиціей сосѣднихъ государствъ, то мы не можемъ считать этого вѣскимъ доводомъ въ пользу необходимости войны. На самомъ дѣлѣ, такія столкновенія и предупреждаются именно такимъ образомъ, такъ что границы двухъ сосѣднихъ цивилизованныхъ государствъ во время мира пользуются такимъ же спокойствіемъ, такую же безопасность, какъ прочія части этихъ государствъ.

Больше вниманія заслуживаетъ тотъ аргументъ, что война является необходимымъ результатомъ соперничества государствъ. Де Квинсей говоритъ, что это «инстинктивное средство для исправленія ошибокъ равновѣсія въ дѣлѣ относительнаго положенія государствъ. Любезности и увѣренія въ дружбѣ» прибавляетъ онъ, «должны происходить между народами; это изящная драпировка, за которою скрываются ихъ естественныя, свирѣпыя, звѣрскія отношенія другъ къ другу. Но сверкающіе глаза, выражающіе глубокую и неизмѣнную свирѣпость, время отъ времени выглядываютъ изъ за этихъ пышныхъ драпировокъ; и грустно сознавать, что по временамъ *должны* проявляться наружу дѣйствія и настроенія, соответствующія выраженію этихъ сверкающихъ глазъ». Правда, что различія въ національномъ темпераментѣ, различія учреждений и торговыя соперничества питаютъ враждебныя отношенія; но тѣмъ не менѣе является вопросъ: долго-ли еще будутъ цивилизованныя націи настаивать на необходимости взаимнаго избіенія по этимъ причинамъ? Нельзя отрицать, что въ новѣйшее время самый характеръ войны измѣнился къ лучшему. Война все еще имѣетъ

въ виду убивать или изувѣчивать; но съ каждымъ десятилѣтіемъ ей приходится все болѣе и болѣе считаться съ духомъ гуманности. Въ нашъ вѣкъ цивилизованныя націи ведутъ войну только тогда, когда это неизбежно или когда онѣ считаютъ это неизбежнымъ, когда обстоятельства, которыя сильнѣе ихъ, принуждаютъ ихъ къ этому; но онѣ совершаютъ ужасныя дѣла подѣ влияніемъ иного духа, чѣмъ то было въ прошломъ: онѣ недостаточно ненавидятъ или презираютъ своихъ враговъ для того чтобы находить въ войнѣ удовлетвореніе. Что касается «сверкающихъ глазъ», то замѣтимъ, что пока глаза сверкаютъ,—всегда можетъ грозить опасность; но глаза могутъ засверкать подѣ влияніемъ минутнаго раздраженія, хотя бы въ сердцѣ не было постоянной затаенной вражды; а въ такомъ случаѣ—какое было бы ужасное несчастье, если бы изъ-за минутной вспышки цѣлое государство или цѣлый материкъ могли бы быть охвачены пламенемъ войны!

Вотъ какія мысли, думается намъ, все сильнѣе занимаютъ умы и сердца людей въ настоящее время. Упомянутый нами защитникъ войны самъ говоритъ, что «война все улучшаетъ свои приемы», и что, хотя она является послѣднимъ приближеніемъ, но «постоянно отодвигается дальше и дальше, на самый послѣдній планъ». Это писалось 50 лѣтъ тому назадъ, когда почти неизвѣстенъ былъ третейскій судъ между народами. Теперь мы имѣемъ полное право задать себѣ вопросъ, сколько времени война продержится на практикѣ, если будетъ все отступать на задній планъ. Война мало по малу стремится къ своему собственному уничтоженію, такъ какъ благодаря ей все яснѣе становится польза принциповъ международнаго суда, и такъ какъ она сама вызываетъ изслѣдованіе и обсужденіе спорныхъ вопросовъ. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ «накопится обширный законъ для всѣхъ народовъ», такъ что «возможно будетъ учредить настоящій Ареопагъ или центральный конгрессъ для всего христіанскаго міра: не для того» (спѣшить прибавитъ авторъ), «чтобы уничтожать войны, а для того, чтобы примирять мѣстную или минутную вражду и избавлять отъ тѣни безчестія государства, отказавшіяся вступить въ войну». Слова эти гораздо болѣе приложимы къ настоящему времени, чѣмъ къ какому нибудь иному; и ходъ событій и развитіе гуманитарныхъ чувствъ въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ сдѣлали войну значительно болѣе труднымъ дѣломъ и вызвали въ народахъ желаніе регулировать свои взаимныя отношенія на основаніи принциповъ справедливости. Гдѣ суждено остановиться этому процессу? Очевидно, существуетъ коренное противорѣчіе между обращеніемъ къ разуму и обращеніемъ къ силѣ; и если усиливается привычка обращаться къ разуму, то можемъ-ли мы думать, что народы будутъ постоянно и безконечно дѣлать обширныя приготовленія для разрѣшенія своихъ споровъ другимъ способомъ? «Одно ясно», говоритъ Де-Квинсей, «что если всѣ причины войны, заключающей въ себѣ явную несправедливость, будутъ уничтожаться силою общественнаго мнѣнія, то удивительно сузится и тотъ кругъ, въ предѣлахъ котораго война будетъ

возможна». Мы съ радостью можемъ сказать, что все теперь явно влѣнется къ этому. Гораздо болѣе современный писатель, Эрнестъ Лависсъ въ книгѣ своей «Общій взглядъ на политическую исторію Европы», дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: Стремленіе къ территориальному расширенію умѣряется извѣстнаго рода скромностью. Въ настоящее время ни одинъ государь не рѣшится совершить захваты подѣ такими предлогами, какъ Людовикъ XIV передѣ нападеніемъ на Испанію въ 1667 г. или Фридрихъ II послѣ вторженія въ Силезію въ 1740 г. Если бы существованіе Польши, какъ бы жалко оно ни было, продолжалось еще нѣсколько десятилѣтій, то весьма вѣроятно, что паденіе ея стало бы невозможнымъ».

Нельзя отрицать, что въ прошлыя времена войны принесли нѣкоторую пользу; нельзя также съ увѣренностью утверждать, что никогда отъ нихъ не произойдетъ никакой пользы даже для цивилизованныхъ народовъ. Но можно все таки сказать, что если война происходитъ между двумя подобными народами, то происходитъ, благодаря не самой цивилизаціи, а благодаря какому нибудь изъяну въ цивилизаціи у одного, или у другого, или у обѣихъ народовъ, напр., благодаря преобладанію страсти къ расширенію своихъ владѣній, благодаря непониманію требованій разума, благодаря какой нибудь ошибкѣ внутренняго управленія, — дающей возможность не въ мѣру развиться грубымъ страстямъ и невѣжественнымъ предрасудкамъ толпы или своекорыстнымъ и партійнымъ воззрѣніямъ правящаго класса, — благодаря національному самомиѣнію или какой нибудь абераціи общественнаго миѣнія. Въ такихъ случаяхъ война даетъ жестокіе и весьма полезныя уроки; но къ несчастію, она не всегда способствуетъ водворенію справедливости. Она показываетъ, гдѣ скрывается сила, но не всегда указываетъ, на чьей сторонѣ правда. Она можетъ карать тамъ, гдѣ всего меньше нужна кара, и усиливать гордость тамъ, гдѣ ея было уже слишкомъ много. Какое бы зло она ни уничтожала, война всегда оставляетъ послѣ себя новое зло. Мы можемъ только надѣяться, что благодаря этимъ ужаснымъ испытаніямъ, міръ шагнетъ впередъ въ своемъ развитіи. Но ради этого намъ нечего восхвалять войну, какъ нечего восхвалять и эпидемію, которая, происходя вслѣдствіе нарушенія тѣхъ или другихъ санитарныхъ принциповъ, чаще всего поражаетъ слабые организмы въ обществѣ, и послѣ прекращенія которой уровень физической силы этого общества до нѣкоторой степени повышается. Если мы не одобряемъ войны, то тѣмъ меньше можемъ одобрять настроенія, вызывающія войну. А это и есть то роковое заблужденіе, въ которое впадаютъ многіе: такъ какъ въ извѣстныхъ случаяхъ нѣкоторые результаты войны оказывались благодѣтельными, то люди считаютъ нужнымъ развивать и поддерживать воинственный духъ. Это то-же самое, какъ если бы стали преднамѣренно накапливать нечистоты съ цѣлью вызвать вторую эпидемію, потому только, что предыдущая эпидемія, съ санитарной точки зрѣнія, принесла нѣкоторую пользу. Эпидеміи должны научать насъ, какъ избѣгать ихъ, а не какъ ихъ вызы-

вать; точно также и относительно войны, вопросъ въ томъ, какъ предупредить ее въ будущемъ, какъ уничтожить ту почву, въ которой развиваются ея сѣмена.

Краснорѣчивый Де-Бвинсей, какъ мы уже сказали, далеко еще не доказалъ, что война должна существовать даже въ томъ случаѣ, если бы мы имѣли возможность ее уничтожить. Но онъ не единственный писатель, защищающій это мнѣніе. «Еще вопросъ», говоритъ г. Лависсъ въ своемъ сочиненіи, о которомъ мы здѣсь уже упоминали, «желателенъ-ли всеобщій миръ, не уменьшить-ли онъ энергію, присущую національному духу, будетъ-ли услугою человѣчеству оплодить его, явятся-ли новыя добродѣтели взаимъ военныхъ доблестей? Вопросъ еще, возможенъ-ли всеобщій и постоянный миръ уже *въ силу самихъ законовъ природы?*» Сомнѣнія, высказанныя такимъ компетентнымъ писателемъ, имѣющимъ такой обширный историческій кругозоръ, разумѣется, заслуживаютъ вниманія. Однако, насъ съ перваго взгляда поражаетъ то, что, какъ бы ни казались эти общія мѣста вѣроятными, но не ими опредѣляется теченіе событій, не ими руководится политика хотя бы одного государства. Если бы даже можно было доказать, и притомъ гораздо убѣдительнѣе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, что война, со всѣми своими невыгодными сторонами, способствовала всеобщему прогрессу, то все таки *въ виду этого* ни одна нація не обременила бы себя военнымъ бюджетомъ. Единственная причина, почему народы создаютъ себѣ налоги для поддержанія вооруженнаго положенія, та, что они считаютъ это необходимымъ для своей безопасности. Въ настоящее время въ Европѣ нѣтъ ни одного государства, которое съ удовольствіемъ не распустило бы своихъ войскъ, не разоружило бы своего флота, если бы было убѣждено, что армія и флотъ не необходимы для поддержанія его существованія. Вотъ на что, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ обратить вниманіе: война есть, быть можетъ, школа доблести, она пожалуй можетъ казаться прекрасной съ тысячи различныхъ точекъ зрѣнія, но народы вооружаются не для того, чтобы вырабатывать доблести, не для того, чтобы давать сюжеты для балладъ и стиховъ, не ради какой бы то ни было филантропической цѣли. Народы эти задаются гораздо болѣе практической цѣлью. Они боятся несправедливости и жадности другъ друга; каждый изъ нихъ чувствовалъ бы, что ему грозитъ опасность, если бы не позаботился надлежащимъ образомъ о защитѣ себя отъ страсти своихъ сосѣдей къ расширенію своихъ владѣній. Если война полезна и благотворна, какъ полагаютъ иные, то логично было бы вести войну ради самой войны, совершенно независимо отъ столь ничтожнаго повода, какъ граница Венецуэлы. Тогда, пройдя надлежащій курсъ грабежа и убійствъ, наша молодежь приобрѣла бы добродѣтель, наши военные подрядчики выработали бы въ себѣ гражданскій духъ и честность, наши журналисты сдѣлались бы скромны и правдивы, наши законодатели развили бы въ себѣ высокой патріотизмъ, и повысился бы нравственный уровень всѣхъ остальныхъ людей.

Война является мстителем за *ошибки* цивилизации; но, подобно всякаго рода мстителемъ, она слишкомъ неистова для того, чтобы быть разборчивой. Она можетъ устранить извѣстную долю накопившагося «мусору», но тѣмъ не менѣе она давитъ подъ своей неумолимой стопой мозгъ, мышцы и сердце благороднаго человѣчества. Она можетъ уничтожить нѣкоторыя «язвы долговременнаго мира», но вмѣстѣ съ тѣмъ она разрушаетъ лучшія надежды своего времени. На полѣ битвы и въ bivуакахъ развиваются извѣстнаго рода добродѣтели; но сколько доблести погибаетъ въ битвѣ или умираетъ среди стонувъ въ госпиталяхъ! Не трудно разглагольствовать о благодѣяніяхъ войны, но если мы посмотримъ серьезно на опустошенія, производимыя ею въ семьяхъ и въ сердцахъ, и на ужасныя страданія, порождаемыя ею, не говоря уже объ ударахъ, наносимыхъ ею мирной промышленности, и о тяготахъ, налагаемыхъ ею на будущія поколѣнія, — то въ сравненіи со всѣмъ этимъ благодѣянія ея покажутся весьма ничтожными.

Конкретные примѣры впрочемъ лучше послужать для нашей цѣли, чѣмъ какія бы то ни было доказательства общаго свойства. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ между Франціей и Германіей происходила большая и кровопролитная война — разумѣется, чѣмъ война болѣе кровопролитна, тѣмъ больше мы можемъ отъ нея ожидать. Мы можемъ прекрасно наблюдать вліяніе этой борьбы на обѣ націи и относительно нѣмцевъ имѣемъ рядъ фактовъ, собранныхъ Эвансомъ въ февральской книжкѣ «Contemporary Review». Первый результатъ войны, замѣчаетъ авторъ, далеко не лишенный симпатіи къ германскому народу — значительное усиленіе въ нѣмцахъ національнаго самоишнѣнія и исключительности. Они стремятся теперь исключать всѣ иностранныя слова изъ своего языка, даже изъ языка, употребляемаго при международныхъ сношеніяхъ, гдѣ разумѣется удобно имѣть какъ можно больше общеупотребительныхъ для всѣхъ народовъ словъ. До войны французское слово «*billet*» употреблялось повсемѣстно для обозначенія желѣзнодорожнаго билета; теперь это слово у нѣмцевъ изгнано и замѣнено словомъ «*Fahrkarte*». До войны явилось стремленіе бросить замысловатый готическій шрифтъ и ввести шрифтъ латинскій, употребляемый во всей остальной Европѣ; въ настоящее время идея эта оставлена. Старыя буквы сдѣлались символомъ патріотизма и никто не хочетъ бросать ихъ. Итакъ нѣмецкимъ глазамъ приходится страдать, а иностранцамъ преодолевать лишнюю трудность при изученіи языка — и все ради того, чтобы нѣмцы могли наслаждаться сознаніемъ своей исключительности и безъ сомнѣнія своего превосходства надъ всѣмъ остальнымъ міромъ. Къ присущей нѣмецкому характеру рѣзкости прибавилось несомнѣнное нахальство, которымъ нѣмцы не отличались до войны. Національное самоишнѣние положительно сдѣлалось культомъ. Культъ этотъ поддерживается вліятельными лицами, воспитывается въ школахъ; можетъ быть, онъ когда нибудь явится предметомъ, по которому будутъ требовать экзамена.

Но наиболѣе чувствительный ударъ нанесенъ былъ въ Германіи духу свободы. Преслѣдованія за оскорбленія величества сдѣлались обычнымъ явленіемъ и часто основываются на самыхъ пустяжныхъ обвиненіяхъ. Съ писателями, которые обвиняются въ этомъ преступленіи за свое критическое отношеніе къ системѣ управленія или къ императору, поступаютъ нерѣдко такъ же, какъ съ простыми мошенниками. До суда ихъ не отпускаютъ на поруки, а держатъ въ заключеніи, и на судъ выводятъ въ арестантской одеждѣ. «Всякое порицаніе распоряженій императора считается уголовнымъ преступленіемъ; возможны лишь восхваленіе или молчаніе». А между тѣмъ, какъ справедливо замѣчаетъ Эвансъ, врядь-ли существовалъ когда либо монархъ, рѣчи котораго заслуживали большей критики. Вотъ чѣмъ германская нація платится за успѣхъ въ большой наступательной войнѣ. Ограниченіе политической свободы преобладаетъ не въ однихъ только политическихъ дѣлахъ. «То же самое видимъ мы во всемъ. Въ словахъ и дѣйствіяхъ весьма мало возможно проявлять независимость. Полиція постоянно слѣдитъ за вами; и горе вамъ, если вы не станете буквально исполнять ея требованій!» Авторъ статьи прибавляетъ: «Жить въ Германіи представляется мнѣ всегда какъ бы возвращеніемъ въ дѣтскую. Вообще говоря, положеніе дѣлъ въ современной Германіи далеко не утѣшительно. Мнѣ кажется, что его можно изобразить въ немногихъ словахъ: увеличеніе силы и вліянія во внѣшней политикѣ, у себя же — меньше спокойствія, меньше свободы, меньше счастья».

Статья, изъ которой мы почерпнули эти свѣдѣнія, не имѣетъ въ виду изображеніе политическихъ событій между концомъ франко-прусской войны и настоящимъ временемъ; но свидѣтельствомъ того духа, какой порождаетъ война и особенно успѣшная война, является тотъ фактъ, что пять лѣтъ спустя послѣ окончанія войны побѣдоносная и всемогущая германская нація только рѣшительнымъ запрещеніемъ русскаго царя была удержана отъ ничѣмъ не оправдываемаго нападенія на своего ослабленнаго противника, котораго она имѣла въ виду разбить и лишитъ территорію и населенія настолько, чтобы обратить его во второстепенное государство. Мы сказали, что это ничѣмъ не оправдывалось; но для военного взгляда на вещи и для народа, опьяненнаго военной славой, достаточно было уже того, что побѣжденный врагъ такъ быстро оправлялся отъ удара. Нравственное чувство всей Европы было возмущено подобнымъ цинизмомъ; но если война такая прекрасная вещь, какъ иные думаютъ, и если она является такимъ полезнымъ орудіемъ божественнаго Промысла, то можно ли осуждать какую бы то ни было войну?

Если мы взглянемъ на Францію, то можемъ ли мы сказать, что пережитое ею испытаніе принесло ей большую пользу? Косвеннымъ послѣдствіемъ войны было измѣненіе во Франціи формы правленія, и въ виду непрочности наполеоновскаго режима, это можно пожалуй считать полезнымъ для страны. Пережѣна была неизбежна, и хорошо то, что она

была ускорена. Если же мы станем искать въ народѣ вообще усовершенствованія моральнаго и умственнаго, то пожалуй и не найдемъ его. Политика страны была подкупна насквозь; и не разъ казалось, что народъ, возмущенный поступками своихъ законодателей и исполненный презрѣнiя ко всей парламентарной системѣ, отправить къ чорту Третью республику вслѣдъ за двумя первыми и въ отчаянiи опять сдѣлаетъ попытку прибѣгнуть къ какому нибудь «спасителю общества». Если посмотримъ на современную литературу, то ужъ конечно не увидимъ и признаковь нравственнаго усовершенствованія. Если можно довѣрять такимъ писателямъ, какъ Paul Hervieu и «Гур», то высшіе классы общества врядъ-ли могутъ быть болѣе преданы жадности, роскоши и разврату. Образование сдѣлало быстрые успѣхи, но на ряду съ этимъ увеличивалось и число преступленій; финансовыя же тяготы государства возрастають въ ужасающей степени. Нація, благодаря постигшимъ ее бѣдствіямъ, несомнѣнно научилась нѣкоторой сдержанности; она избѣгла, какъ мы сказали, чрезвычайно плохой формы правленія, но трудно было бы указать на другіе благотѣльные результаты тѣхъ ударовъ, какіе Франція получила въ борьбѣ съ Германіей. Однако, по сравненію съ Германіей, Франція повидимому меньше пострадала отъ нанесеннаго ей пораженія, чѣмъ Германія отъ своихъ побѣдъ.

По ту сторону канала находится страна, хотя и подвергшаяся вліянію военнаго духа, процвѣтавшаго въ теченіе послѣдней четверти вѣка, но являющаяся яснымъ примѣромъ тѣхъ преимуществъ, какія даются личной свободой и цивилизаціей и которыя проистекають изъ сравнительнаго отвращенія къ войнѣ. Вотъ уже сорокъ лѣтъ, что британская нація ни въ Европѣ, ни внѣ ея предѣловъ не вела войны, которая могла бы серьезно угрожать ея могуществу; поэтому система управленія и привычки народа болѣе отвѣчаютъ мирному режиму, при которомъ процвѣтаетъ промышленность, чѣмъ мы это видимъ у другихъ континентальныхъ націй. Посягательства на личную свободу, которыя на континентѣ считаются обычнымъ дѣломъ, въ Англіи считались бы тиранніей. По словамъ Герберта Спенсера, одною изъ главныхъ отличительныхъ чертъ промышленнаго режима въ противоположность военному, является то, что при первомъ изъ нихъ гражданская власть считается гражданами защитницею ихъ правъ, а не распоряжается ихъ поступками. Это замѣчательно вѣрно относительно Великобританіи. Тамъ власть имѣющіе не заносятся; они исполняютъ свои обязанности и при исполненіи ихъ требуютъ къ себѣ уваженія; но они вовсе не претендуютъ на то, чтобы занимать преобладающее положеніе сравнительно со всѣмъ народомъ. То, что они дѣлають, они дѣлають въ его интересахъ и согласно съ его полномочіемъ, и единственное чувство административнаго лица въ этой странѣ—что онъ вмѣстѣ съ другими содѣйствуетъ общему благополучію. Въ судахъ адвокаты иногда быть можетъ стараются привести въ смущеніе свидѣтелей; но адвокаты не облечены властью, и свидѣтель въ

такимъ случаѣ можетъ прибѣгнуть къ судѣ, который не дозволитъ адвокату заходить слишкомъ далеко. Въ «Отверженныхъ» (Misérables) Виктора Гюго происходитъ свиданіе между молодымъ человѣкомъ, занимающимъ хорошее положеніе (Marius), и полицейскимъ, у котораго первый ищетъ защиты отъ шайки преступниковъ. Полицейскій—лицо не особенно важное—очень грубо разспрашиваетъ молодого человѣка и, видя, что онъ вполне владѣетъ собою и не выказываетъ никакого страха, выражаетъ ему свое одобреніе въ слѣдующихъ словахъ: «Вы говорите, какъ храбрый и честный человѣкъ. Храбрость не боится преступленія, а честность не страшится властей». Англичанинъ почувствовалъ бы желаніе сбить полицейскаго съ ногъ за такое нахальство. Какая нелѣпая мысль: гражданинъ прибѣгаетъ къ помощи полицейскаго въ такомъ дѣлѣ, за исполненіе котораго тотъ получаетъ жалованье, и еще станетъ его бояться! Но въ странахъ, зараженныхъ военнымъ духомъ, гражданская власть невольно принимаетъ характеръ абсолютной власти.

Исторія Англіи подтверждаетъ то положеніе, что личная свобода находится въ зависимости отъ большого или меньшаго преобладанія милитаризма. Внѣшнія войны, хотя и оказываютъ сильное влияніе на внутреннюю жизнь страны, но не настолько касаются внутренней администраціи, какъ войны, происходящія внутри самого государства. Норманское завоеваніе дало Англіи (если мы исключимъ борьбу послѣ смерти Генриха I) длинный періодъ сравнительнаго внутренняго мира, къ концу котораго начали слагаться парламентарныя учрежденія. Затѣмъ послѣдовали войны Розъ, повлекшія за собою несомнѣнное усиленіе монархическаго абсолютизма. Но снова миръ пришелъ на помощь свободѣ, и по словамъ Беджота, которыя приводитъ Спенсеръ, «рабочій парламентъ Генриха VIII обратился въ ропщущій парламентъ королевы Елизаветы, въ безпокойный парламентъ Якова I и въ мятежный парламентъ Карла I. Въ теченіе болѣе столѣтія послѣ того упрочивались государство, свобода и социальный порядокъ; но снова насталъ періодъ реакціи, вызванный безконечными войнами, которыя Англія вела между 1775 и 1815 г. Денежныя дѣла націи были такъ плохи, что военная точка зрѣнія сдѣлалась преобладающею, и правительство смотрѣло на народъ лишь какъ на толпу, платящую подати и доставляющую солдатъ. «Въ то время какъ сильно развилась воинствующая часть общества», замѣчаетъ Спенсеръ, «промышленная часть его приближалась къ положенію постоянного комиссаріата. Благодаря вербовкѣ и принудительному набору граждане должны были жертвовать жизнью и свободой, что неизбѣжно при всякой войнѣ... Безотвѣтственнымъ агентамъ исполнительной власти дана была власть разгонять публичные митинги и арестовывать ихъ руководителей, причемъ тѣмъ, кто отказывался расхотѣться, грозила смерть. Библиотеки и читальни нельзя было открывать безъ разрѣшенія, и считалось уголовнымъ преступленіемъ одолжить книгу безъ особаго позволенія. Книгопродавцы не имѣли права издавать сочиненій преслѣдуемыхъ авторовъ».

Въ этотъ именно періодъ поэты Кольриджъ и Вордсвортъ замѣтили, что во время ихъ прогулокъ по сомерсетшайрскимъ лугамъ за ними слѣдить какой то сыщикъ—вѣроятно задумчивость и серьезные разговоры обоихъ бардовъ произвели на блюстителя порядка такое впечатлѣніе, что они обдумываютъ революціонные планы. Съ восстановленіемъ мира на прочномъ основаніи ожила и свобода; и законы страны начали явно приобрѣтать гуманный и благодѣтельный характеръ. Уголовный сводъ былъ значительно улучшенъ, длинный списокъ уголовныхъ преступленій былъ сокращенъ настолько, что оставлено было лишь одно, а заключеніе и позоръ за долги были уничтожены. Наказанія и лишенія правъ за разногласіе въ религиозныхъ вопросахъ были мало по малу отмѣнены; льготы были увеличены; проведена была муниципальная реформа; хлѣбные законы были уничтожены; введена была свобода торговли, свобода печати и значительно улучшена полицейская система государства. Таковы дѣла и побѣды цивилизаціи и они потекли почти непрерывными потоками, какъ только нація оправилась отъ послѣдствій своего военнаго режима.

Теперь готовится новая перемѣна, вызванная отчасти крайнимъ напряженіемъ континентальнаго положенія и отчасти обстоятельствами, свойственными настоящему времени. Апостоль Іаковъ въ свое время далъ весьма краткій отвѣтъ на вопросъ: «Откуда у васъ вражда и распри?»— «Не отсюда-ли, отъ вождѣній вашихъ, воюющихъ въ членахъ вашихъ?» Недавно появилась статья въ «London Spectator», подъ заглавіемъ «Новая форма международной зависти», и статья эта можетъ служить комментариемъ къ этому тексту. Въ статьѣ доказывается, что тогда какъ въ прежнее время народы стремились къ расширенію территоріи, хотя бы она и не представляла никакихъ матерьяльныхъ выгодъ,—въ нынѣшнее время стремятся именно къ приобрѣтенію богатства и такихъ территорій, которыя могутъ быть выгодны для производства». «Народы ревностно ищутъ путей къ богатству и находятъ ихъ не въ промышленности, не въ уменьшеніи налоговъ, а въ приобрѣтеніи владѣній на тропикахъ, въ иностранной торговлѣ, въ крупныхъ предпріятіяхъ, основанныхъ на «концессіяхъ» т. е. на самомъ дѣлѣ, на посягательствахъ на права, на государственныхъ договорахъ, на всевозможныхъ монополіяхъ. Жажда золота въ ея конкретныхъ и осязательныхъ формахъ проявляется повсюду почти съ такою же силою, какъ въ XVI столѣтіи среди испанцевъ, португальцевъ и англичанъ при Елизаветѣ». Такъ какъ большая часть земель, дающихъ доходы, находится въ рукахъ англичанъ, то это, по мнѣнію «Spectator'a», вызываетъ повсюду большую зависть къ Англіи. Въ этомъ къ несчастію заключается не особенно благородная причина усилія военнаго духа въ настоящее время; и какъ помочь этому злу—вопросъ чрезвычайно трудный. «Spectator» напоминаетъ англійскому народу, что «благосостояніе и успѣхъ налагаетъ извѣстныя обязанности, и одна изъ нихъ состоитъ въ томъ, чтобы не мѣшать благосостоянію другихъ, а другая—въ томъ, чтобы воздерживаться отъ хвастовства».

Здѣсь возникаетъ трудный вопросъ—есть-ли смыслъ давать совѣты цѣлому народу? Отдѣльные лица могутъ внять совѣту; но если дѣло касается цѣлаго народа, то врядь-ли можете его научить что-нибудь, кромѣ опыта. Конечно, если бы народы умѣрили свою жадность и свое хвастовство, то значительно уменьшилась бы опасность возникновенія войны и значительно были бы облегчены страшныя тяготы, налагаемыя войною. Патриотизмъ—вещь хорошая, но съ нимъ соединяется и много дурного. Развѣ не патриотизмъ—унижать враждебные народы или добиваться для своего народа несправедливыхъ выгодъ? Старикъ Джонсонъ не безъ основанія называлъ патриотизмъ «последнимъ прибѣжищемъ подлеца». Безъ сомнѣнія, ему не разъ приходилось видѣть примѣры крикливыхъ людей, которые стояли за свою родину и презирали иностранцевъ, но которые готовы были при первомъ удобномъ случаѣ предать свое отечество. Скажемъ нашимъ дѣтямъ—если не будетъ у насъ болѣе обширнаго круга слушателей,—что патриотизмъ выражается не крикомъ и не бранью, а безкорыстнымъ служеніемъ той странѣ, куда насъ бросила судьба и гдѣ мы пользуемся всѣми благами гражданъ. Въ этомъ заключается весь патриотизмъ, но и это очень много. Это можетъ означать, что мы должны положить свою жизнь за свою родину, принести въ жертву свое имущество, навлечь на себя непопулярность, если станемъ бороться съ злоупотребленіями, поддерживать доброе имя нашего отечества, если стануть унижать его; во всякое время патриотизмъ есть добросовѣстное выполнение ближайшей общественной обязанности.

Много говорится въ настоящее время о важности развитія патриотизма въ общественныхъ заведеніяхъ и о томъ, чтобы приготовить учениковъ, помощью военныхъ упражненій, къ тому, чтобы они быстро могли обратиться въ солдатъ въ случаѣ, если это понадобится. Въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки это система уже прилагается къ дѣлу, устраиваются церемоніи, при которыхъ привѣтствуется національный флагъ и т. п. Ведеть-ли все это къ добру—это еще вопросъ. Трудно дать въ руки мальчику ружье и заставить его дѣлать военныя упражненія, не возбуждая въ немъ желанія убить кого-нибудь. Желаемъ или не желаемъ мы развивать этотъ духъ въ подрастающемъ поколѣніи? Нѣтъ сомнѣнія, что готовность страны вступить въ войну зависитъ отъ настроенія населенія. Если мысли населенія вращаются около войны, если полувоенное воспитаніе въ школахъ приучаетъ молодежь не видѣть ничего ужаснаго въ войнѣ, а можетъ быть и въ преступленіяхъ, если молодежь эта усвоила себѣ мысль, всегда связанную съ военнымъ духомъ, что правъ тотъ, кто силенъ, то нельзя сомнѣваться въ томъ, что населеніе такой страны выскажется въ пользу войны въ томъ случаѣ, когда слѣдовало бы мирно разрѣшить международное несогласіе. Тогда такое населеніе получать хорошій урокъ; но какъ неразумно вызывать настроеніе, способное вызвать такіе результаты! Положимъ, что нація, усердно развивавшая воинственныя чувства въ молодомъ поколѣніи и вступившая на путь наступательной политики, поло-

жимъ, что такая нація окажется побѣдительницей въ войнѣ: неужели же она можетъ гордиться этимъ, если война была несправедлива? Если кровь Авеля взывала къ небу, то какъ же должна взывать кровь сотни, двухъ сотенъ, пяти сотенъ тысячъ Авелей убитыхъ бесполезно—убитыхъ ради того только, чтобы безпокойный военный классъ могъ имѣть возможность отличиться, ради того, чтобы подрядчики войска и флота могли нажитьсь во время народныхъ бѣдствій, чтобы грубыя страсти невѣжественныхъ людей могли проявиться кровавымъ образомъ?

Въ настоящее время общественное мнѣніе должно проясниться относительно связи между миромъ и свободой съ одной стороны и войной и тираніей съ другой. Главы, написанныя Спенсеромъ объ этомъ предметѣ въ его «Принципахъ социологіи», слѣдуетъ читать и перечитывать. Мы еще не знаемъ какъ слѣдуетъ что такое свобода; и если военный духъ охватить весь міръ—чего можно опасаться—то мы врядъ-ли это узнаемъ. Мы должны научиться въ мирное время сдерживать страсти, ведущія къ войнѣ. Нація, внутреннее состояніе которой вполне удовлетворительно, не станетъ вести наступательной войны и весьма вѣроятно, что ей не придется вступать и въ войну оборонительную. Въ такой націи будутъ совершенно отсутствовать чувства, заставляющія затѣвать войну.

Мы начали эту статью указаніемъ на тотъ фактъ, что въ настоящее время для возникновенія войны между цивилизованными народами существуютъ, повидимому, серьезныя препятствія, главнымъ образомъ, моральнаго свойства; и здравый смыслъ, и гуманность человѣчества все болѣе и болѣе склоняются къ принципу третейскаго суда. Весьма вѣроятно, что принципъ этотъ будетъ въ скоромъ времени принятъ Англіей и Соединенными Штатами, какъ законный способъ разрѣшать международныя несогласія; и если сдѣланъ будетъ этотъ шагъ, то это окажетъ сильное вліяніе на весь остальной міръ. Правительства, не дошедшія до этого, будутъ считаться отсталыми, и повсюду подданные скоро будутъ требовать вступленія въ подобные же договоры, а, такимъ образомъ, положенъ будетъ предѣлъ страшному напряженію силъ и ужающей тратѣ труда, кавія мы видимъ въ настоящее время. Въ февральской книжкѣ журнала «Cosmopolis» помѣщена статья, которая кажется намъ счастливымъ предзнаменованіемъ: въ ней собраны весьма интересныя данныя относительно успѣховъ принципа третейскаго суда. Съ 1872 г., говорится въ этой статьѣ, «около сорока случаевъ было разрѣшено третейскимъ судомъ; изъ нихъ огромное большинство относилось къ несогласіямъ между американскими республиками или между европейскими государствами и американскими республиками. Въ Соединенныхъ Штатахъ десять разъ примѣнялся третейскій судъ, въ Англіи—восемь разъ, и изъ нихъ четыре раза примирялись такимъ путемъ несогласія между Англіей и Соединенными Штатами». Авторъ статьи приводитъ весьма кстати два заявленія, изъ которыхъ одно принадлежитъ генералу Гранту, а другое опытному и даль-

видному государственному человѣку—покойному Русселю. Грантъ говоритъ: «Хотя я былъ воспитанъ, какъ солдатъ и принималъ участіе во многихъ битвахъ, но нахожу, что всегда можно было бы найти средство для того, чтобы не нужно было вынимать мечъ». Руссель же заявляетъ: «Гляди на войны, которыя велись въ теченіе послѣдняго столѣтія и рассматривая причины ихъ, я не вижу ни одной, которой, при надлежащемъ настроеніи партій, нельзя было бы устранить, не прибѣгая къ оружію». На эти заявленія стоить обратить вниманіе. Особенно важны слова Русселя: *при надлежащемъ настроеніи партій*. Да, дѣйствительно, требуется «надлежащее настроеніе». Такимъ образомъ, вопросъ войны обращается въ вопросъ національной чести. Циникъ, пожалуй, улыбнется этому выводу; но тѣ, кто не циники, могутъ быть, повѣрятъ, что подобная задача не безнадѣжна.

пер. М. Коршъ.

Естествознаніе и жизнь.

Естествознаніе играетъ любопытную роль въ исторіи развитія нашихъ взглядовъ на внѣшній міръ. Само по себѣ естествознаніе есть не что иное, какъ коллективное мнѣніе всѣхъ до сихъ поръ жившихъ выдающихся умовъ о явленіяхъ, совершающихся внѣ насъ въ природѣ и внутри насъ, какъ скоро мы взираемъ на себя, какъ на часть послѣдней? Если представить себѣ, что нашъ внутренній міръ отдѣляется отъ внѣшняго міра нѣкоторой плоскостью, на которой, какъ на полотнѣ волшебнаго фонаря, мелькаютъ тѣни предметовъ въ видѣ впечатлѣній, если вообразить далѣе, что по другую сторону этой плоскости находится сознаніе, которое воспринимаетъ, сравниваетъ и изучаетъ эти тѣни и затѣмъ приказываетъ нашему тѣлу дѣлать разныя движенія, въ результатѣ которыхъ тѣни на воображаемомъ экранѣ появляются въ различныхъ новыхъ группировкахъ, то, пожалуй, сравненіе это въ общихъ чертахъ будетъ соответствовать отношенію, существующему между человѣкомъ и природой. Надо только помнить, что свѣтлое пятно на экранахъ не сплошное; оно состоитъ изъ отдѣльныхъ яркихъ пятенъ, изъ которыхъ каждое соответствуетъ какому нибудь изъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ. У ученаго, пользующагося услугами разныхъ приборовъ, пятна эти шире и въ движеніи тѣней больше порядка и смысла, чѣмъ у обитателя захолустья, который пассивно и равнодушно наблюдаетъ за мельканіемъ ихъ. Попробуйте отбросить все, что узнали отъ людей и изъ книгъ о природѣ вещей, и жизнь природы представится вамъ невообразимымъ хаосомъ или вѣрнѣе путаницей, среди которой вы въ состояніи разобрать, что явленія совершаются въ пространствѣ и что происходятъ они одновременно или же одно послѣ другого. Во всемъ остальномъ вы будете руководствоваться указаніями собственнаго опыта и потому необходимо станете отыскивать и находить въ явленіяхъ ваши внутренніе, т. е. человѣческіе, мотивы къ движеніямъ и дѣйствіямъ. Подобно праотцу Адаму, проснувшемуся въ раю, вы все будете находить прекраснымъ, т. е. новымъ и интереснымъ, потому что не обладаете никакимъ мѣриломъ для сужденія. Время въ этомъ отношеніи ничего не измѣнитъ, потому что одни явленія будутъ правильно повторяться, не измѣняя своей сущности, напримѣръ, закатъ и восходъ

солнца, другія будутъ повторяться въ прежней послѣдовательности, но лишь въ новомъ индивидѣ, напримѣръ, распускание цвѣтка. Такимъ образомъ, хотя все кругомъ будетъ находиться въ вѣчномъ движеніи, но въ то же время движеніе это будетъ намъ представляться въ формѣ внутренняго покоя, ибо кругомъ не появляется ничего новаго, а происходитъ постоянная смѣна безчисленнаго числа различныхъ тождественныхъ явленій. Тѣни на экранѣ всѣ становятся знакомыми и проходятъ предъ нами подобно полкамъ солдатъ на какомъ то безконечномъ парадѣ; если и появляется что нибудь новое, то мы сейчасъ находимъ для него какое нибудь старое мѣсто. Такимъ образомъ всѣ люди проводили и проводятъ всю жизнь передъ этимъ экраномъ, но главное свое вниманіе обращаютъ лишь на тѣ тѣни, которыя такъ или иначе связаны съ ихъ благополучіемъ. До прочихъ же имъ нѣтъ дѣла.

Понятно, поэтому, что разоблачить основные вопросы устройства внѣшняго міра не могло быть легко и потребовало много тысячъ лѣтъ сознательнаго наблюденія, не считая десятковъ или даже сотенъ лѣтъ бессознательнаго накопленія способности понимать хоть что нибудь. Въ результатѣ явились стройныя системы, въ которыхъ все было столь же ясно, какъ стало ясно на небѣ, послѣ открытій Коперника и Ньютона. Если же что нибудь оставалось необъяснимымъ, то переносилось въ другую область, напримѣръ, въ теологію, гдѣ объяснялось нѣсколько иными приемами. Немудрено, что такимъ путемъ возникло представленіе о совершенствѣ этого «лучшаго изъ міровъ возможныхъ». Конечно, представленія о внѣшнемъ мірѣ, указанныя выше, не составляли естествознанія; ихъ скорѣе можно было бы назвать теологическими и философскими системами, однако, матеріалъ для нихъ доставляло изученіе природы.

Понятіе о причинности и цѣлесообразности человѣкъ получаетъ изъ наблюденія надъ собою: если не большая часть, то по крайней мѣрѣ самыя главныя движенія и поступки его совершаются сознательно; т. е. онъ либо знаетъ, для какой цѣли совершаетъ ихъ, либо сознаетъ, почему ихъ совершилъ. Отсюда понятно, почему на всѣ внѣшнія явленія человѣкъ набросилъ покровъ цѣлесообразности, почему всю жизнь природы онъ объясняетъ телеологически, т. е. сводитъ все къ нѣкоторому высшему, скорѣе постигаемому, чѣмъ доказуемому единству и цѣли. Личный опытъ не рѣшаетъ въ этомъ отношеніи ничего. Какъ ни продолжительна человѣческая жизнь, однако, если мы попытаемся опредѣлить число новыхъ впечатлѣній и число такихъ, изъ которыхъ можно сдѣлать какой-нибудь выводъ, то, относительно говоря, ихъ будетъ немного. Поэтому, кто желаетъ разъяснить себѣ что нибудь, тотъ долженъ прибѣгнуть къ тому громадному экрану, на которомъ человечество закрѣпило все, что оно думало и чувствовало, т. е. къ книгамъ, къ знанію. Не забудемъ, что при изученіи ихъ въ насъ немедленно начинаютъ дѣйствовать всѣ способности къ отвлеченію и къ обобщенію, которыя накоплены и переданы намъ по наслѣдству, что дѣйствіе ихъ направляется по торнымъ, проло-

женнымъ тѣмъ же способомъ дорогамъ, благодаря чему мы получаемъ возможность понимать все, что понимали наши предки и что вообще можетъ понимать человекъ. Безъ этого, что сдѣлали бы мы съ несчетнымъ числомъ впечатлѣній, доставляемыхъ культурной жизнью, еслибы желали изъ наблюденія ихъ уяснить себѣ природу вещей?

Телеологическія воззрѣнія очень облегчаютъ подобную работу. Они сразу доставляютъ для нея планъ и единство, и такъ какъ очень многіе люди любятъ копаться въ своемъ небольшомъ отгороженномъ углу, то имъ больше ничего и не нужно, какъ только сознавать, что ихъ работа идетъ въ прокъ, что подаваемые ими кирпичи укладываются въ зданіе, совершенство котораго они мысленно представляютъ себѣ. Когда уложено уже достаточное число кирпичей, выведенъ фасадъ зданія и искусные архитекторы собираются уже накрыть его крышей, то вдругъ многіе изъ строителей начинаютъ замѣчать, что, хотя всѣ кирпичи матеріальнаго свойства, однако, само зданіе не болѣе какъ воздушный замокъ, что въ постоянномъ и неизмѣнномъ видѣ оно существовать не можетъ, что никакіе ремонты и перестройки не въ состояніи сообщить зданію тѣлесности, такъ, чтобы лицезрѣніе его утѣшало наши взоры. Оказывается, что это зданіе природы не выстраивается и не разрушается подобно нашему тѣлу, что оно не хочетъ знать никакихъ постоянныхъ формъ, а знаетъ только вѣчное измѣненіе, и, наконецъ, что всего ужаснѣе, оказывается, что никакого зданія не существуетъ, а существуетъ только часть чего то невообразимо громаднаго, безконечнаго, какъ въ сторону увеличенія, такъ и въ сторону уменьшенія, которое мы наблюдаемъ съ пропусками и короткое время черезъ свои окошки. Предъ лицомъ его совершенно ступшевывается и становится смѣшнымъ вопросъ о конечныхъ причинахъ, какъ смѣшно было бы пытаться опредѣлить по одному колесу локомотива, куда онъ идетъ, какіе товары везетъ и что думаютъ сидящіе въ вагонахъ люди. Многимъ такое положеніе кажется неутѣшительнымъ и даже оскорбительнымъ. Накопленная нашими предками склонность представить себѣ все подъ покровомъ телеологии еще не успѣла разсѣяться подъ оздоравливающимъ вліяніемъ естествознанія, да кромѣ того, благодаря сложной и непрерывно-дѣйствующей системѣ приѣмовъ обыденной жизни, пропитанныхъ воззрѣніями прошлыхъ временъ, мы живемъ, дѣйствительно, среди какой-то черезполосицы, гдѣ непрерывно одно благотѣльное вліяніе перекрещивается со многими другими, по большей части вредными. Признать, что мы живемъ въ мірѣ измѣненій, понять характеръ этихъ измѣненій и постараться извлечь изъ нихъ для себя матеріальную, а затѣмъ и моральную пользу—сдѣлать этого многіе не хотятъ. Они хотятъ попрежнему играть во всемъ главную роль, и имъ трудно отказаться отъ мысли, что солнце восходитъ и заходитъ не для нихъ, и что ихъ временное существованіе не имѣетъ совершенно особаго значенія. Въ прежнія времена, когда сжигали вѣдьмъ, а иногда и философовъ, можно было перекривать природу по своему образцу, но когда это стало невозможнымъ, тогда иные

просто предпочли отказаться отъ міра явленій и удалились въ область нуменовъ. Конечно, они не знаютъ, что являются жертвой пережитковъ, и намъ было бы очень мало дѣла до нихъ, еслибы пребываніе въ области нуменовъ представляло невинное услажденіе оскорбленнаго самолюбія. Но извѣстно, что самое ужасное состояніе это гнѣвъ, протекающій отъ невозможности доказать то, что хочешь доказать, и чувствовать въ то же время, что оно недоказуемо. Въ этомъ состояніи чрезвычайно трудно отказаться отъ желанія доказать свое какимъ нибудь другимъ, тоже убѣдительнымъ, способомъ. Конечно, было бы нелѣпо утверждать съ противной стороны, что мы де дошли до обладанія полной истины. Вѣдь истины то никакой не существуетъ, а есть только свойство истинности и условія, при которыхъ оно уясняется въ примѣненіи къ великимъ и малымъ вещамъ. Вотъ отскиваніе этихъ условій и составляетъ необходимый пріемъ науки, который никакъ не вяжется ни съ чѣмъ предвзятымъ, заранѣе распланированнымъ, потому что это означало бы, что уже обладаемъ знаніемъ прежде чѣмъ совершили необходимыя для полученія его дѣйствія.

Къ сожалѣнію склонность къ предвзятому и забѣганіе впередъ составляютъ обычное явленіе. Дѣйствительно, человѣку очень трудно удержаться на такой точкѣ зрѣнія, съ которой все представляется измѣняющимся, неопредѣленнымъ, нерѣшеннымъ, при которой всегда надо быть готовымъ измѣнять свой взглядъ въ соотвѣтствіи съ новыми данными. Большинство совершенно неспособно къ такому состоянію и требуетъ неизблемыхъ основъ для руководства своему мышленію и своимъ поступкамъ. Идеаль искусства обыденной жизни, т. е., спокойствіе духа и совѣсти, непремѣнно требуетъ неизблемости мнѣній. Потому, когда для спокойствія совѣсти и спасенія души надо было, чтобы солнце вращалось около земли, то оно въ учебникахъ спасавшихъ свою душу ученыхъ, дѣйствительно, совершало это несвойственное ему движеніе. Въ высшихъ своихъ формахъ это стремленіе къ спокойствію и опредѣленности выражалось въ философскихъ системахъ, матеріалистическихъ или спиритуалистическихъ, это все равно. Въ настоящее время мы, однако, начинаемъ, благодаря развитію естественныхъ наукъ, понимать, что если все въ природѣ, а стало быть, и самъ человѣкъ, представляетъ нѣчто непрерывно измѣняющееся, то самая выгодная для знанія точка зрѣнія, это готовность во всякое время измѣнить свои мнѣнія и взгляды *въ согласіи съ новыми фактами*, лишь бы эти факты были добыты при условіи, обеспечивающемъ ихъ истинность, т. е. научно.

Воспитательное значеніе естествознанія именно и заключается въ этомъ воздѣйствіи ихъ на внутренней міръ человѣка. Не одинъ разъ въ этомъ вліяніи его видѣли нѣчто разрушительное и вредное въ нравственномъ отношеніи. Можетъ быть это и справедливо, но справедливо только для людей, которые основываютъ правила нравственности на своемъ правѣ подчинять природу своему произволу и видѣть въ ней не то, что есть, а то, что имъ угодно видѣть. Можно даже сказать, что естествознаніе (по-

нимаемая его въ самомъ широкомъ смыслѣ) уничтожило самую основу прежней морали, подразумевая подъ этимъ не нравственные чувства, которыя неистребимы, потому что они накопились и накаплиются привычкой и необходимостью для человѣка жить въ обществѣ, а ихъ обоснованіе, такъ какъ естествознаніе требуетъ для нихъ земной и понятной основы, а не чего нибудь, стоящаго внѣ человѣческаго сознанія или внѣ дѣйствительности. Научное пониманіе природы, это есть самое простое, самое близкое и потому наиболѣе разумное отношеніе между человѣкомъ и внѣшнимъ міромъ, и наилучшимъ доказательствомъ тому является полезность такого знанія. Если бы не послѣднее обстоятельство, столь наглядно проявляющееся въ удобствахъ и въ большей легкости жизни, и столь необходимое, по мѣрѣ того, какъ увеличивается населеніе земли, то врядъ-ли бы естествознанію позволено было распуститься въ такой пышный цвѣтъ, какимъ оно расцвѣло въ XIX столѣтіи. Однако, не всѣ отрасли его одинаково терпимы, потому что не всѣ стоятъ въ одинаковомъ разстояніи отъ границы, которая многими проводится между человѣкомъ и природой. Напримѣръ, ботаника и минералогія имѣютъ мало непосредственнаго отношенія къ человѣку, но уже анатомія, физиологія съ одной стороны, а геологія и антропология съ другой близко подходятъ къ вопросамъ, рѣшеніе которыхъ представлялось иной инстанціи. Однѣ науки уже рано дошли въ своемъ развитіи до тѣхъ пограничныхъ столбовъ, за которыми мышленіе допускалось лишь въ формѣ своеобразныхъ философскихъ системъ. Эти науки астрономія и физика. Нечего и говорить, что столбы были опрокинуты и философскія системы принуждены были волей неволей принять эти отрасли естествознанія въ свою среду. Эти философскія системы имѣютъ чисто палліативное значеніе. Въ нихъ проявляется въ самой высшей формѣ всегда существующая, но чисто временная потребность представлять себѣ окружающій міръ по возможности въ понятной формѣ, въ которой гораздо больше вѣры въ то или иное положеніе, чѣмъ дѣйствительнаго знанія. Они существуютъ больше для утѣшенія, удовлетворяя потребности человѣка воображать себя знающимъ при помощи слишкомъ общихъ понятій то, что въ дѣйствительности неизвѣстно. Въ XIX вѣкѣ наступила очередь для слѣдующей волны, и вотъ мы видимъ, что зоологія съ антропологіей и физиологія врываются въ философію съ одной стороны, а геологія—съ другой. Естествознаніе врывается во всѣ окна и проникаетъ черезъ всѣ щели. Оно является причиною крушенія прежней философіи, потому что по частямъ отнимается у нея ея прежнее содержаніе и придаетъ ему совершенно иное значеніе.

Роль зоологіи ясна читателю изъ великой эпопеи дарвинизма, волновавшаго недавно весь образованный міръ. Въ этомъ же смыслѣ вліяла антропология, между тѣмъ физиологія завязываетъ все болѣе тѣсныя сношенія съ психологіей и безъ сомнѣнія въ концѣ концовъ поглотитъ ее въ себѣ. Но всѣхъ нагляднѣе дѣйствуетъ геологія, можетъ быть потому, что она близка къ природѣ, обнимаетъ собою значительную часть ея (всю

землю) и лишена таких сложных и запутанных вопросов (наследственность, физиология мозга), в которые по старой памяти смѣло врываются метафизики, так как ученые не обладают пока достаточнымъ матеріаломъ для полнаго рѣшенія ихъ.

Изученіе современнаго состоянія «лига земли» и сравненіе его съ предыдущими эпохами особенно наглядно доказываютъ, что вся жизнь не болѣе какъ процессъ и что во всякое данное время мы, подобно анатому, рассматривающему въ микроскопъ тонкій поперечный разрѣзъ какого нибудь организма, насѣяемаго или части тѣла, наблюдаемъ лишь такой же гигантскій разрѣзъ, отдѣляющій настоящее отъ будущаго. Вглядываясь въ него пристальнѣе, мы убѣждаемся, что не имѣемъ никакого основанія допускать придуманную въ прежнія времена человѣческую цѣлесообразность; ея нѣтъ — есть только непрерывная цѣпь усложненій и упрощеній, смѣна явленій, которыя приобрѣтаютъ тѣ или инныя формы, потому что все цѣлое, т. е., земной шаръ, имѣетъ счастье существовать достаточно долгое время для того, чтобы различныя явленія протекли весь циклъ возможныхъ для нихъ измѣненій среди условій, мѣняющихся столь же разнообразно какъ и тѣ, потому что они такія же явленія, хотя лишь другой категоріи. Напримѣръ, фауна и человѣкъ данной области развиваются въ зависимости отъ почвы климата и растительности ея. Почва, климатъ и растительность измѣняются въ свою очередь отъ характера суши, раздѣленія суши и воды и т. д., которыя опять зависятъ отъ процессовъ, совершающихся глубже въ земной корѣ или на солнцѣ и въ окружающемъ пространствѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ представленіе о созданномъ человѣческимъ умомъ совершенствѣ; потому что слишкомъ ясно, что въ данную эпоху жизни земли могло произойти только то, что произошло, а послѣднее всякій разъ, не исключая и настоящаго времени, было далеко отъ совершенства. Наконецъ, медленный ходъ явленій и безчисленное повтореніе ихъ разрушаютъ представленіе о сознательности, которую человѣкъ въ младенческомъ состояніи навязывалъ природѣ и которую онъ подозрѣвалъ въ соотвѣтствіи и въ гармоніи явленій. Мы не говоримъ уже о системахъ, находящихся въ явномъ противорѣчій съ данными геологіи, которыя не въ состояніи удержать за собой поле битвы даже потому, что они слишкомъ опредѣленно изображаютъ ходъ событій, рисуемыхъ геологіей въ иныхъ чертахъ.

Разумѣется, нельзя предположить, чтобы само естествознаніе въ лицѣ своихъ разнообразныхъ представителей не заключало въ себѣ противорѣчій; оно постигаетъ истинный ходъ и порядокъ вещей, именно, путемъ противорѣчій, въ числѣ которыхъ одни возникаютъ на почвѣ самой науки, а другія представляютъ результатъ столкновенія его съ другими ненаучными системами.

Такимъ образомъ естествознаніе въ наше время занимаетъ все болѣе и болѣе господствующее положеніе и подчиняетъ себѣ все остальное. Са-

мыя общія наши представленія о природѣ и человѣкѣ измѣнились кореннымъ образомъ; мы видимъ, что все, и великое и малое слагается изъ безчисленнаго количества мельчайшихъ силъ, дѣйствій, явленій, которыя, группируясь такъ или иначе, даютъ равнодѣйствующія, воспринимаемыя нами въ качествѣ характерныхъ чертъ. Подобно тому, какъ рельефъ земной поверхности, являясь результатомъ дѣятельности безконечнаго числа агентовъ, измѣняется съ каждымъ днемъ, такъ и наше представленіе о внѣшнемъ мірѣ испытываетъ параллельный рядъ измѣненій, такъ что въ концѣ концовъ оно не можетъ заключать никакихъ элементовъ устойчивости. То, что мы называемъ законами природы, это не болѣе, какъ субъективно понимаемое обобщеніе сходныхъ явленій, которое въ этомъ смыслѣ, конечно, не существуетъ въ природѣ. Законы эти не болѣе, какъ приемы нашего мышленія, которое гнѣздится въ веществѣ, хотя и сложномъ, но раздѣляющемъ общія свойства и составъ со всякими другими веществами и потому въ силу ихъ родства способное постигать все сходное съ собою. Приемы эти облегчаютъ намъ наблюдать и группировать тѣни, скользящія на нашемъ экранѣ, а въ примѣненіи къ самимъ себѣ позволяютъ уяснить природу нашего сознанія.

Вотъ почему естествознаніе необходимо должно составлять одинъ изъ элементовъ воспитанія. Безъ него немислимо понять, не говоримъ уже жизнь природы, но и человѣческую жизнь, жизнь общества. Подъ его просвѣтляющимъ вліяніемъ умъ начинаетъ сознать жизнь, какъ процессъ, который и долженъ быть процессомъ, т. е. непрерывнымъ и естественнымъ примѣненіемъ, а не движеніемъ, стремящимся къ извѣстной цѣли лишь для того, чтобы на ней остановиться. Въ этомъ смыслѣ покойная рутинная жизнь, гдѣ одинъ день походитъ на другой и приноситъ потому тѣлу и уму не крѣпость, а слабость, не развитіе, а регрессъ, и не можетъ быть идеаломъ. Идеаломъ, наоборотъ, является жизнь, полная новыхъ впечатлѣній, новаго труда и упражненія своихъ способностей, полная, наконецъ, борьбы. При тѣхъ же условіяхъ мысль не должна успокаиваться на чемъ нибудь опредѣленномъ; она должна находиться въ вѣчномъ сомнѣніи, въ исканіи, которое можетъ прекратить лишь смерть. Основу для бодрости и для нравственнаго чувства нечего искать; она заложена внутри насъ въ видѣ нравственныхъ чувствъ, направленіе дѣятельности которыхъ не должно стѣсняться неподвижными рамками, а должно слѣдовать указаніямъ ума, воспитаннаго на наблюденіи и подражаніи естественному ходу явленій, т. е. на естествознаніи.

Н. Березинъ.

Страница изъ философіи біологіи.

Законъ optimum'a

Лео Эррера.

Въ ряду великихъ загадокъ, представляющихся человѣческому уму, не существуетъ болѣе великой и болѣе затрогивающей насъ тайны, чѣмъ тайна жизни. Зоологи, ботаники и фізіологи соперничаютъ другъ съ другомъ въ изученіи ея, и все же затрудняются рѣшить, предъ кѣмъ изъ нихъ эта тайна встаетъ въ болѣе величественномъ видѣ.

Если зоологъ останавливается въ изумленіи передъ сложностью организациіи животнаго, предъ живостью его движеній, предъ необычайнымъ разнообразіемъ нервныхъ явленій, за то ботаникъ изучаетъ то же жизненное явленіе въ болѣе спокойной и медлительной формѣ, благодаря чему онъ, можетъ быть, лучше видитъ скрытыя пружины его дѣйствія и живѣе ощущаетъ все спокойствіе этого грандіознаго зрѣлища.

Животная жизнь представляется намъ чѣмъ-то вродѣ жанровой картины, сложныя подробности которой сливаются въ нѣчто цѣлое, составленное изъ колоритныхъ тоновъ и положеній, между тѣмъ, какъ растительная жизнь напоминаетъ скорѣе громадную фреску религіознаго характера съ ея выпуклыми очертаніями и скромными тонами. Дѣйствительно, существуетъ-ли болѣе поразительное для нашего глаза явленіе, чѣмъ правильный годичный циклъ растительной жизни? Когда наступаетъ осень, деревья нашихъ лѣсовъ теряютъ свою листву, сбрасывая ея, какъ привычное рубище, но каждая весна одѣваетъ ихъ новымъ покровомъ зелени: въ безжизненныхъ вѣтвяхъ, во вспухшихъ почкахъ, въ прошлогодней пожелтѣвшей травѣ, словомъ, всюду, при первыхъ апрѣльскихъ лучахъ солнца, начинается весенній «взрывъ» проснувшейся жизни.

Кто приступаетъ къ изученію жизненныхъ явленій безъ предвзятыхъ взглядовъ и вздумаетъ при этомъ сравнить міръ органической съ міромъ неорганическимъ, тотъ прежде всего вынесетъ изъ этой попытки впечатлѣніе, точно онъ стоитъ передъ непримиримымъ контрастомъ. Неужели же нѣтъ ничего общаго между камнемъ и самымъ послѣднимъ живымъ существомъ? Базалось бы между ними невозможно найти ничего общаго.

Подъ вліяніемъ послѣдняго чувства, Бюффонъ пришелъ къ мысли считать животныхъ и растеній, составленными изъ особой матеріи — изъ *органическихъ молекулъ*. И что же? Едва эта гипотеза родилась на свѣтъ, какъ ее уже принялись оспаривать. Вскорѣ послѣ смерти Бюффона подъ живительнымъ вліяніемъ Лавуазье химія просыпается къ новой жизни и первымъ же дѣломъ устанавливаетъ, что живыя существа составлены изъ тѣхъ же простыхъ тѣлъ, изъ какихъ сложены земля, вода, воздухъ и—что самое замѣчательное—они составлены, именно, изъ самыхъ обыкновенныхъ элементовъ этихъ тѣлъ.

За отсутствіемъ у живыхъ существъ особой матеріи признали необходимымъ приписать имъ, по крайней мѣрѣ, особую силу. И вотъ возникаетъ теорія *жизненной силы* или теорія *витализма*. Этой силѣ стали приписывать все, что представлялось необычайнымъ и не поддавалось объясненію и съ помощью этого термина, который, впрочемъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается не чѣмъ инымъ, какъ маской незнанія, съ легкостью разрѣшали всѣ затрудненія. Но, если оказалось, что составляющие организмы элементы не составляютъ ихъ исключительной принадлежности, то надбавляясь, по крайней мѣрѣ, что они соединяются въ нихъ въ такія соединенія, которыя не встрѣчаются нигдѣ болѣе въ неорганическомъ мірѣ. Эти соединенія—думали тогда—не могли возникать иначе, какъ подъ вліяніемъ жизненныхъ отравленій. Но и тутъ химія снова опрокинула всѣ господствовавшія тогда представленія. Достопамятный синтезъ мочевины, сдѣланный Велеромъ въ 1828 г., произвелъ въ этой теоріи первую брешь, рядъ которыхъ закончился недавно искусственнымъ полученіемъ алкалоида коницина Ладенбургомъ и различныхъ сахаровъ Эмилемъ Фишеромъ, такъ что теперь смѣло можно утверждать, что современная органическая химія возникла на развалинахъ витализма.

Итакъ, мы избавились отъ вѣры въ особую органическую матерію, присущую живымъ существамъ, и отъ гипотезы о какой-то особенной свойственной имъ силѣ. Остережемся также пускаться теперь въ длинные споры по вопросу о томъ, какъ опредѣлить, что такое жизнь. Кто не хочетъ углубляться въ этотъ вопросъ, тотъ, пожалуй, остановится среди ряда остроумныхъ пестрыхъ формулъ, напримѣръ, на опредѣленіи жизни, данномъ знаменитой «Энциклопедіей»; оно немножко наивно и гласитъ, что «жизнь есть противоположность смерти»; или же можно остановиться на болѣе глубокомысленномъ опредѣленіи Клода Бернара, а именно, что «жизнь есть смерть» (*La vie c'est la mort*). Но представимъ задачу подобнаго опредѣленія пространнымъ областямъ метафизики. Подобно другимъ основнымъ понятіямъ—время, пространство, энергія—понятіе жизни, повидимому, не поддается точному опредѣленію. Въ сущности намъ гораздо важнѣе всякихъ опредѣленій выяснить факторы ея, опредѣлить общіе законы и общія условія жизни.

Однако, различія въ средѣ живыхъ существъ столь значительны, что въ этомъ направленіи слѣдуетъ двигаться съ величайшей осмотрительностью.

Напримѣръ, какое нибудь вещество ядовито для однихъ существъ, но безвредно для другихъ; такая-то температура убиваетъ однихъ, но какъ разъ необходима для другихъ. Извѣстно, напримѣръ, что воздухъ необходимъ всему, что живетъ и дышетъ, но мы сейчасъ же можемъ привести случаи, составляющіе исключеніе изъ этого положенія.

Но слѣдуетъ-ли терять мужество? Слѣдуетъ-ли изъ этого, что мы движемся въ области, гдѣ нѣтъ мѣста для законности, гдѣ полнымъ господиномъ властвуетъ капризъ, гдѣ исчезаютъ вліянія правила? Должны-ли мы остановиться въ своемъ изслѣдованіи, какъ будто бы мы наткнулись на неразрѣшимую загадку?

Напротивъ того, нисколько. Мнѣ кажется возможно вывести извѣстное число общихъ заключеній, безусловно примѣнимыхъ ко всѣмъ живымъ существамъ. По крайней мѣрѣ, попытаемся сдѣлать это. Вотъ почему я желаю обратить ваше вниманіе, именно, на одинъ изъ самыхъ важныхъ законовъ физиологіи, на законъ *optimum'a*. Но для того, чтобы вполне понять и оцѣнить его значеніе и важность, мы должны предварительно выяснить главные жизненные факторы и основныя условія ихъ дѣйствія.

Съ морфологической точки зрѣнія всѣ живыя существа представляются механизмами удивительно деликатнаго сложенія. Вотъ уже два вѣка, какъ ихъ рассматриваютъ въ микроскопъ. Казалось бы за это время ихъ можно было рассмотреть вполне. Однако, нѣтъ! Чуть не ежеминутно мы открываемъ неизвѣстныя дотолѣ колесики этого механизма. Притомъ открытія не затихаютъ, а сыплются одно за другимъ.

Подобно тому, какъ наши фабричныя машины становятся негодными, лишь только сломается какая нибудь часть передаточнаго механизма, такъ и жизненные явленія прекращаются, если будетъ нарушена цѣлость *жизненной структуры* или цѣлость *строенія организма*.

Съ динамической точки зрѣнія живыя существа представляютъ нѣчто вроде взрывчатыхъ тѣлъ — тѣлъ, въ которыхъ энергія запасена, такъ что можетъ проявить себя сразу, внезапно, подъ дѣйствіемъ малѣйшей причины.

Откуда же является эта энергія? Отъ питанія.

Пищей мы называемъ вещества, благодаря которымъ организмы возобновляютъ запасы энергіи. Сверхъ того въ физиологіи называютъ *возбудителями* такіе внѣшніе дѣятели, которые, освобождая часть накопленной энергіи, вызываютъ, такъ сказать, взрывъ жизненныхъ явленій.

Строеніе, пища, возбудители — въ этихъ трехъ словахъ заключается чуть ли не вся физиологія. Остается лишь добавить условія среды. Но что такое мы понимаемъ подъ этимъ послѣднимъ выраженіемъ?

Взрывчатый составъ пороха взрываетъ въ атмосферѣ азота или углекислоты столь же хорошо, какъ и въ обыкновенномъ воздухѣ. Но въ пустотѣ взрыва не происходитъ; въ пустомъ пространствѣ мы смѣло можемъ прижигать порохъ самыми раскаленными тѣлами. Извѣстно далѣе,

что подмоченный порохъ также не взрываетъ. Итакъ, существуютъ, слѣдовательно такія внѣшнія условія, безъ наличности которыхъ порохъ не можетъ проявить своихъ взрывчатыхъ свойствъ.

Точно также для существованія присущаго живому веществу свойства взрывчатости, для того чтобы это свойство могло дѣйствительно проявляться, окружающая живое существо среда должна представлять извѣстныя благопріятныя условія.

Но какого же рода среда необходима для проявленія жизни? Мы можемъ предъявить къ ней сразу же три слѣдующихъ требованія: вода, кислородъ, тепло.

Любой организмъ всегда заключаетъ въ себѣ въ любой періодъ своего существованія опредѣленное количество воды. Количество это, довольно ничтожное въ извѣстныхъ сѣменахъ (10—15%), увеличивается до 50% въ заболони, возрастаетъ еще болѣе въ свѣжихъ листьяхъ и доходитъ до 93% въ какомъ нибудь шампиньонѣ, до 95% въ дынѣ. Мы сами въ этомъ отношеніи недалеко ушли отъ дыни, потому что изъ всего вѣса тѣла взрослога человѣка на долю воды приходится около двухъ третей.

Безъ этой воды организмъ не можетъ существовать. Древняя поговорка, гласящая «согрга non agunt nisi soluta» (тѣла дѣйствуютъ другъ на друга не иначе какъ въ растворѣ), конечно, не абсолютно справедлива, но она вполне и безъ всякаго исключенія примѣнима къ организмамъ. Новыя химическія теоріи въ концѣ концовъ придаютъ этому афоризму совсѣмъ неожиданный смыслъ. Согласно этимъ теоріямъ тѣла распадаются въ водѣ на свои радикалы, на свои такъ называемые дѣятельные «іоны». Такимъ образомъ можно сказать, что соли не растворяются, а разлагаются въ водѣ или, пользуясь обратнымъ выраженіемъ, они представляютъ настоящіе трупы, которые вода воскрешаетъ и оживляетъ. Во всякомъ случаѣ именно вода придаетъ необходимую подвижность веществамъ, слагающимъ собою живыя ткани; именно въ водѣ, въ водѣ кѣткокъ совершается непрерывный физико-химическій обмѣнъ, сопровождающій собою жизненныя проявленія и составляющій собою самую жизнь. Вы конечно воображаете, что существуютъ животныя и организмы неземные, водные и воздушные? Вздоръ. Въ сущности всѣ животныя живутъ въ водѣ: вода—слѣдуетъ добавить: жидкая вода—вогь единственная среда, въ нѣдрахъ которой разыгрывается жизнь. Вмѣстѣ съ Прейеромъ мы можемъ выразить наше заключеніе въ слѣдующихъ словахъ: «безъ влаги нѣтъ жизни».

Но необходимо, чтобы водная среда заключала въ себѣ кислородъ. Благодаря своему могущественному химическому средству съ остальными элементами кислородъ непрерывно нарушаетъ въ живомъ существѣ химическое равновѣсіе и поддерживаетъ въ нихъ пламя жизни: это пламя слѣдуетъ понимать не въ идеальномъ смыслѣ, а въ самомъ реальномъ, ибо дѣло идетъ здѣсь объ явленіяхъ истиннаго горѣнія, какимъ является напр. дыханіе.

Атмосфера является неисчерпаемымъ резервуаромъ, изъ котораго почти всѣ живыя существа поглощаютъ кислородъ; онъ находится въ атмосферѣ въ свободномъ несвязанномъ съ другими элементами состояніи.

Однако это правило представляетъ для нѣкоторыхъ низшихъ растительныхъ организмовъ исключеніе. Нѣкоторыя изъ нихъ, изученныя знаменитымъ ученымъ Пастеромъ, не нуждаются въ воздухѣ. Пастеръ называетъ ихъ поэтому *anaerobies* (живущіе безъ воздуха). Въ этомъ вопросѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, Пастеръ выдержалъ нѣсколько серьезныхъ нападеній, но въ концѣ концовъ побѣда осталась за нимъ, и въ настоящее время во всѣхъ нашихъ лабораторіяхъ разводятъ культуры септического вибриона или бактеріи столбняка. Между подобнаго рода анаэробіями существуютъ такія, которыя безразлично живутъ и въ воздухѣ, и безъ воздуха; но есть нѣкоторыя, для которыхъ воздухъ настоящій ядъ.

Но доказываетъ-ли отсутствіе воздуха или несвязаннаго кислорода, что эти микроорганизмы не обладаютъ функціей дыханія. Наоборотъ, они дышатъ; но взрывы въ нихъ происходятъ безъ участія воздуха, подобно тому, какъ совершается взрывъ пороха въ атмосферѣ азота; разница лишь въ томъ, что въ обоихъ этихъ случаяхъ поглощаемый кислородъ извлекается изъ имѣющихся на лицо соединеній его, а не въ видѣ газа изъ воздуха. Мы могли бы даже высказать крайне парадоксальное сужденіе, а именно, что анаэробіи необычайно жадны до кислорода — они такъ жадны до него, что поглощаютъ, вырываютъ кислородъ даже изъ прочныхъ соединеній его. Они до такой степени приспособились къ подобному существованію, что болѣе легкая жизнь въ открытомъ воздухѣ, такъ сказать, не удовлетворяетъ ихъ.

Какъ бы то ни было, однако кислородъ столь же необходимъ анаэробіямъ, какъ и всѣмъ остальнымъ организмамъ; разница только въ томъ, что они извлекаютъ его изъ иного источника. Итакъ, вотъ второе заключеніе: безъ кислорода нѣтъ жизни.

Столь же всеобщимъ условіемъ для жизни является тепло, ибо при низкихъ температурахъ замираетъ всякая жизнь. Условіе это, если угодно, есть лишь слѣдствіе изъ того, что мы говорили о водѣ. Для жизненныхъ проявленій необходима жидкая вода, но вода замерзаетъ при низкихъ температурахъ, хотя при извѣстныхъ условіяхъ остается жидкой даже при температурѣ—20°. Такимъ образомъ извѣстный минимумъ температуры необходимъ, и безъ тепла также нѣтъ жизни.

Наряду съ этими тремя условіями слѣдуетъ указать еще четвертое, которое однако не всегда приходитъ на память: это давленіе. Имъ занимаются Гоппе-Зейлеръ, Верворнъ и другіе. Давленіе оказываетъ существенное вліяніе на ходъ химическихъ превращеній, вслѣдствіе чего и жизнь можетъ проявляться лишь въ извѣстныхъ границахъ вѣшняго давленія.

Но достаточно-ли указанныхъ необходимыхъ для жизни условій? Все-ли

это? Говоря вообще, все. По крайней мѣрѣ нѣтъ другихъ условій, необходимость которыхъ представлялась бы пока столь же всеобщей.

А свѣтъ? Несомнѣнно свѣтъ играетъ важную роль въ нѣкоторыхъ отправленияхъ растений, и погасни онъ, такъ вскорѣ затѣмъ исчезла бы всякая растительная, а вслѣдъ за нею и всякая животная жизнь. Но подобное слѣдствіе не представляетъ чего нибудь непосредственнаго, и никто, пожалуй, не станетъ отрицать нѣкоторую возможность жизни въ темнотѣ. Есть организмы, которые живутъ въ глубокихъ пещерахъ, въ пучинахъ моря, куда никогда не проникаетъ ни одинъ лучъ солнечнаго свѣта. Точно также клѣтки внутреннихъ органовъ и тканей большихъ животныхъ живутъ въ условіяхъ вѣчной ночи. Однако, продолжительность ихъ жизни опредѣлить трудно и потому лучше обратиться къ нѣкоторымъ деревьямъ, какъ напр., букъ, нѣкоторыя внутреннія клѣтки котораго живутъ въ продолженіе ста и болѣе лѣтъ, никогда не испытывая въ теченіе всего этого срока ни малѣйшаго вліянія свѣта.

Подобно свѣту, тяжесть, электричество, магнетизмъ не считаются положительными необходимыми для жизненныхъ проявленій у всѣхъ живыхъ существъ.

Итакъ, жизнь въ главномъ заключается въ слѣдующемъ: запасъ энергіи, проявляющійся при посредствѣ особаго механизма, приходитъ въ дѣйствіе подъ вліяніемъ возбуждителей, подчиняясь въ то же время извѣстнымъ условіямъ среды.

Превосходно. Но настоящее затрудненіе возникаетъ лишь только мы рѣшаемся присоединить къ этимъ общимъ, нѣсколькимъ неопредѣленнымъ и чисто качественнымъ опредѣленіямъ болѣе точныя правила, когда мы хотимъ отыскать точную мѣру благоприятствующихъ жизни силъ.

Сколько же требуется кислорода, тепла и пищи? Вотъ вопросъ болѣе тонкій, чѣмъ простое констатированіе необходимости кислорода, пищи и тепла. Не забудемъ, что въ области біологіи обычныя правила ариметики теряютъ свою силу и нисколько не облегчаютъ поставленной задачи. Въ этомъ случаѣ только какой нибудь простакъ будетъ утверждать, будто одинъ да одинъ всегда равно двумъ, а дважды два четыре.

Это обстоятельство напоминаетъ мнѣ случай съ однимъ молодымъ туркомъ, собиравшемся посѣтить Западъ и разспрашивавшемъ съ этою цѣлью о господствующихъ тамъ обычаяхъ.

- Какимъ образомъ у васъ женятся?
- Женятся на одной.
- А если она умретъ?
- Тогда можно жениться на второй.
- А если и эта умретъ?
- То можно, пожалуй, жениться на третьей.
- Ну, а послѣ?

— Однако, какой вы требовательный! Въ этомъ случаѣ ничто не препятствуетъ жениться на четвертой».

Тогда турокъ затѣтилъ:

— Превосходно! Одинъ и одинъ, да еще одинъ и одинъ — четыре: слѣдовательно, я могу сразу сдѣлать предложеніе четыремъ женщинамъ!

Этотъ молодой человекъ съ Востока упустилъ въ расчетъ одно существенное условіе, именно *время*. Последовательность событій совсѣмъ не равнозначуща съ соединеніемъ ихъ въ общій промежутокъ времени. На недавнемъ съѣздѣ ученыхъ въ Любекѣ извѣстный физикъ Оствальдъ вполне основательно указывалъ на необходимость принимать въ расчетъ при обсужденіи естественныхъ явленій время. Всюду, гдѣ совершается необратимый по произволу, т. е. невозможный въ обратномъ порядкѣ, рядъ событій, всюду, гдѣ происходитъ развитіе, эволюція, исторія, всюду въ этихъ случаяхъ слѣдуетъ обращать вниманіе на все предшествующее, и арифметическій расчетъ по пальцамъ представляется уже невозможнымъ. Особенно это выступаетъ на первый планъ при изслѣдованіи закона Optimum'a, т. е. закона наилучшихъ условій для развитія.

Это понятіе и слово были введены въ науку въ 1860 г. извѣстнымъ физиологомъ растительной жизни Саксомъ, нынѣ профессоромъ физиологіи растений въ Вюрцбургскомъ университетѣ. Онъ поставилъ себѣ задачей изслѣдовать вліяніе температуры на проростаніе сѣмянъ и на дальнѣйшее развитіе растенія.

Уже до Сакса было извѣстно, что для проростанія сѣмени необходимъ извѣстный минимумъ температуры, но при этомъ произвольно допускали, что всякое повышеніе температуры сверхъ этого минимума ускоряетъ проростаніе и развитіе растенія. Нѣкоторые ученые принимали даже извѣстную пропорціональность между степенями повышенія температуры и скоростью развитія. Однако, это заблужденіе, отъ котораго, между прочимъ, не избавились еще метеорологи.

Саксъ изучилъ этотъ вопросъ весьма внимательно, такъ что перечитывая теперь, т. е. спустя тридцать пять лѣтъ, его мемуаръ, нельзя не подивиться проницательности его физиологическаго анализа и точности въ результатахъ, которой онъ достигалъ при крайней простотѣ и первобытности своихъ опытовъ. Онъ опредѣлилъ, между прочимъ, предѣлы низшихъ температуръ, при которыхъ начинается проростаніе у различныхъ сѣмянъ. Каждый организмъ, даже каждое отправление организма имѣетъ, собственно говоря, свой термометрический нуль, т. е. предѣлъ. Такимъ же образомъ необходимо существуетъ и высшій предѣлъ или максимумъ температуры, выше которой проростаніе также не происходитъ. Но находимъ ли мы въ предѣлахъ между этимъ минимумомъ и максимумомъ температуръ правильно возрастающую скорость проростанія и развитія? Нѣтъ. При повышеніи температуры отъ точки минимума до точки максимума скорость проростанія правильно возрастаетъ лишь до извѣстнаго момента; при дальнѣй-

шемъ повышеніи температуры не только уменьшается все болѣе и болѣе скорость развитія, но и самое развитіе становится все менѣе и менѣе совершеннымъ.

Итакъ, опыты эти показали, что между минимумомъ и максимумомъ существуетъ средняя или промежуточная температура, наиболѣе благоприятная для развитія растенія. Этой-то выгодной для растенія температурѣ Саксъ и далъ названіе *optimum'a*. Въ настоящее время терминъ этотъ столь же укоренился въ животной физиологіи, какъ и въ физиологіи растеній. Такъ напр., для пшеницы, опыты съ которой повторялись много разъ, минимумъ температуры, при которомъ начинается самое медленное развитіе находится около 0°. Максимумъ достигаетъ 40°. Наилучшія условія для развитія и наибольшая скорость роста достигается при 28°—29°; это и есть *optimum*.

Зависимость, существующую между скоростью роста и температурой, можно выразить въ видѣ кривой линіи, которая постепенно подымается и затѣмъ, достигнувъ наивысшей точки, снова опускается. Вскорѣ убѣдились, что подобный же ходъ развитія существуетъ во множествѣ другихъ физиологическихъ явленій. Попробуемъ взглянуть съ этой точки зрѣнія на нѣкоторые основные только что перечисленные нами факторы.

И человекъ, и животное—это элементарная истина—должны получать достаточное питаніе; для нихъ опасно ѣсть слишкомъ много. Какъ извѣстно, организмъ питается не тѣмъ, что онъ ѣсть, а тѣмъ, что онъ перевариваетъ. Это же замѣчаніе справедливо и для растеній. Болѣе точные приемы изученія растеній сравнительно съ приемами животной физиологіи позволяютъ достаточно ясно установить потребности растенія въ отношеніи питанія. Лишь только ученые успѣли осмотрѣться въ этой области, какъ уже рѣшили, что растеніе слѣдуетъ закармливать пищей. Первые опыты оказались неудачными; лишь когда ученые убѣдились, что, наоборотъ, растенію необходимы лишь весьма небольшія количества потребныхъ ему солей, когда, иными словами, они увидѣли, что для растеній въ этомъ отношеніи существуетъ *optimum*, тогда только удалось разводить и культивировать растенія въ водѣ, т. е. производить такъ называемую водную культуру. Этотъ методъ лучше всѣхъ другихъ обезпечиваетъ точность и достоверность наблюденій надъ химическими явленіями органической жизни.

Всякій знаетъ, что умѣренные возбужденія благоприятствуютъ выполненію жизненныхъ функций, между тѣмъ, какъ слишкомъ сильныя возбужденія положительно вредны. Фактъ этотъ настолько общезвѣстенъ въ примѣненіи къ нервамъ и мышцамъ животнаго, что его незачѣмъ болѣе подчеркивать. Между тѣмъ существованіе *optimum'a* и для возбужденій менѣе очевидно, и потому законъ этотъ слѣдуетъ разсмотрѣть, именно, въ примѣненіи его къ дѣйствіямъ ядовъ.

Въ настоящее время мы обладаемъ цѣлымъ рядомъ изслѣдованій, сдѣланныхъ съ цѣлью разъяснить намъ дѣйствіе различныхъ ядовъ на живыя существа.

Общій, и положительно неожиданный, выводъ изъ этихъ изслѣдованій тотъ, что небольшія количества яда, какъ оказывается, не только не вредны, но наоборотъ, производятъ полезное возбужденіе. Я ограничусь указаніями на подробныя изслѣдованія Гуго Шульца надъ животными и растительными клѣтками. Напримѣръ, съ удивленіемъ увидѣли, что самыя ядовитыя изъ всѣхъ извѣстныхъ подобныхъ веществъ въ небольшихъ дозахъ оказываютъ крайне благоприятное вліяніе на развитіе дрожжей, т. е. на броженіе: такъ, натровыя соли салициловой кислоты усиливаютъ броженіе при прибавленіи ихъ въ дозѣ $\frac{1}{4,000}$; то же дѣйствіе оказываетъ мышьяковая кислота, но уже въ дозѣ $\frac{1}{40,000}$. Эти наблюденія существенно измѣняютъ нашъ взглядъ на значеніе ядовъ. Что же такое послѣ этого ядъ? Ядъ есть тѣло, optimum дѣйствія котораго лежать въ отношеніи количества очень низко.

Сама вода не обладаетъ неограниченной безвредностью. Для воды, какъ питья и какъ жидкости, пропитывающей живыя ткани и заключенной внутри клѣтки, также существуетъ optimum количества, который безнаказанно нельзя переступать ни въ ту, ни въ другую сторону. Окружающая среда становится опасной одинаково, если воды въ ней слишкомъ много, или если ея, наоборотъ, слишкомъ мало. Одинъ изъ нашихъ ученыхъ, Массаръ, вполне выяснилъ этотъ фактъ въ своихъ интересныхъ изслѣдованіяхъ надъ чувствительностью организмовъ по отношенію къ увлажняющимъ ихъ растворамъ солей.

То же самое можно повторить о кислородѣ. Кислородъ необходимъ, но избытокъ его убиваетъ. Классическимъ изслѣдованіемъ этого предмета мы обязаны незабвенному Полю Бэру, который выяснилъ весьма любопытную вещь, что смерть, произведенная избыткомъ кислорода, носитъ совершенно тотъ же характеръ, какъ смерть отъ недостатка его, и та, и другая есть смерть отъ задушенія. Стало быть для каждаго разряда живыхъ существъ имѣется свой optimum кислорода, причемъ анаэробіи, о которыхъ была выше рѣчь, представляются намъ теперь съ совершенно новой точки зрѣнія—это существа, для которыхъ optimum, кислорода лежитъ очень низко.

О теплотѣ я могу добавить немного. Я уже говорилъ объ изслѣдованіяхъ Сакса. Оказывается, что теплота производитъ одинаковое дѣйствіе не на одно только проростаніе и дальнѣйшее развитіе сѣмянъ, но почти на всѣ физиологическія явленія. Всегда и вездѣ мы наблюдаемъ наилучшее теченіе жизненныхъ отправленій при извѣстной температурѣ optimum'a, все равно, будетъ ли то движеніе протоплазмы внутри клѣтки, поглощеніе соковъ корнями, зеленіе листа или чистота сердечнаго бѣнія у животныхъ. Однимъ словомъ, теплота необходима, но избытокъ ея гибеленъ.

По согласному свидѣтельству астрономіи и геологіи мы должны допустить, что земля была нѣкогда въ накаленно-свѣтящемся состояніи. При тогдашней температурѣ земли, жизнь была невозможна на ея поверхности:

существовалъ поэтому *азойскій*, т. е. безжизненный періодъ. И если только всѣ наши представленія о развитіи солнечной системы, о разсѣваніи энергій въ пространствѣ справедливы, то въ безконечно отдаленномъ будущемъ вышеуказанное явленіе приметъ обратный характеръ: земля остынетъ, какъ луна, наша холодная планета будетъ продолжать вращаться въ безсвѣтномъ пространствѣ. Стало бытъ, будетъ нѣкогда день, когда жизнь на землѣ угаснетъ по причинѣ холода, когда, согласно удачному выраженію Долло, наступитъ *анозойскій*, т. е. безжизненный періодъ.

Мы уже говорили, что давленіе является также общимъ условіемъ жизни.

Помимо опытовъ надъ растениями и животными, помимо восхожденій на высокія вершины съ одной стороны, устройства аппаратовъ съ сжатымъ воздухомъ и опыта в долазовъ съ другой — мы наталкиваемся на тотъ же взглядъ, когда останавливаемъ свое вниманіе на человѣкѣ. Человѣкъ можетъ довольно легко выносить давленіе, превосходящее давленіе атмосферы въ четыре раза, но сколько нибудь болѣе значительное давленіе неизбѣжно закончится печальнымъ результатомъ. Наоборотъ, многіе смѣлые воздухоплаватели подымались въ воздушномъ шарѣ на высоту болѣе чѣмъ въ 8,000 метровъ, гдѣ давленіе атмосферы уменьшается втрое по сравненію съ давленіемъ ея у поверхности земли; они достигали при этомъ почти что самой границы давленія, за предѣлами которой человѣкъ не можетъ существовать.

Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны слѣдующія три поднятія на воздушномъ шарѣ: Глешеръ, въ 1862 г. достигъ, по крайней мѣрѣ, высоты 8,838 метровъ—это безъ малаго высота самой громадной вершины земного шара, Гауризангара; однако, на этой ужасной высотѣ воздухоплаватель лишился чувствъ и очнулся лишь, когда шаръ опустился въ низшіе слои атмосферы. Если Берсонъ во время своего поднятія 4 декабря 1894 г. испытывалъ на достигнутой имъ высотѣ 9,100 метровъ лишь легкій обморокъ, то это благодаря исключительно вдыханію кислорода, къ которому онъ прибѣгъ по совѣту Поля Бэра для уравновѣшенія разрѣженности атмосферы. Третье поднятіе прославилось благодаря своему трагическому финалу. Оно было совершено въ 1875 г. 15 апрѣля этого года Тиссандье, Сивель и Кроче-Спинелли поднялись изъ Парижа на воздушномъ шарѣ «Зенитъ». Шаръ поднялся до 7,000 метровъ, и до этой высоты воздухоплаватели не испытывали ничего особенно непріятнаго. Вскорѣ шаръ достигъ 7,500 метровъ, и воздухоплаватели начали чувствовать особаго рода сонливость или апатію. «Мы, рассказываетъ Тиссандье, сидѣли въ корзинѣ шара неподвижно, не имѣя силы сдѣлать какое нибудь движеніе». Шаръ продолжалъ подниматься. Онъ достигъ уже 8,000 метровъ. Тиссандье взглянулъ на барометръ, но когда онъ захотѣлъ сообщить свое наблюденіе товарищамъ, языкъ, словно парализованный, не повиновался ему. Шаръ продолжалъ подыматься, тогда Тиссандье потерялъ сознаніе. Спустя полчаса онъ очнулся: шаръ опустился до 7,000 м. Кроче-Спинелли также

открываетъ глаза и выбрасываетъ баластъ: шаръ снова начинаетъ подыматься. Тиссандье снова лишается сознанія и, когда, часъ спустя, шаръ опустился, и Тиссандье пришелъ въ себя, то съ горестью убѣдился, что его сотоварищи заснули вѣчнымъ сномъ...

Итакъ, для человѣка, равно какъ для животныхъ и растеній, существуютъ предѣлы давленія, которые онъ не можетъ переступать безнаказанно. Слишкомъ низкое и слишкомъ высокое давленіе одинаково вредны, и, какъ мы видѣли выше, могутъ оказаться смертельными.

Все установленное нами для основныхъ жизненныхъ факторовъ, примѣнимо къ цѣлому ряду другихъ физиологическихъ явленій, и, можетъ быть, нѣтъ такого отдѣла или главы физиологій, гдѣ бы не имѣлъ всего своего значенія этотъ законъ optimum'a или законъ наилучшей среды. Но мы предложимъ читателямъ еще одинъ примѣръ изъ совершенно другой области: вопросъ идетъ о вліяніи степени родства половыхъ клѣтокъ на результатъ оплодотворенія. Благодаря замѣчательнымъ изслѣдованіямъ Дарвина, мы обладаемъ въ этомъ отношеніи точными данными для растительнаго міра. Мы знаемъ, что, если родство между двумя вступающими въ актъ оплодотворенія клѣточками слишкомъ отдаленно, а это, напримѣръ, справедливо для половыхъ клѣтокъ, принадлежащихъ къ двумъ различнымъ видамъ—то оплодотвореніе обыкновенно неудачно: въ результатъ его являются ублюдки, которые почти всегда въ большей или меньшей степени бесплодны. Но таковы же результаты въ противоположномъ случаѣ: если родство между соединяющимися половыми элементами слишкомъ велико, какъ напр., въ случаѣ принадлежности ихъ къ одному и тому же цвѣтку, то въ большинствѣ случаевъ оплодотвореніе не приноситъ ничего, т. е. получается такое же бесплодіе и въ случаѣ ублюдковъ. Итакъ, въ вопросѣ о значеніи родства половыхъ протоплазматическихъ элементовъ для оплодотворенія законъ optimum'a также вполне ясенъ.

Съ каждымъ шагомъ нашего изслѣдованія мы замѣчаемъ, что этотъ законъ имѣетъ все большее и большее распространеніе. Но болѣе того. Если мы предоставимъ какому нибудь организму выборъ между разнообразными условіями, то мы убѣдимся на многочисленныхъ примѣрахъ, что организмъ, будетъ ли то животное или растеніе, будетъ стремиться въ область, гдѣ господствуетъ его optimum.

Однако, это не имѣетъ прямого отношенія къ предмету нашего изслѣдованія. Намъ достаточно было показать, въ чемъ заключаются наши свѣдѣнія объ Optimum'ѣ, и насколько обширна область его примѣненія. Послѣ всѣхъ приведенныхъ нами примѣровъ, число которыхъ мы могли бы увеличить до бесконечности, мы приходимъ къ несомнѣнному убѣжденію, что законъ optimum'a составляетъ основной физиологическій законъ и является великимъ количественнымъ закономъ жизни.

Къ этому заключенію я пришелъ еще двадцать лѣтъ тому назадъ, когда пытался свести отдѣльные, касающіеся закона optimum'a, факты къ одной общей формулѣ; тогдашнее опредѣленіе мое, какъ мнѣ кажется, со-

хранило свое значеніе и пригодно еще по сей день: «Всякое жизненное явленіе, представляющее собою функцію какой нибудь переменнѣй величины, начинается проявляться съ какого нибудь момента этой переменнѣй (*minimum*), развивается все лучше и лучше по мѣрѣ роста этой переменнѣй до извѣстной точки (*optimum*), выше которой дальнѣйшее возрастаніе переменнѣй становится уже все менѣе и менѣе благопріятнымъ для даннаго явленія; послѣднее, наконецъ, останавливается вовсе, когда переменнѣя достигнетъ другой извѣстной точки (*maximum*)». Спустя нѣсколько лѣтъ Саксъ, превосходнымъ изслѣдованіямъ котораго мы обязаны болѣе точнымъ познаніемъ первыхъ случаевъ примѣненія этого закона, также настаивалъ на общемъ значеніи этого закона.

Если существованіе условій *optimum*'а свойственно большинству, а можетъ быть и всѣмъ, жизненнымъ функціямъ, то изъ этого, однако, не слѣдуетъ дѣлать обратнаго и ошибочнаго заключенія, будто условія *optimum*'а наблюдаются исключительно въ области жизненныхъ явленій. Развѣ не наступаетъ *optimum* температуры для плотности воды при 4°, *optimum* растворимости сѣрнокислаго натрія при 33°, не лежитъ ли *optimum* растворимости сѣрнокислаго желѣза между 65° и 98°? Развѣ для работы паровой машины не существуетъ общихъ условій наивысшей производительности работы?

Однако, *optimum* вовсе не является регулирующимъ закономъ жизни по преимуществу. Еслибы мы захотѣли указать болѣе основную причину, то мы, конечно, нашли бы ее въ физико-химическихъ свойствахъ той сложной смѣси, которая по существу является дѣятельнымъ веществомъ клѣтки: это протоплазма. Физико-химическія свойства живой протоплазмы, именно, и представляютъ свойства наилучшей среды, т. е. *optimum*'а. Протоплазма обладаетъ полужидкой консистенціей. Она полупроницаема. Она составлена главнымъ образомъ изъ бѣлковыхъ веществъ, не выносящихъ никакихъ крайностей, такъ какъ протоплазма замерзаетъ отъ холода и свертывается при излишнемъ теплѣ. Мои необнародованныя пока изслѣдованія заставляютъ меня думать, что бѣлковыя вещества организма обладаютъ наибольшей подвижностью своихъ молекулъ при извѣстныхъ среднихъ условіяхъ, при которыхъ ихъ жидкостныя свойства усиливаются, вслѣдствіе чего вещество легче движется, легче вступаетъ въ обмѣнъ, словомъ, съ большею легкостью выполняетъ всѣ свои жизненныя отправления.

Законъ *optimum*'а, точное доказательство котораго опирается на физиологическія работы второй половины нашего вѣка, слишкомъ близко касается нашей повседневной жизни и потому уже давно предчувствовался философами и мыслителями. Было бы весьма интересно перечислить многочисленныя и разнообразныя опредѣленія, въ которыя воплотилось въ теченіи прошлыхъ вѣковъ представленіе объ этомъ законѣ. Конечно, я

не могу привести ихъ всё сейчасъ. Вспомните, однако, что, если на одномъ фронтонѣ Дельфійскаго храма красовалась надпись: «Познай самого себя», то надпись другого фронтона провозглашала принципъ *optimum*'а, ибо гласила: «Ничего лишняго». Ту же мысль мы находимъ въ посланіяхъ апостола Павла, а также въ часто приводимомъ библейскомъ изрѣченіи: *Omnia in mensura et numero et pondere...*, что означаетъ не что иное, какъ благоразумную необходимость приводить все къ мѣрѣ, числу и вѣсу и въ переносномъ смыслѣ требуетъ во всемъ умѣренности.

Монтень и Монтескье провозглашали ту же истину, такъ-же какъ Дидро и Распайль, которые уже конечно не отличались излишней умѣренностью сужденій.

Мнѣнія великихъ мыслителей, на которыхъ мы только что сослались, какъ бы приглашаютъ насъ изслѣдовать примѣненіе физиологическаго закона *optimum*'а въ предѣлахъ одной біологіи. Но почему же мы колеблемся? Если естественный опытный обладаетъ правомъ дѣлать изслѣдованія, если его обязанность не только производить ихъ, но и провозглашать результаты ихъ, не смущаясь задней мыслью, какія заключенія выведутъ изъ его работы другіе, то конечно онъ также имѣетъ право высказать, какія, по его мнѣнію, слѣдствія вытекаютъ изъ установленныхъ наукой посылокъ.

Я прекрасно знаю, что выраженіе «золотая середина» кажется многимъ неблагозвучнымъ. Во всякомъ случаѣ я вовсе не собираюсь защищать ни людей, ни учрежденія, налѣпившихъ на себя этотъ ярлыкъ. Оставимъ лучше это слово; будемъ лучше согласно стиху

Сквозь призму словъ видѣть ясность вещей

проникать глубже въ смыслъ ихъ.

Съ нѣкотораго времени къ социальному организму очень часто примѣняютъ сравненія, заимствованныя изъ міра живыхъ существъ. Иногда этими параллелями даже злоупотребляютъ. Такъ напр. недавно намъ объясняли, что въ цивилизованномъ обществѣ полиція является чѣмъ-то соответствующимъ почвамъ и ихъ придаткамъ въ тѣлѣ животнаго. Однако кто же придастъ значенія подобнымъ сопоставленіямъ.

Законъ *optimum*'а или законъ «золотой середины» настолько тѣсно связанъ со всеми жизненными условіями, что мы безъ сомнѣнія найдемъ примѣненія его и къ разнымъ случаямъ въ жизни социальныхъ организмовъ.

Вы скажете, эта мысль банальна? Наоборотъ. Умѣренность, мѣра... да что можетъ быть менѣе банально, вѣдь эти качества такъ рѣдки.

Дѣтямъ свойственно все легкое, а что легче излишества? Дикарь набѣдается до излишества, пьяница пьетъ черезъ мѣру, дитя на рукахъ кормилицы думаетъ, что, протянувъ руки, оно схватитъ луну. Но отдать себѣ отчетъ въ размѣрахъ собственныхъ силъ, опредѣлить, что можешь и чего не можешь, это требуетъ воспитанія мысли и размысленія.

А вѣдь все это является чѣмъ-то противоположнымъ банальности. Стоять только оглянуться вокругъ, чтобы убѣдиться, сколько заученой оригинальности, сколько усвоенныхъ крайностей, обращается какъ ходячій товаръ на жизненномъ рынкѣ, и до какой степени, поэтому, умѣстны совѣты, вытекающіе изъ познанія закона optimum'a.

Въ самомъ дѣлѣ, что видимъ мы въ жизни? Самое обыкновенное явленіе, это насиліе. Въ общественной жизни — насиліе одного класса надъ другимъ; въ политикѣ — насиліе одного народа надъ другимъ; въ искусствѣ надутая реклама партій, пользующихся всѣми крайностями своего направленія.

Мнѣ скажутъ, что крайности иногда полезны, что люди крайніе необходимы для перваго импульса. Это правда, но это нисколько не противорѣчитъ сказанному нами. Съ соціальной, также какъ и съ чисто біологической точки зрѣнія сходство между индивидами не существуетъ, но въ цѣломъ, какъ показалъ знаменитый статистикъ Бетле, всѣ количественныя опредѣленія представляютъ характеръ средняго. Кто говоритъ о среднемъ, тотъ несомнѣнно имѣетъ въ виду отступленія въ частномъ, ибо всегда существуютъ отсталые элементы, для уравниванія инерціи которыхъ необходимы элементы, шагающіе далеко за предѣлы возможнаго. Эти крайніе передовые съ положительнымъ знакомъ элементы нейтрализуютъ собою крайніе элементы противоположнаго отрицательнаго знака, т. е. отсталыхъ. Истинное значеніе соціальныхъ крайностей, все равно въ какой бы то ни было области—въ искусствѣ, въ литературѣ, въ политикѣ—такowo: они служатъ для возможно скорого установленія золотой середины, т. е. наилучшихъ условий, они не только не испровергаютъ ее, но именно стараются осуществить ее на дѣлѣ.

Но конечно дѣло не можетъ обойтись безъ исключеній или, вѣрнѣе, безъ аномалій, и всегда возможны безумцы, поступки которыхъ, какъ съ соціальной, такъ и съ біологической точки зрѣнія, не находятъ себѣ оправданій.

Свое сообщеніе я сдѣлалъ по приглашенію друзей всѣхъ учащихся; пусть же они позволяютъ мнѣ въ заключеніе обратиться непосредственно къ этимъ послѣднимъ.

Въ средѣ учащихся происходитъ необычайное превращеніе. Безпечный студентъ былыхъ временъ уступаетъ постепенно мѣсто болѣе новому и болѣе сложному типу. Конечно, вы не забываете, что вы прежде всего молодежь; молодость это ваша наиболѣе драгоцѣнная и совершенно безспорная привилегія, которая, какъ каждый изъ васъ съ сожалѣніемъ убѣдится на себѣ, будетъ продолжаться для васъ недолго. Но за это время вы успѣете заинтересоваться великими философскими, политическими и соціальными вопросами, волнующими всѣхъ насъ; вы соединяетесь для изученія ихъ и, это знаетъ, можетъ быть, для разрѣшенія ихъ.

Столь возвышенныя стремленія налагаютъ не менѣе значительныя обязанности, и мнѣ кажется, я не требую отъ васъ слишкомъ многого,

когда совѣтую вамъ серьезно ознакомиться съ общими условіями жизни, какъ біологическихъ, такъ и специальныхъ организмовъ.

Если мнѣ удалось убѣдить васъ въ великомъ значеніи изложеннаго мною закона optimum'a, то я могу быть увѣренъ, что ни вы, ни я, не потеряли даромъ времени на эту бесѣду.

Пер. Н. Ильинъ.

Письма изъ провинціи.

Изъ г. Воронежа.

О бібліотекахъ.

Въ городѣ, имѣющемъ 60 тысячъ жителей, нѣсколько десятковъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ учится до 7 тыс. человекъ, долженъ существовать большой спросъ на книгу. Кромѣ того постоянный культурный ростъ массъ, увеличенное число грамотныхъ—даютъ все большее и большее число читателей. Поэтому крайне интересно взглянуть на тѣ бібліотеки, книгами которыхъ можетъ пользоваться воронежскій обыватель.

Прежде всего нужно указать на то, что при нѣкоторыхъ учрежденіяхъ существуютъ собственныя бібліотеки, которыми пользуются служащіе въ этихъ учрежденіяхъ. Но нѣкоторыя изъ этихъ бібліотекъ незначительны, другія же носятъ специальный характеръ или состоятъ исключительно изъ журналовъ. Подобныя бібліотеки существуютъ при казенной и контрольной палатахъ, управленіяхъ государственныхъ имуществъ, юго-восточныхъ ж. д. и другихъ учрежденіяхъ. Онѣ доступны только ограниченному числу служащихъ. Бібліотеки при учебныхъ заведеніяхъ также не играютъ важной роли въ просвѣщеніи массы жителей города. Фундаментальныя бібліотеки доступны только учащимъ, т. е. ограниченному числу лицъ, а ученическія и отличаются выборомъ книгъ и не удовлетворяютъ даже скромныхъ требованій учениковъ. Кромѣ того, подобныя бібліотеки почти совершенно отсутствуютъ въ начальныхъ училищахъ, такъ что большая часть учащихся и при томъ изъ бѣдныхъ классовъ лишена книгъ для чтенія. Такимъ образомъ, читающей и желающей читать публикѣ остается лишь обратиться къ существующимъ публичнымъ и частной бібліотекамъ. Посмотримъ, въ какомъ положеніи находятся эти бібліотеки и каковъ читатель нашего города. Первое мѣсто занимаетъ публичная бібліотека, существующая уже нѣсколько десятковъ лѣтъ и имѣвшая прежде до 40 тысячъ подписчиковъ. Исторія этой бібліотеки прекрасно доказываетъ ту зависимость, которая вездѣ наблюдается между культурнымъ состояніемъ общества и положеніемъ бібліотеки *).

*) Составлено по брошюрѣ «25-ти-лѣтіе ворон. публ. бібліотеки».

Дѣйствительное, фактическое существованіе бібліотеки нужно считать съ 1863 года, хотя основаніе ей было положено раньше. Въ Воронежѣ, какъ и во многихъ другихъ городахъ, въ 30-хъ годахъ, по инициативѣ правительства, была основана бібліотека «для сѣянія и распространенія просвѣщенія», какъ выражался указъ губернатору Бѣгичеву. Былъ выработанъ уставъ, въ которомъ говорилось, что бібліотека основывается для того, чтобы, примѣняясь къ благотворнымъ цѣлямъ пекущагося о народномъ просвѣщеніи правительства, распространять полезныя въ народѣ свѣдѣнія по части земледѣлія, торговли, фабрикъ, мануфактуръ; познать недостатки ихъ, равно какъ и достаточныхъ любознательныхъ гражданъ съ успѣхами отечественнаго просвѣщенія и такимъ образомъ, обогащая ихъ знаніями, устремлять умъ ихъ къ новымъ открытіямъ, душу къ подвигамъ ума и чести, разумокъ уклонять отъ предубѣжденій, а жизнь ихъ дѣлать болѣе счастливѣйшей и пріятнѣйшей». Для разныхъ сословій назначались разные дни посѣщенія; всѣ приходящіе въ бібліотеку должны были обходиться съ завѣдующимъ вѣжливо, послѣ привѣтствія обязаны были подойти къ рукомоинику, умытъ начисто руки и вытереть ихъ полотенцемъ; иначе книги имъ не выдавались.

Около пяти лѣтъ шла переписка и только въ 1835 году бібліотека была открыта. Но положеніе ея было не блестяще. Напримѣръ, въ 1854 году въ ней было только 634 названія и тѣ не читались, такъ какъ ключъ отъ бібліотеки былъ много лѣтъ затерянъ; въ 1862 году книги оказались хламомъ и самая память о бібліотекѣ исчезла. Очевидно, что безъ сочувствія общества бібліотека существовать не могла, а общество было инертно и грубо.

Въ 60-хъ годахъ, когда жизнь Воронежа значительно оживилась и среди интеллигенціи появился кружокъ такихъ лицъ, какъ Де-Пуле, Второвъ, Дольникъ и др., снова былъ поднятъ вопросъ о бібліотекѣ. Предварительно былъ открытъ Никитинимъ книжный магазинъ, который временно долженъ былъ замѣнить бібліотеку, знакомя публику съ лучшими произведеніями, русскими и иностранными. Пока былъ живъ Никитинъ, его магазинъ дѣйствительно былъ центромъ для всей лучшей интеллигенціи города. Послѣ его смерти кружокъ началъ энергично хлопотать объ открытіи бібліотеки, и въ 1864 году она была открыта на собранныя средства. Первые годы, благодаря хорошему веденію дѣла, бібліотека шла хорошо, хотя читателями были исключительно ($\frac{2}{3}$ — $\frac{3}{4}$) учащіеся старшихъ классовъ. Съ конца 60-хъ годовъ она начала падать, а съ 61 года уже нѣтъ отчетовъ, затѣмъ прекращается выписка журналовъ, газетъ и доходъ доходитъ до 6 рублей въ мѣсяцъ. Книги расхищаются, число членовъ уменьшается въ 28 разъ и, наконецъ, остается одинъ, который и ведетъ все дѣло. Объясняется это тѣмъ, что часть интеллигенціи перешла къ практическимъ, болѣе живымъ дѣламъ, осталая же масса, временно всколыхнувшись, снова успокоилась и заснула. Только въ 1876 году снова вспомнили о бібліотекѣ, котораѣ къ тому

времени оказалась страшно разрозненной. Привели ее въ порядокъ, выхлопотали субсидію отъ земства и города, и библіотека опять начала развиваться. Въ 1877 году число удовлетворенныхъ требованій = 45 тыс., а въ 1883 году—115 тыс.; число абонементовъ въ 1877 г. равнялось 1,056 въ 1883 году—4,059; число книгъ съ 10 тыс. дошло до 280 тыс.; доходъ за чтеніе съ 27% дошелъ до 67% всего дохода. Въ 1884 году вышелъ извѣстный Index и дѣла библіотеки сразу пошатнулись: число требованій упало, число подписчиковъ понизилось на 600 человекъ. Сильно понизилась дѣятельность библіотеки въ 1887 году, когда воспитанники учебныхъ заведеній были лишены права посѣщать библіотеки, особенно палъ спросъ на дѣтскія книги, журналы и серьезные книги.

Хотя условія библіотеки измѣнились къ лучшему (она получила даровое помѣщеніе отъ города), но въ 1888 году она должна была закрыть свою бесплатную читальню, благодаря циркуляру о бесплатныхъ народныхъ читальняхъ. Это сразу понизило общее число требованій въ первые 5 мѣсяцевъ на 20%, а въ читальнѣ почти вдвое, хотя общее число подписчиковъ возрасло.

Пониженіе общественнаго настроенія, наблюдаемое въ послѣдніе годы, отразилось на библіотекѣ сильнымъ пониженіемъ числа требованій и подписчиковъ. По крайней мѣрѣ число абонентовъ съ 4,261 въ 1888 г. понизилось до 1,085 въ 1895 г., а число требованій съ 108,411 до 84,807.

Подобное уменьшеніе не можетъ быть объяснено какими либо внутренними беспорядками въ библіотекѣ. Число книгъ увеличилось до 42 тысячъ томовъ, библіотека выписываетъ до 60 экз. газетъ и журналовъ, приобретаетъ вновь выходящія книги, но тѣмъ не менѣе число подписчиковъ уменьшается. Помимо того вреднаго вліянія, которое, какъ мы уже видѣли, оказали различныя Index'ы и запрещенія, нужно принять во вниманіе, при объясненіи этого явленія, еще и ту зависимость, которая существуетъ между настроеніемъ общества и ходомъ библіотечнаго дѣла. Болѣе культурные слои общества понизили свои духовныя требованія, вслѣдствіе разныхъ причинъ, о которыхъ мы говорить не будемъ. Прюжде они составляли значительную часть читающихъ, теперь они перестали слѣдить за умственнымъ движеніемъ вѣка. Понизился вообще интересъ къ общественной жизни, а слѣдовательно и общественнымъ наукамъ. Довольствуются чтеніемъ журналовъ, да и то далеко не всѣ.

Но кромѣ того имѣла, по нашему мнѣнію, весьма важное значеніе слѣдующая причина. Культурный ростъ массы населенія или вѣрнѣе увеличеніе числа получившихъ образованіе среди низшихъ слоевъ населенія должны были создать особаго читателя, съ особыми требованіями. Этотъ читатель не привыкъ къ книгѣ, не обладалъ средствами, ютился на окраинахъ и для него нужны были особыя библіотеки. Публичная библіотека не могла привлечь этого читателя, для котораго лишній гривенникъ составлялъ уже порядочную сумму и разстояніе играло большую

роль. По крайней мѣрѣ опытъ съ дешевымъ абонементомъ, въ 10 коп., не привлекъ этого читателя и при изслѣдованіи причинъ этого обстоятельства оказалось, что читатель изъ бѣдныхъ классовъ населенія существовалъ, но для него нужны были еще и другія условія, кромѣ дешеваго абонемента. Требовался иной подборъ книгъ, иная плата и открытіе библіотеки въ мѣстности, лежащей вблизи этихъ читателей. Такая библіотека была открыта и, какъ увидимъ дальше, привлекла значительное количество читателей. Такимъ образомъ увеличенія подписчиковъ въ публичной библіотекѣ насчетъ новыхъ читателей изъ народа не могло быть и подписчики ея по прежнему принадлежать къ болѣе зажиточнымъ классамъ населенія, которые не особенно пристрастны къ книгѣ.

Что читатель изъ бѣдныхъ слоевъ населенія дѣйствительно нуждался въ книгѣ — показываетъ исторія недавняго существованія филиальнаго отдѣленія публичной библіотеки имени Кольцова. Мысль объ открытіи библіотеки возникла въ 1892 году въ связи съ празднованіемъ 50-лѣтней годовщины смерти Кольцова. Городская дума на словахъ выразила полное сочувствіе, но денегъ не дала, а рѣшила оставить «вопросъ объ ассигнованіи суммъ на нѣкоторое время открытымъ». Трудно сказать, долго-ли тянулось бы это неопредѣленное «нѣкоторое время», и когда открылась бы библіотека, еслибы за дѣло не взялся комитетъ публичной библіотеки и частныя лица. Такъ какъ дешевый абонементъ въ публичной библіотекѣ не привлекъ публики, то рѣшено было открыть отдѣленіе имени Кольцова, и эта мысль встрѣтила горячее сочувствіе со стороны общества и тѣхъ лицъ, для которыхъ предназначалась библіотека. Было получено заявленіе съ подписями разныхъ лицъ: чиновниковъ, мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ и др. Начались хлопоты, и въ 1894 году получено разрѣшеніе. Такая библіотека открывалась безъ всякихъ средствъ и инициаторамъ необходимо было добыть ихъ. Благодаря ихъ энергіи, удалось собрать пожертвованія деньгами и книгами, которыя между прочимъ поступали и отъ бѣдняковъ. Средствъ было, однако, очень мало и ихъ не хватало на самые необходимые расходы, такъ что снова пришлось обратиться къ помощи общества. Одинъ изъ членовъ взялъ на себя плату за помѣщеніе и ѣздилъ въ столицы, гдѣ возбудилъ сочувствіе въ писательскомъ мірѣ. Многіе писатели прислали свои сочиненія, издатели — изданія, а редакціи — газеты и журналы. Часть членовъ, преимущественно женщины, взяли на себя веденіе дѣла и выдачу книгъ.

Такъ какъ библіотека была предназначена для особыхъ читателей, то и правила для нея были измѣнены, причемъ обращено особенное вниманіе на доступность ея для бѣдныхъ. Плата понижена до 15 коп. Для получающихъ 1 книгу вмѣсто залога допущено поручительство членовъ и другихъ лицъ, извѣстныхъ администраціи библіотеки.

Библіотека быстро завоевала себѣ симпатіи читателей. Черезъ два мѣсяца у ней было 184 подписчика, а къ 1896 году 840, немного меньше, чѣмъ въ публичной. При этомъ она имѣетъ свой контингентъ

читателей, совершенно отличный от читателей публичной. В отчете публичной библиотеки за последний год проглядывает странный взгляд, что филиальное отделение является ее опасным конкурентом, отвлекающим читателей. Между тем из отчета Больцовской библиотеки ясно видно, что она создала и имеет читателей, живущих на окраинах и не бравших книги из центральной библиотеки. Вообще странно слышать о конкуренции двух таких важных учреждений. Эти библиотеки только дополняют одна другую и необходимо, чтобы скорее открылось такое же отделение на другой окраине города.

Принадлежность подписчиков Кольцовской библиотеки к бедным классам доказывается распределением их по разрядам. В 1-м разряде было 9% вместо 25% и III — 66%, причем годовые, полугодовые и 3-х-месячные составляли около 7%, а 93% приходилось на месячных. Очевидно, что средства и время не позволяют большинству читателей тратить много на книги. Точно также значительный процент (66%) получивших книги по поручительствам доказывает, что у многих подписчиков не было средств для взноса залога.

Насколько бедны читатели этой библиотеки, показывает тот факт, что некоторые из них не могли платить даже 15 коп. в месяц. В настоящее время предполагено давать таким лицам бесплатные билеты на чтение.

При библиотеке есть читальня, но посещается она очень мало, как и большинство читален для народа. Главную роль здесь играет недостаток времени и возможность за ту же плату получать газеты и журналы на дом. Большинство предпочитает брать газеты и читать их дома тем более, что читальня плохо устроена. В одной и той же небольшой комнате происходит выдача книг и стоят столы для чтения. В читальне поэтому стоит неизбежный шум от посетителей, разговора, ходьбы, и когда посетителей много, то сосредоточиться совершенно нельзя. Все это заставляет подумать о перемене помещения библиотеки, которое давно уже признано тесным и неудобным. Комитет библиотеки думал даже о приобретении собственного здания, но мысль эта не могла быть осуществлена из-за недостатка средств. Было бы желательно и вполне справедливо, чтобы город дал бесплатное помещение для библиотеки. Несомненная польза, которую она приносит населению, обязывает городское самоуправление прийти к ней на помощь. Собственно говоря, эта библиотека должна бы существовать всецело на средства города, как учреждение, преследующее просветительные цели в районе города, т. е. исполняющее одну из функций городского самоуправления. К сожалению, город ограничивается лишь сравнительно небольшим пособием.

Между тем материальное положение дается крайне печально. Она не имеет никаких постоянных источников дохода, кроме абонементной платы, покрывающей всего 1/3 расходов. Членские взносы, различные пожертвования составляют главный источник дохода, но источник

весьма случайный. Пока существуют и держатся симпатии общества, до тѣхъ поръ существованіе бібліотеки обеспечено, уменьшились симпатіи— бібліотека будетъ лишена средствъ, а слѣдовательно и возможности развиваться. До сихъ поръ она ежегодно пополнялась книгами, и въ 1895 г. ихъ было выписано на 649 р. 89 к.; число же всѣхъ книгъ равняется 2,165 и 986 т. періодическихъ изданій. Въ нынѣшнемъ году также выписана большая партія книгъ. При значительномъ числѣ подписчиковъ является необходимость въ постоянномъ пополненіи каталога, а сдѣлать это можно лишь при наличности средствъ. Никто, какъ городъ, долженъ помочь кружку частныхъ лицъ продолжить начатое полезное дѣло.

Посмотримъ, что читаетъ подписчикъ обѣихъ бібліотекъ. Какъ въ той, такъ и въ другой болѣе всего взято книгъ по русской беллетристикѣ (54% и 52,5%); затѣмъ въ кольцовской идетъ дѣтскій отдѣлъ, такъ какъ тамъ 40% подписчиковъ дѣтей, а въ публичной иностранная беллетристика, а потомъ уже дѣтскія книги, научный отдѣлъ въ обѣихъ бібліотекахъ читается плохо и составляетъ всего 3%. Очевидно, что серьезный читатель еще не народился, а лица интеллигентныя очень мало интересуются серьезными книгами, предпочитая имъ вино и карты или пустую болтовню.

На незначительное количество серьезныхъ читателей указываетъ тотъ фактъ, что такіе писатели какъ Градовскій, Гольцевъ, Ефименко, Бѣлинскій, Мензбиръ, Брандесъ, Гиббонъ, Лавелле, Лекки, Оуэнъ, Токвилъ были выданы (въ 1895 г.) всего по 1 разу. Стасюлевичъ, Фортунатовъ, Дементьевъ 3 раза.

Надо вообще замѣтить, что читатель, особенно въ Кольцовской бібліотекѣ, совершенно не знаетъ, какія книги ему нужны. У него есть смутные запросы, требующіе отвѣта, но гдѣ найти его, онъ не знаетъ. Кромѣ того, онъ ничего почти не читалъ или читалъ очень мало. Поэтому въ выборѣ книгъ онъ руководствуется указаніемъ знакомаго, заглавіемъ или вообще проситъ дать «чтонибудь получше».

Благодаря этой беспомощности читателя, роль завѣдующихъ бібліотечкой становится весьма важной. Они являются какъ бы руководителями читателя и могутъ принести ему большую пользу или вредъ, давая тѣ или иныя книги. Знакомство съ имѣющимися въ бібліотекѣ книгами для нихъ необходимо и обязательно, хотя бы оно и требовало много времени. Насколько намъ извѣстно, такое знакомство происходитъ въ настоящее время, хотя можно положительно сказать, что многіе изъ выдающихся незнакомы и съ половиной книгъ, помѣщенныхъ въ каталогѣ. Имъ поэтому неоднократно приходится испытывать затрудненія при рекомендаціи той или иной книги. Для нихъ особенно необходимо всестороннее знакомство съ литературой, такъ какъ они взялись за дѣло изъ желанія приносить пользу, просвѣщать массу, а не просто нанялись за плату исполнять извѣстныя обязанности. Дѣла бібліотеки для нихъ дороги и близки, и о ней они должны особенно заботиться, а, слѣдовательно,

и къ себѣ предъявлять болѣе высокія требованія. Коллегіальное завѣдываніе дѣлами библіотеки даетъ имъ въ руки хорошее орудіе для достиженія вышеуказанной цѣли.

Обращаясь къ авторамъ, пользующимся вниманіемъ читателей публичной библіотеки, мы видимъ, что на первомъ планѣ стоятъ Л. Толстой, Тургеневъ, Михайловъ, Писемскій, Салиасъ, Гончаровъ, Немировичъ-Данченко; изъ переводныхъ—Жюль-Вернь, Дюма, Мопассанъ, Шпильгагенъ, Гюго, Вернеръ, Майя-Ридъ, Диккенсъ.

Въ Кольцовской библіотекѣ можно прослѣдить взятыхъ авторовъ по возрастамъ. Взрослые читали больше всего: Тургенева, Л. Толстого, Достоевскаго, Мордовцева, Михайлова, Писемскаго, Гончарова; изъ иностранныхъ: Золя, Шпильгагена, Гюго, Сеневича, Мопассана, Доде, Диккенса. По общественнымъ наукамъ взято всего 73 книги, по культурѣ—45 книгъ, по исторіи 118 книгъ. Но зато брались взрослыми дѣтскія книги, въ которыхъ очевидно интересовала фабула.

Подростки брали больше всего Тургенева, Л. Толстого, Мордовцева, Достоевскаго, Писемскаго, Гончарова, Михайлова; изъ иностранныхъ: Эмара, Гюго, Шпильгагена, В. Скотта, Сеневича, Диккенса, Золя. По общественнымъ наукамъ взята 21 книга, по критикѣ—69 книгъ; повидимому, ихъ брали учащіеся для сочиненій, такъ какъ преобладаютъ Бѣлинскій, Скабичевскій, Полевой, Галаховъ. По исторіи взято 120 книгъ. Дѣти брали Н. Данченко, Засодимскаго, Гоголя, Смирнова, Тургенева, но главнымъ образомъ дѣтскія книги: Эмара, Ж. Верна, М. Рида и др.

По имѣющимся даннымъ трудно дѣлать какіе либо выводы относительно читаемыхъ книгъ и требованій читателей, и поэтому мы и воздержимся отъ нихъ.

Кромѣ описанныхъ библіотекъ въ городѣ есть еще частная библіотека, имѣющая значительное число подписчиковъ, но свѣдѣній о ней у насъ не имѣется. Подписчики ея принадлежатъ исключительно къ культурнымъ слоямъ городского населенія и дѣла библіотеки идутъ хорошо.

Изъ нашего краткаго очерка положенія библіотекъ можно сдѣлать тотъ выводъ, что число читающихъ въ Воронежѣ весьма незначительно и составляетъ въ общемъ $\frac{1}{20}$ всѣхъ жителей. Читается исключительно беллетристика, книги серьезныя спрашиваются очень мало, и ихъ почти всегда можно найти на полкахъ библіотекъ.

Читатель изъ малокультурныхъ слоевъ еще только нарождается и едва начинаетъ читать. Однако и существующіе его запросы полного удовлетворенія не получаютъ, такъ какъ одна часть города съ прилегающей деревней не пользуется книгами, благодаря далекому разстоянію. Недавно нѣкоторые изъ интеллигентовъ задумали открыть второе отдѣленіе публичной библіотеки имени Никитина. Рѣшено было выработать уставъ, но оказалось, что губернаторъ очень неодобрительно отнесся къ этому начинанію. Говорившему съ нимъ по этому поводу было сказано, что сначала надо обезпечить средствами главную библіотеку, а затѣмъ уже открывать отдѣленія.

Въ дѣйствительности же Кольцовское отдѣленіе существуетъ независимо отъ главной и имѣетъ свои средства. Открывалось оно при самыхъ незначительныхъ средствахъ и новое отдѣленіе также могло бы существовать на частную помощь. Словомъ, причина отказа не можетъ считаться основательной. Хотя отказъ и неофициальный, но дѣло затормозилось. А между тѣмъ цѣлая часть города съ большимъ количествомъ бѣднаго населенія совсѣмъ лишена книгъ. Прискорбное, но въ нашей губерніи довольно частое, явленіе!

И. К.

О вечернихъ занятіяхъ въ сельской школѣ.

Изъ Тверской губ.

Мысль о желательности открытія вечернихъ занятій явилась у лицъ, близко стоящихъ къ 3-ой школѣ, съ одной стороны вслѣдствіе того, что лица эти, приходя въ столкновеніе съ подростками и взрослыми, окончившими курсъ, какъ въ сосѣдней церковно-приходской, такъ равно и въ земскихъ школахъ, постоянно убѣждались въ крайне малой развитости ихъ и вообще въ недостаточности ихъ знаній.

Съ другой же стороны зачастую приходилось сталкиваться со слѣдующимъ явленіемъ: мальчикъ или дѣвочка начинаютъ ходить въ школу, учатся съ большою охотой и выказываютъ порядочныя способности, но или дѣйствительно изъ за разныхъ причинъ измѣняются ихъ семейныя условія (умреть ктонибудь, женится и т. под.), или просто родители придуть къ заключенію, что «пусть лучше дома будетъ»—и вотъ, только что получившій интересъ и любовь къ ученію ребенокъ со слезами приходитъ сдавать книжки. Не думаю, чтобы ктонибудь изъ тѣхъ, кому приходилось видѣть подобную картину, могъ отнестись къ ней хладнокровно. Всѣмъ сердцемъ хочется помочь этому ребенку, но какъ помочь? Обыкновенно учитель или учительница отправляются къ его родителямъ и пробуютъ уговорить ихъ оставить сына или дочку въ школѣ, но на просьбу эту большею частью получается отрицательный отвѣтъ. Часто родители сами искренно жалѣютъ, что нужда въ лишнемъ работникѣ или нянѣкѣ для дѣтей заставляетъ лишать ребенка грамоты и, какъ бы сами выискивая возможность уладить возникшее затрудненіе, высказываютъ мысль, что «вотъ кабы еще вечеромъ, то чего бы ему (или ей) не ходить, а по утрамъ никакъ невозможно».

Такимъ образомъ являюся двѣ группы нуждающихся въ вечернихъ занятіяхъ: 1) окончившіе курсъ, но требующіе пополненія своихъ знаній и 2) начавшіе учиться, но при всемъ желаніи не имѣющіе возможности продолжать это ученіе наряду съ другими. Но кромѣ этихъ двухъ группъ есть въ деревнѣ еще третій элементъ нуждающійся въ нихъ—это

взрослые крестьяне и крестьянки, не имѣвшіе возможности, по тѣмъ или инымъ причинамъ, въ дѣтствѣ научиться грамотѣ.

Про грамотность съ полнымъ основаніемъ можно сказать, что она заразительна: стоитъ только въ какой нибудь мѣстности появиться энергичному, дѣльному учителю (или учительницѣ) и, поднимая и подбодряя духъ дѣтей, заинтересовать ихъ внѣкласснымъ чтеніемъ, т. е. пріучить ихъ брать изъ школьной библіотеки (гдѣ она есть конечно) книжки на домъ и съ полною увѣренностью можно сказать, что въ семьяхъ этихъ дѣтей тоже начинается усиленное стремленіе читать, учиться — однимъ словомъ духъ школы тотчасъ же переходитъ на окружающихъ. Такъ и съ вечерними занятіями: пойдутъ заниматься вечеромъ 15—16-лѣтніе подростки и за ними потянутся совершенно уже взрослые крестьяне, которымъ до сихъ поръ и въ голову не приходило, что имъ еще можетъ представиться возможность кой чему научиться.

Все вышесказанное показываетъ, что для того, кто близко стоитъ къ деревнѣ, не трудно дойти до сознанія пользы и необходимости вечернихъ занятій: сами окружающія условія со всѣхъ сторонъ наталкиваютъ на него. Но, какъ извѣстно, одного сознанія необходимости чего нибудь еще мало: нужно кромѣ того имѣть возможность выполнить то, что считаешь необходимымъ. Учителя и учительницы сельскихъ школъ могутъ искренно считать вечернія занятія необходимыми, но у большинства изъ нихъ, къ сожалѣнію, нѣтъ никакой физической возможности вести ихъ. Послѣ болѣе чѣмъ пятичасоваго труда, въ переполненномъ учениками душномъ классѣ, заниматься вновь вечеромъ невозможно, тѣмъ болѣе, что очень часто на вечеръ еще остается работа подъ видомъ поправки ученическихъ тетрадей. Школа, о вечернихъ занятіяхъ въ которой нынѣшнею зимою, будетъ ниже изложено, находится въ особенно благоприятныхъ условіяхъ: во-первыхъ, она имѣетъ просторное, удобное помѣщеніе, во-вторыхъ, комплектъ учениковъ (45) въ ней не превышаетъ того, съ которымъ легко можетъ заниматься одинъ преподаватель и, наконецъ, въ третьихъ, владѣлица усадьбы, гдѣ школа, и жена управляющаго имѣніемъ нѣсколько помогаютъ учителю, какъ въ веденіи дневныхъ, такъ и вечернихъ занятій. Но школъ съ подобными условіями къ сожалѣнію немного, а потому желательно было бы болѣе или менѣе подробно рассмотреть вопросъ: нельзя ли найти возможность устраивать вечернія занятія при школахъ, находящихся въ обыкновенныхъ условіяхъ.

Для выясненія этого вопроса прежде всего необходимо было бы собрать свѣдѣнія, гдѣ, кѣмъ и какъ ведутся въ настоящее время, или раньше велись, вечернія занятія, но такъ какъ собрать эти свѣдѣнія чрезвычайно трудно, то приходится пока ограничиться одними отвлеченными разсужденіями, которыя можетъ быть и вызовутъ лицъ, заинтересованныхъ затронутымъ вопросомъ, высказать по поводу него свое мнѣніе. Мнѣ думается, что вопросъ о вечернихъ занятіяхъ одинъ изъ самыхъ насущныхъ вопросовъ нашей деревенской школы, такъ какъ безъ

Этихъ занятій работа школы остается недоделанной. Только при нихъ посредствомъ можетъ школа сохранить связь съ окончившими своими питомцами, можетъ слѣдить за ихъ дальнѣйшимъ развитіемъ, помогать имъ одержать побѣду въ той борьбѣ, которую 12—13-лѣтнему ребенку, получившему свидѣтельство объ окончаніи школы и переставшему посѣщать ее, приходится вести съ окружающею его темною средою. Много писалось и говорилось о томъ, что школа не приноситъ должныхъ результатовъ, что часто всѣ полученныя въ ней знанія забываются и пропадаютъ даромъ, какъ доказываютъ напр. рекрутскіе наборы, во время которыхъ часто встрѣчаются такіе случаи, что рекрутъ, имѣющій «свидѣтельство» объ окончаніи школы, не умѣетъ ни читать, ни писать. Указываютъ тоже часто и на печальный фактъ нравственной неустойчивости «грамотѣевъ». Этотъ фактъ тѣмъ болѣе печаленъ, что до извѣстной степени подрываетъ уваженіе къ школѣ и ученью въ самомъ крестьянскомъ населеніи, прививая ему въ то же время чисто утилитарный взглядъ на грамотность: отдають дѣтей въ школу большею частью потому, что «нынче безъ грамоты пропадешь», или потому что «грамотному и въ солдатахъ легче», а не потому, что въ грамотности видятъ извѣстную нравственную опору. Обидно бываетъ слушать человѣку, преданному школьному дѣлу, разсужденія стариковъ вродѣ слѣдующихъ: «Да что, нешто ваши грамотные лучше? нешто пьянствуютъ они меньше? нешто справедливейше живутъ?» и т. под. Особенно больно бываетъ слушать эти разсужденія потому, что чувствуется въ нихъ доля правды. А кто виноватъ въ этомъ? Ужъ никакъ не школа и не ея преподаватели и ни у кого, знакомаго съ сельскою школою, конечно, не явится мысли возвести на нихъ это обвиненіе. Нѣтъ, эти труженики работаютъ изо всѣхъ силъ и дѣлають все, что отъ нихъ зависитъ, и не виноваты они, что въ теченіе того короткаго срока, который крестьянскій ребенокъ посѣщаетъ школу, при томъ количествѣ дѣтей на каждаго учителя, которое мы встрѣчаемъ въ большинствѣ школъ,—нравственное воспитаніе учениковъ ускользаетъ отъ нихъ.

Чѣмъ же можно помочь этому безспорно очень важному, безконечно вредящему школьному дѣлу злу? Миѣ кажется, что лучше всего могутъ помочь тутъ, какъ уже и было сказано выше, вечернія занятія и что поэтому необходимость ихъ настолько велика, что вопросъ о ихъ устройствѣ является ничуть не менѣе важнымъ, чѣмъ вопросъ объ открытіи новыхъ школъ. Конечно и тутъ, какъ и при открытіи школъ, главное препятствіе составляетъ отсутствіе средствъ. Держать при школѣ второго учителя или учительницу для вечернихъ занятій—прямо невозможно, но можетъ быть наплась бы возможность напр. имѣть для вечернихъ занятій одного учителя на три близъ лежащія школы (разумѣется, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ разстоянія не особенно велики), который бы еженедѣльно давалъ по два урока въ каждой изъ порученныхъ ему школъ. Или, въ тѣхъ школахъ, гдѣ есть два преподавателя (равноправныхъ или старшій

и младшій), можетъ быть можно бы было, два раза въ недѣлю, на послѣдніе два-три часа, какъ нибудь соединять учениковъ (давая одной части ихъ самостоятельныя работы) съ тѣмъ, чтобы освободившійся учитель могъ отдохнуть и набрать силъ для вечернихъ занятій.

Повторяю, по моему мнѣнію, вопросъ объ этихъ занятіяхъ настолько важенъ, что вполне заслуживаетъ быть всесторонне обсужденнымъ лицами знакомыми съ сельскою школою, а потому крайне необходимо, чтобы какъ можно большее число такихъ лицъ отозвалось на него и высказало свои мнѣнія. Время отъ времени въ печати проскальзываютъ замѣтки о томъ, что «такое-то земство признало нужнымъ ввести въ школахъ вечернія занятія», но желательно было бы знать, какъ, на какихъ основаніяхъ они введены и какъ ведутся? Впрочемъ, можетъ быть свѣдѣнія о нихъ и имѣются, но пропущены мною вслѣдствіе того, что мнѣ не приходится особенно внимательно слѣдить за журналами, тогда, я надѣюсь, мнѣ простится моя невольная ошибка и найдутся люди, которые не откажутъ сообщить мнѣ, чрезъ посредство редакціи, гдѣ именно могу я найти эти свѣдѣнія.

Перехожу теперь къ краткому отчету о вечернихъ занятіяхъ, происходившихъ нынѣшнею зимою въ 3-ой школѣ.

Вопросъ объ устройствѣ по два раза въ недѣлю этихъ занятій былъ рѣшенъ еще осенью 1895 г., но въ виду того, что необходимо было навести справки о томъ, какъ отнесется къ нимъ школьное начальство и что вообще пришлось многое разузнавать и налаживать, какъ въ дѣлѣ совершенно новомъ, начать ихъ удалось только 7-го ноября. Къ нашему объявленію объ этихъ занятіяхъ и взрослые и подростки отнеслись очень сочувственно, но какъ то недовѣрчиво: очевидно и имъ нужно было сперва ознакомиться съ такимъ новшествомъ.

Въ первый день пришло всего 4 челов.: одинъ окончившій курсъ въ церковно-приходской шк. и трое такихъ, которые должны были по семейнымъ обстоятельствамъ перестать посѣщать утренніе классы. Послѣ этого перваго урока начался быстрый приливъ желающихъ заниматься по вечерамъ и къ 15-му дек. занятія эти посѣщались уже 33 чел., изъ которыхъ было 10 дѣвушекъ. Всѣ ученики и ученицы были раздѣлены на три группы:

1) Окончившіе курсъ и не окончившіе, но по своимъ познаніямъ мало уступающіе окончившимъ.

2) Мало учившіеся и

3) совсѣмъ неграмотные.

Въ 1-ой группѣ было 16 челов. (14 мужск. пола и 2 дѣвцы);

во 2-ой группѣ было 11 челов. (6 мужск. пола и 5 дѣвцы);

въ 3-ей группѣ было 6 чел. (3 мужск. пола и 3 дѣвцы).

Занятія начинались обыкновенно въ 5½ час. и кончались въ 9½ час.

Ученики старшей группы читали подходящія статьи географическаго, историческаго и другихъ содержаній и рассказывали ихъ своими словами, при

подобающихъ поясненіяхъ лица, занимавшагося веденіемъ этихъ чтеній. Затѣмъ имъ давались самостоятельныя работы по «Практическому курсу правописанія» Некрасова. Кромѣ того, по разу въ недѣлю, они писали подѣ диктовку, занимались ариѳметикой и Закономъ Божиимъ. Планъ занятій со второю группою былъ приблизительно такой же, т. е. съ ними тоже велись объяснительныя чтенія, они писали подѣ диктовку и съ прописей, занимались Зак. Бож. и ариѳмет. Ученики 3-й группы обучались по звуковому способу читать, а позднѣе начали писать буквы и слова. Всѣ они къ концу занятій уже могли читать довольно бѣгло. Съ учениками старшей группы нѣсколько разъ, въ особо назначаемые для того вечера, велись бесѣды по популярной гигиенѣ, т. е. выяснялась необходимость чистоты воздуха, жилищъ, бѣлья и т. под.

Почти каждый разъ по окончаніи классовъ большинство учениковъ еще оставалось на нѣкоторое время, чтобы перемѣнить, взятая въ предѣидущій разъ, въ школьной библиотекѣ книжки и въ это время особенно ясно можно было видѣть, какое оживленіе и интересъ вносятъ въ деревенскую среду вечернія занятія. Нужно замѣтить, что собственно дѣтей на этихъ занятіяхъ почти не было, такъ какъ былъ всего одинъ 12 лѣтн. мальчикъ, остальные же все подростки или взрослые (въ январѣ мѣсяцѣ одинъ ученикъ долженъ былъ перестать ходить на занятія, такъ какъ женился).

Весь ноябрь и декабрь классы посѣщались очень охотно и аккуратно, но по мѣрѣ того, какъ удлинялись дни, а вмѣстѣ съ тѣмъ становилось длиннѣе и рабочее время, ученикамъ дѣлалось все труднѣе и труднѣе посѣщать классы. Съ половины января все чаще на вопросъ, почему нѣтъ того или другого, слышались отвѣты: «только-что изъ лѣсу пріѣхалъ, такъ усталъ очень», «дрова пилить» и т. под. Впрочемъ желаніе учиться все же настолько беретъ верхъ надъ усталостью, что даже въ мартѣ мѣсяцѣ, когда рабочий день крестьянина уже очень великъ и труденъ, на вечернія занятія продолжали еще собираться по 12—15 челов. Жалко, но вмѣстѣ съ тѣмъ отрадно было смотрѣть, какъ настойчиво иногда нѣкоторые изъ учениковъ, просидѣвъ въ классѣ часа два, начинали борьбу со сномъ, усиленно протирая глаза и отказываясь отъ предложеній идти домой.

На основаніи только что изложеннаго можно сказать, что опытъ нынѣшней зимы вполне ясно доказалъ намъ, что вести вечернія занятія можно съ громадною пользою, но что для вполне успешной постановки дѣла необходимо вести ихъ въ продолженіе самаго темнаго времени года, когда короткій день оставляетъ крестьянину много свободнаго времени. Такъ, начиная ихъ съ октября и кончая въ февралѣ, мы будемъ имѣть въ нашемъ распоряженіи четыре мѣсяца, въ теченіи которыхъ, даже занятіями по два раза въ недѣлю, можно многое сдѣлать, а именно: научивъ въ это время читать неграмотныхъ, въ грамотныхъ можно пробудить такой интересъ къ чтенію и

знанію вообще, можно такъ направить ихъ не установившійся, жаждущій руководителя разумъ, а вмѣстѣ съ нимъ и еще шаткую нравственность, что занятія эти явятся рѣшающимъ событіемъ ихъ жизни. Да и нельзя говорить о четырехъ мѣсяцахъ, такъ какъ слѣдующая зима можетъ служить прямымъ дополненіемъ къ нимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ новымъ источникомъ и подновителемъ умственного и нравственного свѣта.

Е. Г.

На Западѣ.

Общества мира и конгрессы.—Литература мира.—Буда-Пештскій конгрессъ.—Воззваніе Берты Суттнеръ.—Межпарламентская конференція.—Вопросъ объ участіи въ конференціи „непарламентскихъ“ государствъ.—Международный конгрессъ Этического Союза.

Намъ не разъ случалось указывать, что характерною чертою нашего столѣтія безъ сомнѣнія надо считать обиліе противорѣчій и рѣзко-выраженный антагонизмъ между различными общественными явленіями и теченіями. Эти противорѣчія и антагонизмъ всего ярче и замѣтнѣе бросаются въ глаза на почвѣ международныхъ отношеній. Въ то время какъ вся Европа, по одному мѣткому выраженію, «ощетинилась штыками» и на заводахъ Круппа ежедневно фабрикуются чудовищныя орудія, изобрѣтенныя человѣческимъ геніемъ съ цѣлю лучшаго истребленія человѣчества, и наука, успѣхами которой вправѣ гордиться наша эпоха, притягивается на службу генію разрушенія, увеличивая его силу,—изъ устъ правителей и государственныхъ людей все чаще и чаще раздаются слова миролюбія, выражаются желанія оградить спокойствіе Европы и высказываются стремленія къ культурнымъ преобразованіямъ и реформамъ. Въ большинствѣ случаевъ всѣ эти благія стремленія въ европейскихъ государствахъ разбиваются о военные бюджеты. Въ каждой странѣ министръ финансовъ неизмѣнно заявляетъ, что у него нѣтъ денегъ на необходимыя реформы, потому что все поглощаютъ военные расходы. Однимъ словомъ,—какъ говорить Анри Дюнанъ, основатель Краснаго Креста, въ своемъ письмѣ къ баронессѣ Суттнеръ, «духъ войны продолжаетъ жить, несмотря на хваленое миролюбіе Европы».

Но милитаризмъ, съ такою силою даващій на европейскіе народы и являющійся одною изъ главныхъ причинъ различныхъ кризисовъ и обѣднѣнія многихъ европейскихъ государствъ, не замедлил породить противоположное явленіе: пропаганду мира, выразившуюся въ учрежденіи обществъ мира и конгрессовъ, а также межпарламентскихъ конференцій и вызвалъ на свѣтъ цѣлую литературу мира.

Каждому извѣстно, какое сильное впечатлѣніе во всемъ цивилизованномъ мирѣ было вызвано произведеніемъ баронессы Берты Суттнеръ.

«Die Waffen Nieder», выдержавшимъ множество изданій и переведеннымъ на всѣ европейскіе языки. Книга эта повлекла за собою появленіе массы всевозможныхъ брошюръ и разнаго рода сочиненій, исключительно направленныхъ къ распространенію идей мира въ европейскомъ обществѣ. На родинѣ милитаризма, въ Германіи, возникла ассоціація съ цѣлью пропаганды идей мира, предпринявшая изданіе и переводъ многихъ иностранныхъ сочиненій о мирѣ. Несмотря на свое недавнее существованіе (она образовалась лишь въ прошломъ году), ассоціація эта уже успѣла зарекомендовать себя полезною дѣятельностью. Кромѣ сочиненій Берты Суттнеръ эта ассоціація издала подъ заглавіемъ «Философія войны» переводъ предисловія къ капитальному труду Мишеля Ревона о международномъ третейскомъ судѣ. Переводчикъ этой книги, секретарь ассоціаціи г. Фридь, зарекомендовалъ себя и своими собственными сочиненіями о мирѣ,—изъ которыхъ особенно обратилъ на себя вниманіе «Катехизисъ мира», тотчасъ же по своемъ появленіи, переведенный на французскій языкъ. Въ настоящее время Фридь редактируетъ журналъ, издаваемый германскою ассоціаціей, «Friedenscorrespondenz» и то, что этотъ журналъ печатается уже въ 6,000 экземплярахъ, несомнѣнно указываетъ на успѣхъ пропаганды мира.

Нельзя не обратить вниманія на то, что большинство сочиненій о мирѣ появляется именно на нѣмецкомъ языкѣ. Недавно одинъ австріецъ, Леопольдъ Катчеръ, издалъ книгу, озаглавленную «Мирные голоса», въ которой собраны извлеченія изъ авторовъ всѣхъ временъ и народовъ, прославляющихъ миръ. Поэты, историки, философы, государственные люди,—всѣ дали матеріалъ для этой книги, но курьезнѣе всего, что туда же включены и цитаты Бисмарка, Мольтке и Наполеона I, говорящаго въ пользу мира! Причислить Бисмарка, Мольтке и Наполеона I къ числу поборниковъ мира, конечно, немного рискованно, но вѣроятно авторъ хотѣлъ этимъ показать, что даже эти столпы милитаризма не рѣшались открыто высказываться противъ мира и признавали необходимымъ, ради общественнаго мнѣнія, облекаться «въ тогу лицемѣрія», говоря о пользѣ мира.

Другая книга, изданная на нѣмецкомъ языкѣ и преимущественно обратившая на себя вниманіе въ послѣднее время, это—«книга мира» Вундсама, президента академическаго общества мира въ Цюрихѣ. Это тоже антологія, но составленная нѣсколько иначе, издатель собралъ цитаты современныхъ авторовъ, различныхъ національностей, указывая на связь, существующую между ихъ воззрѣніями на миръ и на общую идею, которая обнаруживается въ ихъ произведеніяхъ, но въ книгѣ Вундсама кромѣ этихъ цитатъ находятся еще 64 портрета наиболѣе выдающихся дѣятелей пропаганды мира и нѣсколько графическихъ и статистическихъ таблицъ, указывающихъ на развитіе движенія мира.

Если мы перейдемъ теперь къ Англии, то увидимъ, что и тамъ литература отдаетъ дань движенію мира. Въ англосаксонской литературѣ

мира главное мѣсто занимаетъ фиктивное изображеніе политическихъ событій—въ формѣ романа, авторы котораго рисуютъ не то что есть, а что должно было бы быть или могло бы быть, еслибъ европейскіе правители дѣйствительно были воодушевлены идеей мира. Первое мѣсто между произведеніями этого рода принадлежитъ роману анонимаго автора «Marmaduke, emperor of Europe», гдѣ главную роль играетъ императоръ Вильгельмъ II, будто бы стремящійся упредить благо своего народа и сокрушающій гидру милитаризма посредствомъ разрѣшенія эльзась-лотарингскаго вопроса и примиренія съ Франціей. Императоръ впрочемъ дѣйствуетъ тутъ несамостоятельно, а подчиняясь влиянію одного журналиста, пишущаго подъ псевдонимомъ «Marmaduke» и сумѣвшаго пріобрѣсти неограниченное довѣріе императора. Этотъ Мармадукъ является главнымъ героемъ романа, въ лицѣ котораго авторъ хотѣлъ изобразить торжество принципа мира надъ всѣми противоположными и вредными теченіями. Та же мысль проводится и въ другой книгѣ, озаглавленной «Горе другихъ», авторъ которой предсказываетъ конечное торжество великой идеи мира.

Во Франціи также существуетъ уже цѣлая литература мира и издается нѣсколько журналовъ, задавшихъ спеціальною цѣлью проповѣдывать сближеніе народовъ и содѣйствовать распространенію идей мира. Къ числу органовъ подобнаго рода принадлежитъ между прочимъ журналъ «L'Etranger», издаваемый обществомъ междунагоднаго изученія (Société d'études internationales). Цѣль этого журнала—сблизить народы посредствомъ лучшаго ознакомленія ихъ другъ съ другомъ и распространенія знанія языковъ. Кромѣ этого журнала въ Парижѣ существуетъ еще скромное мѣсячное изданіе, самое названіе котораго «La coopération intellectuelle, revue de Sociologie positive» заключаетъ въ себѣ уже цѣлую программу. Основатель этого журнала Дегермъ—простой рабочій,—воодушевленный горячимъ стремленіемъ помочь человѣчеству, изнемогающему подъ тяжестью социальныхъ условій. Исходя изъ того убѣжденія, что одному трудно бороться съ господствующими предрасудками общества, Дегермъ задумалъ создать «интеллектуальную кооперацію», которая должна стремиться къ нравственному возрожденію отдѣльныхъ индивидовъ, такъ какъ лишь путемъ такого возрожденія возможно достигнуть улучшенія социальнаго быта. Литература составляетъ одинъ изъ главныхъ путей такой коопераціи и поэтому Дегермъ, не задумываясь, пожертвовалъ сбереженія своей заработной платы на журналъ, служащій для распространенія идей братства и справедливости и для борьбы съ шовинизмомъ, легко подчиняющимся массы своему влиянію. Для того, чтобы лишить свой журналъ даже тѣни коммерческаго предпріятія Дегермъ вначалѣ не назначилъ даже никакой подписной платы, полагаясь на то, что найдутся люди, сочувствующіе его начинаніямъ. Такіе люди дѣйствительно нашлись, и положеніе журнала теперь упрочилось, такъ какъ онъ заручился матеріальной и главное нравственной поддержкой. Въ

настоящее время уже установлена подписная цѣна на этотъ крайне симпатичный органъ, не превышающая однако 3 фр. въ годъ во Франціи и 4 фр. за границей. Дегермъ особенно боится, чтобы дѣло его, въ которое онъ вложилъ свою душу, не приняло характера спекуляціи и поэтому настоялъ на такой низкой подписной цѣнѣ, которая не только не можетъ создать дохода, но даже не въ состояніи покрыть расходовъ на изданіе журнала.

Подобные факты разумѣется должны способствовать поддержанію вѣры въ человѣчество. Да и самый успѣхъ и распространеніе движенія въ пользу мира позволяетъ изнемогающимъ подъ бременемъ милитаризма націямъ не терять надежды на избавленіе отъ него въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Почти въ каждомъ европейскомъ государствѣ организуются теперь общества мира. Въ Германіи имѣется теперь не менѣе пятидесяти обществъ мира, въ составъ которыхъ входятъ члены разныхъ партій и духовенства. Въ Австріи главное общество друзей мира насчитываетъ 2,000 членовъ, но существуетъ еще нѣсколько другихъ обществъ, въ разныхъ другихъ австрійскихъ городахъ. Въ Буда-Пештѣ общество мира организовалось всего лишь въ декабрѣ прошлаго года и уже насчитываетъ 1300 членовъ. Движеніе распространилось и на другія страны: Португалію, Испанію, Швецію, Давію и Норвегію, и правительства двухъ послѣднихъ государствъ даже принимаютъ на себя расходы депутатовъ на поѣздки въ различные города, гдѣ засѣдаютъ конгрессы мира. Въ Англіи движеніе имѣетъ по преимуществу народный характеръ, на что указываетъ, напримѣръ, петиція объ учрежденіи англо-американскаго третейскаго суда, подписанная 5,500 делегатами отъ англійскихъ гражданъ. Въ Италіи движеніе въ пользу мира также очень популярно и недавняя абиссинская война только еще усилила эту популярность.

Если мы обратимъ взоры за океанъ, то увидимъ, что и тамъ пропаганда мира дѣлаетъ большіе успѣхи. Доказательствомъ этого служить между прочимъ восторженный приѣмъ, оказанный въ Нью-Йоркѣ лорду Русселю, читавшему тамъ публичную лекцію о важномъ значеніи международнаго третейскаго суда. Идея учрежденія международнаго трибунала принадлежитъ Гладстону и на брюссельской межпарламентской конференціи было постановлено разослать выработанный планъ этого учрежденія всѣмъ правительствамъ на разсмотрѣніе.

Въ нынѣшнемъ году конгрессъ мира собрался въ Буда-Пештѣ, гдѣ, какъ извѣстно, состоялось также празднованіе тысячелѣтняго юбилея Венгріи, по поводу котораго и была устроена грандіозная національная выставка. Этотъ по счету седьмой международный конгрессъ мира отличался также большимъ многочисленіемъ и присутствіемъ делегатовъ со всѣхъ концовъ свѣта. Въ программу занятій конгресса вошло обсужденіе различныхъ предложеній, внесенныхъ обществами мира, какъ то: предложенія объ агитаціи въ пользу пріостановки вооруженій и объ учрежденіи общеевропейскаго таможеннаго союза, а также предложенія, сдѣланнаго

нѣмецкими обществами мира о поощреніи наивозможно большого сближенія между народами, посредствомъ лучшаго ознакомленія ихъ другъ съ другомъ, что можетъ быть достигнуто частыми заграничными поѣздками, командировками и воспитаніемъ молодыхъ людей за границей и путемъ распространенія въ странѣ знакомства съ иностранной литературой.

Извѣстная австрійская писательница Берта Суттнеръ обратилась по поводу буда-пештскаго конгресса съ новымъ воззваніемъ къ обществу. Оно обращалась уже съ подобнымъ воззваніемъ передъ открытіемъ римскаго конгресса мира, засѣдавшаго пять лѣтъ тому назадъ. Тогда точно также она горячо возставала противъ принципа насилія, управляющаго международными отношеніями. Мудрые и осторожные государственные люди, вполне сознавая опасность держать въ своихъ рукахъ зажженный фитиль вблизи пороховаго склада, всетаки продолжаютъ это дѣлать, говорила тогда Берта Суттнеръ въ своемъ первомъ воззваніи—и не только не удаляютъ пороха изъ этого склада, но наоборотъ постоянно совѣтуютъ наполнять его все большими и большими количествами пороха. Теперь, по словамъ Берты Суттнеръ, уже начинаютъ появляться признаки, указывающіе на то, что народы не намѣрены болѣе оставаться пассивными зрителями роста милитаризма. Берта Суттнеръ въ значительной степени приписываетъ это обстоятельство вліянію обществъ мира. Конечно, пропаганда мира оказала всетаки свое дѣйствіе хотя бы можетъ Берта Суттнеръ и преувеличиваетъ до нѣкоторой степени ея значеніе. Въ своемъ воззваніи Берта Суттнеръ говоритъ между прочимъ о господствѣ ошибочнаго взгляда, будто многочисленныя арміи нужны не только для охраненія границъ, но и для поддержанія общественнаго порядка внутри государства. Что это невѣрный взглядъ, лучше всего доказывается Союдиненными Штатами, гдѣ даже при существующихъ общественныхъ условіяхъ находятъ возможнымъ ограничиваться весьма немногочисленною арміей, въ 25,000 человѣкъ. Самую главную угрозу современному общественному порядку составляетъ пауперизмъ, говоритъ Берта Суттнеръ, а это зло всетаки вызывается до нѣкоторой степени неомѣрнымъ развитіемъ военныхъ расходовъ, вызывающихъ обѣднѣніе государства. Поэтому Берта Суттнеръ и взываетъ ко всѣмъ истиннымъ друзьямъ мира, чтобы они сплотились и образовали бы преграду для безмѣрнаго роста милитаризма, такъ какъ милліарды, ежегодно поглощаемые военными бюджетами, пошли бы тогда на школы, общественныя работы и благотворительность, и это, конечно, болѣе всего содѣйствовало бы общественному благополучію. Для вѣдущей убѣдительности Берта Суттнеръ приводитъ въ своемъ воззваніи выдержки изъ письма къ ней Анри Дюнана. «Когда представляешь себѣ, что всѣ эти вооруженные народы могутъ обрушиться другъ на друга,—говоритъ творецъ женеваской конвенціи Краснаго Креста—то невольно видишь передъ глазами ужасную бурю, которая не ограничивается только разрушеніемъ страны и людей, но можетъ отбросить назадъ на дѣлыя столѣтія евро-

пейскую культуру. Кто знает, какая новая жизнь возникнет на этих развалинах?.. Почему не соберемся вмѣстѣ всѣ мы сочувствующіе идеѣ мира, къ какому бы племени или языку ни принадлежали и не провозгласимъ святого крестоваго похода въ защиту человѣчности?»

Тотчасъ же по закрытіи международнаго конгресса мира въ Буда-Пештѣ начались засѣданія межпарламентской конференціи мира. Въ этой конференціи, въ прѣтвѣпозложность конгрессу, могли участвовать только члены парламентовъ, депутаты, сенаторы и пѣры. Рѣшительно всѣ европейскіе парламенты, кромѣ румынскаго, имѣли своихъ представителей на этой конференціи; румынскіе же депутаты отказались пріѣхать, потому что конференція происходила въ Буда-Пештѣ. Конечно, такое рѣшеніе нѣсколько странно для друзей мира и идетъ въ разрѣзъ съ ихъ принципами, но румынскіе депутаты, повидимому, не приняли этого въ соображеніе и вопреки принципамъ мира остались стоять въ данномъ случаѣ на почвѣ національной вражды. Они, впрочемъ, прислали письмо, въ которомъ выразили сожалѣніе по поводу того, что имъ *нельзя* присутствовать на конференціи. Надо прибавить, что еще въ прошломъ году на брюссельской конференціи они самымъ рѣшительнымъ образомъ высказались противъ избранія Буда-Пешта мѣстомъ будущей конференціи.

Главный интересъ межпарламентской конференціи этого года заключается безспорно въ томъ, что въ первый разъ былъ поднятъ и подвергнутъ обсужденію вопросъ о приглашеніи къ участию въ конференціи делегатовъ отъ «неконституціонныхъ» государствъ. До сихъ поръ въ межпарламентскихъ конференціяхъ, какъ мы уже говорили выше, участвовали только члены парламентовъ; теперь же, по предложенію графа Аппоньи, вождя венгерской національной партіи, будущія конференціи раздвинуть свои рамки. Дѣло мира, сказалъ графъ Аппоньи, имѣетъ международный характеръ и поэтому въ немъ должны участвовать всѣ народы. Конференція только выиграетъ отъ этого, такъ какъ отсутствіе въ ней нѣкоторыхъ народовъ, играющихъ однако видную роль въ европейскомъ концтѣ, составляло до сихъ поръ весьма существенный пробѣлъ. Было бы очень важно пополнить этотъ пробѣлъ, ибо интересы мира важнѣе соблюденія формальностей.

Вопросъ объ участіи непарламентскихъ государствъ въ межпарламентской конференціи, рѣшенный въ принципѣ, подлежалъ лишь обсужденію съ формальной стороны, т. е. членамъ конференціи было предложено рѣшить, должны ли быть отправлены приглашенія на конференцію всѣмъ вообще друзьямъ мира или только официальнымъ представителямъ вышеупомянутыхъ государствъ. Графъ Аппоньи указывалъ на то, что участіе правительственныхъ делегатовъ было бы болѣе цѣлесообразно, такъ какъ межпарламентскія конференціи именно тѣмъ и отличаются отъ обыкновенныхъ обществъ мира, что члены этихъ конференцій имѣютъ вліяніе на правительства своихъ государствъ и содѣйствіе ихъ можетъ имѣть практическое значеніе для дѣла мира. Весь вопросъ заключается

въ томъ, примутъ ли правительства это приглашеніе? Дѣломъ мира безспорно дорожать всѣ правительства, но тѣмъ не менѣе они могутъ отклонить приглашеніе на томъ основаніи, что правительственные делегаты представляютъ въ нѣкоторомъ родѣ уполномоченныхъ, несущихъ на себѣ гораздо большую отвѣтственность, нежели члены парламентовъ, поэтому имъ и приходится соблюдать гораздо большую осторожность въ своихъ поступкахъ и рѣшеніяхъ. Однако приглашенія могутъ быть адресованы членамъ государственныхъ совѣтовъ, дѣятельность которыхъ отчасти соотвѣтствуетъ работамъ законодательныхъ палатъ. Члены этихъ совѣтовъ могли бы принять участіе въ межпарламентскихъ конференціяхъ не по порученію своего правительства, а лишь съ его разрѣшенія, что предоставило бы имъ большую свободу дѣйствій, дало бы имъ полную возможность пользоваться на конференціи одинаковыми правами съ парламентскими делегатами. Въ дальнѣйшей своей рѣчи графъ Аппоньи сказалъ между прочимъ, что участіе Россіи въ трудахъ конференціи было бы очень желательно, такъ какъ Россія преслѣдуетъ мирныя цѣли и русскій народъ представляетъ могущественную силу.

Резолюція по этому вопросу, предложенная графомъ Аппоньи, была принята громаднымъ большинствомъ голосовъ. Какъ эта резолюція, такъ и всѣ другія, касающіяся разныхъ другихъ вопросовъ, напр., положенія правъ иностранцевъ, нейтралитетовъ и т. п., указываютъ на очень серьезное отношеніе межпарламентской конференціи къ своимъ задачамъ и на дѣйствительные успѣхи ея пропаганды. Вопросъ объ учрежденіи постоянного международнаго третейскаго трибунала конечно былъ однимъ изъ главныхъ вопросовъ, которому конференція посвятила свое вниманіе и въ этомъ году. Послѣ прошлогодней конференціи всѣмъ правительствамъ была разослана резолюція съ приложеніемъ обстоятельной записки объ учрежденіи такого трибунала и многія правительства, въ томъ числѣ русское, въ принципѣ одобрили это предложеніе. На этомъ основаніи будапештская конференція постановила приложить всѣ старанія къ осуществленію этой резолюціи и нѣкоторые изъ делегатовъ предложили даже ходатайствовать у правительствъ о созваніи международной дипломатической конференціи для окончательнаго обсужденія этого вопроса.

Не одни только спеціальные конгрессы мира и межпарламентскія конференціи указываютъ на то, что несмотря на все возрастающій антагонизмъ въ политическомъ отношеніи, націоналистскія и партикуляристскія стремленія, народы все таки стремятся къ взаимному сближенію и къ упроченію мирныхъ отношеній. Обиліе международныхъ конгрессовъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ несомнѣнно служитъ однимъ изъ главныхъ доказательствъ такого стремленія. Интеллектуальное сближеніе народовъ дѣлаетъ большіе успѣхи, такъ что теперь можно смѣло говорить о томъ, что народы привыкли уже собираться вмѣстѣ для обсужденія самыхъ разнообразныхъ вопросовъ и на этихъ собраніяхъ всякая національная вражда, всякая натянутость междуна-

родныхъ отношеній исчезаютъ, такъ что дѣйствительно можно подумать что идея утопистовъ о великомъ братствѣ народовъ недалеко отъ своего осуществленія.

Нынѣшній годъ особенно изобиловалъ международными конгрессами. Мы уже говорили въ прошлыхъ обзорѣняхъ о конгрессѣ психологовъ и химиковъ и женскихъ конгрессахъ. Перечислить всѣ конгрессы, бывшіе въ лѣтнее время нѣтъ возможности и поэтому мы останавливаемся только на нѣкоторыхъ, имѣющихъ по преимуществу общественное значеніе. Къ числу такихъ принадлежитъ конечно и международный конгрессъ этического союза, собиравшійся въ Цюрихъ. На этомъ конгрессѣ также можно было встрѣтить представителей различныхъ странъ, сочувствующихъ этическому движенію.

Еще до открытія конгресса были устроены публичныя лекціи по различнымъ социально-этическимъ вопросамъ. Программа этихъ лекцій была довольно обширна и такъ какъ лекціи читались многими знаменитыми профессорами, пріѣхавшими на конгрессъ, то разумѣется въ слушателяхъ недостатка не было и по окончаніи лекцій происходили обыкновенно публичныя пренія. Конечно все это содѣйствовало возбужденію интереса публики къ этическому конгрессу. Это засѣданіе было посвящено докладамъ делегатовъ о состояніи этического движенія въ отдѣльныхъ странахъ. Берлинскій профессоръ Ферстеръ сообщилъ объ этическихъ обществахъ въ Германіи и Австріи, причемъ замѣтилъ, что въ Австріи этическое движеніе пока еще сосредоточивается только въ Вѣнѣ и мало распространяется въ странѣ, но тѣмъ не менѣе оно уже успѣло принести нѣкоторые плоды, напримѣръ, въ дѣлѣ изслѣдованія условій женскаго труда. Говоря вообще о дѣятельности этическихъ обществъ проф. Ферстеръ указалъ на то, что дѣятельность эта принимаетъ различныя формы, смотря по господствующимъ социально-политическимъ условіямъ, въ разныхъ странахъ. Это особенно замѣтно въ Германіи, которая переживаетъ въ настоящее время критическій періодъ и въ которой снова возрождаются нѣкоторые элементы прошлаго, какъ напримѣръ аристократизмъ и милитаризмъ. Въ Америкѣ и въ Англіи этическое движеніе имѣетъ нѣсколько религіозный оттѣнокъ, тогда какъ въ другихъ странахъ въ немъ преобладаютъ гораздо сильнѣе черты альтруизма въ связи съ социальнотуманитарной окраской.

Предсѣдатель швейцарскаго общества этической культуры пасторъ Пфлюгеръ сообщилъ объ этическомъ движеніи въ Швейцаріи. Этическое общество открыто тамъ весьма недавно, всего лишь годъ тому назадъ, но уже насчитываетъ 170 членовъ и имѣетъ свой органъ *Schweiz. Blätter für Wirtschaft und Socialpolitik*. Въ Швейцаріи этическое движеніе встрѣтило весьма сочувственный приемъ, тѣмъ болѣе, что многія цѣли и задачи, преслѣдуемыя этическими обществами, входятъ въ программу и другихъ аналогичныхъ швейцарскихъ союзовъ и нѣкоторые мѣропріятія какъ напримѣръ бесплатное начальное образованіе

и раздача учебных пособій приведены въ исполненіе благодаря усиліямъ членовъ этихъ союзовъ. Швейцарское этическое общество занято въ настоящее время разработкою проекта устройства народнаго университета въ Цюрихѣ, надѣется, что это учрежденіе начнетъ свою дѣятельность въ скоромъ времени, хотя сначала конечно въ видѣ только популярно-научныхъ курсовъ.

Д-ръ Стоутонъ Коупъ изъ Лондона прочелъ докладъ объ этическомъ движеніи въ Англій. По его словамъ, лондонское этическое общество усердно занимается въ настоящее время учрежденіемъ воскресныхъ школъ и поощреніемъ университетскаго движенія. Что касается Америки, то тамъ этическое движеніе, хотя и насчитываетъ уже двадцать лѣтъ существованія, все таки не стремится къ практической дѣятельности и не заботится о достиженіи практическихъ результатовъ, ставя главною цѣлью нравственное усовершенствованіе своихъ членовъ.

Въ Италіи существуютъ два этическихъ общества въ Римѣ и Венеціи, уже зарекомендовавшихъ себя плодотворною дѣятельностью. Венеціанское общество основало народную школу для рабочихъ, бесплатную бібліотеку и юридическое бюро, куда всѣ немущіе граждане могутъ обращаться если они будутъ нуждаться въ юридической защитѣ и въ совѣтахъ и разъясненіяхъ. Клерикальныя вліянія въ значительной степени затрудняютъ ростъ этическаго движенія въ Италіи, но тѣмъ не менѣе движеніе это съ самаго начала обнаружило большую стойкость и жизненность, дающія право надѣяться, что оно счастливо преодолѣетъ всѣ препятствія, мѣшающія его правильному развитію.

На конгрессѣ между прочимъ былъ поднятъ вопросъ объ учрежденіи этической академіи, но послѣ продолжительныхъ преній рѣшено ограничиться для начала устройствомъ въ Цюрихѣ международной семинаріи для преподаванія этики и лѣтомъ будущаго года открыть тамъ рядъ публичныхъ лекцій по вопросамъ морали и исторіи религій. Важнѣйшимъ дѣломъ конгресса однако слѣдуетъ считать выработку программы для руководства всѣмъ этическимъ обществамъ въ разныхъ странахъ. Главные пункты этой программы слѣдующіе. Такъ какъ цѣль этическихъ обществъ должна прежде всего состоять въ содѣйствіи нравственному совершенствованію своихъ членовъ, то они должны стремиться къ достиженію этого посредствомъ единенія и нравственнаго воспитанія юношества, основывающагося на принципахъ этики. Поставляя себѣ задачею содѣйствовать осуществленію большей справедливости и достиженія лучшихъ соціальныхъ условій, этическія общества должны имѣть своею конечною цѣлью соціальный миръ. Этическія общества должны поощрять всѣ попытки научнаго характера, имѣющія цѣлью сгладить противорѣчія, существующія между индивидуализмомъ и соціализмомъ и слить ихъ въ одномъ общемъ, болѣе глубокомъ міровоззрѣніи.

По отношенію къ рабочему вопросу этическія общества должны имѣть въ виду, что немущіе классы населенія терпятъ не одну только

матеріальную нужду, а нуждаются также въ нравственномъ упорядоченіи своего существованія, въ развитіи этической стороны жизни. Такую же нравственную нужду испытываютъ и имущіе классы, такъ какъ совре- менныя условія жизни этихъ классовъ ндутъ зачастую въ разрѣзъ съ самыми основными принципами этики. Этическія общества признаютъ равноправность женщины, а поэтому ставятъ своею цѣлью также раз- витіе ея умственной и нравственной личности, для того чтобы она могла занимать мѣсто рядомъ съ мужчиной во всѣхъ сферахъ жизни. Что касается дѣла просвѣщенія вообще, то этическія общества считаютъ нужнымъ стремиться къ тому, чтобы вернуть единство дѣлу просвѣщенія и на первый планъ выдвинуть общую этическую цѣль воспитанія. Внутренняя борьба съ милитаризмомъ и поддержаніе стремленій къ общему международному миру также должны входить въ программу этическихъ обществъ.

По окончаніи обсужденія всѣхъ стоявшихъ на очереди вопросовъ, конгрессъ принялъ рѣшеніе насчетъ учрежденія въ Цюрихѣ постоянного международного бюро этического союза.

Э. Пименова.

Изъ области знаній

(Научныя бестѣды).

Британская Ассоціація. „Восточный вопрос“ въ Антропологiи.

Въ нынѣшнемъ году по примѣру прежнихъ лѣтъ въ Англіи засѣдала «Британская Ассоціація для развитія знаній». На этотъ разъ Ассоціація выбрала своимъ сборнымъ пунктомъ торговый городъ Ливерпуль. Британская Ассоціація была основана въ 1831 г. Дэвидомъ Брюстеромъ и Родерикомъ Мурчисономъ, и съ того времени каждый годъ какой нибудь значительный городъ Англіи видитъ у себя блестящее собраніе ученыхъ, разныхъ любителей знанія и прочихъ простыхъ смертныхъ, стекающихся туда, гдѣ можно увидѣть и услышать что нибудь новое. А новое всегда бываетъ на этихъ собраніяхъ, потому что лучшіе ученые Англіи выступаютъ въ это время передъ публикой, излагая въ изящной и общедоступной формѣ свои взгляды по общимъ предметамъ. Конечно, какъ и вездѣ, здѣсь происходятъ стычки между различными школами и направленіями, въ которыхъ принимаютъ участіе не одни ученые, но напр. и клерикалы, стремленія которыхъ не всегда уживаются мирно съ новыми открытіями въ области знанія. Трудно опредѣлить точно, какое вліяніе оказали эти научныя сѣзды на развитіе знанія. Несомнѣнно только, что это вліяніе существуетъ и растетъ все болѣе и болѣе, ибо такіе научныя сѣзды привлекаютъ все больше публики и укрѣпляютъ въ глазахъ профановъ, авторитетъ науки. А вѣдь изъ профановъ въ сущности вербуются настоящіе ученые, особенно въ такой странѣ какъ Англія, гдѣ карьера ученаго не заключается въ предварительномъ прохожденіи черезъ Кавдинскія ущелья разныхъ заведеній, выдающихъ дипломы. Воздѣйствіе научныхъ сочиненій и личное вліяніе ученыхъ являются главными факторами появленія новыхъ ученыхъ. Среди дѣловой жизни, направленной на борьбу за существованіе, на добываніе средствъ къ жизни въ условіяхъ комфорта и роскоши, не такъ то легко произвести вліяніе на умъ, пересилить новыми впечатлѣніями привычныя впечатлѣнія обыденной жизни и заставить мысль работать надъ новымъ матеріаломъ. Зато если въ этихъ условіяхъ интересъ успѣлъ пробудиться, то уже никакія усилія

не могут оторвать человека от новой и привлекательной для него области. Въ этомъ случаѣ отсутствие времени и отсутствие необходимыхъ знаній не является серьезнымъ препятствіемъ, потому что интересъ къ предмету есть въ сущности методъ мысли быстро и экономно сдѣлать то, чего какой нибудь присяжный ученый, работающій по привычкѣ или по обязанности, не достигнетъ никогда. Британская Ассоціація является поэтому весьма сильнымъ распространителемъ интереса къ знанію. Кто разъ въ жизни видѣлъ этотъ обширный залъ, биткомъ набитый аристократіей мысли, кто разъ услышалъ рѣчи авторитетовъ науки, раздающіяся среди торжественной тишины и молчанія, тотъ уйдетъ не иначе, какъ пораженный великимъ значеніемъ и силой знанія, приобретающаго въ условіяхъ цивилизованной жизни значеніе самой необходимой и драгоцѣнной руководящей силы.

Между прочимъ въ одной изъ секцій президентъ Артуръ Ивенсъ произнесъ интересную рѣчь, которую онъ озаглавилъ «Восточный вопросъ въ Антропологіи». Восточный вопросъ въ Антропологіи это есть вопросъ о восточномъ происхожденіи нашей расы — кавказской, средиземноморской, арийской, индо-германской — называйте ее, какъ хотите. Гипотезу о происхожденіи нашихъ предковъ съ востока развили первоначально лингвисты. Когда были открыты древніе памятники санскритской и персидской письменности, то лингвисты, пораженные сходствомъ многихъ корней, одинаковымъ строемъ ихъ грамматики и общимъ духомъ ихъ съ нашими языками, построили на этомъ основаніи весьма вѣроятную гипотезу объ общемъ происхожденіи всѣхъ народовъ, населяющихъ Европу и Азію отъ Пиренейскаго полуострова до Бенгальскаго залива. Дѣйствительно, на этомъ пространствѣ тянется то широкая, то суживающаяся полоса земель, населенныхъ народами, обладающими, при сходствѣ физическихъ признаковъ, одинаковою грамматикою. Сравнивая общіе корни, подыскивая сходныя названія для разныхъ наиболѣе употребительныхъ культурныхъ предметовъ и семейно-общественныхъ отношеній, какъ напр. названія домашнихъ животныхъ, земледѣльческихъ орудій, утвари, названія металловъ и названія различныхъ степеней родства, лингвисты попытались опредѣлить, въ какомъ отношеніи стоятъ отдѣльныя вѣтви этихъ народовъ къ общему корню ихъ, т. е., на какой ступени культуры и въ какой послѣдовательности отдѣлялись отъ общаго корня народы, расселившіеся потомъ на этомъ обширномъ пространствѣ. На основаніи такихъ гипотетическихъ заключеній было установлено, что древніе арийцы до раздѣленія представляли пастушескій народъ, въ религіи которыхъ большую роль играло поклоненіе огню или солнцу, что родина ихъ должна была быть какой то горною страной. Преклоняясь предъ древней цивилизаціей Востока, ученые естественно предположили, что родина арийцевъ лежитъ въ Азіи, гдѣ нибудь между Малой Азіей и долиной Ганга.

Къ тому же географія этихъ странъ была въ то время мало извѣстна

и основана болѣе на указаніяхъ древнихъ и восточныхъ писателей. Вотъ почему французскій ученый Пикте, страстный поклонникъ этой гипотезы, находилъ родину арійцевъ въ Бактріи. Пикте доказывалъ свое мнѣніе между прочимъ тѣмъ, что домашнія животныя, имена которыхъ встрѣчаются въ древнихъ языкахъ, родомъ изъ этой мѣстности Азіи. Мнѣніе его поддерживали такіе ученые, какъ Шлейхеръ, Максъ Мюллеръ, между тѣмъ какъ Керзонъ въ своемъ сочиненіи «О первоначальномъ распространеніи санскритскаго языка въ Азіи» принималъ за родину арійцевъ, именно Индію. Но еще въ 1856 г. извѣстный историкъ географъ Кипертъ поколебалъ мнѣніе, будто бы первый фаргардъ Зендавесты, сборника древне-персидскихъ текстовъ, въ которомъ перечисляются шестнадцать странъ, можетъ служить основой для заключеній о ходѣ расселенія древнѣйшихъ индо-германцевъ вообще и иранцевъ, въ особенности. Несмотря на то эта гипотеза считалась общепризнанной истиной, ибо множество другихъ, этнографическихъ, историческихъ и лингвистическихъ данныхъ свидѣтельствовали, казалось, въ пользу ея.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда внезапно въ Англіи было заявлено первое сомнѣніе въ гипотезѣ объ азіатскомъ происхожденіи индо-германцевъ, казавшееся уже исторически достовѣрнымъ фактомъ. Ученый, усомнившійся въ ней, былъ Лэтэмъ; онъ развивалъ въ своемъ сочиненіи «Основанія сравнительной филологіи» мысль, которую, впрочемъ, высказывалъ и прежде: первобытное отечество индогерманцевъ слѣдуетъ искать въ Европѣ. Исходнымъ пунктомъ его соображеній служила мысль, что санскритъ находится въ особенно близкомъ родствѣ съ литовско-славянскими языками, а потому и народъ санскритскаго языка долженъ былъ жить смежно съ славяно-литовцами, такъ что или онъ пришелъ въ Индію изъ Европы, или литовцы, славяне, латиняне, греки и нѣмцы пришли въ Европу изъ Индіи; но легче предположить первое, чѣмъ второе. Но сомнѣнія Лэтэма не нашли много сторонниковъ. Такъ, Кипертъ, одинъ изъ германскихъ авторитетовъ, склонялся къ прежней гипотезѣ, хотя высказанная имъ мысль не исключала возможности иного рѣшенія этого вопроса. Пространство, занятое индо-германцами, говорилъ онъ, образуетъ фигуру, растянутую въ длину несообразно съ шириной, а до распространенія германцевъ и славянъ на сѣверъ несообразность эта была еще больше. Видъ этой фигуры наводитъ на мысль, что переселенія индо-германцевъ шли по линіи длины ея. Движеніе совершалось съ востока на западъ; основаніемъ думать такъ служитъ Киперту «всеобщая аналогія» другихъ переселеній въ томъ числѣ и переселенія, при которомъ отдѣлились другъ отъ друга индусы и иранцы: мѣстность, гдѣ они разъединились, несомнѣнно лежала въ восточномъ концѣ того пространства, которое исторія застаётъ населеннымъ людьми индо-германскаго происхожденія; это долины Инда и Аму-Дарьи. Относительно странствованія другихъ индо-германцевъ Кипертъ полагаетъ, что масса ихъ двигалась по Малой Азіи вдоль Таврскихъ горъ и только на этомъ

полуостровъ раздѣлилась на двѣ половины: одна пошла по южному склону Кавказа, другая шла къ сѣверо-востоку отъ него. Онъ находитъ вѣроятнымъ, что европейскіе индо-германцы долго жили въ Средней Европѣ сплоченной массой, потому что въ древнія времена они гораздо полнѣе занимали средину Европы, даже сѣверо-западную часть ея, чѣмъ южную.

На основаніи изученія языковъ лингвисты составили слѣдующее родословное дерево индо-германцевъ (Фридрихъ Миллеръ): народъ общихъ предковъ, отъ него отдѣлились иллиры, населившіе Балканскій полуостровъ и Италію; затѣмъ стволъ раздѣляется на двѣ части: одну составляютъ вѣтви кельтовъ, италиковъ и грековъ, другую—германцы, славяне, индусы и иранцы.

Въ такомъ приблизительно положеніи находилось дѣло, когда къ нему приступили антропологи и археологи.

• Въ атропологии постепенно накоплялось все болѣе и болѣе матеріаловъ. Пропасть, отдѣлявшая первобытнаго человѣка отъ человѣка, какимъ онъ является на зарѣ исторіи, стала понемногу заполняться. Многочисленные находки въ пещерахъ Южной и Средней Европы наряду съ археологическими изслѣдованіями утвари, оружія, узоровъ на посудѣ, на оружіи, привели наконецъ... какъ вы думаете къ чему? Родину арійцевъ перенесли изъ Азіи... въ Африку. Но не слѣдуетъ думать, что нашими предками являлись негры. Совсе нѣтъ, хотя послѣ распространенія Дарвиновой гипотезы, для насъ нѣтъ ничего позорнаго происходить отъ негровъ. Профессоръ Серги, не удовлетворяясь терминомъ «бѣлая раса», предлагаетъ терминъ «средиземно-морская раса», причисляя къ ней народы, жившіе, да и до сихъ поръ еще живущіе вокругъ Средиземнаго моря. Въ этой расѣ онъ отличаетъ «коричневую» вѣтвь и вѣтвь «брюнетовъ», смуглый цвѣтъ кожи и темный цвѣтъ кожи которыхъ не обнаруживаютъ никакого сродства съ негритянскимъ типомъ. Онъ прослѣживаетъ эту доликоцефалическую расу во всемъ бассейнѣ Средиземнаго моря, отъ Египта, Сириі, Малой Азіи, во всей Южной Европѣ включая Грецію, Италію, Испанію и даже Британскіе острова. Она распространена по всей Сѣверной Африкѣ, и согласно теоріи центромъ ея распространенія является Восточная Африка, именно полуостровъ Сомаль. Но, скажетъ читатель, какимъ образомъ эта раса проникла въ Европу, когда Африка отдѣлена отъ послѣдней широкой полосой Средиземнаго моря. Это правда, но одинъ взглядъ на карту глубинъ Средиземнаго моря показываетъ ясно, что въ прежнія времена существовало соединеніе между этими материками: именно, широкая полоса суши перекидывалась изъ Туниса къ Апеннинскому полуострову, и остатками ея являются теперь такіе острова, какъ Мальта и Сицилія.

Знаменитыя Атласскія горы по своему происхожденію вовсе не принадлежатъ Африкѣ: онѣ составляютъ отдѣльное звено въ той гигантской цѣпи горъ, которая изогнула свои гигантскія полукольца по Европѣ,

Азіи и Австраліи, начинаясь въ Испанской Сьерра-Невадѣ и кончаясь въ Австраійскихъ Альпахъ. Если оба материка были связаны узами тѣснаго сродства, то почему не состоятъ въ такомъ же сродствѣ и народамъ, ихъ населяющимъ? Но даѣе. Антропологи давно уже устанавливали родство между долихокефалическими черепами, находимыми въ сѣверной Европѣ (въ Британіи) и черепами пещеръ Пиренейскаго полуострова. Новыя находки подтвердили это, ибо показали, что скелеты, найденные въ пещерахъ Лигурии, во Франціи (въ Кро-Маньонѣ) принадлежатъ къ тому же типу, какъ найденные въ Италіи, Сициліи, Сардиніи, и не только соотвѣтствуютъ Иберійскому типу (на Пиренейскомъ полуостровѣ), но даже обличаютъ родство съ вымершими гуаичами — племенами, населявшими Канарскіе острова. Такимъ образомъ, на основаніи антропологическихъ и геологическихъ данныхъ является возможность предположить, что эта раса двигалась изъ Африки на сѣверъ черезъ Малую Азію, черезъ Италію и черезъ Испанію, причѣмъ первоначально заняла всю сѣверную часть Африки. Самое замѣчательное это то, что этотъ древній типъ обнаруживается въ Европѣ ранѣе, чѣмъ въ древнемъ Египтѣ. Послѣднее обстоятельство заставляетъ Ивенса думать, что первоначальная родина этого типа не востокъ, а западъ Евразіи, какъ географы называютъ древній материкъ Африки, соединенной съ Европой. Онъ энергично ополчается противъ прежней гипотезы восточнаго происхожденія арійцевъ и, помимо разныхъ доводовъ отрицательнаго характера, приводитъ въ пользу своего мнѣнія многія положительныя данныя: «недавнія изслѣдованія привели къ реакціи. Первобытный аріецъ уже не представляется намъ какимъ-то патріархальнымъ миссіонеромъ среднеазиатской культуры.

Начиная съ Лэтэма и кончая Пенкомъ и Шрадеромъ, рядъ выдающихся ученыхъ приписываетъ ему европейское происхожденіе. Пока еще остается неяснымъ, какимъ образомъ сходный языкъ распространился среди самыхъ разнообразныхъ этническихъ элементовъ; тѣмъ не менѣе болѣе строгое примѣненіе фонетическихъ законовъ и открытіе значительнаго количества заимствованныхъ словъ сузили весьма сильно значеніе арійской культуры и совершенно лишили это лингвистическое семейство его общаго Пантеона» *). Итакъ, вотъ какъ рѣшительно заговорили теперь антропологи. И надо сознаться, что они имѣютъ полное право относиться къ предмету строго, если не въ положительной сторонѣ, то по крайней мѣрѣ въ отрицательной сторонѣ своихъ взглядовъ, т. е. въ разрушительной критикѣ прежней восточной гипотезы. Въ самомъ дѣлѣ, оставляя въ сторонѣ запутанный вопросъ, произошелъ ли человѣкъ отъ одной или нѣсколькихъ паръ, мы не можемъ не признать а priori, что возникновеніе столь различныхъ во всѣхъ отношеніяхъ расъ, какъ напр. бѣлые аріицы, желтые монголы и черные негры, должно было совершаться въ весьма удаленныхъ другъ отъ друга обла-

*) Nature, Oct. I. 529.

стяхъ. Только продолжительное пребываніе въ извѣстной болѣе или менѣе однородной въ физическомъ отношеніи области можетъ образовать сколько нибудь устойчивую въ своихъ физическихъ и духовныхъ чертахъ расу. Раннія и частыя соприкосновенія и смѣшенія должны быть устранены изъ подобнаго предположенія. Спрашивается, какимъ же образомъ арійцы или индо-германцы могли долго жить въ Центральной Азій въ близкомъ сосѣдствѣ съ ураль-алтайцами и монголами, не измѣнивъ значительно своего типа? Остается стало быть допустить, что обѣ расы жили долгое время далеко другъ отъ друга и лишь впоследствии пришли во взаимное соприкосновеніе.

Помимо древности пребыванія средиземно-морской расы въ Европѣ, есть еще разныя обстоятельства, указывающія, что движеніе ея совершалось съ запада на востокъ. Во-первыхъ населеніе Европы почти сплошь представляетъ этотъ типъ, во-вторыхъ населенія ихъ въ Азій образуютъ узкую полосу, которая простирается черезъ Малую Азію (Арменія), Персію и Афганистанъ въ долину Ганга. Съ обѣихъ сторонъ живутъ другіе народы, на сѣверѣ туранцы и монголы, на югѣ семиты, которые хотя относятся къ тому же типу, однако несомнѣнно отдѣлились очень давно.

Каково бы ни было состояніе древне-арійской культуры, во всякомъ случаѣ мы должны признать, что начатки ея теряются во мракѣ каменнаго вѣка Европы. Названія металловъ, общія отдѣльнымъ вѣтвямъ арійцевъ, слишкомъ малочисленны, и нерѣдко параллелизмъ ихъ оказывается заблужденіемъ, и всѣ попытки приписать начало обработки металловъ первобытному арійскому племени свидѣтельствуетъ скорѣе о неспособности понять глубокую древность арійскихъ языковъ и нарѣчій. Намъ извѣстно, что самые древніе памятники ихъ написаны на языкахъ, различающихся другъ отъ друга столь же значительно, какъ различаются языки современныхъ народовъ того же корня. Какая громадная разница между древне-еврейскимъ и египетскимъ языкомъ, и тѣмъ не менѣе народы эти жили въ близкомъ сосѣдствѣ. Не слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что для опредѣленія древности языковъ болѣе годенъ геологическій, чѣмъ историческій способъ счисленія времени?

Въ своемъ разрушеніи прежней гипотезы Ивенсъ идетъ еще далѣе. Онъ не довольствуется тѣмъ, что увелъ древнихъ арійцевъ далеко отъ другихъ народовъ Востока, онъ старается пошатнуть установившееся убѣжденіе о движеніи въ древности культуры съ востока на западъ.

«Финикійцы, говоритъ онъ, въ качествѣ поставщиковъ культуры первобытному населенію Европы должны раздѣлить судьбу иммигрировавшихъ изъ Центральной Азій «арійцевъ». Прошло то время, когда серьезно думали, будто бы финикійскіе купцы высаживались на берегахъ Британіи и строили дольмены на сѣверѣ и западѣ. Болѣе вѣрные взгляды о медленномъ движеніи товаровъ путемъ послѣдовательной мѣны между различными племенами замѣнили собою представленія о непо-

средственной торговлѣ на далекихъ разстояніяхъ. Наука доисторической археологіи со Скандинавской школой во главѣ установила теперь существованіе въ каждой области своихъ собственныхъ центровъ обработки металловъ, и никто теперь не вѣритъ, чтобы бронзовые предметы доставлялись въ Европу финикійцами или этрусками». Въ этомъ послѣднемъ утвержденіи можно впрочемъ сомнѣваться. Мы не будемъ излагать далѣе археологическіе доводы Ивенса. Скажемъ только, что одинъ изъ главныхъ культурныхъ центровъ онъ отыскиваетъ на островахъ Эгейскаго моря (Архипелагъ, Критъ, Кипръ), что импульсъ былъ данъ съ сѣвера, такъ какъ является возможность прослѣдить движеніе извѣстныхъ орнаментовъ изъ Испаніи, черезъ Ирландію (гдѣ существовали довольно богатыя золотыя россыпи), черезъ Германію и долину Дуная до тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ Шлиманъ дѣлалъ свои раскопки, и которыя воспѣты въ поэмѣхъ Гомера. Элементы культуры странствованія по этому пути нашли наконецъ область болѣе благопріятную для своего развитія и здѣсь то, именно, и произвели самый пышный расцвѣтъ ея.

Все это очень любопытно; крайне интересно слѣдить за этими попытками разобратся въ туманѣ прошлаго и возстановить по рѣдкимъ остаткамъ хотя бы въ общихъ чертахъ ходъ развитія человѣческой культуры. Но намъ кажется, что слѣдуетъ отнестись осторожно къ африканскому происхожденію нашихъ предковъ, какъ бы оно ни казалось вѣроятнымъ съ естественно-исторической точки зрѣнія (родина наиболѣе близкихъ къ человѣку существъ дѣйствительно простирается отъ о. Борнео до Гвинейскаго залива). Также осторожно слѣдуетъ принимать путь движенія культуры, указанный Ивенсомъ, тѣмъ болѣе, что самъ Ивенсъ выражается по этому поводу недостаточно ясно.

Вообще въ антропологіи и первобытной культурѣ мы наталкиваемся на такую же картину, какъ и въ геологіи и палеонтологіи. Какъ тамъ, такъ и здѣсь такъ мало остатковъ, что лишь упорное разсмотрѣніе и сопоставленіе, остроумныя комбинаціи и догадки одни только создаютъ болѣе или менѣе полную картину прошлаго, которая грѣшитъ только тѣмъ, что мы не имѣемъ, и вѣроятно никогда не будемъ имѣть полной увѣренности, что все происходило дѣйствительно такъ, какъ мы это себѣ представляемъ. Вся картина послѣдовательнаго развитія антропологическихъ типовъ, душевныхъ чувствованій и формъ общежитія, скрыта отъ насъ. Но какъ въ геологіи изученіе прошлаго мы основываемъ на знаніи настоящаго, такъ и въ антропологіи и первобытной культурѣ изученіе современнаго человѣка дикаря въ его физическихъ и духовныхъ чертахъ должны раскрыть намъ картину прошлаго развитія или рассказать намъ повѣсть о томъ, какимъ образомъ наши первобытные предки, пройдя черезъ рядъ промежуточныхъ формъ, произвели въ концѣ концовъ насъ самихъ. Подобно тому, какъ отдѣльный человѣкъ любитъ собственное дѣтство и въ своихъ ребяческихъ чертахъ ищетъ начатковъ

послѣдующаго развитія, такъ и человѣчество всегда будетъ съ интересомъ изучать свое прошлое, пока не заполнитъ промежутка, отдѣляющаго его отъ остальной природы.

Н. Каспійскій.

Хроника.

1. Народные учителя и учительницы на выставкѣ.—2. Обязанности народнаго учителя.—3. Вознагражденіе учителей.—4. Вопросы народнаго образованія на земскихъ собраніяхъ.—5. Интересныя постановленія.—6. Допущеніе семинаристовъ въ университеты.—7. В. О. Португаловъ †.

Народные учителя и учительницы на выставкѣ.

Какъ извѣстно читателямъ, Всероссийскую выставку въ Нижнемъ-Новгородѣ посѣтило около 6000 народныхъ учителей и учительницъ. Не смотря на свое скромное положеніе и еще болѣе скромный видъ, они положительно явились красою выставочной публики. Ихъ пребываніе внесло истинное оживленіе въ довольно тихую жизнь выставки, они сосредоточили на себѣ общее вниманіе, какъ администраціи, облегчившей имъ пріѣздъ на выставку, такъ и мѣстнаго общества вспомошествованія учащимъ, предоставившаго имъ за минимальную плату возможность провести 7 — 10 дней на выставкѣ. Но особенно заслуживаетъ упоминанія организація для учителей лекцій-бесѣдъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ выдающихся фактовъ минувшей выставки. За все время было прочтано 50 лекцій на самыя разнообразныя темы. Нельзя не отдать справедливости завѣдующему Научно-Учебнымъ Отдѣломъ, Е. П. Ковалевскому *), за его въ высшей степени деликатное отношеніе къ лекторамъ. Темы для лекцій выбирались самими лекторами, имъ предоставлялась полная свобода въ изложеніи, они не были стѣснены никакой предварительной цензурой, имъ не приходилось считаться съ чужими взглядами. Излишне прибавить, что лекторы ни разу не злоупотребили данною имъ свободой. Администрація, въ лицѣ Е. П. Ковалевскаго, лекторы и ихъ аудиторія, — народные учителя и учительницы, — всѣ, несмотря на различіе во взглядахъ на отдѣльные вопросы, были связаны общимъ чувствомъ единенія и одними и тѣми же желаніями блага русскому народу, на помощь кото-

*) Такимъ же достойнымъ подражанія было отношеніе Е. П. Ковалевскаго къ съѣхавшимся учителямъ и учащимся. Они всѣ встрѣчали съ его стороны самое предупредительное отношеніе и заботливость. Въ благодарность за такое вниманіе учителя и учительницы поднесли Е. П. Ковалевскому, покрытый многими подписями, прочувствованный адресъ.

рому всё они призваны принести свои силы. Это былъ главный залогъ успѣха лекцій. И успѣхъ этотъ былъ огромный, можно сказать безъ преувеличенія, необычайный. Кто видѣлъ эту аудиторію, наполненную старыми и молодыми, учителями и учительницами, съѣхавшимися съ разныхъ концовъ Россіи, жадно прислушивающуюся къ словамъ лектора, невольно воодушевлявшася этимъ вниманіемъ, тотъ только понималъ, сколько вѣры въ святость своего многотруднаго дѣла, сколько у этихъ людей готовности и желанія поучиться хоть чему нибудь, чтобы съ большими силами бороться съ тьмой.

Конечно, трудно сказать, что, именно, реальнаго, осязательнаго могли вынести учителя и учительницы, какъ изъ самаго посѣщенія выставки, такъ и изъ бывшихъ на выставкѣ лекцій. Но этотъ вопросъ, впрочемъ, и не столь важенъ, такъ какъ важна не эта—поучительная—сторона лекцій, а нравственная. На этихъ лекціяхъ сходились люди, всю свою жизнь проводящіе въ одиночествѣ, въ глухомъ и далекомъ углу, часто среди неприглядной обстановки, среди полного, въ лучшемъ случаѣ, равнодушія, а то и враждебности окружающихъ. И вотъ народный учитель, этотъ бѣдный труженикъ, голодающій и мерзнущій, чувствующій на себѣ власть всѣхъ начиная съ урядника и писаря, никому невѣдомый и никого не знающій, становится предметомъ заботъ, ему оказываютъ вниманіе, люди съ нимъ дѣлятся своимъ знаніемъ и опытомъ. Все это вмѣстѣ взятое не могло не вызвать необычайный подъемъ духа, не могло не придать много бодрости и нравственныхъ силъ собравшимся народнымъ учителямъ. Кто имѣлъ удовольствіе бесѣдовать съ такой аудиторіей, и счастье сказать кое что ихъ сердцу и уму, тотъ, несомнѣнно, никогда не забудетъ этихъ минутъ. Это была аудиторія не только чуткая, но и благодарная. Для характеристики ея приведемъ отрывокъ изъ имѣющагося у насъ подъ руками письма, полученнаго однимъ лекторомъ: «Искреннее вамъ спасибо за лекцію! Вы доставили учителямъ великое и чистѣйшее изъ всѣхъ удовольствій и вмѣстѣ великую пользу. Вашъ лекція слушалась со слезами на глазахъ. А вѣдь такія слезы чистѣйшее блаженство. И хотѣлось бы еще и еще повторенія такого чувства. Счастливы, кто въ силахъ возбуждать такія чувства въ другихъ; счастливы, пожалуй, и тѣ, кто способенъ проникаться этими чувствами... Намъ пришлось услышать Ваше слово, одухотворенное любовью къ народу и дѣлу просвѣщенія, проникнутое грустью о положеніи народа и сочувствіемъ сельскому учителю. Это такое слово, котораго учителя никогда не слышатъ въ своихъ темныхъ углахъ. Спасибо же вамъ еще и еще разъ за это слово!» При такой трогательной чуткости къ доброму слову, вполне понятна не разъ слышанная нами отъ учителей фраза: Эта недѣля останется для насъ свѣтлымъ воспоминаніемъ на всю жизнь. При воспоминаніи обо всѣхъ этихъ фактахъ, невольно напрашивается вопросъ, почему же у насъ такъ рѣдко представляется возможность людямъ переживать такія чувства? Не говоритъ ли все это ярче всякихъ, не разъ приводившихся

доводовъ, о необходимости устройства у насъ періодическихъ сѣздовъ дѣятелей по народному образованію. Примѣръ Нижегородской выставки, мы увѣрены, всего лучше покажетъ и громадную пользу такого непосредственнаго общенія, и его безусловную возможность.

Обязанности народнаго учителя.

Брянское уѣздное земское собраніе постановило командировать сельскихъ учителей для слушанія лекцій по гигиенѣ и медицинѣ. Сама по себѣ идея такихъ командировокъ,—какъ замѣчаетъ «Орлов. Вѣстн.»,—хороша, но едва-ли окажется плодотворной при практическомъ ея осуществленіи.

Если,—говоритъ газета,—присмотрѣться теперь къ сельскому учителю и къ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляются къ нему, мы увидимъ, что на плечи этого честнаго труженика общество старается свалить цѣлую реформу всей внутренней жизни многомилліонной Россіи; на его обязанности лежитъ, по мнѣнію того-же общества, не только учить, развивать и просвѣщать народъ, но еще сдѣлать жалкій крестьянскій надѣлъ тучной нивой; небольшой грязный деревенскій дворъ превратить въ плодоносный садъ, конопляникъ—въ обильный овощами огородъ, мелкій, захудалый скотъ «тосканской» породы—въ крупныхъ, рослыхъ коровъ и лошадей, бороться съ пьянствомъ и невѣжествомъ и, наконецъ, лѣчить и врачевать недуги. Какъ хотите—для одного человѣка это слишкомъ много; для человѣка-же, который подобно тому-же крестьянину, голодаетъ по нѣскольку дней, терпитъ всевозможныя лишенія и неудобства, для него такой трудъ невозможенъ».

Дѣйствительно, нельзя не согласиться съ газетой, что число обязанностей, возлагаемыхъ на народныхъ учителей все увеличивается, но къ сожалѣнію, безъ соотвѣтственнаго увеличенія ихъ правъ. Мы уже выше упоминали о лекціяхъ, читавшихся учителямъ на Нижегородской выставкѣ. Различными лекторами намѣчались для дѣятельности учителя желательныя, съ ихъ точки зрѣнія, цѣли и задачи; и вотъ такихъ цѣлей и связанныхъ съ ними обязанностей для ихъ достиженія, въ концѣ концовъ, при общемъ подсчетѣ, оказалось не больше, не меньше, какъ 25. Конечно, это совершенно невозможно. Но, по нашему мнѣнію, уже не разъ высказанному нами, вообще не можетъ быть рѣчи о возложеніи на народнаго учителя не только 25, но никакихъ постороннихъ обязанностей. Главная его обязанность—учить и просвѣщать народъ—настолько серьезна, что при надлежащемъ ея отправленіи, не можетъ остаться времени для всякихъ другихъ, хотя бы и самыхъ симпатичныхъ цѣлей.

Вознаграждение учителей.

И вѣдь что всего удивительнѣе, это то, что столь громадныя требованія, о которыхъ мы только что говорили, предъявляются, именно, къ тѣмъ, кому очень мало дано. Всѣмъ извѣстно, каково у насъ вознагражденіе, получаемое народнымъ учителемъ. Безъ преувеличенія оно можетъ быть названо нищенскимъ. Примѣровъ сколько угодно. Вотъ хоть бы самый свѣжій: Орловское уѣздное земство рѣшило открыть въ этомъ году новыхъ 30 школъ и вызываетъ желающихъ занять мѣсто учителя или учительницы. Отъ кандидатовъ требуется свидѣтельство объ окончаніи *средняго* учебнаго заведенія, а вознагражденіе предлагается *20 руб. въ мѣсяцъ безъ квартиры*. И это еще считается порядочнымъ жалованьемъ. Но посудите, какъ можетъ интеллигентный человѣкъ прожить на этикія деньги. Если есть еще какая нибудь возможность пробыть съ такимъ жалованьемъ человѣку одинокому, то семейному уже никакъ нельзя. И выходитъ, что для учителя семья есть роскошь. Но что еще болѣе увеличиваетъ тяжесть положенія нашего сельскаго учителя, при такихъ незавидныхъ матеріальныхъ условіяхъ, это его одиночество. Всю жизнь приходится ему нерѣдко проводить въ глуши, среди чуждыхъ или враждебныхъ людей, не имѣя возможности удовлетворить своей потребности въ общеніи съ равными себѣ, наконецъ, даже въ книгѣ. А учительницѣ, въ виду беспомощности ея, какъ женщины, еще того труднѣе. И что всего досаднѣе, это то, что трудъ учителя оцѣнивается значительно ниже труда всѣхъ деревенскихъ дѣятелей. Не говоря уже о священникахъ, весьма часто пользующихся достаткомъ, волостной старшина или писарь, отъ которыхъ не требуется никакого образовательнаго ценза, получаетъ сплошь и рядомъ вдвое или втрое больше учителя. Такая неравномѣрность представляется большой несправедливостью.

Но, впрочемъ, какъ ни незначительно жалованье сельскаго учителя, онъ счастливъ, когда получаетъ его во время и безъ хлопотъ. Это, къ сожалѣнію, не всегда имѣетъ мѣсто. Вотъ что мы недавно прочли въ «Вятскомъ Краѣ»:

Земскіе служащіе, живущіе въ уѣздѣ, получаютъ свое жалованье по земской почтѣ. Спросите любого изъ народныхъ учителей нашего уѣзда, не приводилось-ли ему ждать жалованья изъ управы по два, по три, а иногда даже и по четыре мѣсяца, и онъ отвѣтитъ вамъ утвердительно. Наши гг. земцы, сами получающіе свое жалованье аккуратно каждый мѣсяцъ, никакъ не хотятъ принять во вниманіе, что не можетъ-же народный учитель питаться однимъ воздухомъ, что, не получая жалованія, ему приходится или перебиваться кое-какъ займами или забираться въ лавкахъ и униженно выслушивать выговоры за продолжительный неплатежъ долга—т. е. терпѣть и нравственно, и матеріально. Нѣкоторымъ изъ учителей ижевскаго двухклассн. училища, содержимаго на счетъ земства, не удалось нынѣ побывать на всероссійской выставкѣ въ Нижнемѣ

Новгородѣ, исключительно благодаря только тому обстоятельству, что жалованье за всѣ лѣтніе три мѣсяца ими получено было уже въ концѣ августа, т. е. какъ разъ передъ началомъ занятій. И весьма бы хотѣлось побывать имъ на выставкѣ, да до выставки-ли тутъ, когда по русской поговоркѣ, перебивались они изъ кулька въ рогожку, а нѣкоторые изъ курящихъ снизошли даже до несчастной махорки!... И представьте: въ нашей уѣздной управѣ, какъ оказалось, даже и не подозрѣвали, что учителя сидятъ безъ жалованія! Когда одинъ учитель вынужденъ былъ, наконецъ, самъ отправиться за получениемъ жалованія въ управу, то въ послѣдней его съ удивленіемъ спросили:

— Какъ, да неужели мы не присылали вамъ жалованья цѣлые три мѣсяца?!

Сарапульскіе учителя при такой заботливости о нихъ земства, могутъ только позавидовать своему собрату въ Орловскомъ уѣздѣ (Орловск. губ.) устроившемуся весьма оригинальнымъ образомъ. Вотъ что сообщаютъ въ «Орл. Вѣстн.» изъ дер. Малой Куликовки:

Самая близкая школа отъ насъ отстоитъ на 5 верстѣ—въ селѣ Куликовкѣ, и посылать туда дѣтей, конечно, неудобно, особенно въ зимнее время. Поэтому крестьяне наши согласились сообща нанять учителя, и уже больше 5 лѣтъ въ деревнѣ занимается съ дѣтьми учитель Иванъ Николаевичъ Случевскій. Не входя въ разсужденіе о томъ, какъ онъ занимается, скажемъ только, что родители учениковъ вполне имъ довольны: по деревнѣ у насъ уже много грамотныхъ и по собственному выраженію крестьянъ, Иванъ Николаевичъ учитъ «очень хорошо». Плату за это ученіе г. Случевскій получаетъ, смотря по числу учениковъ: чѣмъ больше учениковъ, тѣмъ и доходъ его больше. Съ каждаго ученика онъ беретъ 45 коп. въ мѣсяцъ. Учениковъ бываетъ до 30 и 40 человекъ. Содержанье-же, т. е. столъ и квартиру, онъ полностью получаетъ отъ крестьянъ, причемъ живетъ у нихъ по недѣлѣ за каждаго ученика. Если у крестьянина учатся одинъ сынъ, то учитель живетъ въ его хатѣ и на его содержаніи одну недѣлю, если учатся два сына—двѣ недѣли.

Конечно, этотъ учитель, по крайней мѣрѣ, не голодаетъ и не мерзнетъ, но, согласитесь, читатель, положеніе учителя-нахлѣбника тоже не изъ пріятныхъ.

Вопросы народнаго образованія на земскихъ собраніяхъ.

Въ минувшемъ мѣсяцѣ въ различныхъ концахъ земской Россіи на собраніяхъ обсуждались вопросы народнаго образованія. Какъ общую характерную черту, надо отмѣтить несомнѣнное оживленіе въ области народнаго образованія и серьезное вниманіе земцевъ къ этимъ вопросамъ. Наиболѣе выдающееся мѣсто среди всѣхъ постановленій земскихъ собраній по народному образованію занимаютъ два весьма важныхъ вопроса, особенно выдвинувшихся за послѣдніе годы—это всеобщее обученіе и вышкольное

образованіе народа. Многими земствами (херсонскимъ, пермскимъ, воронежскимъ, петербургскимъ и др.) предприняты обширныя работы по выясненію тѣхъ условій, при которыхъ возможно скорѣйшее достиженіе всеобщаго обученія. Для примѣра приводимъ проектъ устройства сѣти начальныхъ училищъ, принятый Балахнинскимъ земскимъ собраніемъ. Мы беремъ этотъ примѣръ на выдержку изъ многихъ имѣющихся подъ руками, какъ принадлежащій одному изъ *среднихъ* земствъ.

При разработкѣ сѣти школьныхъ районовъ приняты за руководство слѣдующія основныя положенія: 1) школьный возрастъ слѣдуетъ считать отъ 8 до 11 лѣтъ—согласно съ тѣми данными, которые обнаруживаются для большинства учащихся; 2) на одного учителя въ каждой проектированной школѣ слѣдуетъ полагать не болѣе 60 учащихся—согласно инструкціи для начальныхъ училищъ нижегородской губерніи, утвержденной губернскимъ училищнымъ совѣтомъ; 3) расстояние каждой проектированной школы отъ окрестныхъ деревень должно быть 2 вер. максимум, если школа будетъ устроена безъ ночлежнаго пріюта и 4 версты максимум, если школа будетъ устроена съ ночлежнымъ пріютомъ. Представляя свой проектъ, коммиссія дѣлаетъ слѣдующія предложенія собранію: 1) согласно постановленій ХХІХ и ХХХ очередныхъ земскихъ собраній, которыми признано необходимымъ и неотложнымъ введеніе въ уѣздѣ всеобщаго обученія, *утвердить* предложенную собранію сѣть училищъ и открыть въ ближайшемъ будущемъ нужное для введенія всеобщаго обученія количество (34) новыхъ училищъ, устроивъ зданія для школъ и перестроивъ нѣкоторыя изъ существующихъ; 2) совершить для этой цѣли заемъ изъ запаснаго капитала въ суммѣ 45,000 руб., который и погасить въ опредѣленный періодъ времени смѣтными назначеніями, внося ежегодно въ смѣту 10-ю часть затраченнаго на это дѣло капитала; 3) *признать*, что сѣть проектируемыхъ училищъ должна быть осуществлена въ 6-ти-лѣтній періодъ времени, начиная съ 1897 г.; 4) въ виду того, что сѣть осуществляется постепенно—открыть школы съ тѣмъ расчетомъ, чтобы онѣ учреждались въ мѣстахъ наиболѣе нуждающихся и тамъ, гдѣ проявляется наибольшее сочувствіе къ народному образованію въ населеніи; для указанія мѣстъ, гдѣ ежегодно по составленному плану должны открываться школы, избрать въ помощь управѣ особую коммиссію изъ гласныхъ и 5) предоставить коммиссіи и управѣ въ мѣстностяхъ, гдѣ общества не будутъ въ состояніи участвовать въ третьей части стоимости школьнаго зданія—для осуществленія предложенной сѣти—принимать постройку зданія всецѣло на земскій счетъ.

Докладъ коммиссіи принятъ собраніемъ.

Для поддержанія въ народѣ грамотности, приобретаемой въ сельской школѣ, земства въ послѣднее время стараются увеличивать число народныхъ библиотекъ и читаленъ, такъ напр., Олонецкое земское собраніе рѣшило открыть тридцать бесплатныхъ библиотекъ, Пудожское десять, Вы-

тегорское пять, Старо-оскольское земское собраніе постановило открыть шесть народных читаленъ.

Много встрѣчается также ассигновокъ со стороны земскихъ собраній на устройство народныхъ чтеній. Не останавливаясь на ихъ перечисленіи, отмѣтимъ лишь постановленіе Клинскаго земскаго собранія о ходатайствѣ предъ правительствомъ о разрѣшеніи устраивать народныя чтенія съ туманными картинами при училищахъ и о предоставленіи врачамъ права путемъ чтеній при школахъ знакомить населеніе съ вопросами школьной гигиены и медицины, вообще.

Последнее имѣло бы весьма большое значеніе, но, къ сожалѣнію, едва ли увѣнчается успѣхомъ, такъ какъ недавно одному земству въ такомъ же ходатайствѣ отказано. А между тѣмъ это было бы очень важно: населеніе страшно нуждается въ такихъ свѣдѣніяхъ. Въ настоящее время, при темнотѣ народа, оказаніе ему врачебной помощи встрѣчаетъ большія препятствія. Въ подтвержденіе приведемъ слѣдующее заявленіе, сдѣланное на послѣднемъ Вольскомъ земскомъ собраніи врачомъ Файномъ.

«Во время своей службѣ въ земствѣ онъ убѣдился, что наибольшей помѣхой въ дѣлѣ лѣченія народа служитъ крайнее невѣжество послѣдняго. По его мнѣнію, до тѣхъ поръ всѣ усилія земской врачебной помощи среди крестьянскаго населенія останутся напрасными, пока народъ поголовно не будетъ наученъ грамотѣ, ибо теперь всѣ усилія врача оказать посильную помощь разбиваются о слѣпую вѣру крестьянъ въ разные наговоры, нашептыванія, колдовство, порчу и т. п. Онъ предлагаетъ земскому собранію открыть въ уѣздѣ сѣтъ хорошихъ земскихъ школъ, особенно въ сѣверной части уѣзда, гдѣ населеніе наиболѣе невѣжественно. Расходы на народное образованіе (даже на всеобщее) будутъ для земства дешевле и плодотворнѣе, чѣмъ расходы по борьбѣ съ разными эпидеміями. Собраніе приняло этотъ докладъ къ свѣдѣнію».

Что должно обозначать это принятіе къ свѣдѣнію, трудно сказать, во всякомъ случаѣ оно общаетъ мало хорошаго. Прискорбно, что канцеляризмъ и стремленіе поскорѣе свалить дѣло съ плечъ долой, встрѣчаются и въ общественныхъ учрежденіяхъ, гдѣ занятіе извѣстнымъ дѣломъ есть гражданскій долгъ, основанный на доброй волѣ и сознаніи важности дѣла, которому служишь. Тутъ, казалось бы, такимъ резолюціямъ, какъ «принять къ свѣдѣнію», когда нужно принять мѣры и самыя энергичныя, совсѣмъ не мѣсто.

Интересныя постановленія.

Но, къ сожалѣнію, на почвѣ общественнаго служенія бываютъ еще и не такіе примѣры. Вяземскому уѣздному земскому собранію было представлено ходатайство мѣстнаго Училищнаго Совѣта объ открытіи при земскихъ школахъ параллельныхъ классовъ и приглашеніи для этой цѣли

помощниковъ учителей, такъ какъ въ большинствѣ школъ наплывъ учащихся очень великъ, доходить до 80—90 человекъ и одному учителю справиться съ такой задачей невозможно.

Собрание постановило: въ виду постановленій собраній прошлыхъ лѣтъ, коими отклонялись подобныя ходатайства, и настоящее отклонить, дабы остаться послѣдовательными.

Поистиннѣ, неподобный мотивъ отказа: пусть учителя надрываются, занимаясь съ 80 учащимися или исключать изъ школъ по 20—30 человекъ:—это не важно, стоитъ ли объ этомъ говорить, когда идетъ рѣчь о соблюденіи послѣдовательности. По всей вѣроятности, въ силу того же принципа, земское собраніе найдетъ возможнымъ увеличить жалованье членамъ управы, потому что сдѣлало это въ прошломъ году, а въ увеличеніи числа учителей откажетъ.

Но это изумительное постановленіе блѣднѣетъ передъ другимъ, сдѣланнымъ въ томъ же собраніи.

Гласный отъ дворянъ А. В. Мироновъ предложилъ просить губернское земское собраніе ходатайствовать передъ правительствомъ о принятіи на счетъ казны расходовъ по народному образованію и организациіи медицинскаго дѣла, мотивируя это ходатайство печальнымъ состояніемъ земской кассы. Предсѣдатель собранія замѣтилъ, что этотъ вопросъ касается совершеннаго упраздненія земства, а потому и ставить его неудобно, но послѣ преній, въ которыхъ большинство гласныхъ оказалось на сторонѣ предложенія А. В. Миронова, собраніе постановило: просить гласнаго А. Миронова разработать свое предложеніе къ будущему очередному земскому собранію и тогда разрѣшить его по существу».

Итакъ, будемъ ждать разработки этого замѣчательнаго предложенія, которое несомнѣнно увѣковѣчитъ многообильную и широкую дѣятельность (при бюджетѣ въ 90 слишкомъ тысячъ на народное образованіе тратится 7 тысячъ) Вяземскаго земства на пользу русскаго просвѣщенія.

Допущеніе семинаристовъ въ университетъ.

По свѣдѣніямъ газеты «Врачъ», въ нынѣшнемъ учебномъ году въ одни только Юрьевскій и Казанскій университеты приняты, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, 65 окончившихъ курсъ семинаристовъ.

Случаи принятія семинаристовъ въ университетъ, прежде имѣвшіе мѣсто только въ Томскѣ, въ этомъ году распространились также, кромѣ подменованныхъ двухъ провинціальныхъ университетовъ, на столичныя: Спб. и Московскій. Особенное значеніе имѣетъ фактъ принятія семинаристовъ, начавшихъ изучать медицину въ Томскомъ университетѣ, на медицинскій факультетъ Московскаго университета, въ виду вообще значительныхъ трудностей, съ коими сопряженъ такой переходъ даже лицъ, имѣющихъ аттестатъ зрѣлости.

Мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ этотъ фактъ по двумъ причинамъ. Уже давно поднимался вопросъ и у насъ, и за границей о томъ, можно ли открыть доступъ въ университеты, и на медицинскій факультетъ въ частности лицъ, не имѣющихъ аттестата зрѣлости. Приводилось много доводовъ въ пользу возможности и даже необходимости такого допущенія, но сила привычки къ существующему порядку была такъ велика, что люди, отъ коихъ зависѣло это допущеніе, не могли на него рѣшиться, ожидая отъ него много бѣдствій. Но, какъ всегда, жизнь и ея требованія берутъ верхъ надъ привычками, и понемногу защитникамъ классицизма пришлось уступить. Слава Богу, началось это и у насъ. Министерство, допустившее въ этомъ году въ университеты Европейской Россіи семинаристовъ, сдѣлало первый шагъ къ признанію возможности прохожденія университетскаго курса лицами, не имѣющими аттестата зрѣлости, служившаго до сихъ поръ ключомъ ко всѣмъ замкамъ. Мы увѣрены, что пройдетъ еще немного времени и, быть можетъ, очень немного, когда поступленіе семинаристовъ въ университеты сдѣлается общимъ правиломъ, пока же оно только возможно съ разрѣшенія, испрашиваемаго на каждый отдѣльный случай. Въ своихъ надеждахъ мы пойдемъ еще далѣе: будемъ думать, что скоро будетъ открыта возможность поступать въ университетъ и оканчивающимъ реальныя училища, если не на всѣ факультеты, то вначалѣ, по крайней мѣрѣ, на физико-математическій. Это было бы не только справедливо, но и послѣдовательно. Но допущеніе семинаристовъ въ университеты имѣетъ еще одно, весьма немаловажное значеніе. По настоящее время въ русскомъ обществѣ и во всемъ складѣ его жизни играетъ большое значеніе принципъ сословности. Незачѣмъ, конечно, распространяться о томъ, насколько нежелательно господство такого принципа съ точки зрѣнія общественности. Съ развитіемъ культуры и цивилизаціи, всѣ личныя привилегіи падаютъ, теряютъ свой смыслъ; чѣмъ народъ стоитъ выше, тѣмъ онъ демократичнѣе, потому что само знаніе, единственно дающее въ настоящее время дѣйствительную силу и могущество, въ своей основѣ демократично, для всѣхъ одинаково. Принципъ равенства и свободы и есть поэтому лучшее условіе для развитія истиннаго знанія. Знаніе, стѣсняемое извѣстными искусственными рамками, не есть истинное, свободное знаніе. Такими рамками, стѣснительными для развитія культуры, являются несомнѣнно сословныя учебныя заведенія. Въ нихъ и самое пріобрѣтеніе знаній происходитъ подъ вліяніемъ невольнѣ свободныхъ взглядовъ, и контингентъ учащихся является слишкомъ однороднымъ, развивающимся часто при отсутствіи взаимодѣйствія всѣхъ теченій человѣческой мысли, стѣсненныхъ подчасъ устарѣлыми традиціями и взглядами. Поэтому превращеніе привилегированныхъ учебныхъ заведеній въ всесословныя представляется намъ необходимымъ шагомъ по пути прогресса. И съ этой точки зрѣнія, для насъ чрезвычайно важной, получаетъ большое значеніе допущеніе семинаристовъ въ университеты. До сихъ поръ въ духовныя семинаріи поступали лица, принадлежащія из-

вѣстной средѣ, и по окончаніи своего ученія, они снова возвращались въ ту же среду, къ той же дѣятельности, какой не рѣдко посвящали свою жизнь ихъ отцы и дѣды. Такая преемственность, такъ сказать, наследственная передача, пожалуй, имѣть кой что за себя и хорошаго, но едва ли не больше дурного и прежде всего потому, что она искусственна и вынуждена. Необходимо дать человѣку просторъ и свободу въ выборѣ, какъ учебнаго заведенія, гдѣ онъ можетъ получить нужныя ему и отвѣчающія его потребностямъ знанія, такъ и въ выборѣ той житейской карьеры, которой онъ съ наибольшимъ успѣхомъ и пользой можетъ посвятить свои силы и знанія. Теперь, когда семинаристы будутъ имѣть возможность выбора между той или иной профессіей, несомнѣнно будутъ въ выигрышѣ, какъ они сами, такъ и русское общество, ибо оно приобрететъ людей, свободно, а слѣдовательно, и по душѣ выбравшихъ себѣ призваніе. Отъ такихъ лицъ мы въ правѣ ожидать большихъ услугъ обществу, чѣмъ до сихъ поръ, когда они обращались къ той или иной дѣятельности, не по собственному желанію, а по необходимости. Вотъ почему мы искренно привѣтствуемъ начинаніе Министерства Народнаго Просвѣщенія.

В. О. Португаловъ †.

20 октября скончался въ г. Самарѣ на 62 году жизни извѣстный писатель-публицистъ Веніаминъ Осиповичъ Португаловъ.

«Покойный родился, какъ сообщаютъ «Новости», въ 1835 году; по окончаніи курса медицинскаго факультета въ кievскомъ университетѣ, онъ посвящалъ себя медико-практической дѣятельности въ полтавской губ., гдѣ оставался до 1863 года, а затѣмъ нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Шадринскѣ, Пермской губ., и въ Чердыни. Здѣсь Португаловъ началъ свою литературную дѣятельность. Первыми статьями покойнаго были—«Шадринскъ и Чердынь» и «Причины болѣзней».

Изъ Чердыни В. О. переѣхалъ въ Красноуфимскъ, гдѣ получилъ должность городского врача; въ то же время онъ продолжалъ свои литературныя занятія, сотрудничая въ «Архивѣ судебной медицины и гигиены» въ «Недѣлѣ» и «Дѣлѣ»; въ послѣднемъ журналѣ была помѣщена большая его статья «Послѣдне слово науки».

Когда были введены земскія учрежденія, онъ былъ приглашенъ земскимъ врачомъ въ Самару, а затѣмъ перешелъ въ Бятку на мѣсто санитарнаго врача. В. О. задавался очень широкими цѣлями и выработалъ рядъ проектовъ къ развитію общественно-санитарной и медико-земской дѣятельности; но окружавшія В. О. условія оказались слишкомъ неблагопріятными для проведенія въ жизнь его полезныхъ начинаній, и ему пришлось удалиться съ земской службы. Поселившись затѣмъ въ Самарѣ въ качествѣ «вольно-практикующаго» врача, покойный приобрѣлъ широкую популярность, благодаря своему без-

корыстию, любви къ людямъ и къ наукѣ, готовности всегда и во всемъ прийти на помощь ближнему.

Литературная дѣятельность покойнаго, продолжавшаяся около 30 лѣтъ, сдѣлала его имя извѣстнымъ всей образованной Россіи. Онъ участвовалъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ, помѣщая статьи по различнымъ общественнымъ вопросамъ и популяризируя научныя данныя. В. О. участвовалъ въ журналахъ «Дѣло», «Русская Мысль», «Русское Богатство», въ газетахъ «Московскій Телеграфъ», «Русскій Курьеръ», «Недѣля», «Новости» и мн. другихъ. Въ настоящемъ году покойнымъ были помѣщены двѣ статьи и въ «Образованіи»: «Школа въ Базелѣ» и «Трехлѣтіе народныхъ чтеній въ Самарѣ» Изъ болѣе или менѣе крупныхъ литературныхъ трудовъ покойнаго можно назвать: «Вопросы общественной гигиены», «Безпредѣльность гигиены» (составляющая введеніе къ книгѣ Реклама), «Гигиена интеллигентнаго человѣка», «Гигиена рудокоповъ», «Санитарныя иллюзіи», «Санитарное значеніе общины», «Санитарныя неурядицы», «Гигиена и педагогика», «Родительское чувство», «Больная душа дитяти», «Жизненные задачи земства» и мн. др.»

Все, что писалъ В. О. Португаловъ, отличалось горячностью и убѣжденностью. Покойный отличался до послѣднихъ дней юношеской отзывчивостью на все доброе; онъ горячо пропагандировалъ необходимость просвѣщенія и былъ особенно яркимъ сторонникомъ принципа трезвости. Этому вопросу покойный посвятилъ много горячихъ статей. В. О. Португаловъ, помимо своей литературной дѣятельности, отдавалъ много силъ общественнымъ дѣламъ. Въ трудные годы голода онъ былъ однимъ изъ первыхъ явившихся на помощь народу, и вообще не было ни одного добраго начинанія, которому со всей пылкостью своей натуры не отдался бы покойный.

Россія несомнѣнно потеряла въ немъ честнаго и отзывчиваго бойца.

Статистика образованія.

Бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія сравнительно съ общимъ итогомъ обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ въ Россіи и за границей.

1. Въ Россіи.

Въ слѣдующей таблицѣ показаны за десятилѣтіе 1884—1893 гг. дѣйствительные расходы, согласно даннымъ «Отчетовъ Государственного Бюро по исполненію Государственной росписи», а за годы 1894 и 1895 расходы по смѣтамъ.

Г О Д Ы.	Общій итогъ обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ.	Общій итогъ расходовъ министерства народнаго просвѣщенія.	% второго расхода относительно перваго.
1.	2.	3.	4.
1884	727.902,675	19.504,840	2,68
1885	806.614,346	20.379,925	2,52
1886	832.391,851	21.202,663	2,54
1887	835.849,860	20.699,025	2,47
1888	840.419,494	21.493,496	2,56
1889	857.481,126	21.954,803	2,56
1890	877.779,550	22.639,810	2,69
1891	875.348,831	22.769,471	2,60
1892	910.684,299	21.745,718	2,39
1893	946.955,017	22.409,954	2,36
1894	981.222,950	22.217,935	2,26
1895	1108.094,938	23.600,125	2,13

Изъ этой таблицы видно, что хотя за послѣднее двѣнадцатилѣтіе, абсолютная цифра расходовъ по министерству народнаго просвѣщенія (столб. 3) и росла, впрочемъ, съ нѣкоторыми незначительными колебаніями, но относительная ихъ цифра съ гораздо большими колебаніями вообще падала, въ особенности во второй половинѣ разсматриваемаго періода. Въ то время какъ ростъ, почти непрерывный (исключеніе представляетъ только 1891 годъ) общаго итога обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ, принимая расходъ за 1884 за 100, выразился къ 1893 году цифрой 130,0, подобный же ростъ расходовъ министерства народнаго просвѣщенія (1884—1893) выразился гораздо меньшей цифрой 114,8, т. е. возрастаніе суммъ, ассигнуемыхъ государствомъ на народное образованіе, отставало отъ возрастанія итога обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ.

Любопытно сравнить эти результаты съ подобными же результатами за предшествующіе періоды, для чего имѣются данные, изданные центральнымъ статистическимъ комитетомъ ¹⁾. Для этого даемъ слѣдующую

Отдѣльные годы и пяти- лѣтніе пе- ріоды. 1.	Итого смѣт- ныхъ расхо- довъ всѣхъ вѣдомствъ. 2.	Итого расхо- довъ мини- стерства на- роднаго про- свѣщенія. 3.	% (3) отно- сительно (2). 4.
1832 . . .	131.391,737	1.369,155	1,04
1832—1836 . . .	712.117,868	8.985,267	1,51
1837—1841 . . .	835.468,576	12.512,416	1,49
1842—1846 . . .	1.014.847,642	13.814,160	1,36
1847—1851 . . .	1.256.063,550	14.031,132	1,12
1852—1856 . . .	1.812.553,605	14.258,499	0,78
1855 . . .	467.469,997	2.833,335	0,61
1856 . . .	468.921,103	2.908,903	0,62
1857—1861 . . .	1.549.614,603	16.159,429	1,04
1861 . . .	345.297,271	3.617,292	1,04
1866 . . .	413.298,012	6.769,002	1,63
1871 . . .	499.734,633	10.810,111	2,32
1876 . . .	573.107,057	15.188,670	2,64
1881 . . .	732.413,150	17.413,556	2,38
1882 . . .	707.661,255	18.148,716	2,56
1883 . . .	721.337,844	18.644,038	2,58

За 23-хъ-лѣтіе 1832—1855 гг. абсолютная цифра расходовъ по министерству народнаго просвѣщенія (столб. 3) хотя и росла, но относительная ихъ цифра (столб. 4), начиная съ перваго же пятилѣтія (1832—1836), непрерывно убывала. Притомъ ростъ расходовъ министерства народнаго просвѣщенія весьма значительно отставалъ отъ роста общаго итога государственныхъ расходовъ. Принимая тотъ и другой расходъ въ началѣ періода за 100 найдемъ, что въ концѣ его, общій государственный расходъ выразился цифрой 355,8, а расходъ министерства народнаго просвѣщенія — цифрой 206,8, т. е. въ то время, когда первый увеличился болѣе, нежели въ 3½ раза, послѣдній только удвоился.

Совсѣмъ иной характеръ, и при томъ несравненно болѣе благоприятный, какъ въ сравненіи съ предшествующимъ 23-хъ-лѣтнимъ періодомъ 1832—1855, такъ и съ послѣдующимъ періодомъ 1882—1895, представляетъ 25-ти-лѣтіе 1856—1881 гг. Ростъ бюджета министерства

¹⁾ Статист. Времен. Росс. Имп. Серія III. Вып. 15. «Статистика государственныхъ финансовъ Россіи 1862—1884 и.» Клауфмана. Спб. 1886 г. таблицу:

народнаго просвѣщенія изъ года въ годъ, въ абсолютныхъ цифрахъ, превосходилъ съ быстротой, которая не встрѣчалась ни до, ни послѣ этого періода. Относительныя цифры (столб. 4) вообще также росли. Возрастаніе суммъ на народное образованіе не отставало, а напротивъ, шло быстрѣе возрастанія итога обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ. Въ то время, какъ измѣненіе послѣдняго выразилось цифрами 100 и 156,2, т. е. увеличилось почти въ $1\frac{1}{2}$ раза, измѣненіе перваго выразилось цифрами 100 и 598,6, т. е. увеличилось почти въ 6 разъ, значить измѣнялось быстрѣе въ сравненіи съ послѣднимъ вчетверо.

Общій выводъ, къ которому приводятъ наши таблицы, состоитъ въ томъ, что за громадный періодъ 63-хъ лѣтъ бюджетъ нашего министерства народнаго просвѣщенія всегда составлялъ самую ничтожную долю общаго итога обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ, никогда не достигавшую даже $\frac{3}{100}$ его. Въ лучшихъ случаяхъ онъ доходилъ, и то не на долго, до $2\frac{1}{2}$ — $2\frac{2}{3}$ сотыхъ всего итога, для того, чтобы опять идти внизъ. Достигнувъ 2,12% въ 1870 году, онъ, послѣ временнаго поднятія съ разными колебаніями въ прошломъ 1895 г. вновь опустился до 2,13%, т. е. почти до той самой цифры, на которой стоялъ четверть вѣка тому назадъ.

II. За границей.

Въ видахъ сравненія съ цифрами предыдущей замѣтки даемъ процентное отношеніе расходовъ министерства народнаго просвѣщенія въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствахъ къ общему итогу ихъ обыкновенныхъ расходовъ, съ показаніемъ эпохи, къ которой относятся эти цифры.

Государства.	Годы.	%
Виртембергъ ¹⁾	1895—96	15,00
Швеція ¹⁾	1895	13,40
Румынія ¹⁾	1895—96	12,47
Саксонія ¹⁾	1895	12,35
Норвегія ¹⁾	1894	11,23
Болгарія	1895	10,41
Великобританія	1895	10,39
Греція ¹⁾	1895	8,37
Баварія ¹⁾	1895	7,77
Сербія ¹⁾	1895	6,54
Данія ¹⁾	1894	6,39
Франція	1895	5,92

¹⁾ Этимъ знакомъ отмѣнены государства, въ которыхъ министерство народнаго просвѣщенія вѣдаетъ и дѣла духовныя.

Пруссія ¹⁾	1896	5,76
Италія	1896	2,58
Россія	1895	2,13
Португалія	1893—94	1,25

Во главѣ списка съ относительно очень высокимъ процентомъ, выше 10%, находимъ такія страны, какъ Румынія и Болгарія, въ которыхъ уровень народнаго образованія сравнительно не высокъ, особенно въ первой. Это показываетъ, что страны эти, можетъ быть, именно, по сознанию своей отсталости въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія особенно напрягаютъ свои усилія, чтобы догнать другія культурныя націи. Съ другой стороны такія высококультурныя страны, какъ Франція и Пруссія стоятъ въ нашей таблицѣ сравнительно низко. По всей вѣроятности, объясненіе этому надо искать въ чрезвычайномъ обремененіи бюджета расходами на поддержаніе такъ называемаго вооруженнаго мира. Мы не имѣемъ подъ руками точныхъ свѣдѣній о томъ, въ какой, именно, суммѣ участвуетъ Пруссія въ общеимперскихъ расходахъ Германіи на содержаніе арміи и флота, но военный бюджетъ всей Германской Имперіи въ 1896 доходитъ до колоссальной цифры 632,2 милліоновъ марокъ и составляетъ 51% всего бюджета Имперіи, простирающагося до 1239,3 милліоновъ марокъ. Въ этомъ расходѣ Пруссія, какъ первенствующая часть Имперіи, безъ сомнѣнія участвуетъ весьма значительной долей. Общій бюджетъ Франціи (считая Алжиръ), для той же эпохи простирается до 3424,0 милліоновъ франковъ, а военный (арміи и флота)—до 908,3 мил. фр., т. е. составляетъ 26,5% первого.

Одинъ изъ членовъ тройственнаго союза Италія, занимающая въ нашей таблицѣ одно изъ послѣднихъ мѣстъ, истощающая свои финансы на непосильныя вооруженія, въ ущербъ внутреннему благосостоянію, вообще, и народному образованію въ частности, расходуетъ на министерство народнаго просвѣщенія приблизительно въ восемьъ разъ меньше, нежели на министерства военное и морское. Общій ея бюджетъ простирается до 1.689,3 франк. а бюджетъ военнаго и морскаго министерствъ до 325,1 милл. фр. и составляетъ, слѣдовательно, 19,2% первого.

Наконецъ, что касается Россіи, которую мы считали интереснымъ, помѣстить въ вышеприведенную таблицу, то для 1893 г. ²⁾ общій итогъ обыкновенныхъ государственныхъ ея расходовъ простирался до 946.955.017

¹⁾ Въ Пруссіи бюджетъ медицинскаго вѣдомства сливается съ бюджетомъ министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Въ нашей таблицѣ бюджетъ медицинскаго вѣдомства исключенъ.

²⁾ 1893 г. взять потому, что это послѣдній годъ, за который имѣется въ нашемъ распоряженіи «Отчетъ Госуд. Контроля по исполненію Госуд. Росписи». Исполненіе же росписи часто не сходится со смѣтными предположеніями и, въ особенности, именно, по военному и морскому министерствамъ.

руб., а итогъ расходовъ на армию и флотъ—до 286.699.219 руб., что составляетъ 30,7% первого итога, т. е. почти $\frac{1}{3}$ его.

Послѣдняя статистика начального образованія во Франціи.

Извѣстный дѣятель по начальному народному образованію во Франціи М. Jost въ издаваемомъ имъ «Annuaire de l'enseignement primaire» за текущій 1896 годъ, приводитъ, на основаніи послѣдней официальной статистики за 1891—92 г. слѣдующія свѣдѣнія о состояніи начального образованія во Франціи (ограничиваемся приведеніемъ лишь главнѣйшихъ цифровыхъ данныхъ).

Населеніе Франціи, по исчисленію 1891 г. было 38.343.192; населеніе Алжира—4.124.732. Населеніе школьнаго возраста отъ 6 лѣтъ включительно до 13-ти исключительно, по тому же исчисленію, во Франціи—2.335.214 мальч. и 2.328.457 дѣвочекъ, всего—4.663.671, т. е. 12,2%. Для Алжира число всѣхъ дѣтей того же возраста 604.438, т. е. 14,6%.

Сверхъ того, дѣтей и подростковъ, не подлежащихъ обязанности посѣщать школу, въ возрастѣ отъ 2-хъ до 6-ти лѣтъ во Франціи 2.709.904, или 7,1% и въ Алжирѣ—417.794, или 10,1%; итого 3.127.698 и отъ 13 до 16 лѣтъ: 2.028.558 (5,3%) во Франціи и 190.601 (4,6%) въ Алжирѣ; итого 2.219.159.

Начальное образованіе во Франціи дается въ школахъ материнскихъ, содержаніе которыхъ обязательно для общинъ, имѣющихъ болѣе 2000 населенія; въ школахъ начальныхъ элементарныхъ; въ дополнительныхъ курсахъ, составляющихъ высшіе классы элементарныхъ школъ, и въ школахъ начальныхъ высшихъ.

Число школъ, учащихся и учащихся показано въ слѣдующей таблицѣ.

Наименованіе школъ.	У ч а щ и х с я.			Л У ч а щ и х ъ.			
	Школъ.	Мальчи-ковъ.	Дѣво-чекъ.	Итого.	Муж-чинъ.	Жен-щинъ.	Итого.
Материнскія школы . . .	5,411	—	—	706,579	—	8,753	—
Начальныя элементарныя . . .	81,218	2.775,438	2.739,188	5.514,626	53,950	46,070	100,020
Начальн. высшія . . .	302	20,461	7,415	27,876	1,538	562	2,100
Дополн. курсы . . .	1,013	9,950	4,018	13,968	—	—	44,554 ¹⁾
Итого, кромѣ материнскихъ . . .	82.533 ¹⁾	2.805,849	2.750,621	5.556,470 ²⁾	—	—	146.674

¹⁾ Въ томъ числѣ школъ публичныхъ 67,262 и частныхъ 15.271.

²⁾ Эта цифра показывается итогъ преподающихъ обоюга пола въ частныхъ школахъ.

³⁾ Это число больше числа дѣтей школьнаго возраста (5.268.109) отъ 6 до 13 л. потому что довольно большое число дѣтей поступаютъ въ школы раньше 6-ти и остаются послѣ 13 лѣтъ.

Общественныя школы помѣщаются въ 62.232 школьныхъ зданіяхъ, изъ которыхъ 52.362 составляютъ собственность коммунъ, а 9870 наемныхъ. Большая часть 67.262 публичныхъ школъ, а именно, около 72% (свыше 48.000 школъ) одноклассныя, т. е. поручаются одному учителю, или одной учительницѣ. Затѣмъ 12.169 школъ имѣютъ два класса, 361—3 кл., 1483—4 кл., 669—5 кл. 51—6 кл., 245—7 кл., 361—8 и болѣе классовъ.

Между 55.487 преподавателями публичныхъ школъ 13.456 имѣли высшій дипломъ (brevet supérieur), 41.889—имѣли дипломъ второго разряда (brevet élémentaire) и 142 преподавали безъ диплома. Между учительницами общественныхъ школъ съ дипломами высшими было 9.748, съ дипломами второго разряда—33.624 и безъ дипломовъ—3.261. Число не дипломированныхъ учащихся съ каждымъ годомъ уменьшается на основаніи закона, установившаго предѣльный возрастъ, по достиженіи котораго не дипломированныя преподавательницы увольняются.

Въ частныхъ школахъ распределеніе учащихся по имѣющимся у нихъ дипломамъ менѣе благоприятно: учителей и учительницъ съ высшимъ дипломомъ было—4.135, съ дипломами второго разряда—32.368 и бездипломныхъ—7.685.

Большинство преподавателей и преподавательницъ общественныхъ школъ получаютъ педагогическую подготовку въ такъ называемыхъ *нормальныхъ школахъ*. Каждый департаментъ, за ничтожными исключеніями, имѣетъ по нормальной школѣ мужской и женской. Въ 1892 г. въ 87 мужскихъ нормальныхъ школахъ состояло 3.878, а въ 85 женскихъ—3.707 учащихся.

Педагогическій персоналъ этихъ учебныхъ заведеній: 87 директоровъ, 85 директрисъ, 93 эконома, 413 профессоровъ мужчинъ, 361—профессоровъ дамъ и 572 преподавателей и преподавательницъ.

Надзоръ за всѣми начальными школами ввѣряется, подъ главнымъ наблюденіемъ министра народнаго просвѣщенія, 6 главнымъ инспекторамъ, 4 главнымъ инспектрисамъ материнскихъ школъ, 90—академическимъ инспекторамъ, по одному на департаментъ, и 455 инспекторамъ начальныхъ школъ.

Вспомогательныя учрежденія, связанныя съ дѣломъ начального народнаго образованія были:

1) *Школьныя бібліотеки*, которыхъ въ 1892 году считалось 39.645 съ 4.858.120 книгами для чтенія учениковъ и семей,

2) *Педагогическія бібліотеки* для учащихся, доставляющія имъ возможность слѣдить за педагогической литературой, состоящая изъ сочиненій, періодическихъ изданій и проч., могущихъ служить для расширенія и углубленія, какъ общаго, такъ и профессиональнаго образованія читателей. Такихъ бібліотекъ въ 1892 г. было 2.861 съ 1.006.421 том. Число книгъ, выданныхъ изъ этихъ бібліотекъ въ теченіи года простиралось до 6.862.330.

3) *Летучая библиотечка педагогического музея*, основанная въ 1882 г. и состоящая при педагогическомъ музеѣ въ Парижѣ. Назначеніе библиотечки—облегчить для учителей и учительницъ приготовленіе къ различнымъ профессиональнымъ экзаменамъ, связаннымъ съ дѣломъ начального образованія. Каталогъ книгъ этой библиотечки (по предметамъ: грамматикѣ, словесности и исторіи литературы, всеобщей исторіи, географіи, ариметикѣ, геометріи, алгебрѣ, физикѣ и химіи, естествознанію, земледѣлію, гигиенѣ, психологіи, морали, гражданскому образованію, воспитанію, методикѣ преподаванія), посылается всѣмъ желающимъ. Посылка книгъ производится бесплатно музеемъ; расходы по обратной доставкѣ книгъ въ музей покрываются читателемъ. Въ 1891 г. за книгами обращалось 1192 лица, которымъ было выслано 4687 посылокъ съ 14.923 томами.

4) *Сберегательныхъ школьныхъ кассъ* было въ 1892 году 19.826 съ 419.896 сберегательными книжками, въ которыхъ было записано на имя дѣтей 12.945.258 франковъ.

5) *Число школьныхъ кассъ* не такъ велико, какъ это было бы желательно: оно простиралось только до 16.121. Доходъ ихъ простирался до 5.163.063 франк., а расходъ до 4.021.276.

Общество взаимной помощи учителей и учительницъ въ 1892 г. считало 46.643 члена и имѣло до 7.112.258 франк.

Въ *тюремныхъ школахъ*, въ 1890 г. заключенные мужчины и женщины, по степени ихъ образованія, распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	Мужч.	Женщ.
Совершенно неграмотныхъ	20%	35%
Грамотныхъ	14%	26%
Умѣющихъ читать и писать	36%	30%

Изъ несовершеннолѣтнихъ заключенныхъ, поступившихъ въ тюрьмы въ 1890 г., 39% мальчиковъ и 53% дѣвочекъ, были совершенно неграмотны. По истеченіи года число неграмотныхъ понизилось до 7%.

Результаты обученія. Въ 1892 г. къ испытаніямъ (необязательнымъ) для полученія свидѣтельства объ успѣшномъ усвоеніи курса начальной элементарной школы, явилось 228.120 кандидатовъ, изъ которыхъ получили искомое свидѣтельство 175.675, т. е. 70%. Къ испытаніямъ (также не обязательнымъ) для полученія свидѣтельства о знаніи курса начальной высшей школы явилось 3.049 учениковъ и получили искомый дипломъ 1.850 лицъ, что составляетъ 60%.

Изъ молодыхъ людей, явившихся въ 1891 году къ отбыванію воинской повинности, умѣвшихъ читать было 93%, безграмотныхъ 7%.

Изъ общаго числа вступившихъ въ бракъ въ 1890 г., умѣвшихъ подписать брачный актъ, между мужчинами оказалось 92%, между женщинами—87%.

Годовой бюджет школъ и стоимость школьныхъ помѣщеній.
 Не входя въ подробности, ограничиваемся приведеніемъ общей суммы расхода на одно только начальное образование въ 1892 г. независимо отъ прочихъ расходовъ министерства народнаго просвѣщенія. Она простиралась до 186.306.077 франковъ, изъ которыхъ 125.962.989 фр. (67%) доставлены государственной казной и 60.343.088 фр. (33%)—общинами. На 1 человѣка населенія Франціи школьнаго расхода приходилось 4,4 франка.

Полный итогъ расходовъ на постройку зданій для начальныхъ школъ въ силу закона 20 іюня 1885 г. до 31 декабря 1893 года, простирался до 170.654.171 фр. въ этомъ расходѣ коммуны участвовали 96.048.843 фр. департаменты—6.499.878 фр. и государство—68.105.450 фр.

На постройку помѣщеній для нормальныхъ школъ съ 1879 до 1893 года употреблено 51.698.602 фр., изъ которыхъ 19.590.033 фр. доставлены государствомъ, 30.458.657 фр. департаментами и 1.649.912—городами. Цифры школъ, учащихся и учащихся въ 1892 во французскихъ колоніяхъ и странахъ, состоящихъ подъ протекторатомъ Франціи, показаны въ слѣдующей таблицѣ:

Названія колоній.	Ч И С Л О.		
	Школъ.	Учащихъ.	Учащихся.
Тунисъ	88	250	12,157
Сенегаль	21	71	2,730
Гвинея	3	5	170
Берегъ слоновой кости	11	14	317
Конго	22	50	1,087
Майотта	1	1	51
Діего-Суарецъ	5	8	261
О-въ Соединенія	141	359	13,034
Индіа	317	533	13,212
Анамъ и Тонкинъ	21	58	1,147
Камбоджа	11	17	551
Кохинхина	761	1,110	27,991
Новая Каледонія	33	83	1,800
Океанійскія колоніи (Таити, Мар- гизскіе остр. и пр.)	75	113	3,258
Ст.-Піеръ и Микелонъ	8	34	873
Гваделупа	114	306	10,708
Мартиника	97	298	10,631
Гвіана	23	75	1,975

А. Страннолюбскій.

Разныя извѣстія и сообщенія.

Публичныя народныя чтенія въ Москвѣ.

Уже болѣе 20 лѣтъ существуетъ въ Москвѣ комиссія по устройству публичныхъ народныхъ чтеній, цѣль которой—распространеніе въ народѣ нѣ-школьныхъ знаній.

Комиссія основана Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ и начала свою дѣятельность очень скромно, открывъ въ 1874 году первую читальню при одной изъ дешевыхъ столовыхъ, взимая входную плату въ 2—3 к. Въ первое время пришлось преодолевать немало трудностей, какъ вслѣдствіе скудости матеріальныхъ средствъ, такъ и въ борьбѣ съ равнодушіемъ самой аудиторіи, для которой предназначались эти чтенія. Непривычные слушатели не могли сразу оцѣнить пользу и значеніе публичныхъ чтеній, ожидая отъ нихъ лишь дешеваго развлеченія съ туманными картинами. Но понемногу обстоятельства сложились болѣе благопріятно: комиссіи удалось приобрести сочувствіе общества, да и сами посѣтители стали иначе относиться къ чтеніямъ. Матеріальныя средства тоже нѣсколько улучшились: стали притекать пожертвованія и субсиди, такъ что оказалось возможнымъ уничтожить и ту незначительную плату, которая взималась раньше. Постепенно расширилась и сфера дѣятельности комиссіи, которая не ограничивается уже одной Москвою, а, войдя въ сношенія съ городскими управами другихъ городовъ, содѣйствовала открытію тамъ подобныхъ же чтеній, предлагая пользованіе своими коллекціями картинъ и другими пособіями. Наконецъ, пользуясь закономъ 1894 года, разрѣшившимъ народныя чтенія въ уѣздныхъ городахъ и селахъ, комиссія предложила свое содѣйствіе также уѣзднымъ управамъ и сельской интеллигенціи.

Въ составѣ комиссіи въ настоящее время насчитывается свыше 500 членовъ. Читальни, устраиваемыя комиссіей, представляютъ собою два типа: читальни общедоступныя, предназначенныя для всѣхъ желающихъ, и мѣстныя, для которыхъ предполагается особый контингентъ слушателей, какъ, напримѣръ, рабочіе, нижніе военные чины, выздоравливающіе больные, арестанты. Всѣхъ читаленъ перваго типа въ Москвѣ девять. Комиссія особенно тщательно занимается подборомъ матеріала для этого рода читаленъ, снабжая ихъ изданіями по исторіи, географіи, естественнымъ наукамъ и литературѣ.

Первая мѣстная читальня была открыта при одной изъ московскихъ фабрикъ. Комиссія дѣлала много попытокъ выхлопотать разрѣшеніе на устройство подобныхъ чтеній и при другихъ фабрикахъ въ Московской губерніи, но хлопоты ея не увѣнчались успѣхомъ. Вслѣдствіи же ей удалось распространить свою дѣятельность и на уѣзды при содѣйствіи

епархіального вѣдомства. Дѣятельность комиссіи по организациі чтеній солдатамъ долгое время ограничивалась только ея инициативой и доставкой необходимыхъ пособій; руководили же чтеніями офицеры. Только въ 1894 году комиссіей была открыта первая официальная читальня при Николаевской Измайловской богадѣльнѣ, гдѣ главный контингентъ слушателей составляли престарѣлые солдаты. Кромѣ чтеній для рабочихъ и солдатъ они устраивались также при больницахъ и тюрьмахъ. Помимо постоянныхъ чтеній, комиссія устраивала и единовременныя во многихъ пунктахъ Москвы.

Что касается матеріала для этихъ чтеній, то нельзя не выразить сожалѣнія по поводу его скудости, непригодности и малосодержательности, констатируемыхъ самой комиссіей. Въ распоряженіи комиссіи имѣется всего 140 брошюръ, передачей содержанія которыхъ она должна ограничиваться, несмотря на ихъ неудовлетворительность. Комиссія дѣлала попытки пополнить этотъ матеріалъ, объявивъ конкурсъ на составленіе подходящихъ для чталенъ сочиненій, но изъ всѣхъ представленныхъ рукописей одобрено было только 3 брошюры.

Въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи стоитъ духовный отдѣлъ комиссіи. Члены этого отдѣла пользуются большою самостоятельностью въ выборѣ темъ для своихъ бесѣдъ; они часто выходятъ за предѣлы богословія, сообщая свѣдѣнія по естественнымъ наукамъ и по исторіи. Кромѣ того въ пособіе этому отдѣлу имѣется довольно обширная библіотека, основанная въ 1886 г., а съ 1894 г. учрежденъ редакціонный комитетъ для изданія печатныхъ выпусковъ религіозно-нравственныхъ бесѣдъ.

За послѣднее шестилѣтіе (съ 1889 по 1895 г.) число посѣщеній во всѣхъ читальняхъ комиссіи превысило $1\frac{1}{2}$ милліона, т. е. среднимъ числомъ въ годъ приходилось болѣе 250,000 посѣщеній. Число бесѣдъ и чтеній за это шестилѣтіе достигло 9,000, колеблясь по отдѣльнымъ годамъ между 1,332 и 1,641; число посѣщеній, возрастая годъ отъ году, достигло въ 1895 году до 296,358.

Матеріальныя средства комиссіи по устройству въ Москвѣ публичныхъ чтеній очень скромны. Правда, ея запасный капиталъ возросъ за 20-лѣтіе съ 8 до 35 тысячъ, но на эти средства предположено выстроить крайне необходимое для комиссіи зданіе подъ аудиторію и складъ различныхъ пособій при чтеніяхъ, т. е. для библіотеки, волшебныхъ фонарей и т. п. Все имущество комиссіи цѣнится немного выше $5\frac{1}{2}$ тысячъ рублей, а годичный доходъ едва достигаетъ $4\frac{1}{2}$ тысячъ. Если еще имѣть въ виду, что этотъ доходъ болѣе чѣмъ на треть получается съ процентовъ на капиталъ, подлежащій израсходованію, то доходъ комиссіи будетъ слагаться лишь изъ субсидій города, земства, сословныхъ управленій, а также отъ частныхъ пожертвованій и членскихъ взносов, дающихъ въ общей сложности менѣе 3,000 руб. въ годъ,—сумма слиш-

комъ скромная для такого серьезнаго дѣла, какъ устройство публичныхъ чтеній въ городѣ съ миллионнымъ населеніемъ. (Рус. Вѣд.).

Планъ сельско-хозяйственнаго образованія.

Къ предстоящей сессіи сельско-хозяйственнаго совѣта департаментъ земледѣлія выработалъ слѣдующій планъ будущаго устройства сельско-хозяйственнаго образованія въ Европейской Россіи: 1) учредить вновь одинъ высшій сельско-хозяйственный институтъ на югѣ; 2) въ главнѣйшихъ хозяйственныхъ районахъ, не имѣющихъ среднихъ сельско-хозяйственныхъ училищъ, открывать таковыя въ порядкѣ извѣстной постепенности; 3) учреждать казенныя низшія сельско-хозяйственныя школы по одной на каждую губернію и содѣйствовать открытію школъ частныхъ подобнаго типа; 4) открыть вновь пять училищъ по садоводству и огородничеству и учредить высшіе курсы по садоводству; 5) устроить особый молочно-хозяйственный институтъ или высшіе курсы для изученія молочнаго хозяйства и приготовленія техникувъ-инструкторовъ и учителей низшихъ молочно-хозяйственныхъ школъ, которыя желательно открывать въ возможно большемъ числѣ въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи; 6) при среднихъ сельско-хозяйственныхъ училищахъ устроить особыя отдѣленія для подготовленія техникувъ-руководителей по пчеловодству. Завѣдываніе сельско-хозяйственнымъ образованіемъ сосредоточивается при министерствѣ земледѣлія, при сотрудничествѣ его мѣстныхъ органовъ, земствъ, сельско-хозяйственныхъ обществъ и другихъ заинтересованныхъ въ этомъ образованіи учреждений.

Разъясненіе сената.

Тамбовская губернская управа, — по словамъ «Харьк. Губ. Вѣд.», — сообщила харьковской разъясненіе сената по вопросу о томъ, имѣютъ-ли право земскія собранія дѣлать постановленія о ходатайствахъ передъ высшимъ правительствомъ объ избавленіи отъ тѣлеснаго наказанія лицъ, окончившихъ курсъ въ народныхъ земскихъ школахъ. По этому поводу правительствующій сенатъ разъяснилъ, что по точному смыслу закона такія ходатайства земства имѣютъ право дѣлать, и ихъ постановленія этого рода должны быть направлены съ отзывами подлежащихъ административныхъ лицъ въ комитетъ министровъ, которому и принадлежитъ право признать ходатайство подлежащимъ удовлетворенію или нѣтъ.

О развлеченіяхъ для учащихся.

Попечительскій совѣтъ московскаго учебнаго округа, подъ предсѣдательствомъ попечителя Боголѣпова, разсуждалъ о совмѣстности съ главной задачей школы, концертовъ, танцевальныхъ вечеровъ и другихъ развлеченій для учащихся, и, находя, что учащиеся слѣдуетъ всесторон-

не готовить къ общественной жизни, развивать въ нихъ изящный вкусъ, хорошія манеры и умѣнье держать себя въ обществѣ, рѣшилъ допустить устройство музыкальныхъ и танцевальныхъ вечеровъ въ учебныхъ заведеніяхъ въ присутствіи родителей и родственниковъ учащихся. Въ концертахъ, устраиваемыхъ обществами вспомошествованія бѣднымъ ученикамъ, позволять учащимся участвовать въ хорѣ или оркестрѣ, но не солистами (?). Устройство спектаклей въ учебныхъ заведеніяхъ, хотя они могутъ служить средствомъ къ возбужденію въ учащихся любви къ литературѣ, *но въ виду отсутствія положительныхъ типовъ въ большей части драматическихъ произведеній*, попечительскій совѣтъ не нашель возможнымъ допустить, *въ качествѣ заурядныхъ явленій, въ учебныхъ заведеніяхъ спектаклей*, а счелъ лишь возможнымъ въ рѣдкихъ случаяхъ допускать представленіе отдѣльныхъ сценъ. Правила выработанныя попечительскимъ совѣтомъ, объявлены начальникамъ учебныхъ заведеній къ руководству съ текущаго учебнаго года.

Бесплатная бібліотека.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ на Петербургской сторонѣ въ помѣщеніи столовой С. П. ф.-Дервиза (Б. Ружейная, 8) открылась первая бесплатная бібліотека общества «Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ». Вслѣдствіе незначительности средствъ общества, бібліотека состоитъ всего лишь изъ 400 томовъ. Незначительный размѣръ ея не удовлетворяетъ широкому спросу на чтеніе, и посѣтителямъ, число которыхъ, съ каждымъ днемъ увеличиваясь, достигло въ настоящее время 645 человекъ, приходится поневолѣ отказывать въ интересующихъ ихъ книгахъ. Такія мѣры, какъ прекращеніе приѣма дѣтей, становятся уже недостаточными и скоро заведующіе бібліотекою вынуждены будутъ распространить эту мѣру на всѣхъ, безъ исключенія, вновь приходящихъ. Не имѣя возможности расширить дѣло собственными средствами, чтобы удовлетворить такимъ путемъ насущную потребность Петербургской стороны, а также открывая вторую бесплатную бібліотеку за Нарвской заставой, правленіе общества обращается ко всѣмъ, кому дорого дѣло народнаго просвѣщенія, съ просьбою придти къ нему на помощь, жертвуя деньгами или книгами.

Пожертванія принимаются: предсѣдателемъ правленія проф. П. Ф. Лесгафтомъ, (Фонтанка 18, кв. 18), товарищемъ предсѣдателя пр. пов. Е. И. Кедринимъ (М. Итальянская д. 15), членами правленія: д-ръ С. В. Посадскимъ (Рузовская ул. д. 15), д-ръ В. И. Яковлевимъ (Измайловск. пл. 4 рота д. 5, кв. 24) и попечителями бібліотекъ: д. ст. сов. А. Г. Неболсинымъ (Литейный пр. д. 46); и д-ромъ К. С. Лозинскимъ (Ст. Петергофскій пр. 4); книги же можно опускать въ ящики общества; у зданія публичной бібліотеки, думы, института путей сообщенія, университета, окружнаго суда и въ Николаевскомъ вокзалѣ.

ВЫШЛА СЕНТЯБРЬСКАЯ КНИЖКА ЗА 1896 ГОДЪ
ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **ОРИГИНАЛЬНЫЯ и ПЕРЕВОДНЫЯ СТАТІИ:** О школьных программахъ по обществознанію. С. П.—Ошибки воспитанія. М. К. Николаевой.—Страница изъ культурной исторіи современной Франціи. А. Симоновичъ.—Чему учать въ начальныхъ народныхъ училищахъ? В. Петрова.—Опросъ родителей, какъ одно изъ средствъ индивидуализаціи воспитанія. Θ. Эрнъ.—Двѣ школы (изъ воспоминаній бывшаго ученика). Изъ записокъ гимназиста.—Лѣтнія школьныя санаторіи въ Россіи. Н. Арепьева.—II **КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ.** Наши педагогическіе журналы въ 1896 г.: „Образованіе“, „Всходы“.—Наслѣдственность и попытки ея объясненія. В. Шимкевича.—Критическіе комментаріи къ сочиненіямъ Островскаго. В. Зелинскаго. Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого. В. Зелинскаго.—Объ обязанностяхъ учителя начального народнаго училища. А. Гарновскаго.—Большой ребенокъ. М. М. Волковой.—Что читать дѣтямъ дошкольнаго возраста и друг.—III. **РЕФЕРАТЫ и МЕЛКІЯ СООБЩЕНІЯ.** Проектъ „Постоянной комиссіи по распространенію на Уралѣ естественно-научныхъ знаній“.—Публичныя лекціи по естествознанію въ Одессѣ.—Программа бесѣдъ по паглядному обученію въ Германіи. А. С.—Къ гигиенѣ спорта, въ особенности велосипеднаго. В. П.—Лѣтнія колоніи для дѣтей, учащихся въ петербургскихъ думскихъ училищахъ.—Степень влажности бласнаго воздуха и друг.—IV **ХРОНИКА.** Школа, литература и жизнь: народныя чтенія; народныя бібліотеки-читальни: правила 15 мая 1890 г. и „каталогъ книгъ для бесплатныхъ народныхъ читальнь“ 1896 г. и проч.—„Воспитаніе и обученіе“ на берлинской промышленной выставкѣ.—Конгрессъ народныхъ учителей въ Гамбургѣ.—Рѣчи, произнесенныя на конгрессѣ народныхъ учителей въ Гамбургѣ: „Значеніе Іоганна Генриха Песталоцци для воспитательныхъ задачъ нашего времени“, рѣчь Марауна; „Объ измѣненіи учебныхъ плановъ народныхъ школъ“, рѣчь учителя Тевса; Участіе учителей въ школьномъ управленіи“, рѣчь учителя Риса.—V. **ОБЪЯВЛЕНІЯ.**

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Прос. для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Подписка на 1896 годъ продолжается

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р., полгода 3 р.; съ пересылкой за границу въ годъ 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей плата съ годичной подписной цѣны уменьшается на 1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. Михайлова) и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногороднихъ просить обращаться прямо въ редакцію журнала.

За редактора д-ръ Н. Ф. Михайлова.

За издателя наслѣдники Е. А. Покровскаго.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ четвертая (СЕНТЯБРЬ—ОКТАБРЬ) КНИГА
ЖУРНАЛА.

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ“

издаваемого Московскимъ Психологическимъ Обществомъ

СОДЕРЖАНИЕ: Н. А. Иванцовъ. Задачи искусства.—Н. А. Умовъ. Значеніе Декарта въ исторіи физическихъ наукъ.—Л. Е. Оболенскій. Самосознаніе классовъ въ общественномъ прогрессѣ.—Кн. С. Н. Трубецкой. Основанія идеализма.—Вл. С. Соловьевъ. Нравственная организація чело-вѣчества.—Л. М. Лопатинъ. Декартъ, какъ основатель новаго философскаго и научнаго міросозерцанія.—В. А. Гольцевъ. По поводу статьи г. Оболенскаго.—С. А. Сухановъ. Ученіе о нейронахъ въ приложеніи къ объясненію нѣкоторыхъ психическихъ явленій (съ рисунками)—А. К. Дживелеговъ. Вико и его система философіи исторіи.—В. П. Сербскій. Четвертый международный конгрессъ криминальной антропологии въ Женевѣ.—Критика и библиографія: 1) Новый философскій журналъ. Александра Ив. Введенскаго; 2) Обзоръ книгъ; 3) Обзоръ журналовъ; 4) Новости иностранной философской литературы. Извѣстія и замѣтки. Психологическое Общество.—А. А. Токарскій. Записки психологической лабораторіи Психіатрической клиники Императорскаго Московскаго Университета.

Открыта подписка на 1897 годъ.

Условія подписки: на годъ (съ 1-го января 1897 по 1 января 1898 г.) безъ доставки—6 руб., съ доставкой въ Москвѣ—6 руб. 50 коп. съ пересылкой въ другіе города—7 руб., за границу—8 руб.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются свідкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ принимается только въ конторѣ журнала:

МОСКВА. Б. Никитская, уг. Леонтьевскаго пер., д. 2—24. Тамъ-же продается новое изданіе Московскаго Психологическаго Общества: Купо Фишеръ „Артуръ Шопенгауэръ“. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. П. Преображенскаго. Цѣна 3 руб.

Предсѣдатель Общества
Н. Я. Гротъ.

Редакторы: Л. М. Лопатинъ.
В. П. Преображенскій.

ИЗДАНІЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРН. ЖУРН. «ПРИРОДА И ЛЮДИ».

„Полезная бібліотека“

Первые обитатели Москвы.—разсказъ изъ временъ сѣдой старины. В. Битнера. 184 стр. (съ 18 рис.).—Въ странѣ черныхъ христіанъ. (Очерки Абиссиніи). Ф. Волгина. 128 стр. (съ 15 рис.).—Древніе и новѣйшіе колоссы. (Исторія и описаніе замѣчательныхъ статуй, начиная съ древнѣйшихъ временъ). Е. Лебазейль. Перев. съ франц. Г. 224 стр. (съ 33 рис.).—Чудеса полярнаго міра. (Исторія путешествій.—Природа.—Жизнь и нравы обитателей). Е. Лебазейль. Перев. Е. Костео. 168 стр. (съ 35 рис.).—Южный полюсъ. (Исторія и описаніе антарктическихъ путешествій). В. Фонвизля.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

150 стр. (съ рисунокъ).—**Вокругъ свѣта на велосипедѣ.** Т. Стивенса. Часть I. Отъ Сантъ-Франциско до Тегерана. 184 стр.—**Вокругъ свѣта на велосипедѣ.** Т. Стивенса. Часть II. Отъ Тегерана до Юкагамы. 172 стр. Письма изъ Африки. Генриха Сенкевича. Перевелъ М. Круковский. 271 стр. (съ 26 рис.).—**Джонъ-Булль и его колонія.** (Очерки изъ путешествій по колоніямъ Англіи). Макса О'Релля, переводъ съ англійск. Л. Богдановичъ. 148 стр.—**Астрономъ-любитель.** Руководство къ ознакомленію съ небесными явленіями и ихъ наблюденіямъ. Сост. дѣйств. чл. Русск. Астрон. Общ. Е. Предтеченскій. 200 стр. (25 рис. и черт.).—**Астрономія въ вопросахъ и отвѣтахъ.**—Г. Парвиди. Перев. подъ ред. проф. С. Глазенапа. 104 стр. (съ 20 рис.).—**Микроскопъ и телескопъ.** Зюршэръ и Марголле. Перев. и дополн. И. Святскій. 140 стр. (съ 42 рис.).—**Начало и конецъ міра.** Ш. Ришара. Перев. и дополн. Н. Святскій. 184 стр.—**Міры дѣйствительные и воображаемые.** Соч. Камилла Фламмаріона. Перевелъ Ив. Святскій. 192 стр.—**Жизнь земли.** Очерки популярной геологии. Профессора Ф. Пуше. Перев. и доп. Н. Ляминъ. 164 стр. (съ 30 рис.). **Жизнь въ морѣ.** К. Келлера. Переводъ Вл. Шацкаго, подъ ред. проф. А. М. Никольскаго. Часть I.—208 стр. (съ рис.). **Жизнь въ морѣ.** К. Келлера. Ч. II. (Окончаніе) 184 стр. (съ рис.).—**Драгоценные камни.** Составилъ Ив. Святскій. 184 стр. (съ 38 рис.).—**Научныя развлечения.** Собр. простыхъ физич. опытовъ) д-ра В. Буринскаго. 128 стр. (съ 104 рисунокъ).—**Исторія чудеснаго въ новѣйшее время.** Л. Фитге. Перев. съ 3-го французск. изданія, М. Гогундова. Часть I. Кудесничества Калиостро.—магнетизеры-мистики.—Электро-биологія.—Стучащіе духи. 224 стр.—**Исторія чудеснаго въ новѣйшее время.** Л. Фитге. Часть II. Электрическіе люди.—Отзвучивыя ултки.—Вертящіеся столы и медіумы. 130 стр.—**Подъ водою.** Исторія водолазнаго дѣла и подводнаго плаванія. Л. Фитге. Переводъ подъ редакціею и съ дополненіями Гр. Ф—та. 120 стр. (съ 22 рисунокъ).—**Пять вѣтшихъ чувствъ.**—Л. Фитге. Обработалъ и дополнилъ Д-ръ Ю. Малисъ. 152 стр. (съ 20-ю рис.).—**Чудеса гипнотизма.** Исторія и современное положеніе вопроса о гипнотизмѣ.—Очерки В. Битнера. 266 стр. (съ 6 рис.).—**Первая помощь при несчастіяхъ съ людьми.** Общедоступное руково. для подачи помощи до прибытія врача. Сост. по проф: Эсмарху, Мозетигъ-Мооргофу и др.—д-ръ мед. С. Г. 188 стр. (съ 45 рис.).—**Домашняя лабораторія.** (Руководство къ ознакомленію съ основами химіи). Ф. Федо. Перевелъ и дополнилъ Н. Ляминъ. 160 стр. (съ 37-ю рисунками).—**Самоучитель фотографіи.**—Теорія и практика фотографическаго искусства. Ф. Диллэ. Перев. подъ ред. В. Буринскаго. 244 стр. (съ 35 рис.).—**Гальванопластика.** Общедоступное практ. руководство для любителей. С. Глаголева. 64 стр. (съ 7 рис.). 2-е изд.—**Электричество въ домашнемъ быту.** Руково. для любит. электротехн. Сост. Н. Н. Довиковскій. 194 стр. (117 рис.).—**Чудеса растительнаго міра.** Составилъ Ѡ. Медвѣдевъ. 148 стр. (30 рис.).—**Комнатное цвѣтоводство.** Сост. Ѡ. Медвѣдевъ. 144 стр. (съ 56 рис.).—**Рыболовъ-любитель.** (Жизнь, ловля и разведеніе прѣсноводныхъ рыбъ). Общедоступное практическое руководство. Ѡ. Пескова. 180 стр. (69 рис.).—**Пѣвчія птицы.** (Ловля, содержаніе въ неволѣ, нравы и образъ жизни пѣвч. птицъ). Сост. Ив. Святскій. 238 стр. (съ 22 рис.).—**Спортъ во всѣ времена года.** Составилъ Гр. Ф—тъ. 200 стр. (съ 60 рис.).—**Домашній обиходъ.** (Сборникъ совѣтовъ и рецептовъ по всѣмъ отраслямъ домашняго хозяйства).—Составилъ Ф. Г. 184+XIX стр.

Цѣна каждой книги 50 коп.

Гг. иногородніе, выписывающіе изъ книжнаго склада П. П. Сойкина, Спб., Стрелнинная, 12, за пересылку не платятъ.

Редакторъ-издатель Александръ Острогорскій,
Редакторъ В. Сиповскій.

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

V 12 1998

AUG 18 1990 1

AUTO DISC JUL 19 1990

OCT 04 2003

MAR 02 1996
RECEIVED

FEB 28 1996

CIRCULATION DEPT.

YC 23069

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C008938342

